

ТАТЬЯНА БЕССОННАЯ

ВОЛКИ

Наш мир, наше время, Питер. Хоть Аня Вавилова и оборотень, она ещё ни разу не перекидывалась. Девушка живёт обычной жизнью среди обычных людей. Учится, ссорится, мирится. Влюбляется. О другом мире, мире оборотней, она не знает практически ничего — что-либо рассказывать родители отказываются наотрез. Почему? "Для твоего же блага", — каждый раз отвечает Ане отец. Да, ей и впрямь лучше держаться подальше от... всего этого. Но увы. Сначала нападение безумного оборотня, потом странное знакомство с бывшим другом отца. В итоге... свадьба?

ПРОЛОГ

— Давай начистоту. Это ты сделал?

Игорь усмехнулся.

— Михаил Вавилов хочет говорить прямо? Принесите календарь, этот день нужно отметить. — Закурил. — Не думал, что влияние Кали будет таким сильным. Любовь зла и всё такое?

Сидя за столиком в одном из рассыпанных по центру города кафе, они ничем не отличались от остальных посетителей. Просто двое мужчин, уже не молодых, но ещё не пожилых. Один чуть старше, с лёгкой проседью в тёмно-русых волосах. Взгляд серых глаз спокоен, но мрачен, пальцы то и дело касаются золотого обручального кольца. Другой — жгучий брюнет. Сидит развалившись, много курит, то и дело поглядывая на проходящих за окном девушек.

— Мне не до шуток, Игорь. Гибель Волкова — твоих рук дело?

— Какого именно? Их в последнее времядохнет, как мух.

— Последнего. Леонида Волкова. Который разбился на самолёте.

— Ты сам ответил на свой вопрос, — пожал плечами Белозерский, выдыхая дым. На губах по-прежнему блуждала усмешка, но взгляд карих глаз оставался пристально-неподвижным. — Авиакатастрофа. Трагическая случайность. Фатум.

Руки Михаила сжались в кулаки.

— Юлишь.

Его собеседник лишь хмыкнул.

— Ты знаешь, будь моя воля — вся их семейка уже была бы закопана. Может, кто-то хочет сделать мне подарок?

— Игорь!

— Да ни причём я. Ни причём. — В голосе Белозерского появилось раздражение. — Кстати, а почему ты спрашиваешь? Решил снова окунуться в нашу грязную лужу?

— Нет уж. Мне хватило.

— Значит, моё предложение ты тоже...

— Да. На такой риск я пойти не могу. Настя — тем более.

— Ну, с ней-то всё понятно, — криво усмехнулся Игорь, пристально глядя на друга. — Кали быстрее загрызёт саму себя, чем согласится со мной. А ты? Вроде, на отсутствие мозгов никогда не жаловался. Скорее, на их избыток.

— Я забочусь о безопасности своей семьи, — отрезал тот. — Ты же предлагаешь подставить мою дочь под удар.

— А у тебя какие варианты? Защищать её в одиночку?

Откинувшись на стуле, Михаил принялся тереть виски. Молчал.

— Сам знаешь, это ещё опаснее, — тем временем продолжил Белозерский, уже настойчивей. — Со мной твоей девочке нечего бояться. Да и вам с Кали...

— Тебе нужно моё место в Собрании, — перебил его Михаил. Взгляд серых глаз был как никогда тяжёлым и мрачным. — Так?

Десятисекундное молчание. Очередная струя дыма.

— Да, — наконец ответил Игорь. Уже без намёка на усмешку, очень серьёзно, почти мрачно. — Кто-то же должен решать проблемы. Ты пачкаться не захотел — а мне не

впервой.

— Я хотел, чтобы меня оставили в покое. Меня, мою жену и мою дочь.

— Тогда соглашайся. Отдашь своё место мне — тебя никто никогда не побеспокоит.

Просто не будет смысла.

Михаил тяжело вздохнул.

— Я... подумаю.

— Подумай. — Игорь бросил окурок в пепельницу. Поднялся. — Только не так, как обычно. Не затягивай. Сейчас время действовать, а не размышлять.

Ушёл.

Телефонный звонок раздался через три дня.

Вообще, я не слишком люблю осень, особенно питерскую. Не из-за начала учебного года — в конце концов, класс у нас вполне себе дружный, да и учителя хорошие. За лето, бывает, даже соскучиться успеешь. Нет, всё дело в погоде. Если сентябрь ещё ничего, терпимо, то через несколько недель дожди напрочь вымывают из города все краски, превращая его в натуральное болото, серое и унылое. Все желания впадают в спячку, чувствуешь себя какой-то сонной лягушкой, увязшей в вате. Хочется разве что сидеть дома в обнимку с горячим чайником и таскать из буфета шоколадки. Ну и занавески задёрнуть и не раскрывать до весны — чтобы не видеть эту мерзопакостную серость. Фу. А вернее — ква.

Но в этом году всё было по-другому. Сентябрь и даже октябрь выдались хоть и не слишком тёплыми, но зато сухими и, что самое главное, солнечными. Это просто потрясающе! Наверно, именно такая осень вдохновляла Фета, Некрасова, Тютчева и других "певцов природы". Даже в большом городе она негромкая, задумчивая, с едва заметными нотками меланхолии, но без этой ноющей, высасывающей все силы тоски и сонливости. Воздух хоть и влажный, но бодрящий, насквозь пропитан запахом дождя и палой листвы. Солнце вечерне-низкое, неяркое, но, в отличие от лета, не ленивое, а скорее загадочное. В его лучах всё вокруг как бы подёрнуто лёгкой-лёгкой дымкой, и даже в привычных вещах вдруг появляется что-то новое, какое-то волшебное очарование, флёр, какая-то тайна.

Именно благодаря такой осени, вот уже два месяца у меня по утрам хорошее настроение. Особенно ценно это сейчас, когда начались каникулы. Не сказать, чтобы энергия постоянно была ключом, и я весь день ношусь, как угорелая — до такой степени вытравить из меня лень не под силу даже волшебству. Но зато хоть было желание не только тупо валяться на диване, пялиться в экран ноутбука и хлестать чай, а ещё и что-то сделать, куда-то сходить.

— Хочу юбку, — заявила я, когда мы с мамой зашли в торговый центр.

Она вдруг резко остановилась и начала озираться.

— Аня? Господи, где моя Аня? — Потом посмотрела на меня. — Девушка, у меня тут дочь пропала, вы её не видели? Ей шестнадцать, светленькая такая, с длинной косой. Нет, не попадалась?

И это — взрослая женщина, человек (ну, почти человек...), называющий себя моей матерью! Которая ещё и возмущается, когда папа говорит, что он — отец-одиночка, и что дочерей у него не одна, а две. Кошмар.

— Девушка, хватит говорить глупости, — парировала я папиным тоном. — Какая дочь, какие шестнадцать? Вы сами-то давно паспорт получили?

Засмеялась.

— Ладно, ладно, взрослая. Чего это вдруг? Тебя ж обычно из штанов не вынуть, а тут сама юбку просишь.

Я фыркнула. Оглядевшись, бодрым шагом направилась к ближайшему отделу с женской одеждой.

— Вот хочет мне перемен в жизни. Заставку на телефоне поменяла, теперь пришло время гардероба. Что, нельзя?

— Да можно. Просто уже холодать начинает. И вообще, ты носить-то будешь? А то купим, и будет она висеть в шкафу.

— Ой, вот только не надо. Я тебя знаю, ты себе заберёшь.

На это мама лишь виновато пожала плечами. Ещё бы! Да за ней глаз да глаз нужен! Всякие мои кофты-блузки-свитера она не носит, ибо в груди жмёт, а вот джинсы и шорты — только так! А всё почему? Потому что у неё непропорциональная фигура с нестандартными размерами, которые не в каждом магазине найдёшь? Или она в принципе слишком толстая? Или очень худая? Ах если бы! Фигура у мамы — просто блеск, древнегреческие статуи бы позеленели от зависти. Она обалденно смотрится хоть в джинсах и кроссовках, хоть в вечернем платье и на высоких каблуках.

Но при всём при этом, несмотря на то, что эта женщина может позволить себе носить всё, что захочет, она таскает из моего шкафа мои джинсы, а новые кофты покупает только тогда, когда старые или расползутся по ниточкам или станут такими страшными, что не сгодятся даже на половую тряпку. Маме просто-напросто лень. Ходить, выбирать, мерить. Тратить время. В этом мы с ней полностью солидарны — я тоже не шибко люблю ходить по магазинам. Во всяком случае, за одеждой.

Увы, если себе она иногда покупает первую попавшуюся вещь в первом попавшемся магазине, то со мной носится как с писаной торбой. "Нет, абы что мы покупать не будем", "Померяй вот эти. Да, зауженные. Ну и что? У тебя хорошие ноги. Меряй, кому говорю!", "Смотри, вон та блузка сшита прям на тебя. А какой цвет! К глазам, да и с волосами будет хорошо смотреться. Давай, вдруг понравится"... И так далее, и тому подобное. А заканчивается всё одинаково: "Тебе точно нравится? Можно ещё куда-нибудь съездить", "Ладно, ладно, покупаем. Не ной".

— Ну, моё мнение ты знаешь, — сказала мама, когда я, выйдя из примерочной, встала перед зеркалом. — Я в твои годы всё бы отдала за такие ноги.

— Угу-угу.

Зато я сейчас бы всё отдала за её ноги. И талию. И губы. И глаза. И волосы. Особенно волосы! До середины спины, не прямые, но и не сказать, что вьющиеся — эдакой крупной волной. А цвет? Медно-каштановые, с золотым отливом — на солнце смотрится просто изумительно. Пламя. Я бы тоже очень хотела такие волосы, но мои для этого слишком светло-русые. И прямые. И длинные. В общем, как в русских народных сказках — коса до пояса. Ну или эдакий йоркширский терьер. Тяф-тяф.

— Слишком коротко, — резюмировала я, разглядывая своё отражение.

Эту юбку выбрала мама, и в принципе мне она даже понравилась: джинсовая, но не облегающая, а в складку, с вышивкой на поясе. Всё хорошо, кроме длины — выше колена почти на целую ладонь. Причём, не на ширину, а на длину, то есть, сантиметров на пятнадцать.

— Да ладно тебе, Ань. — Мама встала рядом. — Смотрится просто обалденно, ты только посмотри. И вообще, сама ведь говорила, что хочешь юбку.

Вот же упрямая женщина! Не волчица, а самая настоящая... эх, ладно. Мама всё-таки.

— Говорила. И хочу. Но *это*, — я ткнула себя в бедро, — больше смахивает на пояс, чем на юбку.

Она закатила глаза.

— Между прочим, бывает и короче. Ань, ну ты же не старый кавалерист, в самом-то деле. Молодая симпатичная девушка. Стройная, с красивыми ровными ножками. Чего ты их так прячешь?

— Того, — отрезала я, уже начиная раздражаться. И что меня дёрнуло заикнуться про

юбку? Всю жизнь ведь в штанах хожу. — Скоро уже холодно будет.

— Можно оставить до лета.

— Нет уж. Не для меня такая длина. Некомфортно мне так. Не хочу.

— И зря. Мне нравится.

Чёрт-чёрт-чёрт! Ну очень вовремя!

— Вот сам и носи, — буркнула я, оборачиваясь ко входу.

И, кажется, краснея ещё сильнее.

— Не, я лучше посмотрю, — улыбнулся стоящий на пороге Максим. — Здравствуйте,

Анастасия Павловна.

— Привет, Макс, — кивнула мама. — Может, она хотя бы тебя послушает? Ей идёт, правда?

Эта женщина когда-нибудь сведёт меня в могилу!

— Да, очень, — ответил Давыдов, продолжая меня разглядывать.

— Ань, я там себе один свитер присмотрела, — вдруг заявила мама. — Сейчас приду.

Ты пока тоже выбирай.

И ушла в соседний отдел, оставив нас с Максимом наедине.

Специально! Я же знаю эту заразу! Слов моих на неё нет!

— Тётя Настя права, — сказал Давыдов после минуты неловкого молчания, — ты действительно отлично выглядишь.

— Спасибо, — буркнула я.

Разумеется, снова покраснев.

Ну вот почему всё так, а? Максим, конечно, живёт неподалёку, но шанс, что мы встретимся с ним именно сейчас именно здесь, всё-таки довольно невелик. Просто магия какая-то, чёрт бы её побрал!

Вообще, Макс — парень хороший. Мы знакомы с самого детства. И хотя он обо мне кое-чего не знает, я его знаю, как облупленного. Старше меня на год, любит футбол, но ещё и сходит с ума по мотоциклам. Умный, серьёзный, спокойный, но не зануда — со мной уж точно. Не жадный, всегда защитит, поможет. Причём, просто так, ни за что, по доброте душевной. Настоящий рыцарь. Сердце у него — на всю планету хватит. Как, впрочем, и упрямства. Если уж втемяшит себе что-нибудь — всё, поездом не сдвинешь. "Баранам мастер-классы устраивать", — как говорит про него моя мама. Макс об это знает, но только отмахивается — мол, это привычка, спортивная злость, которую в нём, видите ли, Владимир Яковлевич развил, тренер по футболу. И что не упрямство это, а целеустремленность. Ну-ну.

Короче, Макс мне — брат. Ну а как ещё может быть, если, почитай, на одном горшке сидели? Раньше он тоже относился ко мне как к сестре, в детстве так вообще были неразлучны. А теперь... Уж не знаю, какая Венера в каком доме с каким Юпитером сочеталась, или у них там на футбольном поле трава особенная, или ещё что — но месяца два назад у господина Давыдова вдруг появился ко мне, так сказать, романтический интерес.

Может, конечно, дело в том, что мы вместе провели летние каникулы. У мамы были грандиозные планы съездить к родственникам в Иркутск, а заодно вспомнить, как выглядит Байкал. Но у папы на работе вдруг образовались какие-то ужасно важные (и, как выяснилось, отнимающие кучу времени) дела, и поездка накрылась медным тазом. Максим же обычно на всё лето уезжал в спортивный лагерь, но прошлый год был последним — в этом он уже не подходил по возрасту.

Мама, конечно, брала на работе отпуск — она непременно хотела свозить нас хотя бы в

Петергоф, Стрельну, Гатчину; несколько раз купались на Ладоге, а в конце месяца даже добрались до Выборга. Но весь июль и август мы были предоставлены сами себе. Со скуки я ходила с ним на тренировки (разумеется, не для того, чтобы заниматься — так, посмотреть), резались в игры, шатались по центру города да музеям-выставкам, вспоминали детство в песочнице, катались на велосипеде и роликах.

Делать было настолько нечего, что Макс позвал меня на один фильм-экранизацию, анонс которого крутили по телевизору чуть ли не с Нового Года. Точное название уже не вспомню, но, кажется, там было что-то про нюансы монохромности или как-то так. И главная героиня... Настя Стальная, что ли... Ладно, на фильм мы всё равно не попали, ибо он был настолько "восемнадцать плюс", что билеты продавали только по паспорту.

В общем, три месяца мы виделись почти каждый день. В конце июля он вдруг подарил мне цветы — но всё как-то само собой перешло в шутку. В начале августа, на звонок кого-то из товарищей по команде ответил: "Давай потом, у меня свидание". После этого он каждый раз не звал "погулять", а приглашал "на свидание". Но я думала, что Макс просто продолжает прикалываться! У меня даже мысли не возникло, что это не шутки!

На самом деле, я бы, наверно, и сейчас ничего не понимала, если бы мама однажды ни спросила, нравится ли мне Давыдов. Я тогда опешила и сказала, что он — мой лучший друг. Тогда она принялась жалеть его, а меня обозвала "динамщицей". Жутко возмущившись, я начала доказывать обратное, но чем больше я рассказывала, тем больше убеждалась в маминой правоте. Вот тогда-то, наконец, пришло озарение и всё встало на свои места. И необычное поведение, и странные взгляды, которые Макс бросал на меня в последнее время, и "свидания", и цветы, и всё-всё-всё.

Какой же душой я себя чувствовала, боже мой! Знать человека всю жизнь — и не замечать *таких* перемен! Которые, небось, заметил бы даже слепой, ночью и в тёмных очках! Но только не Аня Вавилова, нет! Пф, да зачем? Какие глупости! Мелочи!

Может, если бы я не была настолько глухой незрячей идиоткой, то сейчас бы не краснела из-за того, что стою в короткой юбке перед Давыдовым — мало ли чего он там может себе напридумывать! Но увы. Более наблюдательны, чем я, наверно, даже кроты и новорождённые котята, поэтому теперь ситуация уже весьма запущенная и запутанная. Ну и неловкая, конечно. Во всяком случае, для меня.

— Что купил? — не придумав ничего лучше, спросила я, глядя на пакет в руках Макса.

— Да так. — Он тут же спрятал его за спину. — Мама просила.

Ну-ну. Охотно не верю.

— Не умеешь ты врать, Давыдов, — протянула я, качая головой, — ой не умеешь. Колись.

Макс, как всегда, отмахнулся.

— Колются орехи и стаканы. Слушай, ты сегодня вечером как, свободна?

— Угу, — кивнула я.

И тут же прикусила язык. Нет, ну *таких* дур однозначно свет не видывал! Он же явно меня сейчас куда-нибудь пригласит! Как началась осень, видеться мы стали гораздо реже — у обоих учёба, уроки, а у Максима ещё и тренировки. Но сейчас-то каникулы! Надо было соврать, что идём куда-нибудь с мамой. Хотя... обманывать Макса... не хочется, конечно. Как-то неприятно. От себя же противно. Да ещё и, чего доброго, обидится — я ж врать "умею" так же, как он.

И всё же...

— Погуляем?

Чёрт, чёрт, чёрт!

— А у тебя сегодня разве нет тренировки? — спешно пытаюсь что-то выдумать, поинтересовалась я, делая вид, что полностью поглощена разглядыванием манекенов.

— Не-а, — покрутил головой Макс, вдруг подходя ближе. — Вчера была. Так что, пошли? — Усмехнулся. — Тебе даже не надо будет думать, что надеть.

Щёки! Кто поджжёт мои щёки?!

— Иди ты знаешь куда, Давыдов! Не буду я такое носить!

— А жаль. Ну так? Можно просто погулять, можно в кино. Или на каток.

Соври, Аня! Соври! Скажи, что нужно готовиться к контрольной! Что мама просила навести порядок в комнате! Что папа обещал объяснить принцип работы синхрофазотрона! За Максимом и так почти все старшеклассницы бегают! А кто не бегает — просто стесняется и томно вздыхает! Соври, кому сказано!

— Ладно, — выдохнула я, не зная, куда девать глаза. — Только недолго, хорошо? Мне ещё надо... это... синхрофазотрон прибрать.

Господи, что я несу...

Но Макс только улыбнулся.

— Ну, успехов. Тогда как обычно? В шесть во дворе?

— Ага.

Ушёл.

Дождавшись, когда он скроется из поля зрения, я тут же бросилась обратно в примерочную. Штаны! Только штаны! Брюки, джинсы — что угодно! Никаких юбок! Никогда!

— Ты чего? — спросила мама, когда я вышла обратно в зал, на ходу надевая куртку. — Передумала уже?

— Я с тобой не разговариваю, — буркнула я, поднимая воротник и закутываясь в шарф по самые глаза.

Эдакая иллюзия норы, в которую мне бы сейчас очень хотелось забиться.

— Почему же? — спросила мама, удивлённо вскидывая бровь.

— Потому что ты предательница.

— Предательница?

— Да! И не надо делать вид, что не понимаешь. Зачем ты ушла?

Она улыбнулась.

— Не хотела вам мешать.

— Мама, он мне как брат, ты понимаешь! Бра-ат! Мы всю жизнь знакомы!

— Хорошо, а Макс об этом знает? Ты понимаешь, что нравишься ему? Причём, довольно сильно.

Я отвернулась.

— Да понимаю. И что мне делать?

Мама была совершенно спокойна. Выйдя из отдела, мы пошли дальше по коридору.

— Присмотреться.

— Он мне как...

— Ань, ну вам ведь уже не по пять лет, верно? Может, стоит попытаться взглянуть на Максима, как на парня, а не как на брата?

Я тяжело вздохнула.

Парень... Как парень-то Макс очень даже ничего. Наверно. Оксана с Ирккой, одноклассницы мои, по нему просто с ума сходят. Мол, он и блондин, и зеленоглазый, и высокий, и симпатичный, и фигура хорошая... В общем, идеал. Их. А мой...

Не знаю.

Может, все эти проблемы возникают из-за того, что Максим — обычный человек, а во мне живёт волчица? Правда, скорее всего, она в спячке с самого моего рождения, ибо сменить ипостась у меня не получилось ещё ни разу. Папа говорит, что это нормально, что нужно просто подождать, всему своё время и так далее. Но мама случайно обмолвилась, что обычно перекидываться начинают лет в четырнадцать, а то и в тринадцать. В общем, неправильная я волчица. Какой-то недооборотень. Но, судя по всему, этого достаточно для того, чтобы я ну никак не могла увидеть в Максиме не белобрысого мальчишку, с которым мы бросали из окна водяные бомбочки и плевались рябиной, а всего такого распрекрасного Аполлона, которым его видят те же Оксана и Ира.

Или всё-таки дело в том, что мы росли вместе...

Или мама права, и стоит попытаться?..

Господи, ну почему всё так сложно?? Почему никто до сих пор не придумал индикатор чувств?? Чтоб плюнул на него — и всё высветилось! "Больше всего вы любите маму с папой, своего кота и кактус на подоконнике"! Или там: "На шестьдесят процентов ваше сердце занято чувствами к Игорю, на двадцать — к Саше, на пятнадцать — к Юре, и на пять — к симпатичным парням из соседнего подъезда, магазина и кафе"! А ещё лучше — получать сигнал: "Внимание! Парень, который вам нравится — моральный урод! В случае близких отношений, он бросит вас ради вашей одноклассницы через месяц! Рекомендация: обратить внимание на Лёшу из десятого "Б"". Насколько бы проще стало! Эх.

По магазинам мы ходили ещё полчаса — выбирали джинсы теперь уже маме. Вернее, где-то минут двадцать я её пилила (а то сейчас ей, видите ли, не хочется, ничего не нравится и прочие отговорки), и десять минут она мерила. Мне было сказано, что я "вся в отца", ни капли её не жалею и вообще хочу свести её в могилу — в общем, всё как всегда. В такие моменты меня каждый раз так и подмывает задать вопрос: кто чья мать? Но я сдерживаюсь, ибо прекрасно знаю, что это она просто выпендривается, и что если её разозлить — всё, ядерный взрыв отдыхает. Живым не уйдёт никто. Ну, разве что папа — он уже боец опытный, закалённый, так что ему мамин Апокалипсис не страшен.

— Ты занят? — постучав, громко спросила я, не открывая дверь.

У папы даже дома был свой кабинет, в котором он работал, и в который можно было заходить только с его разрешения и в его присутствии. Во всяком случае, мне.

Несколько секунд ответа не было — я слышала (ну хоть какие-то полюсы от зверя во мне) только скрип выдвигаемых ящиков, шорох бумаг и клацание клавиатуры. Но потом последовало:

— Заходи.

Я зашла.

Обожаю папин кабинет! Весь такой в английском стиле, строгий, но уютный и красивый. На столе стоит фотография в золотистой рамке: мы с мамой показываем языки — помнится, тогда папа как раз просил нас перестать выпендриваться и сходить с ума. Ещё несколько фотографий висят на стене напротив: там уже и мы втроём, и я иду в первый класс, и мама с букетом сирени, и папа держит её на руках...

Две другие стены заставлены книжными шкапами. Чего там только нет! И классика, и философия, и искусство, и эзотерика, и разные науки от истории до астрономии. Каждой теме — свои полки или даже целый шкаф. Книги стоят ровно, плотно, строго по алфавиту. Все до единой — прочитаны. Папа и сам читать любит, и меня к этому приучил. Когда я была маленькой, у нас с ним целый ритуал был: в понедельник утром мне выдавалась книжка (разумеется, детская), за неделю я её читала. В воскресенье вечером приходила сюда, в кабинет, мы папой садились на кожаный диванчик и обсуждали прочитанное. Сюжет, кто из героев понравился больше, а кто меньше, что я для себя вынесла и прочее, прочее, прочее. Иногда папа рассказывал что-нибудь про автора, про историю написания. Но никогда не настаивал: если книга "не шла", я в любой момент могла подойти к нему и сказать, что больше не хочу это читать. Папа всегда спрашивал почему и после объяснений давал что-нибудь другое. Теперь я обычно сама выбираю, что читать, но привычка делиться с ним впечатлениями никуда не делась.

Сейчас, правда, мне не до книг — голова забита Максом. А точнее — как теперь вести себя с ним? А то уже скоро шесть, а я вообще не представляю, что делать. Мамино-то мнение известно, теперь было бы неплохо послушать и папу. В конце концов, он ведь ещё и мужчина, лучше знает себе подобных.

— Что случилось?

Папа, как обычно, сидел за столом и смотрел в монитор ноутбука. Когда я подошла ближе — закрыл его и перевёл взгляд на меня.

— Эм... ты точно не занят? Могу зайти потом.

Папин кабинет мне нравился, но, оказываясь внутри, я всегда робела. В детстве было ощущение, что здесь происходит что-то очень-очень важное, чего я никогда не смогу понять. Громко говорить или смеяться, трогать что-либо без разрешения, бегать, шалить — здесь это казалось просто невыносимым, натуральным кошмаром.

Иногда я представляла, что папа — волшебник. Разумеется, добрый, очень мудрый и рассудительный. А в его кабинет нельзя заходить из-за того, что он читает магические книги, которые запрещено видеть другим. Помнится, однажды я не выдержала и рассказала о своих подозрениях маме. Она улыбнулась и сказала, что это действительно так, и что когда я вырасту — тоже обязательно стану волшебницей. Но для этого нужно хорошо себя вести, не забывать чистить зубы, слушаться родителей, не раскидывать игрушки и есть суп. Иначе магией не овладеешь.

— Всё в порядке, — ответил папа. Встав из-за стола, он сел на диванчик. — Я тебя слушаю.

Чуть помедлив, я опустилась рядом.

— Ну... это... — Господи, Аня! Включай мозг! Хватит уже мямлить! — Вот смотри. Допустим, у тебя есть знакомый, которому ты нравишься. В смысле, знакомая! — тут же поправила я, ибо папа вскинул бровь. — Да. Знакомая. Но ты знаешь её с детства и воспринимаешь как сестру. А она начинает вести себя с тобой как с парнем. В смысле, с мужчиной...

Замолчав, я отвела взгляд. Лучше бы не приходила, чес-слово...

— Ты про Максима? — спросил папа после десятисекундной паузы.

Фух...

— Угу, — кивнула я с тяжёлым вздохом. — Мама тебе рассказывала?

Ответ был уклончивым.

— Мельком. Расскажи ты. Если хочешь, конечно.

Папа как всегда был спокоен и серьёзен, как будто говорил с таким же адекватным умным человеком. А не со мной. Это помогало собраться.

— Я знаю Макса с трёх лет. Он мне как брат. До сих пор. А я для него вдруг стала девушкой. Ну, в смысле...

Он едва заметно улыбнулся.

— Я понял. Дальше.

Я тяжело вздохнула.

— А всё. Больше рассказывать нечего. И что делать, я тоже не знаю.

Снова пауза, уже более долгая.

Долгая...

Чёрт, неужели, всё так плохо??

— Думаю, сначала тебе стоит заглянуть в себя, — наконец ответил папа, почему-то хмурясь. — Если ты не найдёшь там взаимности или хотя бы намёка на ответное чувство — скажи Максиму об этом.

— А если он обидится? Расстроится? Как-то не хотелось бы...

— А что будет, если ты промолчишь? Если он будет думать, что симпатия взаимна, если с его стороны она превратится в нечто большее? Чем больше у тебя силы, тем сильнее на тебя давит ответственность. А в этом мире самая большая сила...

— ...знание, — за него продолжила я.

Да-да-да. Такие речи папа вёл не раз и не два — всё уже выучено так, что от зубов

отскакивает.

— Именно, — кивнул он, по-прежнему оставаясь совершенно серьёзным, даже мрачным. — Ты знаешь о чувствах Максима — теперь они в твоих руках. Ты несёшь за них ответственность.

— Но я не хочу делать ему больно! Он мой друг!

— Знаешь, у меня в юности тоже был один друг, тоже оборотень. Мы были знакомы не с самого детства, но довольно долгое время он жил со мной и моими родителями, и в итоге стал для нас родным.

— Как Макс для меня?

— Да, примерно. Какое-то время мы шли вместе, многое испытали. Но однажды он выбрал иной путь. Опасный и разрушительный. Мой друг позвал меня за собой, ибо считал, что эта дорога — верная. Но я отказался. Более того, я делал всё возможное, лишь бы сорвать его планы. Как ты думаешь, почему?

Вопрос застал меня врасплох. Пока папа говорил, я боялась лишний раз вздохнуть или моргнуть — а вдруг что-то упущу! Он настолько редко и скупно рассказывал что-то о другой стороне мира, о мире оборотней, что каждое его было словно кусок хлеба для умирающего от голода.

Я помню *всё*, что папа говорил об этом — благо, слов было, мягко говоря, немного. Они хранятся у меня в памяти также тщательно, как, в своё время, главное сокровище детства — горсть разноцветных стеклянных шариков, подаренных мамой на День Рождения. Пользы от них не было никакой, но я была на седьмом небе от счастья, каждый день доставала их из шкатулки, катала по полу, смотрела, как красиво они блестят на солнце. С папиными словами было примерно также: я могла перебирать их, любоваться блеском таинственности — но и всё. Они напоминали мне кусочки мозаики — жалкая пригоршня, из которой даже рамку не соберёшь — так, какой-то крошечный кусочек. Причём, непонятно даже, где он должен находиться — может, где-то с краю, а может и в середине. Сверху, снизу. Слева, справа. Картинки-образца ведь тоже нет.

Ну и, разумеется, сколько бы я ни просила папу рассказать больше, ответ был всегда один и тот же: "Позже. Сейчас тебе это знать не нужно".

— Ну... наверно, потому что он что-то разрушал? — собравшись с мыслями, предположила я.

— Верно. А ещё?

— М-м-м... Ты заботился о нём? Хотел спасти от самого себя?

Папа кивнул.

— В точку. Но для этого мне пришлось стать предателем и врагом. В его глазах. Понимаешь?

Я задумалась.

— То есть, иногда, чтобы спасти друга, приходится причинять ему боль? Предавать?

— Увы, но да. Это как с лавинами в горах: спускают маленькую, чтобы избежать большой. Иногда высшее проявление дружбы и заботы выражается в том, чтобы пойти против дорогого тебе человека.

Эх, проще не стало. Даже наоборот...

— Спасибо, — заставив себя улыбнуться, я обняла папу и поцеловала его в щёку. — Правда, теперь мне нужно как-то это всё переварить.

Тоже улыбнувшись, он погладил меня по голове.

— Приятного аппетита, солнышко.

— Спасибо. Пойду сиять, что ли.

Я вышла из кабинета.

Как же иногда хочется нецензурно выругаться! Причём, даже не для того, чтобы кого-то оскорбить, а от переполняющих тебя чувств! Но если родители услышат, что я матерюсь... В общем, ничего хорошего не будет. Да и меня саму как-то не тянет. Именно поэтому я, вместо нецензурщины, использую одно-единственное слово — банан. И прилично, и когда говоришь "ну полный банан" или что-то в этом духе, объяснять ничего не приходится — тебя все понимают.

Так вот, после разговора с папой у меня в голове был полный банан.

Заглянуть в себя? Он и про смену ипостаси говорил то же самое. Но сколько я ни заглядывала, картинка всегда одна и та же: какой-то совершенно жуткий дремучий лес, ночь, холодно. Небо чистое, но луны не видно. Всё. Этот пейзаж начал сниться мне около года назад, и теперь вставал перед мысленным взором каждый раз, когда я пыталась "заглянуть в себя". Как обои на "рабочий стол" установили, чес-слово.

С чувствами к Максиму был тот же самый дремучий лес, в котором я блуждаю уже не первый день. Замучилась, устала, как собака, а выхода всё никак не найду.

Стоит ли говорить Максиму, что он мне исключительно друг? С одной стороны, если это и впрямь так, папа прав, и нужно выложить всё начистоту. Причинить меньшую боль сейчас, что избежать большей потом. А если нет? Если права мама, и нужно немного подождать, присмотреться? Если я всё-таки смогу взглянуть на него как на парня?

Р-р-р, ох уж мне эти "если"! Надоели хуже горькой редьки! Достало всё! Бесит! Банан, банан, банан!!!

— А чего не в юбке? — с ухмылочкой поинтересовался Давыдов, когда я подошла к нему во дворе.

Без "привет", без "тебя до сколько отпустили?". Ну и что, что он это и так знает! Всё равно гад белобрысый!

— За твоё душевное здоровье беспокоилась, — фыркнула я. — Вдруг увидишь опять — и в обморок грохнешься. Откачивай потом тебя, родителям звони...

Так. Это что, флирт?

Фу, Вавилова! Фу! Нельзя! Место!

— Да ладно, не наговаривай, — ещё шире ухмыльнулся Макс. — У тебя ноги не настолько страшные.

Ах ты ж...

— А жаль!

— Это почему?

— Может, была бы старым кавалеристом, — вспомнив утренний поход по магазинам, ядовито ответила я, поднимая воротник куртки, — кое-кто бы на меня так не пялился!

Давыдов пожал плечами.

— Не вижу ничего такого.

— Ну вот и не смотри.

— Чего такая злая? Синхрофазотрон плохо прибирался?

— Сейчас пну!

— Можешь попробовать.

— Сам напросился!

В общем, первые полчаса нашего "свидания" мы бесились, как пятилетние. Я бегала за Максом, обещая его придушить. И непременно придушила, если бы этот Барби ни опрокинул меня в кучу опавшей листвы. Ещё и сверху посыпал! Мои вопли слышал весь двор.

Потом я таки его пнула, попыталась задушить, но, так уж и быть, сжалилась. По старой дружбе. Потом пошли в магазин, ибо после всей этой беготни захотелось пить.

— Извините, вы мне не поможете?

Мы стояли перед стеллажом с безалкогольными напитками и спорили, какой сок брать (Давыдову нравится мультифрут, а я его на дух не переношу), когда к Максиму обратилась какая-то брюнетка. Вся такая из себя, улыбается, накрашенная. С распущенными волосами, на каблуках, в короткой кожаной куртке и юбке, похожей на ту, что я мерила сегодня утром. И как только им всем не холодно? Минус же на улице.

— Что случилось? — разумеется спросил Макс.

Ну ещё бы. Рыцарь же.

Продолжая улыбаться, брюнетка подвела его к стеллажам с вином. К дальнейшему разговору я не прислушивалась, но, судя по всему, девице нужна была бутылка с верхней полки, до которой она, будучи не намного выше меня, дотянуться не могла. У Макса, конечно же, с этим проблем не было — он дядя Стёпа ещё тот, выше меня почти на голову.

— Когда свадьба? — с ухмылочкой поинтересовалась я, когда Давыдов вернулся обратно.

Да, глупо. Да, по-детски. Но сдержаться невозможно — уж больно откровенно демонстрировала брюнетка свою симпатию. Она ведь могла позвать и продавца — благо, он был всего на пару метров дальше нас. Но нет, зачем? Он же простой смертный, не бог.

— В смысле? — вскинул бровь Давыдов.

Н-да, и это я ещё себя слепой называла...

— Говорю, пополнение у тебя в гареме, Аполлон. Понравился ты ей.

Пока Макс осмысливал, видимо, совершенно новую для него информацию, я потихоньку взяла коробку со своим любимым томатным соком и пошла к кассе. А нечего клювом щёлкать.

— Не смейся, — отмахнулся Макс, на автомате следуя за мной. — Тебя послушать, так удивительно, что я вообще жив. Меня поклонницы уже давно должны были на мелкие кусочки разорвать — чтобы хоть как-то поделить.

— Неправда, ты же не последняя симпатичная блузка на распродаже, — захихикала я. — Да их просто слепит сияние твоей божественной красоты, о златокудрый прелестник. Оксану с Ирккой — уж точно.

Давыдов скептически хмыкнул.

— Нет уж, спасибо. *Такого* счастья мне не надо. Уж лучше пусть слепнут и дальше.

— Это почему??

— Да потому что даже у футбольного мяча мозгов больше, чем у этих куриц. Про фигуры вообще молчу: бочка и щепка. Ни груди, ни талии, ни задницы.

— Эй-эй, полегче! — Я пихнула его локтём. — Они, между прочим, мои одноклассницы!

Подойдя к одной из касс, выложила сок на ленту.

— И что? Хочешь, чтобы я тебе посочувствовал? Эй, так не честно! Не буду я пить эту гадость!

Надо же. Кое-кто наконец увидел, что на коробке нарисованы помидоры. Ну хоть

вообще внимание обратил — и на том спасибо.

— Не пей, — пожалала плечами я. — Мне больше достанется.

— Вредина, — буркнул Макс.

— Да, это я.

Снова хмыкнув, он продолжил ворчать, но мне платить, как всегда, не позволил и потом деньги не взял. Даже половину. Упрямец.

— Они ведь не настолько страшные, — продолжила я, когда мы, опустошив коробку наполовину (причём, кое-кто тоже пил!), вышли на улицу. — Ну да, Ира полновата, но вполне себе милая. А Оксана...

— Их бы объединить, — с глупым смешком перебил меня Макс. — Тогда, может, и получилось что-то путное. А так...

Я фыркнула.

— Тоже мне, принц нашёлся! То ему не так, это не эдак!

Продолжая ухмыляться, Давыдов гордо поднял голову.

— Я же Аполлон, сама сказала.

Туше.

— Ладно, а эта черноволосая в магазине? Для которой ты работал дядей Стёпой?

— Ну да, она чуть получше. Слава богу.

Я обалдела.

— "Чуть получше"? Господи, да какая же девушка тебе понравится??

Усмешка Макса вдруг стала какой-то странной, и я тут же мысленно выругалась. Ну кто меня просил задавать такие вопросы! Кто тянул за язык! Он же поймёт по-другому! Не так!

— Я тебе потом расскажу, ладно?

— Угу...

Закрывать эту тему! Свернуть! И выкинуть куда подальше!

Весь вечер мы, как всегда, болтались по району. Обсуждали всё на свете, несли всякую чушь, пугая прохожих взрывами громкого смеха, больше напоминающего ржание табуна испуганных коней. Со стороны мы, наверно, казались пьяными или обкуренными — но когда нас это волновало? Пусть радуются, что лето уже прошло — тогда-то нас со скуки "накрывало" ещё сильнее.

— О, пошли в "лес", — загорелся Макс, вдруг заметив виднеющуюся впереди стену деревьев.

Я помотала головой.

— Не, ты же знаешь.

"Хмель" смеха выветрился, словно его и не было, вместо него накатило чувство жути. Как в том сне, который не отпускает до сих пор. Год назад, когда он мне приснился впервые, я целую неделю боялась даже из дому выйти. Потом, конечно, стало легче, но парки — эдакую иллюзию леса — я недолюбливаю до сих пор.

Особенно этот. Никакой планировки или хотя бы просто системы: деревьев слишком много, все разные, стоят друг другу чуть ли не в обнимку, вместо аллей натуральные тропинки, ни газонов, ни клумб с цветами, ни хоть какого-то освещения... Такое чувство, что давным-давно здесь был лес, но, когда граница города отодвинулась, его решили вырубить. Однако потом то ли денег не хватило, то ли стало не до этого, то ли ещё что — и кто-то просто-напросто махнул рукой. Мол, ладно, чёрт с ним. Скажем, что так и было задумано.

— Да ладно, Ань, — продолжал гнуть своё Давыдов. — Уже столько времени прошло — ты до сих пор боишься?

— Боюсь, — отрезала я. Тоже мне, герой нашёлся! — И вообще, темно уже. И поздно. Домой надо.

Макс хмыкнул, но продолжал улыбаться.

— Парк как парк, чего ты завелась? Правда, мне Илья говорил, что там волков видели...

Ещё и издевается, гад такой!

— Не смешно! — прорычала я, отворачиваясь.

Да, мне было жутко. И чем дальше мы тут стояли, тем страшнее становилось. Поздно (не полночь, конечно, но и не утро), уже стемнело, холодно. Вокруг ни души, фонари освещают лишь кованую решётку, ворота и самое начало парка — дальше их просто-напросто нет. Только стена деревьев, между которыми — крошечный мрак.

Совсем как в том лесу из моего сна.

И даже небо — чистое, но луны не видать.

Мамочки...

— Ладно, ладно, — наконец угомонился Макс, видимо поняв, что мне и впрямь страшно. — Дурак, каюсь. Извини.

— Подумаю, — поёжившись, буркнула я, засовывая руки в карманы. — Больше чтоб никаких идиотских шуточек, ясно?

— Ясно-ясно. — Подойдя ближе, он вдруг... обнял меня. — Со мной можешь ничего не бояться.

Не зная, что ответить, я лишь молча кивнула, спрятав взгляд. Более чуткий, чем у обычных людей, мой нос уловил исходящий от Макса запах томатного сока, пены для бритья и чистой футболки. Такая смесь была немного странной, но приятной, мне даже стало как-то спокойней.

— Помнишь, я тебе кое-что обещал? — вдруг спросил Давыдов.

От удивления я даже подняла голову. Он улыбался.

— Что? Не помню.

— Рассказать, какая девушка мне нравится.

Банан, банан, кругом банан...

Ох, кажется, это нервное...

— А... ну... да, вспомнила, — промямлила я, снова опуская взгляд.

— Закрой глаза.

— Угу, и открой рот.

Может, удастся отшутиться?..

— Нет. Просто закрой глаза.

Не вышло... Пришлось закрыть. На несколько секунд повисла тишина, ничего не происходило. Но потом Макс обнял меня крепче, его запах вдруг стал ближе, отчётливей; я невольно подняла голову...

И тут раздался крик.

Женский, со стороны парка. Долгий, пронзительный, до краёв наполненный отчаянием и ужасом.

Глаза распахнулись, сердце заколотилось так, что стало больно, по телу прошла волна ледяного холода. Ударив под колени, она заставила меня прижаться к Максиму, почти повиснув у него на шее.

— Господи...

— Звони в милицию, — приказал Макс. — Я схожу посмотрю.

Он было попытался убрать руки, но я вцепилась мёртвой хваткой.

— С ума сошёл?! Оно тебе надо?! Мало ли, что там может быть! Или кто! Я позвоню, и пошли отсюда!

Нет-нет-нет, ничем хорошим это не кончится! Где угодно, только не здесь, не в *этом* лесу! Уйти! Убежать! Подальше! И никогда не возвращаться! Забыть!

— Успокойся, — сказал Максим, твёрдо глядя мне в глаза. — Если будет опасно, я сразу же вернусь.

— Уже и так опасно! — не могла успокоиться я. — Не ходи! Пожалуйста!

Он улыбнулся.

— Ань, всё будет хорошо. Это просто парк. Ты себе придумала...

— В "просто парке" люди по ночам не орут! Да ещё так!

— Ещё не ночь. — Он всё-таки убрал мои руки. — Звони, давай. Я сейчас.

Приблизившись к решётке, Макс зашёл на территорию парка — и всё, через несколько секунд не было видно даже тени.

На меня нашло какое-то оцепенение. Вместо того чтобы достать телефон, я просто стояла и пялилась в черноту между деревьями, только что сожравшую моего друга.

Господи, да нет же! Ничего не "сожравшую"! Макс прав — я всё себе придумала! Трусиха, не способная забыть страшный сон! Слабовольная идиотка!

— Не советую, — вдруг прозвучало откуда-то справа.

От неожиданности я выронила телефон. Колени снова задрожали, сердце забилось с бешеной скоростью. Но когда, немного совладав с собой, я всё-таки повернула голову...

— Ч-что вы здесь д-делаете?!

Изумление было настолько сильным, что на несколько секунд перешибло даже страх.

Та самая брюнетка из магазина!

По-прежнему при параде, в короткой юбке и с ярким макияжем! Как она здесь оказалась?! Зачем?!

— Не советую, — с невозмутимым видом повторила девица, пристально глядя на решётку. — Обычным людям здесь делать нечего.

— П-почему?

— Слишком опасно. В парке — *дикий*.

— Дикий?..

Брюнетка, наконец, соизволила повернуться.

— Да, их обычно так называют. — Как о котёнке на лужайке, чес-слово! — Получеловек-полуволок — неужели, отец тебе не рассказывал? — Покачала головой. Издевается, что ли? — Такие очень опасны даже для нормального оборотня. Для простого...

— Я пойду туда.

Ужас внезапно отступил, его место заняла металлически-холодная решимость. Мой лучший друг, один из самых близких мне людей — в опасности. Теперь уже не мнимой — реальной. Смертельной. Я не оставлю его. Ни за что.

— Не стоит.

Брюнетка вдруг схватила меня за локоть, да с такой силой, будто собиралась сломать всю руку. А на вид — ничего особенного, девушка как девушка. Видать, тоже оборотень.

Впрочем, сейчас это не имеет ни малейшего значения.

— Не мешайте мне.

— Задумайся хоть на секунду. Ты ведь даже не полноценный оборотень — *дикие* таких сжирают с потрохами.

Откуда она...

А, к чёрту!

— По-вашему, мне нужно ждать, пока это чудовище загрызёт Макса?! — Я рывком высвободила локоть. — Лучше пусть само бежит куда подальше!

Плевать на всё. Я никому не позволю обижать близких мне людей. Угрожать им — тем более. Дикий, домашний — если у Макса будет хоть одна царапина, пускай пеняет на себя. Мало не покажется.

Глядя, как эта сумасшедшая подходит к воротам парка и, чуть помешкав, скрывается во тьме, девушка лишь усмехнулась. Что ж, пока всё так, как должно быть. По плану. Игры в героев, конечно, предусмотрены не были, но серьёзной помехой они и не станут. Просто не успеют.

Не дожидаясь появления новых действующих лиц, черноволосая покинула "сцену".

Я себя переоценила. Запал решимости прогорел также быстро, как и возник: пройдя два десятка метров по главной тропинке (язык не поворачивается назвать это аллеей), я снова почувствовала поднимающийся изнутри ужас.

В темноте. В тишине. Одна. А впереди — какой-то кровожадный монстр, чудовище, убивающее всех вокруг.

Сама девица тоже хороша. Кто она вообще такая? Что здесь делает? Как умудрилась подойти так, что мы с Максом не услышали? На таких-то каблуках!

Господи, о чём я только думаю...

Как же страшно!

Но надо идти дальше. К тому же, Макс ведь ушёл совсем недавно — может, я ещё успею догнать и предупредить.

Главное — не останавливаться.

Идти пришлось долго. Или нет?.. Залившие всё вокруг тишина и полная неподвижность скрадывали ощущение времени; они ужасно угнетали и напрягали, заставляя шарахаться от малейшего шороха или даже просто дуновения ветра. Чтобы хоть как-то успокоиться и перебороть страх, я заставила себя сосредоточиться на звуке собственных шагов.

Раз, два, три...

Постоянно чудился запах томатного сока и пены для бритья, им будто бы пропах весь парк.

Десять, одиннадцать, двенадцать...

Краем глаза уловила движение — тут же повернулась. Ничего. Показалось? Или оно успело спрятаться? Не важно. Дальше. Не останавливаться.

Восемнадцать, девятнадцать, двадцать...

Глаза уже привыкли к темноте, но деревья росли слишком густо — всё равно ничего не видно.

Макс, ну где же ты? Как же страшно! Может, позвать?

Я открыла рот, но не смогла издать ни звука. Тишина слишком плотная. Вязкая. Она глушит даже самую мысль о том, чтобы потревожить её.

Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь...

Снова тот крик! Близкий! Резкий! Оглушающий!

От неожиданности я упала на колени. Боли не было. Ничего не было, кроме рвущего грудную клетку сердца и пульсации крови в висках.

Встать. Надо встать. Встать!

— Аня? Уходи отсюда! Сейчас же! Беги!

Макс! Боже мой, ну наконец!

Родной голос придал сил. Я подняла голову, огляделась.

Какая-то... площадь? поляна? В центре — фигура Давыдова. Стоит, держа в руках какую-то здоровую толстую палку. У его ног — какое-то тёмное пятно. Видимо, та самая женщина. Жертва.

— Зачем ты пришла? — Не выпуская "оружие", Макс подбежал ко мне. — Ранена?

Я смогла только помотать головой. Из глаз вдруг хлынули слёзы.

Взяв меня за локти, поставил на ноги. Я тут же вцепилась в его куртку, прижавшись

всем телом.

— Т-ты как? — Зубы стучали так, что сводило челюсть. — П-пойдём о-обратно... п-пожалуйста...

— Со мной всё в порядке. — Макс обернулся на женщину. — Нужно ей помочь. Я тут рычание слышал — видно, какая-то псина бешеная завелась...

— Это не псина! — не сдержавшись, выпалила я. — Это волк! Оборотень! Дикий! Она сказала, что такие очень опасны!

— Она?

— Та девушка из магазина! Я...

— Ань, успокойся. Всё будет хорошо. Мы в городе, здесь нет никаких волков. Оборотней — и подавно. Их не существует. Ты просто сильно испугалась. Сейчас мы пойдём домой.

Мы подошли к женщине. Сунув мне свою палку, Макс опустился рядом с ней на колени.

— Вставайте! — Потряс за плечо. — Нужно уходить! Вы меня слышите? Эй!

Но женщина не отзывалась. Даже не шевелилась. Размотав её шарф, Макс опустил руку на шею.

— Пульс есть. — Ощупал всё тело с головы до ног. — Вроде, не ранена. Так, ну-ка отойди.

Всё ещё сжимая палку, я подчинилась. Волна дикого ужаса пошла на спад, зубы уже не стучали.

Успела. Слава богу. Макс рядом. Цел и невредим. И даже находит в себе силы кому-то помогать. Неужели совсем не боится? Уму непостижимо. Да это уже даже не рыцарь, это настоящий герой!

Держа за руки, Макс взвалил безжизненное тело себе на спину.

— Справишься? — хрипло спросил он. — Или...

— Справлюсь.

Ужас отступил полностью, снова вернулась твёрдость. Макс прав — всё будет хорошо. Мы выйдем из этого чёртового парка. Вызовем скорую для несчастной, дождёмся, когда её увезут и пойдём домой. Я поговорю с папой, и он завтра же расскажет Давыдову правду про оборотней — чтобы знал, чтобы был готов. А то ведь, раз этот *дикий* появился один раз, то ничто не помешает ему явиться снова.

Шли мы медленно. Я чуть впереди, Макс — следом. Было видно, что ему тяжело, но остановился Давыдов всего один раз, да и то ради того, чтобы перехватить... тело поудобнее. Я несколько раз предлагала свою помощь, но он каждый раз отказывался.

— С этой дубиной помощи от тебя будет больше. Если псина покажется — сразу говоришь мне. Палку отдаёшь и отходишь. Медленно, без резких движений. Если сразу бросится — бьёшь по голове. Сильно. Потом бежишь к выходу. Сразу же. Ясно?

— Есть, сэр. — Я даже улыбнулась. — Это вас на футболе такому учат?

— Это у меня дед — охотник со стажем, если кое-кто забыл. Всё, не отвлекайся.

Когда, после очередного поворота тропы, впереди показались ворота, я чуть не засмеялась.

Господи, ну наконец! Сейчас этот кошмар кончится! Домой-домой-домой!

Охваченная нетерпением, я было прибавила шагу, и тут вдруг...

— Берегись!

Всё произошло очень быстро. Яростное рычание, дикий треск ломаемых веток.

Здоровенный волк. Оскаленная пасть. Красные глаза. Макс. Кричит. Бросается наперерез. Сбит с ног. Лежит поперёк тропы. Не шевелится.

Ну всё!

Вместо ужаса изнутри поднялась злость, да такая, что я сама чуть ни зарычала. Ах ты тварь! Паршивая псина! Я сейчас этой дубиной тебе все рёбра пересчитаю, переросток блохастый! Костей не соберёшь! Скулить будешь!

В два прыжка оказавшись рядом, я с размаху ударила зверюгу, как и учил Макс, метя в голову. Но не тут-то было — отскочив, монстр вцепился в палку. Хруст. Перекусил! Как палочку от эскимо! Я попятилась. Зверюга снова зарычала. Без хотя бы подобия оружия стало, мягко говоря, не по себе, но решимость не исчезла. Надо отвести эту тварь подальше от Макса. Любой ценой. Хотя бы с ним всё было хорошо!

Я продолжала отходить. Медленно, без резких движений. Волк наступал. Скалился, рычал, глядя на меня плотоядным взглядом — явно готовился напасть. Бежать? Наверняка догонит, причём, будет достаточно одного прыжка. Продолжать медлить — сожрёт на месте.

Что же делать?

Монстр всё ближе.

Какие у него зубы! Наверно, с мой мизинец.

По телу снова прошла волна холода.

Ноги плохо слушаются.

Господи...

— Серёга! Вот ты где!

От неожиданности я споткнулась и чуть не упала. Волк зарычал ещё громче. Глядя куда-то мне за спину, припал на задние лапы, готовясь к прыжку.

— Ну-ну, спокойно. Не горячись. Ты же знаешь, я здесь, чтобы помочь.

Послышались шаги, и рядом со мной встал мужчина. Высокий, черноволосый, в пальто. Большого в темноте разглядеть не удалось, но кое-что было ясно и без света. Он — оборотень. Не знаю, как так получилось, но я поняла это сразу, в голове даже возник чёткий образ волка. Не того дикого монстра, который сейчас рычал и скалился, сверкая безумными глазами — нет. Этот зверь был напряжён, но спокоен. Он был готов к драке, однако явно хотел обойтись миром. Силён, опасен, однако не озлоблен. Разумен.

И... знаком?

— Цела? — спросил он, не отводя взгляда от чудовища.

— Д-да, — выдавила я. — Кто...

— Вопросы потом. К выходу. Медленно.

— Без Макса не уйду.

Мужчина повернул голову — взгляда было не разобрать, но колени у меня снова задрожали.

— К выходу, кому сказано. Я тут разберусь. Макс твой жив, просто головой приложился.

И я пошла. Медленно, спиной вперёд. "Серёга" этого даже не заметил — его внимание было сосредоточено на другом оборотне. А тот снова начал говорить. И не абы что — целую речь, через каждый десяток слов повторяя: "Я тебе доверяю". Что бы это значило? Кто он вообще такой? Почему кажется знакомым? Что происходит?

Не важно. К чертям всё. Домой хочу. Банан.

До выхода я добралась благополучно. Странной девицы, разумеется, уже не было — вместо неё неподалёку от ворот стоял здоровенный чёрный джип. Причём, дверца была открыта, а в замке зажигания торчал ключ — видать, хозяин сильно торопился на встречу с "Серёгой". Чувствуя, что ноги уже почти не держат, я села в машину. Да, некрасиво. Некультурно. Бестактно. Но сейчас мне всё равно. Угонять не собираюсь, и ладно. Лишь бы сесть. Не могу больше.

Откинувшись на водительском сидении, я закрыла глаза. Заряд адреналина потихоньку слабел, вместо него накатывала усталость. Руки и ноги неприятно гудели, голова шла кругом, потихоньку куда-то уплывая. Но отключиться окончательно не давала тревога за Макса. Может, не надо было оставлять его там? Почему я вообще послушалась какого-то странного незнакомца? Откуда взялась та уверенность, что он и впрямь сумеет "разобраться"? А если не хватит сил? Если он сейчас лежит рядом с Максом и той женщиной, истекая кровью?

Подскочив, как ошпаренная, я выпала из машины. Поднявшись, уже было хотела бежать обратно, но...

— И куда это мы собрались?

Выйдя из парка, мужчина направился к машине. На плечах — Макс. По-прежнему неподвижный, словно тряпичная кукла. Я тут же бросилась навстречу.

— Он...

— Жив. — Открыв заднюю дверцу, мужчина уложил безжизненное тело на сидение. Пощупал пульс, хмыкнул. — Парень крепкий, скоро очухается.

В свете фонарей его можно было разглядеть получше. На вид лет тридцать пять, а то и ближе к сорока. В общем, ненамного моложе папы. Однако же на седину нет даже намёка, более того, волосы не просто тёмные — они жгуче чёрные, как шкурка у Сажи, нашей школьной кошки. Прямые, собраны в короткий хвост.

Высокий, наверно даже выше Макса. Не сказать, что "шкаф", но и не худой. Вроде. Под пальто не шибко разберёшь. Пахнет... по-разному. Запахов много, и смесь выходит, мягко говоря, странная. Табак, что-то алкогольное, бензин. Что-то горькое. Шерсть. Палая листва. И... женские духи? Надеюсь, мне кажется...

Закончив с Максом, он ещё дважды возвращался обратно в парк. В первый раз принёс ту женщину, а вот во второй...

— Спокойно. Он уже не кусается.

Я шарахнулась в сторону. Тот самый монстр! Который нас чуть ни загрыз! Только теперь он казался просто большой провинившейся собакой — шёл рядом с черноволосым, потупив взгляд и опустив хвост.

— Но ведь... *дикие* очень опасны, разве нет? — выдавила я, наблюдая, как зверь запрыгивает в багажник.

Мужчина вскинул бровь.

— Ты откуда знаешь? Неужели, отец рассказывал?

— Вы знаете моего отца?

— Сплошные вопросы. — Усмехнулся. — Залезай, подвезу.

Садиться в машину к какому-то странному типу... не хотелось бы. Но, с другой стороны, не отдавать же ему Макса! Пришлось сесть.

— Что, совсем не помнишь меня? — спросил черноволосый, заводя мотор.

Я насторожилась.

— Нет. А должна?

— Ну, я-то хорошо помню, как одна трёхлетняя пигалица меня за хвост таскала и всё норовила на спину залезть, покататься.

Ой...

— Не помню, — буркнула я, снова чувствуя, что краснею.

Черноволосый всё продолжал усмехаться.

— Значит, будем знакомы, Аннушка. Снова. Игорь Белозерский. Можно просто Игорь. Можно "дядя Игорь", если я для тебя слишком старый.

Ой, вы гляньте, какой остряк!

— Так что там с этим *диким*. Игорь. Вы с ним знакомы?

Кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— А как же. Это мой шофёр.

Вот это поворот!

— Шофёр?! Вы доверяете водить свою машину этому...

— Доверяю. — Он вдруг стал серьёзен. — Теперь твоя очередь, куколка. Кто тебе рассказал про *диких*? Уж точно не родители.

— А вдруг именно они?

Хмыкнул.

— Я знаю Мишу слишком хорошо. Ни черта он не расскажет. Своей дочери — уж точно. И Кали говорить не позволит.

— Кали?

— Мать твоя. В молодости у неё такое прозвище было. Но мы отклонились от темы. Кто?

Я засомневалась. Можно ли ему рассказывать? Или лучше промолчать? Впрочем, что-то мне подсказывало, что выбора нет. Пришлось описать встречу с той девицей, благо, она была недолгой.

С каждым моим словом господин Белозерский мрачнел всё сильнее. Остановив машину (как раз возле нашего подъезда), повернулся ко мне.

— Держись от неё подальше. — Глаза тёмные, взгляд пристальный и такой тяжёлый — гранитная плита отдыхает. — Ещё раз встретитесь — никаких разговоров. Просто уходишь. Будет преследовать...

Поток ценных указаний прервала седьмая симфония Шестоковича.

— Извините, мне папа звонит. Секундочку.

Радуясь возможности отвести взгляд, я было полезла во внутренний карман куртки за телефоном...

— Дай-ка сюда.

Но "дядя Игорь" выхватил его у меня из рук! Вот наглость!

— Это Белозерский. — Быстрый взгляд в мою сторону. — Всё с твоей девочкой нормально, сидит рядом. Нет. Машина у тебя под окнами. Не надо, сам зайду. Да, прямо сейчас. Поговорить надо. Так что предупреди Кали, чтобы сдержалась хотя бы при дочери. Отбой.

Разговор закончился, но мой телефон по-прежнему оставался в руках мужчины.

— Значит так, — сказал "дядя Игорь", совершенно беззастенчиво ковыряясь в меню. Поёжившись, я невольно покраснела. Как будто в ящик с нижним бельём заглянул, чёслово. — Вот тебе мой номер. На всякий случай. Держи.

Кинув мне телефон (едва поймала!), он вышел из машины. Я — следом.

— Что значит "чтобы сдержалась хотя бы при дочери"?

Вёл себя товарищ Белозерский, конечно, бесцеремонно и по-варварски. Это ещё мягко говоря. Но как же любопытно! Папа ведь мне ничего не рассказывает. Вообще. Абсолютно. А тут — другой оборотень! Пусть даже с дурными манерами — не важно. Как они познакомились? Зачем "дяде Игорю" с ним говорить? Как он вообще узнал, что этот его "Серёга" именно здесь? Что за девица? Кто она? Почему нужно держаться от неё подальше? Что такого?

Банан-банан-банан! Сколько вопросов! У меня сейчас голова лопнет! Я ж не усну!

— То и значит, — ответил мужчина. Открыв заднюю дверь, снова взвалил всё ещё бесчувственное тело Макса на плечо. — Кали меня терпеть не может.

— Почему? — разумеется, спросила я. — И почему именно Кали?

— Ты знаешь, кто это такая?

Мы направились в сторону подъезда.

— Богиня смерти и разрушения?

— Именно. Ну и язык у неё длинный. — Усмешка. — А меня не любит... там долгая история.

— Расскажите! — тут же выпалила я.

Но "дядя Игорь" покачал головой.

— Как-нибудь в следующий раз, куколка.

Бе-бе-бе.

— Я не куколка.

— А кто?

— Человек!

— Звучит гордо. Ладно, человечка, открывай давай.

Ну и ладно. Больно надо. Пф.

Я достала ключ от домофона, и через полминуты мы уже ехали в лифте. Чёрт, какой же всё-таки "дядя Игорь" высокий. Я ему чуть повыше плеча. Жуть. Полурослик какой-то. Гном. Йоркширский терьер, вот уж точно. И эта его смесь запахов... Так необычно. С одной стороны, очень странная, а с другой — хочется разобраться во всех тонкостях. Но не зажимать же его в угол и тыкаться носом в руки или шею! Впрочем, такого попробуй зажми — скорее он тебя.

Кхм, нет. "Зажать" — плохое слово... однозначно...

К чёрту такие мысли! К чёрту!

Ну вот, опять щёки горят...

Когда двери лифта раскрылись, наружу я буквально выскочила. Белозерский — следом. Как оказалось, нас уже ждали.

— Аня, ты в порядке? — тут же спросил стоявший в дверях папа. — Не ранена?

Я покачала головой.

— Со мной всё хорошо. А вот Макс...

— Посторонись. — Растолкав нас с папой, "дядя Игорь" вошёл в прихожую. — Привет, Кали. Надеюсь, тебя успели предупредить?

— Что случилось? — скрестив руки на груди, спросила мама, не удостоив Белозерского даже взглядом.

Она зла, очень зла. Но обычного для таких моментов "ядерного взрыва" не было и в

помине: мама казалась холоднее айсбергов в Северном Ледовитом океане, а взгляд... Да таким взглядом эти самые айсберги раскалывать можно! *Такой* я маму не видела ещё ни разу. Что же между ними с "дядей Игорем" произошло?

— Волковы случились, — хмыкнул Белозерский, словно не замечая мамино тона. — С парнем всё нормально. Куда его?

— В гостиную, — ответил папа. — Аня, помоги, пожалуйста.

Он-то был твёрд, уравновешен и спокоен. Как всегда.

Бросившись вперёд, я включила свет, и "дядя Игорь" занёс Макса внутрь.

— Волковы, как же, — презрительно фыркнула мама. — Да ты все беды готов на них свалить. Что, один из твоих дружков снова слетел с катушек, да? Иначе ведь ты бы ни примчался, сломя голову.

Белозерский осторожно уложил Макса на диван, головой на одну из подушек.

— Миш, или по-хорошему, или по-моему. — Выпрямился. — Мне сейчас не до выяснения отношений.

Голос на удивление спокойный, но мне ужасно захотелось забиться в какую-нибудь норку. Поглубже да подальше.

— Белозерский, — процедила мама с очень нехорошим прищуром, — ещё хоть одно слово, и...

— Настя, я тебя очень прошу, — оборвал её папа, почему-то посмотрев на меня. — Успокойся. В данном случае, он прав. Нам и впрямь нужно поговорить.

Несколько секунд мама с "дядей Игорем" молча играли в гляделки.

— Надеюсь, оно того стоит, — наконец бросила она и ушла в кабинет.

— Когда вы с ней последний раз... — раздражённо начал Белозерский, но папа и его перебил.

— Без комментариев, пожалуйста. Иди. Я сейчас буду.

Тот pokrивился, но спорить не стал.

— Аня, всё хорошо? — спросил папа, когда за "дядей Игорем" закрылась дверь. — Точно?

Я кивнула. Как же любопытно!

— Точно. А что происходит? Кто такие, эти Волковы? Тоже оборотни?

— Да. Но тебе во всё это лезть не стоит. — Пройдя в гостиную, он, сняв с Макса куртку и кроссовки, быстро его осмотрел. — Скоро очнётся. Присмотришь за ним, хорошо?

— Хорошо. А... почему не стоит?

Спорить с папой я, конечно, не привыкла, да и бесполезно это... Но уж слишком интересно, что же всё-таки происходит.

— Потому что ты ещё не готова.

Опять эта стандартная фраза... Сколько раз я её слышала!

— Мне дядя... кхм... Белозерский... Игорь... или как...

— Игорь Викторович.

— Ну да. В общем, мне Игорь Викторович дал свой номер телефона. "На всякий случай", как он выразился.

Папа кивнул.

— Можешь звонить. Но если что-то действительно случится, то сначала — мне или маме. Его номер — запасной вариант. Договорились?

— Угу. Но может всё-таки расскажешь...

— Ань. Не сейчас.

Ушёл.

Ну вот что за банан! Тайны Мадридского двора, прям! Умру я что ли, если узнаю? Или папа считает, что я глупостей наделаю? Так вроде не совсем идиотка-то. Мозги и рассудительность есть — сам говорил. Угу, говорил. Но чуть что — "ты ещё не готова". А когда буду? Когда на пенсию выйду? Как с трёхлетней, ей богу. С тем же успехом он мог запретить мне выходить из дома — я же такая глупенькая, мало ли что может случиться! Вдруг сяду в машину к незнакомцу. Или буду ночами шататься по подворотням. Или в люк открытый провалюсь. Спасибо за доверие, называется.

— Ух...

Вынырнув из потока мрачных мыслей, я взглянула на Макса.

— Очнулся, спящий красавец.

— Я... мы... у тебя?..

Приподнявшись на локтях, он огляделся. Взгляд всё ещё мутный, но сам уже хоть не такой бледный.

— Ага. — Пододвинув стул, я села рядом. — Как себя чувствуешь?

Слабо улыбнувшись, Макс было открыл рот, но вдруг покривился и снова упал на подушку.

— Голова болит... Ты как?

— Нормально. Таблетку принести?

— Было бы неплохо...

Поднявшись, я ушла на кухню, где у нас была аптечка. Не придумав ничего лучше, достала аспирин и, налив из чайника стакан воды, отнесла всё это Максу.

— Спасибо. Что произошло?

Так, вот с этого момента нужно быть осторожнее.

— А что ты помнишь? Последнее.

— Ну... — Давыдов снова покривился. — Чёрт, мысли разбегаются... Там в парке псина была... она на тебя бросилась... всё, дальше туман. — Нахмурился. — Ты точно в порядке?

Господи, да что вы меня все так опекаете-то! Я что, настолько беспомощна?!

Ладно. Вдох-выдох. Спокойно. Макс просто переживает.

Я заставила себя улыбнуться.

— Руки-ноги на месте, как видишь. Мой герой.

Но Давыдову, видимо, было не до шуток.

— А потом? — продолжал хмуриться он. — Как мы оказались у тебя дома?

Эх, придётся врать.

— Когда ты ломанулся в парк, я папе позвонила. Он пришёл после того, как ты потерял сознание. Почти сразу.

Надеюсь, вышло правдоподобно...

Какое-то время Макс молчал, периодически кривился. Видимо, пытался осознать услышанное. Я ждала, теребя в руках пустой стакан.

— А с псиной что? — наконец спросил Давыдов.

Фух. Поверил.

— Папа её отогнал. Тебе чего-нибудь принести?

— Не. Мне домой надо. Мама, наверно, с ума сходит.

Макс попытался встать, но я удержала его за плечи.

— Очень смешно. В твоём состоянии только на улицу и выходить. Маме позвони и скажи, что переночуешь у нас. Приказ ясен?

— Да, мэ, как скажете, мэ. — Улыбнулся. — А Михаил Юрьевич где? Хоть спасибо ему скажу, что ли.

Не сдержавшись, я хмыкнула.

— К нему друг пришёл. Разговаривают.

Макс, конечно же, это заметил.

— Что, ругался? Так сказала бы, что пойти в парк было моей идеей.

Лучше бы ругался, вот правда...

— Ой, ладно, фиг ты с ним. Есть хочешь? Мы с мамой вчера мясо делали...

— ...Да я скорее тебе яйца оторву, ублюдок! — рычала женщина, сжимая кулаки. — Ещё хоть раз увижу рядом с моей дочерью — пеняй на себя!

— Знаешь, Миша, а я уже начинаю в чём-то понимать Волковых. — Голос Белозерского звучал раздражённо, и без того тяжёлых взгляд карих глаз стал совсем неподвижным. — Может, и вам такие порядки завести, а? Чтобы все дела решали только мужчины. Глядишь, и договорились бы до чего-нибудь толкового. А то надоело визги слушать.

— Успокойтесь оба, — отрезал Михаил прежде, чем жена успела разразиться новой тирадой. — Мы здесь не для этого. Игорь, ты уверен, что в нападении замешаны именно Волковы?

Белозерский покривился.

— Чёрт подери, ну не делай же ты из меня идиота! Разумеется, я уверен! — Достав из кармана пальто сигареты и зажигалку, сел на диван и закурил. — Эта сучка спровоцировала Серёгу и привела его в тот парк. Не веришь мне, спроси свою дочь — она тоже её видела.

— Ладно, допустим. — Откинувшись на стуле, Михаил принялся тереть виски. — Но зачем ей было так поступать? Какова причина?

— Это ты мне ответь. Ты же с ними дружбу водишь.

— Дружба — слишком громкое слово. — Теперь в голосе мужчины появилась усталость. — И ты об этом прекрасно знаешь. Речь идёт скорее о взаимном уважении, возможно выгоде. Но и только.

— Ну значит не выгоден ты им больше. Не уважают тебя.

— Поэтому мы должны согласиться на твоё бредовое предложение? — снова вступила в разговор Настя, продолжая сверлить Белозерского свирепым взглядом. — Отдать тебе Аню и Мишин голос на Собрании? Разбежался!

В карих глазах появились жёлтые прожилки.

— Твои предложения? — Голос, однако же, был почти спокойным. — Давай, ну же. Расскажи, как *вы вдвоём* собираетесь защищать свою дочь от Волкова и его армии головорезов. Вперёд, я послушаю.

Молчание.

Минута, две, три.

— Честно признаться, — наконец произнёс Михаил, — мне сложно представить, что Маргарита Георгиевна могла бы поступить подобным образом. Да, это не самая приятная женщина, но...

— Да причём тут эта бабка? — в очередной раз прервал его Белозерский. В голосе вновь появились раздражение и нетерпеливость. — Реальная-то власть всё равно у её внука.

А он — отморозок ещё тот, сам знаешь. Вот и решил припугнуть тебя — чтоб не забывал своего места. И за кого нужно будет голос отдать, когда придёт время.

Михаил покачал головой.

— Это лишь твоё мнение.

— Даже если так. Фактов-то оно не отменяет. Сестра этого ублюдка была возле парка — то есть, о нападении Волковы знали. Давай, соображай уже!

И снова минутная тишина.

— Я не допущу, чтобы Аня стала твоей женой, — произнесла Настя дрожащим голосом. Прежняя ярость потухла, затопленная подступающим отчаянием. — Ни за что. Кто угодно, только не ты.

На губах Белозерского появилась усмешка.

— Чёрт возьми, Кали, да не съем я твою девочку. И не изнасилую. Даже если очень захочется. Зато, когда станет моей женой, беспокоиться будет не о чем. Защитить я её смогу, а к Мише без его голоса в Собрании никто лезть не станет. Ну что, согласны?

Супруги переглянулись.

— Я поговорю с Аней, — ответил Михаил мрачно.

— Если с её головы упадёт хоть волос, — добавила Настя, — если ты её хоть как-то обидишь, скотина похотливая...

Белозерский вновь усмехнулся.

— Да-да-да. Оторвёшь мне яйца, и все дела. Ладно, пойду готовить брачное ложе. — Поднявшись, он было направился к выходу, но у самой двери обернулся. — Миш, я всё понимаю, но тянут не стоит. Чем быстрее, тем лучше. Волковы ждать не будут.

— Иди давай, — буркнула Настя. — Сил уже нет твою рожу видеть.

— Как скажете, мама. Привет невесте.

Каникулы прошли быстро. Как, впрочем, и та "волшебная" осень, которая мне так нравилась. Снова пошли холодные дожди, заливая город сонливой "питерской" серостью. С Максом было всё в порядке. Пару дней посидел дома, а потом снова бегом в институт — к любимой физике. Извращенец.

Про оборотней я ему так ничего и не говорила — папа сказал, мол, не стоит, во всяком случае, пока что. После ухода "дяди Игоря" он вообще был какой-то уж совсем молчаливый и задумчивый. Даже мрачный. Мама тоже весельем не блистала. Да и рассеянная какая-то была. Не отходила от меня ни на шаг. Вечером после работы то помощь с уроками предлагала, то звала что-нибудь приготовить вместе. На выходных опять пошли по магазинам и купили мне кучу всего — от новых туфель в школу до брелка на телефон. Я, конечно, и без того не страдала и не жаловалась, как некоторые — мол, родители никогда не покупают то, что мне хочется. Нет. Даже наоборот. Но чтоб вот так всё и сразу... необычно. Или это из-за того нападения? Чтобы я не переживала? С одной стороны, приятно, но как-то...

— Так что у вас с Максом? — вдруг спросила мама за завтраком.

Хмыкнув, я пожала плечами.

— Вроде ничего.

— Так "вроде" или "ничего"?

— Ну-у-у...

Рассказывать или нет?

— Ну?

Ладно.

— Не знаю, — честно призналась я, доставая из буфета какао и печенье. — Он... ну... в общем, Макс чуть меня не поцеловал.

Мама вскинула бровь.

— Чуть? И что же ему помешало?

— Инстинкт рыцаря, — мрачно усмехнулась я. — Мы тогда как раз были рядом с тем парком. Потом услышали крик, ну и понеслась. Как-то так.

Печенье, масло, сухое какао, ещё одно печенье — вуаля, "бутерброд" готов. Осталось сделать чай.

— А ты определилась со своими чувствами? — продолжала мама, расправляясь с яичницей.

Я снова пожала плечами.

— Банан.

— Очень содержательно.

— А что ещё тут скажешь? Не знаю я, что чувствую к Максусу. Поэтому банан. Большой и жёлтый.

Эх, я ведь вру. Ну, может, не так чтобы совсем вру, но правду несколько искажаю. Интересно, мама это понимает? Наверняка. Но, благо, допытываться не станет — не в её духе.

После того случая я начала воспринимать Макса... даже не знаю... по-другому. Нет, мы по-прежнему друзья, по-прежнему можем часами болтать о разных разностях и смеяться над

только нам понятными шутками.

Но...

Он ведь меня спас. Бросился под клыки того чудовища. Не задумавшись! Да, Макс считал, что это просто бешеная собака — но всё равно! Это так... не знаю... храбро. Трогательно. Восхищает. И заботился он в первую очередь обо мне. Даже когда только-только пришёл в себя.

А если Макс снова захочет меня поцеловать? Я позволю? Интересно, он уже с кем-то целовался? Или я буду первой? *Если* буду, разумеется... кхм... банан.

Нет, об этом пока что лучше вообще не думать.

О, вспомнила!

— Слушай, я тут хотела у тебя кое-что спросить... Ты только не обижайся.

Мама усмехнулась.

— Ну, можешь попробовать. Но если что — сама виновата.

Бе-бе-бе.

— А... а почему Игорь Викторович называет тебя "Кали"?

Так, теперь главное — не упустить момент и "если что", вовремя убежать в школу. Ну или хотя бы под стол.

Однако же, взрыва не последовало.

— Потому что кое-кто слишком умный, — хмыкнув, ответила мама хмуро.

— Игорь Викторович?

— Михаил Юрьевич.

Неожиданно!

— Папа? — От удивления я даже выронила печенье. — А он-то тут причём?

Снова фыркнула.

— Притом, что именно твой папа начал меня так называть. А Игорь уже подхватил.

— Так почему назвал-то?

— Потому что я синяя и всех убиваю, разумеется, — проворчала мама. — Что, незаметно? Всё, в школу иди.

Меня распирал смех.

— Я — Калька.

Она снова вскинула бровь.

— Странно, мы вроде тебя по-другому называли. Ну хоть не "Банан", спасибо и на этом...

— Ничего ты не понимаешь!

— Да куда уж мне.

— Ты — Кали, а я — твоя дочь. Маленькая Кали. Калька.

Мы смеялись минут пятнадцать.

В школе было всё по-прежнему — родной дурдом. Жемчугова, перл наш, хвасталась перед подружками новым маникюром и новым парнем. Лёха с Денисом в очередной раз доводили англичанку чрезвычайно остроумными вопросами, типа: "А как будет по-английски "пляж"?". Кулагин дразнил Василису, называя её "Васькой". Та жутко бесилась, мол, она не кот.

Ну а Рудакова с Балашовой конечно же болтали.

— У меня позавчера двоюродная сестра замуж вышла, — делилась Оксана на перемене. — Всё было так классно! Янка такая красивая была! У неё такое офигенное

платье! Блин, я тоже хочу замуж!

— И я даже знаю, за кого, — прыснула со смеху Ирка. — Колю позвать?

Рудакова отмахнулась.

— Пошла ты! Сама за этого дрища выходи! Будете вместе в эту свою "Готовальню" задротить!

— "Линейку", дура! — тут же обиделась Балашова. — И вообще, игра называется Ла...

— Да мне пофиг! Хоть "Транспортир"!..

И понеслась. Я даже вмешиваться не стала — бесполезно. Они всё равно всегда ссорятся. По любому поводу. Если его нет — найдут. Но при этом вечно ходят вместе — мол, поодиночке скучно. Ну да, конечно. Мозг-то выносить некому.

За пять минут они успели разругаться, чуть ли не подраться, снова помириться и опять заговорить о свадьбе. Лучшие подруги, чего там!

— Аня! — наконец выдала Оксана. — Я хочу замуж за Макса!

Начина-а-ается... Приступ романтизма. Как хорошо, что Давыдов уже в институте! А то ведь учился в нашей же школе. Эти две цацы ему бы проходу не дали — вздыхают по нему лет с тринадцати.

— Он на тебя даже не посмотрит, чучело, — снова захихикала Ира. Во взгляде, впрочем, мелькнула ревность. — Какая тут свадьба.

— Да Макс и не собирается, вроде как, — добавила я.

Но Рудакова уже рисовала сердечки на полях.

— Когда-нибудь же соберётся!

— Ну допустим. А я-то тут причём?

— Ты ж его подруга!

— И-и-и?..

— Сделай что-нибудь!

Я рассмеялась. Оксана в своём репертуаре!

— Например? Посадить Макса на цепь и притащить в ЗАГС?

— Забей, Ксю, ничего она не сделает, — фыркнула Ира. Вроде шутливо, но взгляд какой-то странный. — Они с Давыдовым встречаются.

Мы с Оксаной чуть со стульев не попадали. Ого! Интересные подробности моей личной жизни!

— Спасибо, что сказала, — сыронизировала я. — Может, ещё что-нибудь обо мне расскажешь? Я-то, как выяснилось, не всё знаю.

— Что, скажешь нет?

Так, а вот это уже не шутки. Враждебность.

— Скажу. — Спокойствие, только спокойствие. — С какого потолка ты вообще это взяла?

— Я видела, как вы гуляли на каникулах.

Пф!

— Ир, я "гуляю" с Давыдовым лет с пяти. Мы друзья. Ты об этом прекрасно знаешь. И раньше как-то не возмущалась. Чего теперь-то?

Но кое-кому уже было плевать на доводы разума.

— Не надо делать из меня идиотку, Аня, — отрезала Балашова уже с откровенной злобой. — Я видела, как он на тебя смотрел. Не как на подругу — уж точно. Это невозможно не заметить. Так что кончай ломать эту тупую комедию — лицемерия я не перевариваю. Ты

об этом прекрасно знаешь.

Здрате-приехали!

— Да ладно тебе, — наконец-то подала голос тоже опешившая Оксана. — Аня бы нам сказала, если они с Максимом начали встречаться. Правда же?

— Разумеется.

Чёрт. Я ведь знаю, что Макс действительно смотрит на меня не как на младшую сестру или даже подругу. Получается, Ира права, и я — лицемерная дрянь?..

— Вот видишь, — продолжала увещевать Рудакова. — В конце концов, сердцу не прикажешь. Если он выберет Аню...

— Спасибо за поддержку! — Вскочив, Ирка схватила портфель. — Хочешь дальше общаться с этой предательницей — о'кей! А мне хватило!

Запихнув пенал, учебник и тетради, пересела в начало другого ряда, рядом с Колей.

Мы с Оксаной переглянулись.

— Что это было? — спросила она, обиженно глядя вслед подруге.

— Ревность, — мрачно ответила я. — Видимо, по представлениям мадемуазель Балашовой, Макс должен был выбрать её и только её.

Нет. Никакая я не лицемерка. Я ведь не виновата, что понравилась Максу. Специально его внимания не привлекала. Так что с меня взятки гладки. Давыдов мне как брат.

Брат? А если снова поцелует? А если понравится?

Господи, ну что за банан...

Шестым уроком был русский язык. Вот уж с чем-чем, а с ним никаких проблем просто не существовало — одни пятёрки. Обычно. Но сегодня явно не мой день. Раскрыла я учебник, начала писать — а голова забита обидой на Ирку, разговором с Оксаной, мыслями о "дяде Игоре", о Максе и том вечере.

Потом, как назло, учительница начала вызывать к доске. Кто пошёл? Разумеется, Вавилова! Как всегда вовремя. Вот только писать эта самая Вавилова начала какой-то бред — в голове-то банан полный. Ошибки элементарнейшие. Слава богу, Екатерина Эдуардовна меня любит — вместо двойки поставила в журнал точку и сказала, что спросит на следующем уроке. И это при всём классе! Позор! Да и Ирка на меня так смотрела — мол, вот и доказательства, не можешь толком сосредоточиться, нервничаешь. Значит, влюбилась.

А ведь день так хорошо начинался! Лучше бы я и впрямь была калькой, вот правда. Лежишь себе, свёрнутая в рулон, никого не трогаешь. Никому ты не нужна. Никакие Максы на тебя никак не смотрят, никакие Ирки не закатывают сцены ревности. А тут... кошмар. Ужасный день. Настроение загублено напрочь.

Звонок с последнего урока меня ничуть не обрадовал. Балашова ушла одной из первых, в нашу сторону даже не взглянула. Я-то ладно — обидно, конечно, и довольно сильно. Но не смертельно. А вот Оксана прям извелась вся — теперь она была между молотом и наковальней. Мы вышли из кабинета последними, но ещё раза три возвращались: сначала Рудакова вспомнила, что хотела задать вопрос Екатерине Эдуардовне, затем — что забыла сначала учебник, потом телефон. В итоге я просто-напросто её отпустила.

— Ты не обидишься?.. — робко спросила Оксана, глядя на меня взглядом наказанной таксы, которая просит прощения.

Я заставила себя улыбнуться.

— Не. Всё в порядке. Может, Ирка хотя бы тебя послушает.

Она чуть ли ни кинулась меня обнимать.

— Спасибочки! Ты лучше всех!

Наскоро одевшись, Рудакова выбежала из школы.

Мне же торопиться было некуда — идти никуда не надо, мама с папой всё равно на работе. А сидеть в пустой квартире... Вообще, ничего против не имею, но конкретно сейчас — как-то не тянет.

Жизнь — боль, всё — тлен.

Задали кучу всего. К послезавтра нужно реферат по биологии сдавать, а у меня ещё конь не валялся. Историчка тоже обещала опрос устроить. По английскому три текста переводить. Небольших, но всё же. А ещё химия, алгебра, литература... Банан, банан, кругом банан.

В общем, на улицу я уже не выходила, а выползала. Там не лучше — холодно, мерзко, уныло. Прямо как у меня внутри. Всё ноет. Да ещё этот чёртов ветер. Холодный! И дождь. А зонтик, разумеется, дома. Ну правильно, кому он нужен в конце осени да ещё в Питере? Пф, глупости какие! Господи, скорей бы стемнело — хоть этой дурацкой серости видно не будет...

Обмотавшись шарфом по самые глаза, я было поползла к дому, но возле калитки...

Силы небесные!

Макс! С цветами! И Ирка! Рядом! О чём-то разговаривают!

Как "вовремя"-то, а! Как знал, чес-слово!

Куда деваться? Назад? Не в школу же обратно. Или всё-таки?.. Нет, глупости. Другой выход? Только этот. Перелезть через забор? Высоковато. Ну и ладно. Зато смогу...

— О, привет.

Поздно.

Всё, мне конец.

— П-привет... — выдавила я, когда Макс подошёл ближе.

Ирка осталась стоять возле калитки. Взгляд у неё был... кхм...

— Это тебе. — Сверкая улыбкой, Давыдов вручил букет моих любимых красно-жёлтых тюльпанов. — Что-то не так?

Спохватившись, я постаралась выправить выражение лица.

— Нет, всё нормально... — Чёрт, а Балашова всё так и стоит, не уходит. Смотрит. — Просто... ну... а какой повод? День Рождения у меня нескоро, до восьмого марта тоже ещё далеко...

Снова улыбнувшись, Макс взял меня за руку.

— Без повода. Просто хотел тебя порадовать. Есть хочешь? Можно куда-нибудь сходить.

Ира, отвернись! Умоляю! А лучше уйди!

Господи, как же всё не вовремя!

— А... а у тебя сейчас разве нет лекции?.. — с глупой улыбкой задала я глупый вопрос.

— Нет, у нас сегодня только две пары. Ну что, пошли?

Пока я лихорадочно подбирала, какую идиотскую фразу выдать на этот раз, Балашова решила, что настало время действовать.

— Вы встречаетесь? — подойдя к нам, спросила она, в упор глядя на Макса.

— Да. — Нет! — сказали мы одновременно.

Смотреть на Ирку сил не было. Хотелось куда-нибудь забиться.

— А что? — с недоумением спросил Макс, ибо молчание затягивалось.

— Ничего, — бросила она коротко. — Я так и знала.

Развернувшись, пошла прочь.

— Ну так? — Пальцы Давыдова сжали мою ладонь крепче. — Кстати, ты почему без зонта? Хоть бы шапку надела, а то промокнешь, заболеешь.

— И умру! — взвыла я. — И тебя убью! Нашёл время!

Он вскинул бровь.

— Ты чего?

Я рывком высвободила руку.

— Да ничего! Зачем ты сказал, что мы встречаемся?! Как мне теперь Ирке в глаза смотреть?!

— А она-то здесь каким боком?

— Таким! Час назад она доказывала, что мы вместе! А я говорила, что мы просто друзья!

Снова улыбка, только на этот раз... лукавая?

— Разве? — спросил Макс, вдруг приобнимая меня за талию. — Знаешь, что-то мне подсказывает, что эта твоя Ирка права.

Я покраснела. Сильно. Очень.

— Ничего не права! И вообще, ты мне как брат! Мы росли вместе!

А этот гад только продолжал улыбаться.

— Ну и что?

— А то, что... что... ну... козёл ты! Вот так!

Отвернувшись, я было хотела очень гордо удалиться, но Макс не пустил. Снова прижав к себе, взял лицо за подбородок...

...и поцеловал.

Так... нежно. И долго. Сразу стало уютно. Спокойно. И пусть вокруг дождь, ветер, серость. Они вдруг стали такими далёкими-далёкими. Неважными. Словно до этого у меня внутри было открыто окно, а теперь его закрыли. И непогода больше не страшна, в ней даже появляется какое-то очарование. И ныть больше не хочется. И обида забыта.

Ох...

— Так что, мы встречаемся? — поинтересовался Макс, отстранившись от меня буквально на сантиметр.

Я медленно открыла глаза. Он снова улыбался. Так... светло. Искренне. Ласково. И в то же время немного лукаво. Я видела много его улыбок, но ни одна из них не казалась настолько близкой, настолько родной. Тёплой. Даже нет, не так. Согревающей. Как чай с корицей. Он сладкий, вкусный, но при этом ещё и с эдакой остринкой. Которая как раз и греет лучше любого кипятка.

Или мне так кажется потому что от Макса пахнет чаем?

— Посмотрим, — тоже улыбнулась я, отводя взгляд.

Щёки снова горели, но провалиться сквозь землю почему-то не хотелось. Руки сами собой легли Давыдову на плечи.

— Нет уж, — усмехнулся он. — Говори сейчас.

Я уже было открыла рот, чтобы ответить... но, поддавшись внезапному порыву, сама поцеловала Макса. Он был совершенно не против. Обнял ещё крепче. Сколько раз я чувствовала его прикосновения! За год не сосчитаешь. Но ещё никогда они не вызывали во мне... *такого*.

— Ну как тебе ответ? — оторвавшись, спросила я с усмешкой. — Разобрал?

Давыдов вернул мне точно такую же.

— Не совсем.

И снова поцеловал.

Господи, ну наконец. Все эти дурацкие метания кончились. Ничто больше не мучило — даже наоборот, стало очень легко, хотелось смеяться, чуть ли не танцевать. Сначала мы пошли в "наше" кафе, ибо Макс и впрямь хотел есть. Но как только он сделал последний глоток чая, я заявила, что хочу гулять. Гулять! Да чтоб я захотела выйти на улицу в такую погоду — воистину любовь творит чудеса! Ну или влюблённость. Ай, к чёрту! Не важно!

Бродили долго. Все места, разумеется, уже давно были изучены до последнего камня, но теперь казались совершенно другими. Например, двор нашего дома. Детская площадка. Ещё несколько дней назад, когда я качалась на качелях, Макс демонстративно закатывал глаза, цокал языком и заявлял, что чувствует себя отцом малолетней дочери. Теперь господин Давыдов просто стоял рядом и уговаривал меня надеть шапку, ибо дождь всё не прекращался. Я, естественно, вредничала: показывала Максиму язык и говорила, что ничего надевать не буду. Так этот гад достал остановил качели, достал из моей сумки шапку и напялил мне на голову! А потом ещё и поцеловал вдогонку, мол, чтобы неповадно было в следующий раз. Варвар!

И так везде, куда бы мы ни пошли. Всё по-другому. Я то сама обнимала Макса, то продолжала вредничать. Он улыбался. Грозился укусить. Целовал. Много. Чуть ли не через каждый десяток шагов. И я его. Прохожие смотрели на нас, кто-то осуждающе качал головой, кто-то тыкал пальцем. Ну и что. Ну и пусть. Мне всё равно. Давыдову — тем более.

— Анна Михайловна, вас где черти носили?! — напустилась на меня мама, как только я переступила порог квартиры. — Тебе телефон был куплен не для того, чтобы ты его не слышала!

— Мы с Максом гуляли, — ответила я с широкой улыбкой. Просто не могла сдержаться. Достала из сумки мобильник — обалдела. Сорок два пропущенных вызова! Пять от папы и тридцать семь от мамы! — А что такое? Что-то случилось?

— Помимо того, что на вас недавно напали? — отрезала мама. Набрал на домашнем телефоне какой-то номер, приложила трубку к уху. — Это я. Да. Вернулось твоё солнышко. Сияет на всю прихожую. Без понятия. Ты там ещё долго? Ладно, пока.

— Папы ещё нет? — удивилась я, снимая куртку и сапоги. — Чего вдруг?

— На работе задерживается. — Мама продолжала хмуриться. — Почему ты не отвечала? Мы с отцом чуть не рехнулись!

Я пожала плечами.

— Не слышала. Извини. Со мной всё в порядке, на нас никто не нападал.

Видимо, мой вид был уж слишком блаженным — вместо того, чтобы продолжать ругаться, мама просто подошла ближе. Молча осмотрела меня с головы до ног, заглянула в глаза. Усмехнулась.

— Ясно. А я-то думаю, чем это пахнет от моей девочки. Губы не болят?

Кровь как всегда ринулась к щекам.

— Не-а, — снова улыбнулась я. — Мне хорошо.

Мама покачала головой. Но уже была не такой мрачной.

— Заметно. Но ещё раз не возьмёшь трубку — мало не покажется.

Я весело фыркнула.

— Бе-бе-бе! Злая ты! Совсем меня не любишь! Родную дочь!

Взгляд мамы как-то странно изменился. Совсем ненадолго, буквально на секунду. В нём

появилось... отчаяние? Потом всё стало по-прежнему, словно ничего и не было. Странно.

— Да вообще. — Снова фыркнула. — Не повезло тебе с матерью. Бедненькая. А теперь ешь и марш за уроки. Гулёна.

— Точно ничего не случилось? — спросила я на всякий случай.

— Точно. Иди давай.

Значит, показалось. И слава богу.

Интересно, завтра Макс свободен?..

— Слушаю.

— Хватит тянуть кота за яйца.

— Здравствуй, Игорь. Хватит на меня давить. Я поговорю с Аней, когда будет удачная возможность.

— То есть, когда девочка уйдёт на пенсию.

— Это уже детский сад.

— Нет, Миша. Это стена. К которой ты сам себя припёр своей чёртовой осторожностью. Значит так. Даю неделю. Потом говорю с ней сам.

— Ты меня шантажируешь?

— Предупреждаю. Мне надоело терять время впустую.

— Это — моя дочь! Она — школьница! Ей, чёрт возьми, шестнадцать!

— Я в это время уже зарабатывал.

— Игорь...

— Нет. В конце концов, для неё так будет безопасней. Сам знаешь.

— Ладно. Хорошо. Я поговорю с ней... на днях.

— Надеюсь. Всё, отбой.

Эта неделя была просто обалденной! Во-первых, выглянуло солнце. Мир вокруг вновь подёрнулись лёгкой дымкой, всё казалось загадочным и волшебным.

Во-вторых, я помирилась с Балашовой. Подловила её в столовой, извинилась и рассказала всё как есть. Что долгое время мы с Максом и впрямь были братом и сестрой, но потом он увидел во мне девушку, ну и так далее. Ирка, конечно, всё равно была кислой, однако тоже извинилась, признав, что поступила не по-дружески. Оксана чуть из штанов не выпрыгнула от счастья.

Ну и в-третьих, мы с Максом всю эту неделю провели вместе. Он встречал меня после школы днём, а вечером провожал до дома. Один раз я слишком засиделась, и мама разрешила остаться у Давыдовых на ночь, благо, раньше такое тоже случалось. Я помогла тёте Наде испечь печенье, а потом мы с Максом всю ночь смотрели фильмы. Он меня обнимал, мы целовались... а потом я уснула прямо у него на плече. Утром оба были как огурчик — все зелёные и в пупырышек. Но ни о чём не жалели.

Сегодня уже воскресенье. Макс разузнал, что этим вечером, на Дворцовой, рок-звёзды будут петь песни Виктора Цоя — и сразу же загорелся. Ну ещё бы, у Давыдова им весь плеер забит, а концерт благотворительный, то есть заходи, кто хочешь. Но сейчас вечер только начинается, до самого мероприятия ещё часа три. Мы договорились встретиться на Невском, у метро, чтобы успеть погулять по центру города, пока погода не испортилась. Я, конечно, хотела бы пораньше, но Давыдов объявил, что у него скоро сессия, и что если он по-прежнему будет также плевать на учёбу, то вылетит из института. Ботаник.

— Ну и где нас черти носят?

Встреча назначена на четыре, а уже полпятого. Мимо меня уже электричек десять проехало! Пришлось звонить.

— А сколько времени? — спросил Макс каким-то замученным голосом.

— Много! Я тебя жду уже полчаса!

— Чёрт! — Где-то на заднем фоне слышался шорох бумаги и щёлканье ручкой. — Ань,

извини, но я сегодня не могу. Нам, оказывается, ещё один курсач делать надо. Плюс лабы. А я и так полночи не спал...

Ну во-о-от! Эх.

Я обиженно вздохнула.

— Плохой ты.

— Не сердись, Пумпон.

— Я не Пумпон! Я — Владыка Тьмы! Забыл?

Макс рассмеялся.

Это всё из-за шапки. Мама её купила лет сто назад, но я носила до сих пор — уж больно нравилась. Хотя, по сути, ничего такого — обычная шапка, вязаная, кремового цвета, с пумпоном на макушке. Давыдов как-то сказал, что мы с ним похожи — мол, я такая же белая и пушистая. А потом бегал от меня по всему двору. Я, конечно же, упорно доказывала, что Абсолютное Зло — моё второе имя, но этот гад почему-то не верил. Странные существа, эти мужчины.

— Ладно, ладно, повелительница Тьмы. Простишь?

Я фыркнула.

— Подумаю. Так, стоп. А как же концерт?

Тяжёлый вздох.

— Не дави на больное.

— Эй, ты же так хотел!

— Закончить институт я хочу больше. Ладно, пойду обратно в бумажки закапываться.

До вечера?

— Встретимся?

— Ну-у-у...

— Ладно, хоть позвонишь, когда будешь посвободней?

— Позвоню конечно. Пока, Пумпон. Не скучай.

И повесил трубку.

Вздохнув, я убрала телефон и пошла к эскалатору. Обидно. И даже не из-за того, что не сможем встретиться (хотя и это тоже). Больше из-за концерта. Мне-то, считай, всё равно, я такое не слушаю. А Макс чуть ли не часы считал. Дурацкая учёба. Кто её вообще придумал?

Поднявшись наверх, я вышла из метро. Погода изумительная. Солнце, конечно, уже почти село, зато закат — на полнеба. Ветра нет. Листьев на деревьях, правда, тоже, но в центре города это не так уж и бросается в глаза.

Единственный минус — хочется есть, причём сильно. Ехать домой? Не, не стоит. А то мама, чего доброго, вспомнит, что мне завтра контрольную по химии переписывать. Ещё готовится заставит. Лучше не рисковать. Денег тоже нет: в кармане какая-то мелочь и купленный заранее жетон — чтобы после концерта не стоять в километровой очереди в кассу. О! Знаю! Тут же папин научно-исследовательский институт недалеко! В смысле, где он работает, конечно. А рядом есть кафе. Не такое уютное, как "наше", но, как говорится, на безрыбье...

Теперь главное, чтобы товарищ Вавилов не был занят.

Я снова достала телефон. Папа, как всегда, ответил почти сразу.

— Что-то случилось?

— Нет. Ты не занят? Кстати, привет.

Неужели до сих пор переживает из-за того случая? Смешно!

— Привет. В чём дело?

Хм, судя по голосу — занят. Но не умирать же мне голодной смертью! Да и мама говорит, что папа в трудоголика превращается. Вот и пусть немного отвлечётся.

— Я есть хочу.

Молчание. Видимо, обалдел от такой наглости.

— Ты же собиралась встречаться с Максимом.

— Да он готовится к этой своей сессии. Дома остался.

— Кое-кому, между прочим, тоже химию сдавать. Не хочешь съездить домой и почитать учебник?

Упс...

— Не хочу учиться, хочу жениться. Ну пожа-а-а-алуйста! Иначе умру от истощения!

Снова молчание. Вздох.

— Хорошо. Жду тебя у входа.

— Спасибо-спасибо!

Отлично! Меня накормят! Ура! Правда, потом всё равно придётся ехать домой. Ну и ладно. Авось, мама про контрольную не вспомнит.

Минут через двадцать мы с папой уже сидели в кафе. Он, как всегда, пил крепкий чёрный чай без сахара, а я уплетала двойную порцию мясного салата.

— Мне нужно с тобой поговорить, — вдруг сказал папа.

Взгляд серьёзный, сам очень мрачный. Последнее время я его другим и не видела. Но когда спросишь — "всё в порядке".

— О чём? — мигом забыв о дурачестве, спросила я также серьёзно.

Папа молчал. Сначала смотрел мне в глаза, но потом отвернулся. Да что происходит?!

— Не пугайся, — наконец сказал он, видимо заметив выражение моего лица. — В *другом мире* назревают некие... события.

— Какие? — тут же спросила я, забыв про еду.

Папа говорит об оборотнях! Сам! Да ещё и не дома! Обалдеть! Видать, и вправду что-то случилось. Например, второе Пришествие.

— Очень важные. Которые, увы, касаются всех. Наша семья — не исключение.

— Пап... — Я огляделась. Из посетителей были только мы, но всё же. — Мне дико любопытно, ты знаешь. Но если это так важно, то может лучше поговорим об этом хотя бы у тебя на работе?

Он слабо улыбнулся, кивнул.

— Молодец. Да, о таких вещах обычно говорят за закрытыми дверями. — Новый вздох. — Но я и так слишком долго тянул. Слушай меня внимательно. Тебе нужно будет...

Опять замолчал, лежащие на столе ладони сжались в кулаки. Я похолодела.

— Что? — Тишина, тяжёлый взгляд. — Пап, скажи. Прошу. Я сделаю. Всё, что нужно. Что угодно. Не молчи!

— Тише, тише, солнышко. — Взял меня за руку. — Тебе нужно... выйти замуж.

Сказать, что я **УДИВИЛАСЬ**, значит вежливо промолчать.

— За... зачем?.. За к-кого?..

— Так нужно. Просто поверь мне. Это ради твоего же блага. Помнишь Игоря Викторовича?

— За него??!

Молчание.

— Да. Анют, я тебя очень прошу...

Но у меня уже начался приступ нервного смеха.

— Знаешь, когда я говорила, что "хочу жениться", это была шутка! Замуж тоже как-то не очень!

— Ань, я...

— Сколько ему? Твой ровесник? А мне даже восемнадцати нет! Вот это пара! Ты что, "Лолиту" недавно перечитывал?

Ох, надо успокоиться. Вдох-выдох. Тихо. Никакого смеха. Как хорошо, что из людей вокруг только кассир за стойкой, и то в другом конце зала.

Товарищ Вавилов ждал.

— Фу-ух... Так зачем всё это? — спросила я, наконец-то совладав с собой. — Зачем мне нужно выходить замуж за человека, с которым мы знакомы от силы час, если не меньше? Уж молчу про разницу в возрасте. Сам-то "дядя Игорь" согласен?

— Да. — Папа по-прежнему был очень мрачным. — Вынужденная необходимость. Поверь, если бы я мог найти другой выход, то непременно бы им воспользовался.

Смеха как не бывало. Вместо него появилась злость.

— Что за необходимость? — продолжала напирать я. — Почему именно за него? И вообще, у меня есть парень!

Очередной вздох.

— Максиму лучше ничего не знать. — Сжал мою ладонь крепче. — Анюта, солнышко моё. Так нужно. Пожалуйста, прости меня. Если бы я мог...

На секунду мне показалось, что папа сейчас разрыдается. На секунду мне захотелось крепко-крепко его обнять и со всем согласиться — лишь бы не видеть *такой* взгляд. У кого угодно, только не у папы!

Но злость оказалась сильнее.

— Что происходит?! — уже буквально прорычала я. — Мне уже не пять лет! Когда ты это поймёшь?! Я не ребёнок! Рассказывай!

— Пожалуйста, успокойся.

— Нет, не успокоюсь! Мне надоели эти тайны!

— Аня...

— Хватит!

— Успокойся. — Голос папы стал твёрже. — Слышишь меня? Всему своё время.

Опять! Опять! Как с тупой куклой! С младенцем!

— Вот сам за этого козла и выходи!

Вскочив из-за стола, я бросилась на улицу. Папа — следом.

— Аня! Подожди!

Остановка. Совсем рядом, буквально в десятке метров. Автобус. Вот-вот уедет. Бегом! Внутрь! Папа что-то кричит вслед. Плевать! Не хочу больше слушать! Сколько же можно! Надоело! Бесит!

Двери закрылись. Автобус отъезжает.

Папа стоит на улице. Спешно достаёт телефон. Мой начинает звонить. Выключаю звук. Убираю. Достаю плеер. Надеваю наушники.

С меня хватит.

К чёрту.

— Белозерский.

— Надеюсь, у тебя всё готово.

— Неужели. Свершилось. Как отреагировала?

— Бурно.

— По тебе слышно. Сбежала?

— Да.

— Ничего, вернётся.

— Знаю.

— Миш, успокойся. Всё с ней будет хорошо. Я позабочусь.

— Позаботишься. Потому что, если с моей дочерью что-нибудь случится — я вырву тебе сердце. Голыми руками.

— Ого! От Кали нахватался?

— Я предупредил.

— Понял, не дурак. Ладно, Шива, бывай. Скоро свидимся. Отбой.

Ужасно. Просто кошмар. Как будто сначала тебе дали крылья, ты, весь такой радостный, взлетел. А потом их оторвали. Причём, не просто взяли и выдрали, а ещё приговаривая: "Это для твоего же блага, солнышко". И ты летишь вниз, на камни. И разбиваешься так, что остаётся одно кровавое месиво, которое не опознают даже близкие родственники.

Хотя какие они, к чертям собачьим, близкие! Близкие так не поступают! Или Михаил Юрьевич думал, что я и на этот раз всё спокойно проглочу, разве что немного потрепыхаясь? Как бы не так! Дудки! Баста! Финита ля комедия!

Замуж! За какого-то незнакомого мужика! Который ещё и старше меня дай боже только в два раза, а не во все три! Которого моя мать на дух не переносит! Что я Максускажу? "Извини, это для моего же блага"? "Папа сказал, что тебе лучше ни о чём не знать"? Бред бредовый! Идиотизм! Чем Михаил Юрьевич думал? И думал ли вообще? Он, конечно, любит историю, но сейчас уже немного не Средневековье, договорные браки слегка не в моде! Ладно бы хоть объяснил, что к чему! Да, что дело серьёзное, было видно и так — но этого, чёрт возьми, недостаточно! Уж слишком оно серьёзное!

Буквально через пару остановок у автобуса была конечная. Пришлось выйти на улицу. Уже стемнело окончательно, возле некоторых зданий зажглась подсветка, мигали рекламные вывески. Раньше я бы непременно захотела погулять по вечернему городу, но сейчас желание было только одно — утопиться в Неве.

Людей вокруг становилось всё больше. Ещё бы, ведь уже вечер — все торопятся с работы домой. Кто-то хочет поскорее увидеться с любимым человеком. Кто-то наоборот придёт в пустую квартиру. Кто-то будет отдыхать. Кто-то учиться. У кого-то плохое настроение из-за того, что шеф наорал или поссорились с сокурсником или коллегой. У всех всё по-своему. Но они хотя бы живут в своём мире. Они — люди. Разные, но обычные. А я? Ни туда, ни сюда. Ни рыба, ни мясо. Ни человек, ни оборотень. И так — всю жизнь. Да какое ж это "благо"? Где вы его увидели, Михаил Юрьевич? В чём? И почему так упорно не хочет говорить мне об этом?

Вопросы, вопросы... Как всегда.

Очнувшись от своих мыслей, я поняла, что людской поток занёс меня в подземный переход. Ну ладно. О'кей. Метро, так метро. Спустившись на эскалаторе вниз, я зашла в поезд, встала у стены вагона рядом с сидением, надела наушники и закрыла глаза.

Всё. Нет меня. Ни для кого. В голове только музыка, стук колёс и голос, объявляющий название станций. Раствориться в этом. Попытаться забыться. Хотя как-то. Чтобы не было так больно, так обидно. Чтобы злость не мучила.

Эх...

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция "Невский проспект".

Невский? Надо выходить. А то Макс опять будет ворчать, если опоздаю.

Поезд остановился, я на автомате вышла.

Стоп.

Макс же мне звонил. Сказал, что мы не сможем... а потом разговор с отцом...

Чёрт.

Это сколько же я каталась? Плей-лист вроде не повторялся. Хотя... Плеер, вон, почти

разряжен. Однако.

Сбросив оцепенение, я пошла к выходу с платформы. Н-да уж, забылась, так забылась. И ведь помню, что и до этого выходила из одного поезда и садилась на другой. Отрывочно, но всё же. Хорошо наше метро гипнотизирует, ничего не скажешь! Ну хоть на рельсы не шагнула — и на том спасибо.

Снова вышла из метро. Снова на Невском. Де жа вю. Достала телефон: один не принятый от папы и три от... Белозерского? Господи, а ему-то что нужно?! Плевать. С высокой колокольни.

Опять толпа народу. Опять куда-то несёт. Как сомнамбулу какую-то. А ну и ладно. Пусть. Домой всё равно не хочу. От одной мысли становится тошно. Эх, жаль плеер окончательно "умер".

Хотя музыка звучит и без наушников. Да ещё такая громкая!

Я огляделась. Дворцовая! Эх, везёт мне сегодня! Как утопленнику. Ну хорошо хоть очнулась вовремя, когда была на краю площади. А то потом было бы не выбраться. Интересно, как там Макс со своими "бумажками"?..

Глаза щипало. Как же обидно! Столько мучиться, думать, решать — и на тебе! Как быть дальше? Что делать? Я не хочу его бросать! Нам так хорошо вместе! А этот "дядя Игорь"...

Звонок.

Помяни лихо! Белозерский! Не буду отвечать. И без него тошно.

Но телефон продолжал звонить. Раз, другой, третий, пятый.

Как же я устала! Как же меня всё бесит! Ладно, чёрт с тобой!

— Алё!

— Где ты?

Сразу, даже без "здрасте".

— Не ваше дело! Оставьте меня в покое!

— Спокойно, куколка. Поговорить надо.

— Говорили уже со мной! Хватит! На всю оставшуюся жизнь наговорилась!

— И ничего не поняла, так?

— Отстаньте! Мне плевать!

— Да ну?

— Ну да! Не звоните мне больше, ясно?!

Едва сдержавшись, чтобы не шарахнуть о камни, я выключила телефон.

Поговорить! Ха! Да в гробу я видала все эти разговоры! *Сним* — особенно! Ни с кем говорить не хочу! И так удавиться хочется! Да ещё и играют какую-то идиотскую песню!

Я было развернулась и хотела уйти, но чья-то рука сжала плечо.

— Эй, Тоха, глянь! А вот и восьмиклассница!

Двое каких-то придурков. Постарше и помоложе. Явно пьяные.

— Любишь свой кукол, девочка? — загоготал Первый. — А воздушные шары?

— Отстань! — огрызнулась я, скидывая его ладонь.

Как-то не до вежливости сейчас. Да ещё с такими... собеседниками.

— Смотри, какая злая. — Второй прижал меня к себе, обдавая перегаром. — Пошли погуляем.

— В кино! — снова заржал Первый.

— Отвали, кому сказано!

Я резко дёрнулась, надеясь вырваться, но не тут-то было — Второй хоть и пошатывался, но ручищи не разжал.

— Не зли меня, тварь! — вдруг прорычал он прямо мне в лицо. Я чуть не задохнулась. — Пошли. И не рыпайся, а то хуже будет.

— Ребят, шли бы вы, а? Оставьте девочку в покое.

У меня не было возможности повернуться, но этот низкий голос я прекрасно помнила — "дядя Игорь". Как он меня нашёл?

Первый уже было собирался что-то сказать, но его лицо вдруг вытянулось и побелело. Второго тоже перекосило, он меня оттолкнула, да с такой силой, что я чуть не упала. Через десять секунд обоих и след простыл.

Господи, это какую же рожу Белозерский им скорчил?!

— Жива?

— Уж не мертва, — буркнула я, наконец обернувшись. Всё тот же: высокий, длинный плащ, волосы в хвосте. — Как вы меня нашли? Да ещё так быстро.

Усмешка.

— По запаху.

— Чего-о?! По *запаху*?!

— Ага.

— Не может быть! Врёте!

— Вру. — Засмеялся. — Спокойно, куколка. На песнях Цоя прошла моя юность. Я их с пары нот узнаю.

— А с чего вы взяли, что я именно здесь?

— С того, что у меня из трубки "Восьмиклассница" орала, когда мы разговаривали.

— Ну и что с того? Мало ли где она могла "орать".

Пожал плечами.

— Я на этот концерт деньги давал. Всё, допрос окончен?

— Так уж и быть.

— Отлично. Пошли.

— Куда?

— В кабак, конечно.

Да, мне сегодня однозначно везёт...

— Чего?

Белозерский снова рассмеялся.

— Да так, да так. Как с географией? Трояков нет?

— Вы что, тоже пьяны?

— Эх, не тому вас в школе учат. — Он приобнял меня за плечи. — Ладно, ладно. Не злись, куколка. — Вновь стал серьёзным. — Поговорить надо.

Фыркнув, я отстранилась.

— Уже поговорили. Так поговорили, что жить не хочется. Хватило, спасибо.

— Не за что. — Белозерский по-прежнему был серьёзен. — Кроме шуток, девочка. Свадьба будет. Скоро. Кто бы там что ни говорил. Ты можешь всё оставшееся время прорыдать в подушку, жалея себя. А можешь сейчас пойти со мной и задать любой интересующий тебя вопрос. Выбирай.

Я опешила. С одной стороны, его слова были довольно холодными и резкими, даже жёсткими. Такой тон для меня ну очень непривычен. С другой — обидно не было. Желания

убежать и спрятаться — тоже. Игорь Викторович говорил со мной, как с равной, давал выбор. И что-то мне подсказывало, что даже если я выберу первый вариант, то он просто пожмёт плечами и уйдёт. Как ни странно, это успокаивало.

— Так что, девочка? Давай быстрее, у меня есть, чем заняться. Выбрала?

Я кивнула.

— Второе.

Белозерский снова усмехнулся.

— Тогда пошли. Нет, не в кабак. Так уж и быть. Для начала, в мою машину.

Пройдя краем площади, мы вышли на набережную Мойки — знакомый чёрный джип стоял возле моста.

— За вами следят, — тут же сказал сидящий за рулём парень, как только Игорь Викторович открыл заднюю дверь.

Я огляделась. Люди. Совершенно обычные, идут по своим делам. Ничего подозрительного.

— Знаю, — кивнул Белозерский, пропуская меня вперёд. — Давай-ка с ветерком.

Парень вскинул бровь.

— Ещё больше прицепятся же. Всех соберём. Ох, Анна Михайловна, извините, — вдруг сказал он, глядя на меня. — Не сразу вас заметил. Добрый вечер.

Однако!

— Д-добрый, — промямлила я. — А... мы знакомы?

— Заочно, — вместо парня ответил Игорь Викторович, усмехаясь. — Это Сергей, мой шофёр.

Хм, что-то знакомое... очень-очень...

Так, стоп.

Сергей?! Шофёр?!

— Тихо, тихо, куколка, — продолжал усмехаться Белозерский, видимо заметив выражение моего лица. — Уже всё в порядке. Верно?

— Да, — кивнул тот. — Извините, что напугал вас тогда. Это произошло... не по моему желанию.

— А... ну... хорошо... а та женщина? — вдруг осенило меня. — С ней всё в порядке?

Сергей почему-то покраснел, за него снова ответил Игорь Викторович.

— Вполне. Скоро и с ней познакомитесь. — Я было хотела задать ещё пару вопросов, но он не дал. — Ладно, хорош трепаться. Поехали уже, а то наши соглядатаи заскучают.

— А как же...

— Пускай следят. Собери побольше, мне нужна будет публика.

На этот раз парень спорить не стал. Просто молча кивнул и завёл мотор.

Я рот раскрывать тоже не спешила. С одной стороны, вопросов — море. Кое-кто же всю мою жизнь играл в молчанку! Но с другой — уж больно всё это... необычно. Непривычно. Не по себе.

— Ну так? — в конце концов произнёс Белозерский, когда мы уже вовсю мчались по ночному городу. — Ты хотела задавать вопросы.

А, к чёрту!

— Зачем я должна выходить за вас?

Вопрос казался ужасно бестактным, но из всего того урагана, что вертелся у меня в голове, он выпал первым.

— Ради взаимной выгоды, — ответил Игорь Викторович совершенно спокойно, даже серьёзно.

Выгоды? Кто-нибудь, уточните год! А ещё лучше — век. Кажется, я попала в прошлое. Осталось, чтобы машина обернулась каретой, шофёр — кучером, а Белозерский — каким-нибудь графом Белого Озера.

— Это какой же? — поинтересовалась я, даже не пытаясь избавиться от сарказма. Но Игорь Викторович оставался непроницаем.

— Для тебя? Безопасность. Твоя и твоих родителей.

А вот теперь и мне стало не до шуток.

— Причём тут они?

— У Миши есть голос в Собрании. На него будут давить. Уже давят.

Сердце пропустило удар.

— Как?!

Игорь Викторович вскинул бровь.

— Вспомни-ка недавние события.

— Вы о том... случае в парке?

— Именно.

Эм... что?

— Но ведь это был...

Не став договаривать, я кивнула на кресло водителя.

— Да. — Белозерский помрачнел. — Его спровоцировала одна сука. Она же и привела в ваш район.

Меня вдруг осенило.

— Та брюнетка? Она назвала его *диким*.

Он покривился.

— Бред. *Дикие* сошли с ума и не могут себя контролировать. Это не про Серёгу. Ещё вопросы?

Снова стало не по себе — уж больно тяжёлый взгляд был у Игоря Викторовича. Большая тема? Ладно, вопросов хватает и без неё.

— Вы сказали, что у папы есть голос в каком-то Собрании. Что это такое?

Несколько секунд Белозерский молчал — видимо, обдумывал ответ.

— Чёрт. — Снова усмехнулся. — Задала задачку. Ладно, попробую. Собрание — это главы самых влиятельных... ну пусть будет родов. Кланов. Называй как хочешь. Они следят, чтобы мы жили мирно. С людьми и друг другом. Так тебе бы объяснил Миша.

Наверно, я пожалею об этом, но всё же...

— А как бы объяснили вы?

Белозерский хмыкнул.

— Кучка зажавшихся подонков, которые думают, что им всё можно.

— И... и почему вы так думаете?

— Потому что вижу, что они творят. Власть портит — слыхала? Тут что люди, что оборотни — разницы никакой. Все звери.

Теперь хмыкнула я.

— Хорошего же вы мнения о своём друге!

Игорь Викторович и бровью не повёл.

— С твоим отцом другая история. Ему голос дали в награду. От которой Мишка сейчас

очень хочет избавиться.

— Потому что теперь на него "давят"?

— В точку.

Нет, всё равно не понимаю.

— И какой смысл давить? Вы же говорили, что в это Собрание входят главы *родов*. Трое

— это род, что ли? Или хотите сказать, что у меня где-то есть толпа братьев с сёстрами?

Новая усмешка.

— Соображаешь, куколка. У нас такая вещь, как "род", понимается шире, чем у людей.

Но об этом тебе пусть Миша лекции читает. — Он снова стал предельно серьёзен. — У Собрания тоже есть глава. Условно — председатель. Президент. Его выбирает раз в десять лет само же Собрание. Кандидатом тоже может быть только один из них.

— И вы хотите им стать? — выпалила я, осенённая внезапной догадкой.

Белозерский кивнул.

— Именно. Для этого мне и нужен голос твоего отца. Вернее, даже не сам голос, а право выбрать и быть выбранным.

— И свадьба. Правильно?

— Да.

Хмыкнув, я отвернулась к окну. До этого хотелось слушать и слушать, узнать про оборотней *всё*. Но теперь... Очень приятно, ничего не скажешь. Действительно какое-то Средневековье. Выходить замуж не по любви, а из-за того, что у кого-то выиграла амбиции и чувство справедливости. Ну или что там движет "дядей Игорем"?

— Почему именно свадьба? — наконец спросила я, снова повернувшись. — Какой-нибудь нотариальный договор составить нельзя?

— Традиции, — пожал плечами Белозерский. — Привыкай, куколка. В нашем мире ты будешь часто слышать это слово. — Он перевёл взгляд на шофёра. — Ну что? Всех собрал?

— Всех, — усмехнулся тот. — Стоило пару раз газануть — тут как тут.

— За нами погоня? — всё-таки решила спросить я.

— Ещё какая! — продолжал веселиться Сергей. — Давненько мы такого "хвоста" не собирали. — Его улыбка стала озорной. — Кажется, в последний раз это было, когда Игорь Викторович...

— Так, так, помалкивай, — оборвал Белозерский, покривившись. — А то моя будущая жена из машины прямо на ходу выпрыгнет.

Я похолодела.

— В... в смысле?!

Но "дядя Игорь" только отмахнулся.

— Не важно. Так, что там у нас? — Взглянул в окно. — Мост? Отлично. Тормози.

Джип остановился.

Выйдя на улицу, я огляделась — и сразу пожалела, что вообще родилась на свет. На тротуаре, неподалёку от нас, стояла металлическая конструкция, напоминающая клетку. Высокая, узкая, с толстыми прутьями. На каждом закреплено по несколько висячих замков с надписями, типа "Люблю тебя", "Саша+Юля" и всё в таком духе.

Поцелуев мост!

Да ещё и табличка-указатель есть! Господи, ну почему именно сюда!

— Ну что, куколка, ещё вопросы имеются? — спросил Белозерский, когда мы уже шли по мосту.

— Зачем мы сюда приехали? — буркнула я.

Подняв воротник куртки, спрятала руки в карманах.

— Предложение буду тебе делать.

Дурацкие щёки! Дурацкие! Что, краснеть так обязательно?! "Дядю Игоря" это, судя по всему, очень забавляет, а вот меня как-то нет!

— Других мест нет, что ли?

Белозерский вскинул бровь.

— А что с этим не так? — Оглядевшись, увидел указатель. Снова усмехнулся. — Ясно. Поцелуев. Так уж и быть, целовать не буду. — Подмигнул. — Если сама не захочешь.

Банан!

И вообще, сменим-ка тему!

— Что там за "хвост"? — спросила я, искренне жалея, что высоты ворота хватает только на пол лица.

— Тебе же Серёга сказал. — "Дяде Игорю", разумеется, всё нипочём! — Погоня.

— И чего им надо? Убить вас?

— Вы гляньте, какая кровожадная! — Он рассмеялся. — Нет, куколка. Кишка тонка. Да и если меня убьют, начнётся... форменное светопреставление, как сказал бы твой папа.

Где-то на середине моста Белозерский остановился.

— Почему?

— Месть.

— За вас?

— Ну а за кого ж ещё. У меня друзей много. И пойдут они тоже на многое.

— Даже на смерть?

— Даже на смерть.

Да уж, хорошие друзья. Интересно, *насколько* же их много?

— Так чего тогда этому вашему "хвосту" надо?

Игорь Викторович пожал плечами.

— Следят.

— И вы не можете от них избавиться?

— Могу. Если будет необходимость.

Я хмыкнула

— А сейчас, значит, такой необходимости нет?

— Нет. Сейчас мне зрители нужны. И чем больше, тем лучше. Серёга их по всему городу собирал.

Ого.

— Как?

— Делая вид, что убегает.

— Зачем они вам?

— Чтобы увидели. И передали своим хозяевам. — Засунув руку в карман пальто, Белозерский вытащил маленькую бордовую коробочку. Мамочки... — Ну что, куколка? Выйдешь за меня?

Открыл.

Кольцо. Или даже перстень. Серебряный. Цветок с жемчужиной вместо сердцевинки. Кажется, орхидея. Вроде, довольно массивный, но одновременно аккуратный, даже изящный. Красивый. Очень.

Я молчала, не в силах выдать из себя ни слова. Наверно, со стороны это сошрится безумно романтично. Вечерний Питер, центр города, набережная, мягкий свет фонарей. По правую руку — сверкающий в огнях прожекторов Исаакиевский собор. Двое стоят на Поцелуевом мосту: он делает ей предложение руки и сердца. Ах.

Портят сию прекрасную картину лишь пара досадных мелочей. Например, что "она" — школьница и годится "ему" скорее в дочери, чем в невесты. Или что знакомы они от силы пару часов. Или...

Хотя какая, к чертям, разница?

Выбора-то нет. Или?..

— А... а что будет, если я откажусь? — оторвав взгляд от кольца, всё же решила спросить я.

Руки хоть и были в карманах, но дрожали так, что пришлось сжать их в кулаки.

— На тебя снова нападут. — Лицо Белозерского оставалось непроницаемым. — Или на твою мать. Чтобы уберечь вас, Мише придётся отдать свой голос за одного из ублюдков. Они продолжают творить, что хотят.

Глубоко вздохнув, я заставила голос звучать ровно.

— А мне-то что? Столько времени жила спокойно, ничего не знала. Ни про этот ваш "мир оборотней", ни про Собрание, ни про то, что они "творят".

Взгляд Белозерского снова потяжелел.

— Но хотела же, так? Доставала отца расспросами, а он молчал. Нравилось?

Я выдержала.

— Зато теперь знаю.

Он хмыкнул.

— Капля в море.

— А может, мне больше и не надо?

Замолчал. Взгляд стал ещё тяжелее. Мрачнее. Острее.

В мыслях снова возник образ чёрного волка. Спокойного, но опасного. Только теперь он был... холоднее, что ли. Передо мной стоял тот, кто добьётся своего, несмотря ни на что. Если будет нужно, он пройдёт по головам. По трупам.

Вдруг накатила дурнота. И страх. А вдруг Белозерскому моё согласие и не нужно? Вдруг всё уже решено? Да, я — дочь его друга, но сейчас у них с папой явно не самые лучшие отношения. Про маму вообще молчу...

— Успокойся, — вдруг сказал Игорь Викторович. Серьёзно, но уже не так мрачно. — Заставлять тебя никто не собирается. Всё добровольно.

— Что, оборотни и мысли читать умеют? — буркнула я, всё же отводя взгляд.

Белозерский в очередной раз усмехнулся.

— Оборотни чуют страх. Хотя тут любой бы догадался — у тебя всё на лице написано. — Но потом вновь стал серьёзен. — Ладно, мы не об этом. Аня, слушай внимательно. Помнишь, каким был Серёга в парке? Чудовищем, верно?

Вздрогнув, я поёжилась.

— Да уж.

— Я уже говорил тебе, что он — не *дикий*. — Игорь Викторович смотрел мне в глаза. — Но в тот момент человеческого в нём почти не было. Как ты думаешь, почему так? Почему у нормального оборотня сносит крышу, да так, что он кинулся на родную сестру?

К горлу подкатил ком, но взгляд Белозерского держал, не позволяя отвернуться. Его

слова, его голос пугали... и завораживали.

— Н-не знаю...

— Его таким сделали. В лаборатории.

Господи!..

— Кто?

— Есть одна семейка. Волковы. Собрание избирало их пять раз. Подряд. Как считаешь — совпадение?

— Вряд ли...

— Эти ублюдки запугивают других. В том числе и Собрание. Они похищают их родственников и превращают в таких вот чудовищ. А потом направляют их на своих же. Или просто используют, как пушечное мясо. — Как же хотелось отвернуться! Убежать! Не слышать... это! Но Игорь Викторович был безжалостен. — Серёге ещё повезло — он сумел удрать. Но всё равно иногда накрывает. Как тебе? Хочешь, чтобы с тобой поступили также? Или с твоей матерью? Чтобы однажды она вернулась домой чудовищем?

— Нет!!!

Я чуть не упала. Из глаз брызнули слёзы, зубы стучали так, что сводило челюсть.

Господи, нет. Всё, что угодно. Лишь бы с родителями ничего не случилось. Не дам. Не позволю. Не допущу.

— С-согласн-на. — Голос дрожал, язык почти не слушался. — Я-а... с-стану в-вашей... жен-ной...

Достав кольцо из коробочки, Игорь Викторович надел его мне на палец. И тут же обнял, прижав к себе.

Не сдержавшись, я разрыдалась. Как ребёнок. Господи, сколько же всего... сколько всего! За несколько дней! Да что там — за этот вечер! Да ещё *такие* разговоры! Не могу больше! Не могу, не могу! Хватит! Я устала! Я не железная!

— Тихо, тихо, девочка. — Ладонь Белозерского легла мне на затылок. — Этого не случится. Не теперь. После нашей свадьбы твоих родителей оставят в покое. Без права голоса Миша не представляет для Волковых интереса. Ни малейшего. Всё будет хорошо. Ты поступила правильно.

Но мне было не остановиться. Уткнувшись Игорю Викторовичу в плечо, я рыдала и голос, пока не начала хрипеть. Белозерский продолжал что-то говорить, гладил меня по волосам. Слов я не разбирала, но сам голос... Близкий, негромкий, но уверенный. Волк. Большой, спокойный. Сильный.

Становилось легче. Медленно. Постепенно. Я чувствовала себя совершенно разбитой, но слёзы кончались, уже так не трясло.

— Пойдём.

— К-куда?..

— Домой. Уже поздно. Ну-ка.

Белозерский поднял меня на руки. Где-то внутри снова шевельнулось смущение, но на него уже просто не хватало сил. Голова плыла, мысли путались. Опустошение. Полное.

Дойдя до машины, Игорь Викторович опустил меня на землю и помог забраться на заднее сиденье. Сам тоже сел рядом. Снова обнял.

— Вы обещаете?.. — Я заглянула в тёмные глаза. — Теперь с ними ничего не случится?..

— Обещаю. — Негромко. Снова ладонь на затылке. Большая. Тяжёлая. Запах табака. —

Ты молодец. Отдыхай.

Мне оставалось лишь послушаться.

Ночь. Лес. Небо. Луна.

Холодно. Тихо.

Страшно.

Никого нет. Совсем. Пустота.

Ужас! Бежать! Куда угодно! Как можно дальше! Прочь!

Бес толку. Не сбежать.

Ночь. Лес. Небо. Луна.

Холодно. Тихо.

Почему так страшно? Так пусто?

Мучительно.

Тьма обволакивает. Давит. Душит.

Холод. Внутри. В костях. В крови.

В душе.

Крик!

Вязнет.

Ночь. Лес. Небо. Луна.

Холодно. Тихо.

Никого.

Или?..

Я немного "состарила" героиню. Далее ей 18, учится в институте. Я знаю, что из-за этого возникает логический косяк, но пока что ничего с ним делать не буду. Все исправления — потом, после того, как будет набит основной текст.

— Солнце моё, — оглядев меня, мама покачала головой, — давай-ка мы лучше посмотрим что-нибудь другое, хорошо?

Тяжело вздохнув, я снова взглянула на своё отражение в зеркалах. Да, да, это платье мне не подходит. Вижу. Вернее, не вижу. Себя. Не для нас, гномов, такие наряды — мы в них теряемся. Но само платье... Боже, это нечто! Как в сказке! Белое-белое, очень пышное, с корсетом. Вышивка бисером, кружева, цветы... Очень красиво! Потрясающе! Любая принцесса обзавидуется!

— Ну... а если туфли будут на каблуках? — робко предложила я, продолжая разглядывать себя.

В этом салоне был эдакий подиум, с трёх сторон окружённый зеркалами. Очень удобно! Он небольшой, но места, чтобы немного пройтись и покружиться, вполне хватало. Ну и видно всё. Не то, что в других.

— Сантиметров десять, — усмехнулась мама. — А лучше — двенадцать. Как у меня были, помнишь?

Да уж, те туфли я помнила. Даже примеряла пару раз. Мама в них замуж выходила, а я не смогла выйти даже из комнаты. Это не каблуки — это натуральное оружие! Высокие, тонкие — один удар, и всё! Да на них нужно лицензию получать!

— Зануда. — Эх, ладно. — Вы не могли бы?..

Обернувшись, я взглянула на стоящих чуть в стороне консультантов.

— Да-да, конечно.

Подойдя ближе, одна из них помогла расстегнуть молнию, другая — разобраться со шнуровкой и выбраться из самого платья.

Ну вот. Опять куда-то ехать. Сил моих уже больше нет. Интересно, в Питере ещё остались свадебные салоны, где мы не были? Или за четыре дня объездили все? Дурацкая свадьба. Надеюсь, "дяде Игорю" сейчас тоже весело.

В последний раз я видела его тем вечером, на мосту. Бр-р, как вспомню — так вздрогну. Сколько всего в тот вечер случилось, как мне было плохо! Зато на следующий день все были дома. Родители не пустили меня в школу ("Отлежись, один день — не страшно"), а я их на работу. Ну не могла я сидеть одна. Только не после того, что сказал Игорь Викторович. Чтобы мама стала такой же, как Сергей, чтобы сошла с ума... При одной только мысли об этом, меня опять начинало трясти, на глаза наворачивались слёзы. Поэтому первую половину дня мама от меня не отходила — совсем как в детстве, когда я болела. Температура, кашель, сопли. Вроде и ночь, а уснуть не получается. Мутит. Хочется ныть, капризничать. Папа рядом, кормит лекарствами, пытается успокоить — бесполезно. Только хуже. Приходит мама, садится рядом. Я кладу голову ей на колени, закрываю глаза. Всё. Ничего больше не надо. Сразу становится легче.

Вот и в тот день было также. Только мне уже не шесть, и я не болею, а выхожу замуж.

Слава богу, к обеду отпустило. Плохо всё равно было, но хотя бы уже не так тошно и без потока слёз. Зашёл папа. Как всегда, серьёзный, но на этот раз ещё и какой-то уставший, замученный. Сел рядом с мамой. Сначала извинялся, потом расспрашивал про тот вечер, про Белозерского. Попросил показать кольцо. Оказывается, оно принадлежало ещё бабушке Игоря Викторовича! По наследству передавалось. И как это он так легко расстался с такой вещью? Хотя почему расстался? Я ж скоро его женой стану.

Женой... Эх. А с Максом что? Пока ему не до чего — готовится к сессии. Так, звонил несколько раз. Но рано или поздно она кончится, и тогда... Как объяснишь такое? Извини, милый, пока ты грыз гранит науки, я влюбилась в другого?

Ох, нет. Сейчас об этом лучше не думать. Потом. Я объяснюсь с ним позже. Что-нибудь придумаю. Надеюсь.

— Добрый день, Анастасия Павловна. — На улице, возле дверей салона нас уже ждали. — И Анечка, разумеется.

От удивления я чуть не споткнулась.

Высокие каблуки, короткая юбка, кожаная куртка, чёрные волосы, яркий макияж — опять эта девица! Та самая, из парка!

— Чего тебе? — бросила мама, выходя ещё на полшага вперёд, как бы загораживая меня.

Лицо стало каменным, взгляд похолодел.

— Да вот, хотела поздравить счастливую невесту. — Брюнетка мило улыбалась, но в голосе слышалась насмешка. Девица что, смертница? От мамы опасностью буквально разит — это чувствую даже я, можно сказать, обычный человек. — Ну что, Анюта, как дела?

— Уйди, — отрезала мама.

С каждой секундой её взгляд становился всё более тяжёлым.

Брюнетка продолжала сладко улыбаться.

— Ну как же так, Анастасия Павловна. — Напряжение. Между ними. Сильное. Такое что становится не по себе, хочется вмешаться. — Неужели вы не дадите поговорить мне с нашей дорогой...

— Вика. — Руки мамы сжались в кулаки. — Давай по-хорошему. Говори, зачем пришла, и уходи.

От такого взгляда, да и голоса, я бы уже тихо скончалась. Прямо тут, на месте.

А девица и бровью не повела!

— Я уже сказала. Хочу поздравить счастливую невесту. — Её взгляд перешёл на меня. — Ты же счастлива, правда, милая? Ну конечно. О чём это я? Как можно быть несчастливой, когда у тебя такой жених! Завидую зелёной завистью. — Она вдруг посмотрела на вывеску свадебного салона. — Кстати, Анастасия Павловна. Как же традиции?

— Какие ещё традиции? — не выдержав, вмешалась я.

Что-то эта Вика мне уже надоела. Как-то уж больно наглая.

— Наследство, конечно же. — Всё та же приторная улыбка-издёвка. — Дочь выходит замуж в платье матери, и всё такое. Разве ты не знала, Анечка? Странно. Родители не рассказали даже этого?

Ну всё.

— Виктория, вы слышали Анастасию Павловну? — Я старалась, чтобы голос звучал максимально холодно. — Поздравили счастливую невесту? Спасибо. Можете быть

свободны.

Девушка рассмеялась.

— Конечно-конечно, мадам Белозерская. — Отвесила поклон. — Как скажете. Всего наилучшего. Привет Максиму.

Ушла.

Вот же гадина!

— И что это было? — хмыкнув, спросила я, когда нахалка отошла достаточно далеко.

Несколько секунд мама молчала, глядя ей вслед.

— Одинцова. — Тяжело вздохнула. — Виктория Леонидовна. Дочь бывшего главы Собрании.

— Какая честь! И чем же мы её заслужили? Возможностью поиздеваться?

Мрачная усмешка.

— Не исключено. Она это любит. Ладно, поехали.

Я чуть не застонала.

— Куда на этот раз?

— Домой.

Ну наконец!

Дойдя до нашей машины, мама открыла дверь и села за руль.

Странная у неё реакция на эту Вику. Какая-то уж больно... спокойная, что ли. Ведь обычно как: разозлил Анастасию Павловну — ищи бомбоубежище. Желательно, где-нибудь подальше, в другой стране. Ещё лучше — на другом континенте. А тут...

Интересно, как они познакомились? Где, когда? Почему враждуют? Впрочем, судя по выражению мамино лица, этих вопросов сейчас лучше избежать.

Домой мы приехали часа в три, но уже начинало темнеть. Мама опять пошла звонить папе (первый раз она это сделала сразу же, как только мы сели в машину), а я, пообедав, пошла к себе — разбираться с учёбой. Пока ковырялась с типовым расчётом по матану, всё было хорошо — мысли только о векторах да матрицах. А вот когда начала готовиться к контрольной по истории... Не сосредоточиться. Никак. Вот хоть убей. Читаю свои записи (если эти каракули вообще можно так назвать), а в голове совершенно другое.

"...Реформация началась с выступления Лютера, где он обличал злоупотребления Церкви..."

Хех, ну прям Игорь Викторович. Один против всех. Может, его далёкие предки были англичанами?

"...Генрих Восьмой имел шесть жён..."

Интересно, а Белозерский был женат? И если был, то где жена сейчас? Почему разошлись? Хотя, может, она и умерла.

"...двух казнил, одна умерла сама..."

Завидный жених, ничего не скажешь. А Игорь Викторович...

Нет, это уже ни в какие ворота! Чёртова свадьба!

Закрыв тетрадь, я встала с дивана. Видимо, не судьба мне подготовиться. Ну и ладно. Приду на пересдачу. Во время медового месяца...

Эх, совсем сил нет, голова кругом. А ведь это только начало приготовлений. Дальше-то, небось, ещё хуже будет. Мама говорила, что сейчас самое главное разобраться с платьем, остальное — "по мере поступления". Так даже с этим проблемы! То размер не тот, то сидит ужасно, то просто не смотрится. Мне-то всё равно — я б хоть в джинсах в загс пришла, без

всех этих церемоний. Кстати, что-то мне подсказывает, что Игорь Викторович — тоже. Ну не похож Белозерский на лощёного светского льва. Кто угодно, только не он. Но увы. Папа сказал, что свадьба "статусная", и что почти все гости — особы очень важные. А значит всё должно быть, во-первых, идеально, во-вторых, согласно традициям. Н-да, прав был Игорь Викторович — я ещё только-только начала познавать мир оборотней, а от слова "традиция" уже воротит.

Впрочем, одна из них мне всё-таки приглянулась. Убрав тетрадь обратно в стол, я отправилась на поиски мамы.

— Ты занята?

Она обнаружилась в их с папой комнате, лежащей на кровати.

— Да, очень. — Вялая усмешка. — Видишь, мух на потолке считаю. Как история?

— Никак. — Я села рядом. — С тем же успехом можно пытаться читать клинопись. Ничего не понимаю.

— Писать надо разборчивей.

— Вот кто бы говорил! У самой-то! Врачи понятней пишут! — Мама только фыркнула. Эх, тоже замученная, уставшая... — И вообще, я по делу.

— Внимаю.

— Эта Одинцова говорила правду? Насчёт платья и традиций?

— Когда я сказала твоей бабушке, что не хочу выходить замуж в её платье, меня чуть не прокляли. — Снова усмешка, только мрачная. — Так что да, Вика права. А что?

— Ну, я тут подумала... Может, возродим традицию? А заодно и по салонам бегать не надо.

Мама покачала головой.

— Не переживай, больше я тебя таскать не буду. Поищем какое-нибудь хорошее ателье...

— Нет. Ты ведь счастлива с папой?

— Конечно. — Она села. — Вы двое — самое ценное, что у меня есть.

— Ну вот. — Глаза вдруг защипало, голос дрогнул. Но я сдержалась и даже заставила себя улыбнуться. — Может, и нам с Игорем Викторовичем тоже так повезёт. И мы будем... счастливы...

— Ох, заяц... Иди сюда.

Мама обняла меня, прижала к себе. Я тоже её обняла. Крепко-крепко. Слёзы всё-таки полились, в горле встал ком.

Что же будет дальше?.. Жить с незнакомым человеком, которому я гожусь в дочери... Господи, папа, как же ты был прав...

— Ты действительно этого хочешь?

Несколько минут мы просто сидели, обнявшись; мама гладила меня по волосам.

— Да, — ответила я твёрдо. — Хочу выйти замуж в твоём платье. Или ты против?..

— Не смейся. Разумеется, нет. — Она заглянула мне в глаза. — Но ты действительно этого хочешь? Если дело только в "традициях", то не заморачивайся. Я не обижусь, а остальные пусть гуляют лесом. Игорь — тоже. Вместе со всеми своими церемониями. Главное, чтобы нравилось тебе. Понимаешь?

Я кивнула.

— Понимаю. Так где там, говоришь, платье?..

Мама наконец-то улыбнулась. Не вымучено, не натянуто. По-настоящему.

— А то ты не знаешь. — Поднявшись, она подошла к шкафу; в глазах снова горели искорки озорства и лукавства. — Я ещё помню, как кое-кто его надел без разрешения, а потом запутался и не мог вылезти.

Мне тоже стало легче.

— Бе-бе-бе. Подумаешь, девочка хотела немного побыть принцессой! А ты жадина!

— Ну разумеется...

Свадебное платье мама хранила в большой коробке, завёрнутым в ткань. Оно было не таким пышным, как то последнее, которое я мерила в салоне, да и всяких украшений куда меньше — только вышивка по краю подола и на корсете. Я её даже не сразу заметила, но когда пригляделась, чуть в обморок не упала.

— Ты веришь в судьбу?

Мама вскинула бровь.

— Это на тебя так примерка действует? — поинтересовалась она, не отрываясь от шнуровки.

— Ну скажи.

— Нет, не верю. К чему ты это?

— Да так, мелочь одна. Смотри.

Сначала я ещё раз показала маме своё обручальное кольцо-орхидею. А потом ткнула пальцем в корсет... на котором тоже цвели орхидеи. Вот и не верь после такого в высшие силы.

Хотя Анастасию Павловну это, конечно же, не впечатлило.

— Ну и что? Тогда половина платьев с ними было. Совпадение.

— Ты скучная и приземлённая! Фи!

— Договоритесь, барышня.

— Пф, на правду не обижаются. Эй! — Один рывок шнуровки, и я чуть не задохнулась. — Мне воздух нужен, как бы!

— Да ну? — Мама покачала головой. — Какая ты скучная и приземлённая...

Вот же... У-у-у, слов моих на неё нет!

Примерка длилась долго. Просто надеть же мало — потом ещё застегнуть, зашнуровать, одёрнуть, расправить. В общем, минут двадцать мы на всё это убили. Если не все полчаса. Но увы и ах. Платье оказалось мало того, что слишком длинным, так ещё и в груди великовато. Мама попыталась поколдовать со шнуровкой, затянуть посильнее, но в итоге стало только хуже.

Впрочем, даже если бы оно сидело, как влитое, я бы скорее удавилась, чем вышла из дома в таком виде. Нет, само по себе платье — шикарное. Простое, можно сказать, незамысловатое, и в то же время очень элегантно, изящно, даже изысканное. Но — без рукавов. Вообще. Даже без лямок. То есть, плечи открытые. Полностью. Да ещё и верх корсета — сердечком, с вырезом. Хорошим таким вырезом. Ну правильно, а как же иначе-то? Как же Анастасия Павловна — и без декольте до пупка? Ей-то хорошо, на ней-то это всё смотрится просто божественно. Да и от излишней скромности мама никогда не страдала. А я?

Эх. Обидно. Очень. Мне так понравилась эта мысль! Надеть то самое платье, в котором моя мама стала женой моего папы. Это как прикоснуться к святому. Сколько они уже вместе? Наверно, лет двадцать, если не больше. И до сих пор любят друг друга, до сих пор счастливы. Везёт же! Я, конечно, не хочу загадывать и заранее делать выводы, но что-то мне

подсказывает, что наша с Белозерским совместная жизнь будет далеко не столь радужной. Мама с папой идеально друг другу подходят, а мы... Хех, а мы даже не знакомы толком.

— Ну и что, когда в салон? — с тяжёлым вздохом спросила я, стараясь не смотреть на своё отражение в зеркале.

Мама вскинула бровь.

— Зачем в салон? Нам теперь ателье светит — подгонять всё это счастье под тебя.

Но я покачала головой.

— Не смейся.

— Ты чего? Передумала?

— Мам, ну сама посмотри. — Я ткнула пальцем в декольте. — Мне вот в самый раз носить такое. Сама знаешь.

Она пожала плечами.

— Нет проблем. Найдём хорошего мастера — он и вырез уберёт, и укоротит, и рукава пришьёт, если надо. Хоть новое сделает.

Я задумалась.

Переделывать мамино платье, да ещё так сильно? Не знаю. Не по себе как-то. С тем же успехом можно разводить дорогое вино лимонадом. Ну или поставить "Евгения Онегина" в каком-нибудь "Мулен Руж". Странное чувство. И глупое, наверно. Но вот просто взять и отмахнуться не выходит.

— Не хочу. Уж лучше снова в салон. А твоё платье пусть...

Но мама перебила.

— Заяц, успокойся. — Она положила руки мне на плечи. — Эта тряпка мне и даром не нужна. Я б её выкинула или продала, но твой папа не позволил — он же у нас любит иногда поностаальгировать.

Я не верила своим ушам. Ничего себе! Даже обидно как-то.

— А ты разве не любишь вспоминать свадьбу? Тебе всё равно?

— Нет. Но чтобы её вспомнить, мне это платье не нужно. — Мама снова повернула меня к зеркалу. — Поэтому не забивай себе голову всякой ерундой. Найдём хорошее ателье с хорошим мастером, и всё будет в шоколаде.

Да, наверно.

И всё же... как-то... не знаю...

— Ты правда не обидишься? — спросила я робко. — Только честно. Пожалуйста.

Она аж рассмеялась.

— Вот упёртая. Вся в мать. — Погладила по волосам. — Не обижусь, заяц. Мне наоборот будет очень приятно. Честно.

Прижавшись к ней, я поцеловала маму в щёку.

— Ты лучше всех!

— А то! Ладно, теперь это всё нужно снять. Ох, где мои ножницы...

Дни летели быстро. Вот уже и декабрь подкрался. Лёд на лужах уже не таял, да и выпавший за ночь снег к утру уже не превращался в противное месиво из воды и грязи. В магазинах появились авоськи с мандаринами, искусственные ёлки, шоколадные Деда Морозы...

Скоро Новый Год, мой любимый праздник.

Вот только того самого "хвойного" настроения, которое всегда появлялось в декабре, на этот раз не было. Просто не до него. После каникул нормальные люди выходят на работу, а

вот у студентов начинается сессия — экзамены, если по-человечески. К которым нужно ещё иметь допуск. А чтобы его получить, нужно сдать все "хвосты".

У меня он был только один, так что по этому поводу я не переживала. Зато другие...

Дурацкая свадьба. И платье. Кошмар просто. Раз в несколько дней к нам приезжает Евгения Фёдоровна, швея, и начинается примерка-подгонка. Получается, конечно, здорово, но я уже порядком устала. Мама тоже хороша — то ей не так, это не эдак. Придирается чуть ли не к каждому стежку. А всё почему? Потому что Евгению Фёдоровну прислал Белозерский. Как по мне, так даже лучше — не надо никуда ездить, а то бы я вообще умерла от усталости. А вот одной даме, по прозвищу Кали, всё никак не уняться.

В общем, банан полный.

Был.

Потом наступил банан окончательный...

— Привет, Пумпон.

Институт, коридор, ведущий из одного корпуса в другой. Перемена. Куча народу.

Макс стоял возле лестницы. Уставший, замученный, не выспавшийся. Но всё равно радостный, с улыбкой. Я как его увидела — сердце так и ухнуло куда-то вниз. Едва сдержалась, чтобы не развернуться и пойти в обратную сторону.

— П-привет, — вместо этого выдавила я, тоже заставив себя улыбнуться.

Нет. Хватит бегать. Надо объясниться. Потом у меня просто не хватит смелости.

— Я сдал курсач. — Обняв, Давыдов привлёк меня к себе. — И лабы почти сделал, одна осталась. Кино? Ну или можно просто у меня посидеть.

Он наклонился, чтобы поцеловать, но я отстранилась.

Сейчас.

— Слушай, мне нужно кое-что тебе сказать...

Господи, какая банальность! Идиотка!

Макс вскинул бровь.

— Что-то случилось?

Давай, ну же!

— Я...

Слова застряли в горле. Намертво. Я просто стояла и смотрела, как улыбка сползает с его лица.

— Ань, ты меня пугаешь. Что? Не тяни.

Как, боже мой? Как, ну как это сказать?!

— Нам... нам... нам нужно... расстаться...

У Макса был такой вид, будто его окатили ледяной водой.

— В смысле? Почему?

Глаза защипало.

Ненавижу себя.

— Прости... я... я... ошиблась...

Господи, как же больно. И противно. Мерзко. От самой себя.

— Ошиблась? То есть? В чём?

Макс смотрел на меня удивлённо. Изумлённо. Он ничего не понимал, а я не могла ничего объяснить, не вдаваясь в подробности. Оставалось лишь врать.

— Я... у меня... ты мне как друг... прости...

Какая же ты тварь, Вавилова. Дрянь. Отвратительная. Лицемерная. Сука.

Макс молчал. Просто смотрел и молчал. И это было хуже всего. Лучше бы разозлился. Обозвал как-нибудь. Оттолкнул, в конце концов! Но он просто стоял и обнимал.

Пена для бриться. Одеколон. Чистая футболка.

Больно, как же больно!..

— Прости... я...

Но Макс перебил.

— Ты уверена? — Он говорил спокойно, но на улыбку, пусть даже вымученную, уже не было и намёка. А взгляд... Ножом по сердцу. — Если это из-за учёбы — так чёрт с ней.

Давай куда-нибудь сходим. Куда хочешь.

— У-уверена... — По щекам хлынули слёзы. — Я... прости... не знаю, почему так... но... не могу...

Он снова замолчал. Снова просто смотрел. А я... Господи, какой же дрянью я себя чувствовала! Сделать больно близкому человеку. Намеренно! Родному, другу, брату!

Хоть бы сердце разорвалось! Невыносимо!

Не выдержав, я бросилась Макс на шею.

— Прости!.. — Плевать, что вокруг куча народу, что на нас смотрят. Больно, больно!.. — Я... я не хотела!.. Прости!.. Пожалуйста!..

Он обнял меня крепче. Молчал. Я рыдала.

Всё, что угодно... Боже мой, всё, что угодно — лишь бы ему не было больно. А я заслужила. Так мне и надо.

Дав мне выплакаться, Макс поднял моё лицо за подбородок. Заглянул в глаза. Вытер слёзы. Улыбнулся.

— Не надо, Пумпон. — Я чуть снова не разревелась. — Всё нормально. Я... хм... в общем, я понимаю. Не плачь.

— Макс...

Снова ком в горле. Дрянь! Страдай! Заслужила!

— Не надо извиняться. Переживу. Не твоя вина.

— Ты... ты... прошу тебя...

— Ань, я тоже тебя прошу. — Взгляд тяжёлый-тяжёлый, уставший, замученный. — Не надо. Пусть всё снова будет как было. Идёт?

Я могла лишь кивнуть.

Убрав руки, Макс отстранился.

— Мне пора. Если что, звони.

— Х-хорошо...

И он ушёл.

А я стояла и смотрела. Опять слёзы. Боль. Пустота. Омерзение от самой себя.

Впереди ещё две пары, но мне уже было не до учёбы. Спустившись по лестнице, я почти выбежала из корпуса, из института. Дошла до метро. Приехала домой. Рыдала до вечера. Была. Потом пришла мама. Села со мной, выслушала. Попыталась утешить. Говорила, что я не виновата, что не знала. Легче не становилось. Слёзы уже кончились, но всё равно трясло. Порция успокоительного. Мама не уходила. Гладила по голове, уговаривала лечь спать. Я не хотела. Больно. Лучше застрелиться. Если и уснуть, то навсегда. Но потом всё-таки сморило.

На следующий день я хотела остаться дома, но потом всё равно поехала на учёбу. Сидеть в пустой квартире — ещё хуже. В институте чувствовала себя каким-то лунатиком. Сомнамбулой. Хожу, сижу, ем, говорю. Но всё как во сне. Пытаюсь слушать лекторов, что-то

записывать. Но отвлечься не получается. Никак. Все мысли только о Максе. И даже боли уже нет — пустота. Дыра. Через которую в душу снова рвётся ледяной ветер.

А ведь я не любила Макса по-настоящему. Не успела. Может, если мы бы встречались дольше, если бы не этот проклятый Белозерский со своей свадьбой... Хотя какая теперь разница? Как есть, так есть. Надеюсь, Макс меня простит. Надеюсь, ему не очень больно. Не так, как мне.

Сколько всего уже случилось? За какой-то месяц! Когда же это кончится? Сил совсем нет...

Прошло ещё несколько дней. Евгения Фёдоровна с помощницами работали, не покладая рук — платье скоро будет готово. Мама как-то заикнулась по поводу макияжа и причёски, но дальше слов дело не пошло. Ну и ладно. Плевать. Уж кому-кому, а мне всё это нужно в последнюю очередь.

Мне вообще ничего не нужно.

— Вавилова?

Поначалу этот день ничем не отличался от предыдущих. Будильник, завтрак, транспорт, пары. И всё как во сне, под гипнозом. Но когда я уже выходила с территории института, привычная схема дала сбой.

Около ворот меня остановила странного вида девица — эдакая помесь рокера и гота. Примерно с меня ростом, даже чуть повыше, худая, бледная. Ядерно-чёрный макияж, чёрные же волосы, кудрявые, с кроваво-красными прядями. Одежда тоже под стать: покрытая заклёпками косуха, кожаные штаны, высокие сапоги на пятисантиметровой подошве и с кучей ремешков. Разумеется, всё чёрное.

— Да. — Не сдержавшись, я всё-таки смерила её взглядом. — Вы что-то хотели?

Девица только усмехнулась — видать, нравится шокировать. Ну или хотя бы пытаться.

Хм, и где я её видела? Что-то очень-очень знакомое...

— Поглядеть на тебя, — бросила кудрявая, возвращая мне оценивающий взгляд.

— В смысле?

— В прямом. — Не обращая внимания на прохожих, обошла вокруг меня. Да уж, без комплексов девочка. Интересно, ей хотя бы пятнадцать есть? — Ты что, даже не перекидывалась ни разу?

Тоже оборотень. Однако.

Что-то я какая-то слишком спокойная.

— А тебе какое дело?

И злая.

— Интересно стало. Надо же поглядеть, что за овцу Игорь вдруг собрался делать своей женой.

Белозерский! Точно! Девица похожа на него. Как две капли. Дочь, что ли? Если да, то отец из "дяди Игоря" так себе. Мягко говоря.

Я мило улыбнулась.

— Солнышко, ты ошиблась. Это не детский сад, это институт. Тут много взрослых дядей и тётей. Иди домой, а то родители будут беспокоиться.

Девица чуть не зарычала. Руки сжались в кулаки, глаза загорелись — того гляди бросится. Пф, сама виновата. Нечего будить во мне мою маму. Чревато.

— Машка, я тебя убью! — К нам вдруг подлетела ещё одна девица. — Куда ты меня отправила?! Никого там не было, я же говорила! Ой, Анна Михайловна, — она повернулась ко мне, — извините, не сразу вас заметила. Юля, приятно познакомиться.

Я вскинула бровь.

— Что тут вообще происходит? Что вам от меня надо?

Фыркнув, кудрявая было снова открыла рот, но вторая её опередила:

— Мария Алексеевна, окажите любезность, подождите нас в машине.

— Но...

— Живо.

По очереди обдав нас угрюмым взглядом, "Мария Алексеевна" гордо удалилась.

— Она успела что-нибудь ляпнуть, да? — с тяжёлым вздохом спросила Юля, когда девица села в машину.

Всё тот же знакомый джип. М-да, в следующий раз нужно будет смотреть по сторонам внимательней.

— Вы на неё не сердитесь, — не дожидаясь ответа, продолжила она — видать, не первый случай. — Маша сама по себе не плохая и не злая, просто...

— Подросток.

— Ну... в общем-то, да. Ей скоро будет шестнадцать.

И это заметно. Сама-то Юля поприятней. Постарше — лет двадцать пять. Одета не так "вырвиглазно", даже элегантно: пальто с поясом, кожаные перчатки, классические чёрные брюки, сапоги на тонком каблуке. Ну и посимпатичней: черты не такие острые, глаза светлые, взгляд спокойный. Чем-то она Сергея напоминала, разве что у того волосы ближе к рыжевато-русому, а у Юли — к каштановому. Почти как у мамы.

— Кто ей Игорь Викторович?

— Дядя.

Даже странно. А внешне — вылитый отец. Да и по характеру, чувствуется, тоже.

— А родители куда смотрят?

Юля неопределённо повела плечами. Достав из кармана телефон, взглянула на дисплей.

— Ой, времени-то сколько! Пойдёмте, вас уже все заждались.

Но мне торопиться некуда.

— И что "всем" нужно?

Девушка по очереди загнула пальцы:

— Примерка, причёска, макияж. Игорь Викторович тоже подъедет, — добавила она после небольшой паузы.

Звучит, как предупреждение, чес-слово.

— Что, ему тоже макияж нужен? — мрачно усмехнулась я, отводя взгляд.

Откуда-то из глубин души, пробиваясь сквозь боль, пустоту и раздражение, поднимался стыд. Ну и какого чёрта, Вавилова? Ведёшь себя, как последняя стерва. Думаешь, окружающим очень приятно? Да, тебе всё надоело, тебе плохо, тебя всё злит. Но остальные-то тут причём? Ладно, эта Маша — она сама нарвалась. А Юля? Хорошая, можно сказать, милая девушка. Кончай выпендриваться.

— Нет. — Улыбка. — Нужно понять, как вы будете смотреться вместе. Пока ваше платье готово не до конца, так что можно будет что-нибудь добавить, убрать, подогнать. Ну и Ольга сказала, что не возьмётся за работу, пока не увидит и жениха, и невесту. В общем, Игорь Викторович решил всё совместить.

— А кто такая Ольга? Помощница Евгении Фёдоровны, что ли?

В глазах Юли заплясали смешинки, но на губах по-прежнему была вежливая улыбка.

— Стилист. Именно она будет делать вам причёску и макияж.

— Угу. Ясно. — Стыд, стыд, стыд. — Юль, извините, ради бога.

Девушка искренне удивилась.

— За что?

— За хамство. Не хотела вас обидеть, просто это всё... ну...

— Утомительно? — Я кивнула. Юля снова улыбнулась. — Ничего страшного. Прекрасно вас понимаю. И ни в коем случае не обижаюсь.

Фух.

— Спасибо. Кстати, может, на "ты"? Или я не заметила, и с меня уже сыпется песок?

Она демонстративно оглядела меня с ног до головы.

— Пока нет. Вроде. — Засмеялась. — Хорошо, Ань, как скажешь. Так что, пошли?

На удивление, "Мария Алексеевна" и впрямь ждала нас в машине — сидя рядом с Сергеем, что-то оживлённо ему говорила. Ну или спорила с ним, что вернее. Парень качал головой.

— Маш, не подводи меня под пистолет твоего дяди, — донеслось из салона, когда Юля открыла дверь. — Анна Михайловна, добрый день.

Как и во время предыдущих наших встреч, Сергей был вежлив, со спокойной полуулыбкой на губах. Кудрявая по-прежнему смотрела волком.

— Просто Аня, — кивнув, также вежливо ответила я. — И можно на "ты".

— Что, по всякому с тобой можно? — донеслось с переднего сиденья.

Юля аж охнула.

— Машка, ты...

— Да ладно. — Мне вдруг стало очень весело. — Это даже мило. И забавно. Сколько, говоришь, барышне исполнится? Тринадцать?

— Шестнадцать!

— Не тянешь. Извини.

Ну правда — не будите во мне Кали. Не стоит. Честно.

— Мария Алексеевна, — решительно вмешалась Юля, мрачно глядя на девицу, — ещё одно слово, и я звоню Игорю. Ясно?

Та, конечно же, не ответила.

Джип, наконец, стронулся с места.

Поначалу все молча слушали радио, но потом мы с Юлей разговорились. Оказывается, Сергей — её младший брат. Работают они оба на Белозерского, но отношения явно более близкие, чем у подчинённых с начальником. Что брат, что сестра об Игоре Викторовиче говорили очень уважительно. Даже нет, не просто уважительно — тепло; было видно, что обоим он дорог. А вспоминая, как "дядя Игорь" общался с Сергеем, какие слова говорил ему тогда, в парке, я поняла, что эти чувства взаимны. Даже странно: ну непохож Белозерский на человека, который может к кому-то сильно привязываться. А уж чтобы испытывать что-то подобное к нему... Впрочем, когда Юля сказала, что Игорь Викторович спас им с братом жизнь, и что они живут вместе, "одной семьёй", все вопросы отпали сами собой.

— А где всё это находится? — спросила я, когда Сергей, свернув с набережной Малой Невки, повернул на Лазаревский мост.

На другом его конце лежал мой любимый Крестовский остров — место хоть и застроенное, но по-прежнему "зелёное" и уединённое, эдакая окраина в центре. Этим оно мне и нравилось: вроде, по сравнению с каким-нибудь Литейным или Садовой, меньше шума и больше свободного пространства, неба, воды, деревьев. Природы. Но в то же время, дома — не какие-нибудь бетонные "коробки" или стеклянные небоскрёбы, а красивые старинные здания — ничуть не хуже тех, что стоят вдоль набережных Невы и Фонтанки. Идеальное сочетание.

Вот только где там салон красоты? Я-то думала, придётся толкаться где-нибудь на

Невском, сплошь забитым всякими элитными бутиками-салонами. А Крестовский-то что? Или мы приедем к этой Ольге домой?

— Здесь, недалеко, — ответил Сергей. — Сейчас приедем.

Миновав ещё пару перекрёстков, он и впрямь остановил машину. Но мотор глушить не спешил.

— Ты к Игорю? — спросила Юля.

Парень кивнул.

— Он просил подъехать, когда освобожусь.

— Ты там его поторопи, ладно? И так уже времени много.

— Постараюсь, но сама знаешь, последнее слово всё равно за ним.

Мы вышли из машины, и Сергей уехал.

Юля с Машей направились в сторону ближайших домов — какому-то жилому комплексу. Огромный, явно свежестроенный, он мало чем походил на красивые (и компактные) старинные особняки, но зато стоял у самой воды, фасадами глядя на раскинувшийся через дорогу парк. Что ж, довольно уютно. И виды из окон, наверно, просто потрясающие. Видимо, эта Ольга и впрямь хороший мастер, раз может позволить себе жить в таком месте.

— Надо же! Не прошло и полгода! — фыркнула миниатюрная блондинка, когда мы подошли к парадной. — Ты время видела?

Юля только улыбнулась.

— Видела. Его мало. Так что предлагаю не тянуть. — Она повернулась ко мне. — Аня, знакомья: Князева Ольга Дмитриевна, одна из лучших стилистов России. Прямоком из... откуда ты к нам?

Блондинка продолжала фыркать.

— Из Турина. И мне, между прочим, чтобы приехать сюда, пришлось отказать одному очень влиятельному человеку!

— Что мы все очень ценим. Особенно Игорь. Всё, пошли.

Как я и думала, квартира оказалась просторной с высокими потолками и большими окнами. Обстановка была по-современному простой, даже строгой, но смотрелась далеко не бедно и не аскетично — вполне стильно и одновременно универсально. Она бы подошла и какой-нибудь стервозной пигалице типа Маши, и спокойному приветливому парню вроде Сергея.

Вот только почему ключи были у Юли? Только не говорите, что...

— А чья это квартира? — как бы между прочим спросила я, пока госпожа Князева раскладывала свой инвентарь.

— Наша, — буркнула разместившаяся на диване "Мария Алексеевна".

Юля хлопнула себя по лбу.

— Аня, извини пожалуйста! Все эти приготовления — совсем забыла предупредить! Да, это квартира Игоря. Мы год назад сюда переехали. Как тебе?

— М-мило... — выдавила я, чувствуя, что глаза вот-вот вылезут из орбит.

Ничего себе! Хорошо она "забыла"! Так значит, я в доме Игоря Викторовича! И он сам тоже скоро приедет!

— Пойдём, покажу твою комнату.

— Угу...

Выйдя из гостиной, Юля пошла по коридору.

— Тут у нас кухня и столовая, тут одна ванная, вон там — вторая. Пользоваться можешь любой, но лучше первой, она у нас женская. — Повернув за угол, показала на две двери справа. — Здесь мы с Машкой обитаем. К ней "без разрешения", конечно же, нельзя. — Потом на две слева. — Тут Серёга с Игорем. А твоя комната здесь.

Она прошла в самый конец и, открыв центральную дверь, щёлкнула выключателем.

Тоже много места, но потолок не такой высокий, да и окно меньше. Бежево-коричневые тона, паркет, несколько картин, большое зеркало в пол стены.

— Твоих предпочтений я не знала, поэтому обставляла на свой вкус. — Юля будто бы извинялась. — Если что-то не нравится, обязательно скажи — можно будет переделать.

Я помотала головой.

— Нет-нет. Всё очень мило. И уютно. Меня всё устраивает.

— Люди и нелюди! — вдруг донеслось из глубин квартиры. — Ау! Будем работать или окрестности осматривать?

Юля покривилась.

— Как всегда, сама вежливость. — Она снова щёлкнула выключателем, и мы вышли обратно в коридор. — В общем, ещё подумай, ладно? Если эта комната не нравится, потом можешь другие посмотреть. Машкину лучше не трогать, но остальные — сколько угодно. Нам с Серёгой всё равно, в какой жить, Игорю — тем более. Ему вообще только стены и крыша нужны.

— Всё нормально. — Я даже заставила себя улыбнуться. — Меня всё устраивает. Правда.

— Если что...

— ...обязательно скажу. Обещаю.

Тоже улыбнувшись, Юля кивнула.

— Договорились.

Когда мы вернулись обратно в гостиную, Оля вынимала из чехла... моё свадебное платье?

— Я вчера за ним съездила, — видимо, заметив моё недоумение, сказала Юля, усаживаясь в кресло. — Уже всё готово.

Надев на вешалку, госпожа Князева (не без помощи стула) прицепила её к дверце книжного шкафа.

Что ж, Евгения Фёдоровна постаралась на славу — вышло именно то, что и было запланировано. Верх корсета по-прежнему был в форме сердечка, но уже без декольте. Сам он явно был перешит и теперь сидел как влитой. Но вышивка не пострадала. Плечи закрыты, причём не бретельками, даже не лямками — рукавами. Совсем коротенькими и полупрозрачными, но хоть что-то.

Надо будет поблагодарить Евгению Фёдоровну лично. Так хорошо получилось!

Отойдя на несколько шагов назад, Ольга внимательно разглядывала платье, бормоча себе под нос.

— Так, что мы имеем? — Задумчивый взгляд перепрыгивал с платья на меня и обратно. — Явно скромницу. Молодую, нежную, женственную. Романтик? Или классика? Хм... Валик, без локонов. Или ракушку? Хм-хм-хм... А может бабетту? Ой, нет, чур меня Ни в коем случае! Так. Цветы. И диадему. Или к чёрту? Глаза чуть ярче, немного перламутра... Да, всё. Поняла. Анна, садитесь.

— Ты бы хоть у невесты сперва спросила, — усмехнулась Юля, качая головой.

Госпожа Князева только отмахнулась.

— Не сбивай! У меня творческий процесс! Так, начнём с волос...

Я не спорила. Может, в любой другой раз, но не в этот. Ну спросит она, чего мне хочется, ну покажет какие-нибудь фотографии. Что я отвечу? Что мне всё равно? И смысл тогда спрашивать? Нет. Пусть делает как считает нужным.

Эх, поскорей бы всё это кончилось...

"Творческий процесс" шёл полным ходом, когда вдруг пришла мама. Я, конечно, ей звонила и говорила, что встретила Юлю, и мы едем на Крестовский — она отреагировала вполне спокойно. Чего вдруг?

— Зачем? — спросила я, когда эта неужемная женщина уселась в кресло напротив Юли.

Сама она, кстати, тоже была невозмутима и даже назвала маму по имени-отчеству. Белозерский предупредил, что ли?

— Хочу знать, что тут с тобой делают, — ответила Анастасия Павловна. — Всё в порядке?

Вроде с улыбкой, вроде шутит. Но взгляд — бритвенное лезвие удавится от зависти.

— Ну да, — пожала плечами я.

Кивнуть не получилось — Ольга не давала, продолжая колдовать с волосами. Надеюсь, "валик" — это название причёски...

— А если без "ну"?

— Да не съедят её, не переживайте, — вдруг подала голос Маша, соизволив оторваться от телефона. — Хотя в пору.

Зря.

— Милая. — Почти ласково. Почти. Впечатление немного портил взгляд-прицел. — Давай-ка договоримся: когда мне будет нужно твоё мнение, я сама спрошу. Ладно?

Краем глаза я заметила, что Юля уже было открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом почему-то передумала, ограничившись тревожным взглядом на Машу. Та несколько мгновений пыталась смотреть маме в глаза, но потом, пробурчав что-то себе под нос, снова уткнулась в телефон.

Неплохо, неплохо. Просто, но эффективно. А главное, наверняка. Чувствуется, мне тоже надо будет осваивать этот приём.

С причёской госпожа Князева провозилась долго, но оно того стоило: получилось хоть и замысловато, но аккуратно и очень изящно. У Ольги даже нашлись жемчуг и искусственные цветы (причём именно орхидеи — она платье уже видела, что ли?), которые тоже стали частью причёски. Впрочем, это только сегодня, на "репетицию", а в день свадьбы будут настоящие.

Но что самое хорошее — все волосы убраны, нигде ничего не болтается. А то я помню подготовку к выпускному — жуть. Парикмахерша постоянно твердила, что у меня очень хорошие волосы, поэтому надо непременно их распустить. Я отказывалась — не люблю ходить лохматой. Она прям настаивала, говорила, что мне очень пойдёт. В итоге, причёску мы с мамой делали сами.

Закончив с волосами, госпожа Князева приступила к макияжу. И тут пришёл Игорь Викторович.

Гостиная была далеко не маленькой, но сразу как-то стало тесно — он будто бы заполнил всё пространство. Запахом, голосом, жестами, взглядом. Собой. Все как-то сразу оживились: Маша вынырнула из телефона, мама с Юлей — из своих мыслей. Даже Ольга, и

та отвлеклась от своего "творческого процесса", чтобы смерить Белозерского скептическим взглядом и сказать, что он "совершенно зарос".

Что до меня... Не знаю почему, но вдруг вспомнился Макс и тот наш разговор. Стало как-то совсем тоскливо; внутри будто бы открыли форточку, впуская в душу холодный ветер.

А ведь всего этого могло и не случиться. Сейчас мы с Максом были бы вместе: сидели где-нибудь, болтали, смеялись. Я бы немного повредничала, подразнила его. А он бы меня обнял и поцеловал. Эх...

Но вместо этого приходится сидеть в чужой квартире и готовиться к свадьбе с человеком, которого я едва знаю, который старше меня раза в два, и которого терпеть не может моя мать. Ах, простите, даже не с человеком — с оборотнем!

Пап, как же ты был прав! Прости, что спорила с тобой, этого больше не повторится. Никогда. Как бы я хотела всё забыть! Весь этот "другой" мир, какое-то Собрание, какие-то Одинцовы, их интриги... Не хочу больше ничего знать. Ничего и никого.

Тошно.

— Что-то мне оно напоминает, — сказал Игорь Викторович, глядя на платье. — Кали, где справедливость?

— Там же, где и твоя совесть, — холодно парировала мама.

— Нет, серьёзно. Когда сама замуж выходила, так громче всех кричала, что в гробу ты эти традиции видала. — Усмешка. — А как дочку выдавать — всё, ни шагу в сторону?

Господи, это его "остроумие"! Поперёк горла уже! Взрослый мужик, а ведёт себя как ребёнок! Ну а вот мне как-то не до веселья!

— Это был мой выбор, — отчеканила я за маму, благо, Ольга колдовала с глазами, а не губами. — Я сама захотела выйти замуж именно в этом платье. Какие-то проблемы?

Белозерский — конечно же! — снова усмехнулся.

— Кажется, семейная жизнь обещает быть нескучной.

Макияж у госпожи Князевой занял не так много времени, как причёска, но получилось тоже здорово — мне в кои-то веки нравилось смотреться в зеркало. Ольга будто бы знала, что я не люблю ярко краситься: всё было очень... натурально, что ли. Мягко. И прекрасно сочеталось с причёской. Остальные тоже оценили — всё, кроме Марии Алексеевны, разумеется, которая даже не подняла головы. И зачем она вообще здесь сидит?

— Надеюсь, Анна не страдает излишней суеверностью? — сказала Ольга, снимая платье с вешалки.

Эм... что? Причём тут она?

— Суеверностью?

— Жених не должен видеть невесту в свадебном платье, — подсказала Юля. — Но может, наш самый лучший стилист России сможет обойтись...

— Не сможет, — оборвала Ольга. — Мне нужно видеть обоих. Вместе. Прямо сейчас Игорь, ты меня слышишь?

— Скорость сбрось, чучундра! В поворот не впишешься. "Шпилька", не видишь что ли?

Я аж обернулась: Игорь Викторович сидел рядом с племянницей, внимательно глядя на экран телефона.

Так вот он какой — семейный досуг. Прелесть. Сейчас расплачусь от умиления.

— Легкотня! Я этот уровень уже триста раз проходила.

— Белозерский! — прикрикнула госпожа Князева. — Хватит дурака валять. Я не собираюсь сидеть тут до ночи. Переодевайся.

Белозерскому всё нипочём.

— Есть, мэм.

Моё платье Ольга вручила маме.

— Справитесь? Или нужна моя помощь?

Та кивнула.

— Справимся. Куда?

— Пойдёмте.

Юля было поднялась, но я покачала головой.

— Не надо. В мою комнату, так ведь? Думаю, не заблужусь.

Она улыбнулась.

— Если что — кричи.

Мы ушли.

Пока я раздевалась, пока очень аккуратно залезала в платье, пока мама разбиралась со шнуровкой — злость и раздражение поутихли, вместо них снова разлилась усталость.

— Это было слишком, да? — стоя перед зеркалом, спросила я с тяжёлым вздохом.

Мама продолжала возиться с завязками корсета.

— Ты про Белозерского?

— Угу...

Фыркнула.

— Не смейся. Всё правильно. С некоторыми людьми по-другому просто нельзя.

— А ты папе такое когда-нибудь говорила?

— А папа похож на Игоря?

— Нет.

— Ну вот тебе и ответ.

М-да. Всё равно как-то стыдно. Что он такого сделал? Да ничего. Ну сострил — подумаешь. Натура у него такая. А я наорала ни за что ни про что.

Эх... я, наверно, скоро с ума сойду такими темпами...

Когда мы с мамой вернулись обратно, из гостиной слышался смех — оказалось, это госпожа Князева беседовала с Игорем Викторовичем. Надо же, поначалу вся такая суровая была, а теперь улыбается, глазки строит. Того гляди защебечет. Волшебство, прям. И так быстро. Сам "волшебник", кстати, тоже шибко грустным не выглядит: сидит вразвалочку, усмехается, пальцы крутят зажигалку.

Да, он бы прав: семейная жизнь у нас будет и впрямь нескудной. Бабник и недотрога — что может быть веселее! Обхохочешься просто.

— Ольга, вы же говорили, что не хотите оставаться тут до ночи, — ледяным тоном процедила мама, когда стало понятно, что госпожа Князева нас просто-напросто не замечает. — Может, всё-таки не стоит тянуть?

Я молчала. Да, брак по расчёту — удовольствие ниже среднего. Сильно ниже. С Белозерским мы знакомы без году неделю, даже меньше. И всё равно неприятно. Все эти причёски-платья-макияжи — зачем? Только потому, что так надо? Ради статуса и красивых фотографий? Видимо.

— Ладно, вставай к невесте, — продолжая улыбаться, проворковала блондинка.

Даже головы не повернула. Мама будто бы говорила с пустотой.

Мы с Белозерским вышли на середину комнаты. Он уже был при параде: чёрный смокинг, жилет, белая рубашка, брюки, блестящие туфли. Даже про галстук-бабочку и

запонки не забыл. Удивительно.

— Знаешь, мы с твоим отцом знакомы почти всю жизнь, — вдруг сказал Игорь Викторович, глядя на наше с ним отражение в большом зеркале.

— Знаю.

Я смотрела в сторону. Юля говорила, что нужно понять, как мы будем смотреться вместе. А что понимать-то? Всё и так ясно. Угрюмая девица в мамином платье и вечно ухмыляющийся мужик, который даже в смокинге выглядит натуральным бандитом. Отличная пара!

— За всё это время я позавидовал ему только один раз. Догадываешься, когда?

— Нет.

К чему всё это?

— Когда он брал в жёны твою мать. — Я подняла голову. Игорь Викторович смотрел мне в глаза. — Теперь завидовать будут мне.

Чёрт...

Я снова покраснела, да так сильно, что было ощущение, будто лицо подожгли. И ведь это пыль. Просто пыль в глаза. Не более. Я точно знаю. Знаю же. И всё равно...

Дурацкая улыбка, ну куда ты лезешь!..

— Было бы чему, — фыркнула Маша.

Фух, спасибо! Большое-пребольшое! Всё как рукой сняло!

Краем глаза я заметила, что мама, помрачнев, уже было хотела ей ответить. Но на этот раз Игорь Викторович успел первым.

— Марья, что там с "парой" за контрольную по биологии? Исправила?

— Нет, — буркнула девица, тут же потупившись. — Эта дура опять меня завалила.

— "Эта дура" знает свой предмет на ура. И к тебе она относится так же, как к остальным.

— Ну-ну.

— Иди-ка готовиться.

— Игорь!

— Молча.

— Но...

— Марья. Ты меня слышала?

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Игорь Викторович был хоть и не холоден, но спокоен и непреклонен. Маша пылала злостью и обидой.

Запихнув телефон в карман, барышня выскочила из комнаты.

Ольга продолжила работу.

Закончилась вся эта свистопляска поздно, а к дому мы с мамой приехали и вовсе в одиннадцать. Причёска оказалась хоть и красивой, но тяжёлой — болела голова. Макияж хоть и неяркий, но куда обильнее, чем у меня обычно — с непривычки болели глаза. Пришлось долго ходить-стоять на каблуках — болели ноги. Полнейшая подавленность, разбитость, желание убежать и спрятаться. Пустота. Страх.

Ох уж эти приятные свадебные хлопоты!

Но, как выяснилось, это не предел.

— Здравствуйте, Анастасия Павловна.

Выйдя из машины, мы с мамой подошли к парадной. На скамейке сидел Давыдов!

Он-то что здесь забыл?!

— Привет, Макс, — кивнула мама, вскинув бровь. — Нас ждёшь, что ли? Не поздновато?

Давыдов встал.

Чёрт, как же хорошо, что я всё-таки решила не оставлять макияж и причёску!

— Да вот, хотел с вашей дочерью поговорить. — Улыбнулся. — Можно?

— Это не у меня надо спрашивать. — Они вдвоём посмотрели на меня. — Ну что, дочь? Можно с тобой поговорить?

Я хмыкнула. Ещё одни остроумцы нашлись...

— Так уж и быть.

Бросив на меня тревожный взгляд, мама скрылась за дверью подъезда.

Макс повернулся ко мне.

— Прогуляемся?

Я не знала, что ответить. Вот зачем он пришёл? Для чего? Поговорить? О чём, если мы ведь уже всё решили?

Но...

Как же я рада! После всего того, что пришлось сегодня пережить, после Белозерского и его племянницы — Макс. Родной, близкий. Я так соскучилась!

— Давай.

Улыбка появилась как-то сама собой. А что до раскалывающейся головы, гудящих ног и бурчащего желудка — плевать. Не до этих глупостей сейчас.

Несколько минут мы шли молча.

— Как учёба? — наконец спросил Макс. — Нервничаешь?

Я пожалала плечами.

— С чего вдруг?

— Ну первая сессия, все дела.

— Пф, не смейся! — После нервотрёпки последних дней мне уже ничего не страшно... — Переживу как-нибудь. А ты как?

Так, Вавилова. Спокойно. Держи себя в руках. Нельзя, чтобы Макс понял, насколько сильно ты рада его видеть.

Но как же хочется! Обнять, прижаться, поцеловать. Уткнуться носом в шею, вдохнуть его запах. И извиниться. За то, что сделала больно, что заставила страдать. Сказать, что все те слова — глупости, что я сама — идиотка, что хочу быть с ним и только с ним, что больше никто не нужен. Не отпускать. И чтобы он не отпускал. Не отдавал. Никому.

Только бы сдержаться...

Как же больно...

— Да тоже неплохо. Разгрёб завалы, отрезал "хвосты". — Снова улыбнувшись, Давыдов вдруг взял меня за руку. — Встретимся завтра?

Такой тёплый. Так приятно.

— Макс... — В горле встал ком. Нельзя! Ни в коем случае! Он не должен понять... — Мы же с тобой уже говорили...

Я было попыталась высвободить ладонь, но он удержал.

— Давай поговорим ещё раз. Нормально.

— Н-нормально?..

— Да. — Пожалуйста, не смотри на меня... так! — Я знаю, я придурок: бросил тебя из-за идиотской учёбы. Прости. Но больше этого не повторится. Давай ещё раз куда-нибудь

сходим. Куда захочешь. Ну или посидим. Уж теперь точно ничего не сорвётся, обещаю. Ты не ошиблась.

Я молчала. Просто не могла говорить. Открою рот — потекут слёзы.

Бросил из-за учёбы... ошиблась... господи, Макс... родной мой...

Ну почему, почему всё именно так! Почему я не могу быть с тем, с кем хочу, с кем мне так хорошо! Ну или хотя бы не врать ему, не делать ещё больше! Да, мы не можем встречаться, не можем быть вместе, но вовсе не потому, что я "ошиблась"!

Но если Макс узнает о свадьбе... Как это объяснить? Что он подумает? Что я влюбилась в другого? Нет, ни за что. Только не это.

Так. Всё. Давай, Вавилова. Бери себя в руки. Последний рывок. Сделай так, чтобы Макс поверил. В "ошибку". Это нужно. Для его же блага.

Хех, и где я это слышала?

Какая, чёрт подери, ирония! Папа, кажется, я начина тебя понимать.

Вдох-выдох.

Пошла!

— Макс. — Задавить всё. Сердце, совесть. Заставить себя говорить ровно и твёрдо. — Ты тоже меня прости. Но я уже всё тебе сказала. Ещё тогда, в тот раз. Я... поспешила. Ошиблась. Извини.

Сука! Стерва! Дрянь! Как же мерзко!

Тихо. Заткнись. Держись. Так надо. Для него.

Макс смотрел. Молча. Я не отводила взгляд.

Задавить всё! Спокойствие!

Ну скажи хоть что-нибудь...

— Ты... ты уверена?

Он хочет казаться спокойным, но я-то вижу...

— Да.

Прости, прости, прости!..

— Ладно. — Кивнув, выпустил мою руку. — Я понял.

Молчание.

Долгое. Невыносимое.

— Я... — Голос всё же дрогнул. — Я пойду, ладно? Поздно уже.

Макс снова кивнул.

Глаза стеклянные, взгляд пустой.

— Хорошо. Тебя проводить?

— Нет. Спасибо.

— Удачи.

— И тебе.

Развернувшись, я пошла обратно. Всё задавленное рвалось наружу, грозя захлестнуть с головой, разорвать, вывернуть наизнанку. Слёзы.

Пошла быстрее, побежала.

Как будто поможет.

Как будто от этого можно скрыться, спрятаться.

Как будто это может отстать.

Как будто это не внутри меня.

Не помогло.

Ночь. Лес. Небо. Луна.

Холодно. Тишина.

Одиночество.

Пустота.

Страх.

Вой.

Это был ужасный день.

Как и любая девушка, я задумывалась о том, какой будет моя свадьба. Белое платье, туфли, фата, кольца, цветы. Улыбки, радость, капелька грусти. И чтобы настроение, как у Бальмонта: "Всё смеялось в ней и пело...". Но увы. На деле же всё вышло как у Случевского: "В пышном гробе меня разукрасили...".

Весь день я как плыла, внутренний взор будто бы чем-то замотали, закрыли какой-то повязкой, мешающей осознавать происходящее вокруг. Благо, она была неплотной, и периодически реальному миру всё же удавалось достучаться до Ани Вавиловой. Которая скоро станет Белозерской.

Наверно, если бы не мама, я бы даже из дома не смогла выйти. Она возилась со мной как с маленьким, чертовски рассеянным ребёнком, который никак не может сосредоточиться, и у которого всё валится из рук. С утра было совсем плохо: ночь вышла бессонной, а встать пришлось рано — глаза закрывались прямо на ходу. В итоге, проснувшись, я вместо халата принялась надевать свитер, за завтраком чуть не упала лицом в яичницу, а в ванной начала чистить зубы гелем для душа. Но мама всё время была рядом, поэтому я даже сумела одеться и поесть.

Потом приехала Ольга. Этого человека я уже тихо ненавидела: оказывается, та "репетиция" причёски и макияжа, это не конец. Оказывается, там ещё был целый список из всяких там пилингов-масок-маникюров-массажей-соляриев, без которых "невозможно создать нужный образ". Выбора не было, пришлось несколько дней мотаться по салонам красоты. И не абы каким — совершенно конкретным, указанным самой госпожой Князевой. Процесс дико утомительный, но кое-какие положительные моменты всё же были. Например, маникюр, после которого ногти превратились в миниатюрные произведения искусства. Или лёгкий загар, или идеально-ровная кожа на всём теле, особенно руках и лице.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но самое главное, меня не так сильно дожимали мысли о Максе: беготня по салонам плюс конец семестра — на них не оставалось ни времени, ни сил.

Когда с причёской и макияжем было покончено, настал черёд платья. Надеть нижнее бельё и колготки, прикрыть лицо салфеткой (чтобы ничего не смазалось и не испачкалось) и, собственно, облачиться в платье. Ничего сложного. Элементарно. Но и здесь своей заторможенностью и рассеянностью я чуть всё не испортила: салфетка съехала, часть помады оказалась на ткани, колготки порвались. Слава богу, мама покупала аж три пары — на всякий случай, макияж Ольга поправила за считанные минуты, а корсет хоть и испачкался, но несильно и только с внутренней стороны.

Сама Анастасия Павловна уже была "в образе": несложная, но красивая причёска, тёмно-синее платье, эффектный макияж. Папа надел смокинг — вроде бы такой же, как у Игоря Викторовича, но общий вид был совершенно другим. Более... уместным, что ли. Гармоничным. Хотя чему я удивляюсь? Где мой папа и где Белозерский! Такому, как "дядя Игорь", больше подошёл бы какой-нибудь длинный пиджак, полосатые брюки, чёрно-белые ботинки и шляпа-котелок. И сигара. И автомат. Джон Диллинджер, что б его.

Сели в машину. Папа за рулём, мы с мамой сзади. Я прижималась к ней — как в детстве, когда нужно было идти сдавать кровь или к стоматологу. Хотелось заплакать, но

приходилось сдерживаться: снова поправлять макияж, снова выслушивать да и просто видеть госпожу Князеву — нет, это выше моих сил. Их и без того на доньшке. Уж лучше потерпеть.

Ехали недолго. Или это просто я слишком сильно растворилась в своих мыслях? Снова центр города. Невский проспект. Набережная Фонтанки.

— Не знаешь, это он сам придумал? — спросила мама, когда папа остановил машину.

— Без понятия, — покачал головой он. — Но это напрашивалось, не находишь?

— Вы о чём вообще? — очнувшись, спросила я, уже вылезая на улицу.

Предельно осторожно и аккуратно, чтобы ничего не порвать и не запачкать.

— А ты по сторонам посмотри.

Я ничего не понимала. Но посмотрела.

И тут же согнулась от нервного смеха.

С одной стороны дороги возвышалась статуя "покорителя" коня на Аничковом мосту. Как хорошо, что ударение на второй слог, а не на первый! Иначе, я бы просто удавилась. Но это ещё ладно, это ещё цветочки.

Напротив — здание, одна из питерских достопримечательностей. Большое, красивое, старинное, с атлантами, барельефами и прочими прелестями архитектуры девятнадцатого века. Или восемнадцатого? Короче, прошу любить и жаловать: дворец князей Белосельских-Белозерских!

— Вот это... размах! — отсмеявшись, выпалила я, разглядывая розовато-оранжевые стены. — Только не говорите, что он — князь!

— Нет. — К нам подошла Юля. — Всего лишь однофамилец. Но я решила, что получится эффектно. — Посмотрела на меня, улыбнулась. — Анна Михайловна, выглядите просто изумительно. Все будут смотреть только на вас.

Я кивнула.

— Спасибо.

Сама Юля выглядела тоже очень даже красиво. Разглядеть платье не получалось из-за длинного пальто, но причёска с выпущенными локонами и лакированные туфли на высоком каблуке ей очень шли. Интересно, она замужем?

Интересно, почему я вообще об этом задумалась?

Нервы, нервы, нервы...

Юля повела нас внутрь. Все уже приехали: и Белозерский, и гости, и сотрудники загса. Да, всё торжество будет происходить здесь. Как только жених и невеста будут готовы, они пойдут в зал. Нет, ничего не забыли. Букет, кольца, фотограф, музыканты — не волнуйтесь, Анастасия Павловна, учли всё.

Мама спрашивала что-то ещё, но дальше я уже слушала в пол уха. Надо же. Свадьба во дворце. В настоящем княжеском дворце, в котором бывал сам император с семьёй! Вот по этой лестнице они поднимались, эти двери перед ними раскрывали слуги. Вот зеркало: сейчас оно отражает нас, современных людей; а раньше, лет двести назад, в него, быть может, смотрелась сама императрица или кто-нибудь из фрейлин. Это было так... настолько...

— Ага, вот и невеста пожаловала. — Голос Белозерского привёл в чувство не хуже пощёчины. Я аж пошатнулась. — Тихо, тихо, Кали. Не кипятись. Нормальный у меня взгляд. Кстати, отличное платье.

Юля привела нас в комнату с двумя дверьми: в одну мы вошли, из-за другой слышалась

музыка и разговоры — видимо, именно там и будет проходить "торжество".

— Белозерский! — прорычала мама, волком глядя на Игоря Викторовича. Вернее, волчицей. — Ты хотя бы на собственной свадьбе можешь вести себя нормально, а не как последняя...

— Что-то мне подсказывает, — папа взял её за руку, — что нам обоим уже пора идти в зал. Верно?

Он повернулся к Юле.

Та кивнула.

— Да. Я провожу.

Мы с Белозерским остались наедине.

— Ну что, куколка? — Он посмотрел на меня. Подмигнул. — Пошли связываться узами брака?

Я не смогла ответить. Как оцепенела. Просто стояла и смотрела. Смокинг, галстук-бабочка, белая рубашка — всё как на "репетиции". Бело-розовая орхидея в петлице. Волосы уже не убраны в хвост, а зачёсаны назад. В общем, джентльмен.

Почти.

Если бы не всё та же бандитская усмешка и чуть прищуренный взгляд.

Кто же вы, Игорь Викторович? Оборотень, дядя стержозной девчонки, благодетель для брата с сестрой, друг моего отца. Всё? Это всё, что я знаю о своём женихе? А его любимый цвет? Любимое блюдо? Любимая музыка? Любимая книга? Или он не любит читать? А как относится к искусству? К политике? Кто больше нравится, кошки или собаки? Или вообще рыбки? Или никто? Как отдыхает? Кем работает? Дружит ли с компьютером? Как звали первую любовь? Помнит ли он её? Что с родителями Маши? Где они? Почему так вышло? Живы ли её бабушки и дедушки? Откуда они?..

Вопросы, вопросы, вопросы. Их десятки. Сотни. А когда будут ответы? И будут ли?

Игорь Викторович подошёл ко мне. Пришлось поднять голову.

— Ань, успокойся. — Теперь он говорил на удивление серьёзно, даже без усмешки. Смотрел прямо в глаза. — Да, твоя жизнь изменилась, это факт. Потом изменится ещё больше. Да, с сегодняшнего дня ты — моя жена и моя женщина. Но это не значит, что я тебя запру, отниму друзей и мать с отцом. Нет. Запомни: я никогда не причиню тебе вреда. Теперь мы — семья. Где жена уважает мужа, а муж жену. Ты меня слышишь?

— Д-да... — кое-как выдавила я.

Колени дрожали, в мыслях снова вспыхнул образ чёрного волка. Того самого, сильного, уверенного, спокойного. Но на него тут же наложилась бандитская усмешка и чуть прищуренный взгляд мужчины, который ведёт себя как мальчишка.

Кто же вы, Игорь Викторович? Какой вы? Как мне вести себя с вами?

— Отлично. — Вот, снова усмешка! — Пойдём, а то эта светская тусовка потом будет вопить, что их морили голодом.

И я пошла.

Дальше всё как в тумане. Расплывчато. Нечётко.

Куча незнакомого народу, сидящего за столами посреди старинного зала. Музыка. Кажется, свадебный марш. Отрывки из речи регистраторши: "Сегодня, в этот торжественный день...". Кольца. Одна надели мне, одно должна надеть я. Но руки дрожат так, что он сам продевает палец. "Можете поцеловать невесту". Ужас! Паника! Он спокоен. Ладонь на талии. Тяжёлая. Привлекает ближе. Но губы касаются пальцев. Усмешка. Негромко: "Какие

нежные ручки". Опять смущение, щёки горят. Что-то происходит, происходит. Кто-то говорит, я даже что-то отвечаю. Меня куда-то ведут, сажают на какой-то стул. В голове полно дурацких мыслей. Станных. Посторонних. А как было бы с Максом? Он бы назвал меня "своей женщиной"? Или хотя бы девушкой. Макс улыбается по-другому. Улыбается. Не усмехается. Глаза другие. Запах другой. Всё другое. Не такое... острое?

— Ай!

Игорь Викторович подошёл с двумя бокалами, а я как раз хотела встать из-за стола. Мыслей слишком много, они затуманили не только внутренний взор, но и обычный — я ничего не видела.

Звон бьющегося хрусталя. Лужица шампанского на полу.

Я на автомате нагнулась, чтобы собрать осколки, но руки всё ещё дрожали — потекла кровь.

— Не надо.

Усадив обратно за стол, он взял мою руку и приложил к ранке салфетку. Но пара капель всё же упала на скатерть, и теперь на ярко-белой поверхности красовались не менее ярко-красные пятна.

— Ну что ж, — усмехнулся Игорь Викторович, глядя на них, — будем считать, что сегодня я супружеский долг выполнил.

Я непонимающе вскинула бровь. О чём он вообще? Какая связь? Снова посмотрела на стол. Кровь. На белом. Ну и что? Причём тут супружеский...

Ой...

Так он про...

— Гляжу, ты решил не терять время зря.

Я подняла голову — к столу подошёл ещё один человек. Парень, примерный ровесник Юли. Как и почти вся мужская половина гостей, он был в смокинге, но стать частью общей массы, мешали волосы. И не просто мешали — бросались в глаза. Во-первых, они были длинными (для мужчины, разумеется) — ниже плеча, почти до середины спины. А во-вторых и в-главных — цвет. Ядерный. Жгучий. Такой я видела только у Игоря Викторовича, только у него волосы чёрные, а у этого... Нет, даже не рыжие. Огненные.

— Решил, что тянуть нет смысла. — Что сделал Игорь Викторович? Конечно же, усмехнулся. — Знакомься, дорогая супруга: Илья Кольцов, новое светило биологии.

— Всего лишь скромный ученик Михаила Юрьевича. — Наклонившись, рыжий поцеловал мне руку. Здоровую. — Добрый вечер, Анна. Позвольте выразить моё восхищение. Вы ослепительны.

Папин ученик? А у него они есть?

— Спасибо... Извините, но он про вас ничего не говорил.

— Завидует, — хохотнул Белозерский. — Илья-то у нас молодой гений. Кандидатская в двадцать пять — учителю такое и не снилось.

Парень отмахнулся.

— Не слушайте его. Ваш отец — великий учёный...

— ...которого ты переплюнул. И к чертям ложную скромность.

Надо же. Игорь Викторович о нём такого высокого мнения — даже удивительно. Интересно, почему папа ничего не говорил про этого "молодого гения"? Впрочем, если он тоже оборотень, то вопрос отпадает сам собой.

Ну вот. Мозг заработал, посторонние мысли медленно, но верно разгоняли туман в

голове. Прострация отступала. Фух.

— Ничего святого, — покачал головой рыжий. — Мне ещё есть, чему учиться. Особенно у Михаила Юрьевича.

— А я уж думал, — к нам подошёл папа, — что после нашего последнего разговора, я уже не считаюсь твоим учителем.

— Прошу прощения. — Илья говорил очень уважительно. — Я тогда... погорячился. Впредь обещаю быть сдержаннее.

Папа кивнул.

— Что ж, похвально. Надеюсь, именно так и будет. — Посмотрел на меня. Заметив кровь, нахмурился. — Аня, что случилось?

Я пожала плечами.

— Укололась. Ничего страшного.

— Точно?

Белозерский закатил глаза.

— Миша, она просто порезала палец. Об осколок бокала. Случайно. Все живы. Конеч света не наступил. Успокойся.

Во взгляде папы мелькнуло раздражение.

— Полегче с шампанским, Игорь. Ну или что ты уже выпил. — Он протянул мне руку. — Анна, вы позволите пригласить вас на танец?

Как мило. Я даже улыбнулась.

— Разумеется.

Белозерский промолчал.

— Он оборотень? — спросила я, когда мы с "кавалером" вышли в центре зала.

— Илья? — Папа покачал головой. — Нет. Он и без того... необычайно одарённый.

— В смысле?

— Вундеркинд. Гений, если хочешь.

— Он действительно твой ученик?

— Один из лучших.

— А откуда его знает Игорь Викторович?

— Точно сказать не могу. Скорее всего, он финансирует какие-то разработки Ильи.

— Ого. То есть, он и впрямь кандидат наук?

— Да. Биологических.

— А почему ты никогда про него не рассказывал? И вообще про то, что у тебя есть ученики?

Как я и думала, папа тут же замялся.

— Я... не считал нужным. Эти знания не принесли бы тебе никакой пользы.

Внутри было поднялась привычное раздражение, но я себя одёрнула. Нет уж. Раз он так говорит, значит на то есть причина — в этом мне уже довелось убедиться. На собственной шкуре.

— Ладно. — Судя по выражению лица, папа не ожидал, что я сдамся так быстро. — Тогда расскажи то, что может принести мне пользу.

Он вскинул бровь.

— Про Илью?

— Про оборотней. Про это Собрание. Про Одинцовых. Или мне лучше спросить Игоря Викторовича?

— Не стоит. — Тяжёлый вздох. — Хорошо. Оборотни среди простых людей — это общество в обществе. У них есть свои правила, традиции и, разумеется, лидеры. Самые могущественные из них и образуют Собрание — своеобразный парламент, если оперировать человеческими терминами. Они — мост между человеческим миром и миром оборотней.

Хм, где-то я уже слышала подобное...

Так, стоп. Мост?

— О, я вспомнила. Игорь Викторович говорил, что Собрание — это главы родов, но что под "родом" оборотни понимают что-то другое.

— Да, это так. Изначально оборотни жили родами в прямом смысле этого слова. Проще говоря — семьями. — А сейчас будет лекция... — Пока в сознании обычных людей оборотничество имело более положительный оттенок родства с природой и покровительства высших сил, этого было вполне достаточно.

— Для чего?

— Для выживания. Однако же, чем больше люди отрывались от природы, считая окружающий мир своим врагом, тем более негативным становилось их отношение. Оборотней начали бояться, в них стали видеть связь с чёрной магией, бесовщиной и кровожадностью.

— Грубо говоря, благословение превратилось в проклятье?

— Именно. Так как обычные люди всегда превосходили оборотней по численности, то, чтобы выжить, им приходилось объединяться. В общины, деревни, которые иногда перерастали в города?

Ого!

— В города? То есть, сейчас где-то есть...

Но папа меня прервал.

— Нет. Видишь ли, разнообразие *interius bestia*, "внутренних зверей", хоть и ограничено классом млекопитающих, выходит далеко за пределы рода волков и даже семейства псовых. Это могут быть медведи, лисы, рыси — любое более-менее крупное животное. И точно также, как медведи, лисы и рыси не могут существовать слишком близко друг к другу, так и оборотни с разными *interius bestia* не могут долго жить единым социумом. Слишком уж силен отпечаток, который поведенческие особенности животной половины откладывали на человеческую. Теоретически, *interius bestia* можно подавить, но во времена частых войн и болезней, отсутствия развитой медицины и высоких технологий, подобная мера бы сильно сократила шансы на выживание. Поэтому от *interius bestia* не только не отказывались, но и старались всячески его усилить. Что лишь расширяло межвидовую пропасть. Таким образом, все попытки создать государство оборотней изначально обречены на провал.

Всем спасибо, все свободны.

Впрочем, я хоть и чувствовала себя в аудитории, всё равно слушала папу очень внимательно. Чтобы Михаил Юрьевич выдал столько сведений да ещё за один раз — такое пропускать нельзя. И плевать, что лекция.

Когда танец закончился, мы снова отошли к столам. Я думала, что папа продолжит, но нас уже ждали мама и Игорь Викторович. Причём, они не просто стояли недалеко друг от друга. Нет. Они о чём-то разговаривали, даже смеялись! Интересно, это у Анастасии Павловны настроение хорошее? Или у Белозерского животный магнетизм зашкаливает настолько, что поддалась даже "Кали"?

Хм, а как они вообще познакомились?

Этот вопрос я задала Игорю Викторовичу, когда мама с папой пошли танцевать, а мы — обходить гостей, заодно позируя фотографам.

— Мы встречались, — просто ответил Белозерский, кивая какому-то толстяку и улыбаясь в камеру.

А вот мне было как-то не до приличий.

— Что?!

— Ага.

— Когда?!

— В молодости. — Он подмигнул. — Что, не хочешь быть моей дочерью?

Я чуть не упала.

— А... а что, есть вероятность, что вы мой...

Белозерский засмеялся.

— Нет. Если уж Кали влюбилась, то намертво. И избранника не отпустит, и сама не уйдёт.

— Получается, вас она не любила?

— Получается, нет.

— А вы её?

Игорь Викторович покачал головой.

— Не сложилось.

— Тогда почему вы были вместе?

— Потому что я в то время не пропускал ни одной юбки. А твоя мать всегда была чертовски красивой. И горячее. Её сложно не хотеть. — Он посмотрел на меня. Цепко и одновременно как-то по-озорному, лукаво. Улыбнулся. — Я уже говорил, что вы очень похожи?

Когда, ну когда я устану краснеть?..

Слава всему, что только можно, дальше этот разговор не продлился: мы вышли в соседний зал, а там гостей было слишком много, чтобы отвлекаться на посторонние беседы. Игорю Викторовичу. Ибо, как выяснилось, разговаривали в основном с ним. Кто-то дружелюбно, кто-то — не скрывая враждебность. Но — с ним. Со мной здоровались, поздравляли, желали всякие банальности. Всё. Дальше внимание переключалось на Белозерского. Особенно у женщин — некоторые вообще достаивали меня лишь мимолётным взглядом, предпочитая сразу же расточать улыбки Игорю Викторовичу. На которые тот, конечно же, отвечал взаимностью.

Поначалу было неприятно и обидно. Ну и для чего тогда все эти приготовления? Платье, причёска, кольцо — зачем? Чтобы сыграть роль красивой куклы? Мебели? Чтобы ещё сильнее почувствовать себя ненужной?

Но потом отпустило. Хватит с меня переживаний. За этот месяц их уже было столько, что хватит на всю жизнь. А что до гостей... Я знаю этих людей (если их можно так назвать)? Нет. Какое мне дело до того, с кем они разговаривают или как смотрят? Разве это брак по любви? Разве мне должно быть дело до Игоря Викторовича и его отношений с женщинами? Ответ известен.

Пока "дорогой супруг" говорил за жизнь с очередной лощёной парой, я смотрела по сторонам. Вон там ещё одна парочка — прям классика жанра: невысокий толстенький человечек и вся такая распрекрасная блондинка, которой впору вместо зеркала пользоваться его лысиной. Вон ещё двое, тоже очень колоритные: он весь такой высокий, широкоплечий,

уже с сединой. Очень суровый. Она пониже, изящная, но фигуристая, много улыбается, постоянно бросает на кавалера кокетливые взгляды. Чем-то они мне напоминают моих родителей. Интересно, это тоже оборотни?

О, а вот и Маша с Серёжей. Беседуют, она что-то ему втолковывает, но тот только качает головой. Причём, сам-то парень, как и положено, в смокинге, а вот Мария Алексеевна, видать, решила выпендриться: вместо платья на ней были жакет и брюки. И почему я не удивлена?

Возле окна стояла Юля. Поначалу одна, потом к ней подошёл Илья. Он улыбался, а вот она была очень холодна и напряжена, часто осматривалась. Говорили они недолго, Юля захотела уйти. Но Илья не позволил — схватил за локоть. Что-то сказал. Она так на него посмотрела — я думала, парень распадётся на атомы. Нет. Только усмехнулся. Но руку убрал. Они что, встречаются? Или уже муж и жена?

Так, а здесь кто? Мужчина. Молодой, сидит в гордом одиночестве, с бокалом в руках. Волосы светлые-светлые, почти белые. А уж в сочетании с бледной кожей и оттеняющим её чёрным смокингом — в общем, эдакий Снежный Король. Интересно, его дама просто отошла и скоро вернётся, или он вообще без пары?

Засмотревшись, я не успела вовремя отвести взгляд — беловолосый его перехватил. Чёрт! Неловко вышло. Покраснев, я выдавила улыбку и слегка пожалала плечами — мол, прошу прощения. Но блондин покачал головой. Улыбнувшись уголком губ, взял со стола ещё один бокал и слегка отодвинул соседний стул.

Я замаялась. Это приглашение? Но могу ли я его принять? Как же Игорь Викторович? Нет, так нельзя. Покачав головой, я отвернулась.

Белозерский, конечно же, ничего не заметил — он был поглощён очередной беседой. Слава богу, вскоре она закончилась, но только для того, чтобы началась новая — к нам подошла какая-то брюнетка примерно маминого возраста. И не просто подошла — попросила Игоря Викторовича пойти с ней, мол, очень нужно поговорить.

— ...Если твоя очаровательная супруга позволит, конечно же, — добавила она с приторной улыбкой.

— Это надо у неё спрашивать, — усмехнулся Белозерский.

А вместо меня тут пустота в белом платье, да?

— Что скажете, Анна? — Брюнетка соизволила взглянуть на меня. — Позвольте украсть вашего мужа? Ненадолго.

Я тоже надела сладкую улыбку.

— Да хоть навсегда. Я собаку заведу. Всегда мечтала.

Рука "дорогого супруга" вдруг обняла за талию, а сам он как бы невзначай склонился к моему уху.

— Язва.

Поцеловал в щёку — я почувствовала едва уловимый запах алкоголя. И ушёл вместе с брюнеткой.

Ну что ж. Ладно. Хорошо. Чудесно. Супер. Теперь моя совесть чиста.

Обернувшись, я нашла взглядом Снежного Короля — он по-прежнему сидел за одним из столов. И смотрел на меня.

Вот и прекрасно.

— Добрый вечер, — любезно улыбнулся беловолосый, когда я, подойдя к его столу, уселась напротив.

— Кому как.

Неправильно? Да. Некультурно? Да. Мне всё настолько надоело, что уже плевать? Да. В конце концов, он сам меня позвал.

— В чём дело? Ужели, супруг не уделяет вам достаточно внимания?

Я посмотрела беловолосому в глаза. Светло-голубые, холодные, спокойные, они идеально вписывались в образ Снежного Короля.

— Вы издеваетесь?

С какой стороны ни посмотри, приятным их взгляд назвать было нельзя. Но убежать и спрятаться не хотелось. Даже наоборот — было чувство, что сейчас я могу говорить что угодно. Прямо. Откровенно. Или всё дело в том, что мне на всё плевать?

— Это был риторический вопрос. — Король говорил с непроницаемым спокойствием. — Он вас задел? Прошу прощения.

Я покачала головой.

— Нет. Всё в порядке. А где ваша дама?

— Дома. Надеюсь.

— То есть, вы здесь один?

— Один.

— Почему?

— Потому что моей даме стало дурно, и она была вынуждена остаться.

Откуда-то справа донёсся громкий женский смех. Я повернула голову — смеялась та самая брюнетка. Они с Игорем Викторовичем по-прежнему были поглощены друг другом, не замечая ничего вокруг.

Мило. Славно. Чудно.

— Никогда не понимал этого человека. — Я снова взглянула на Короля — он тоже смотрел на Белозерского. Уже чуть прищурено, без прежнего идеального спокойствия. Но разобрать, какая именно эмоция пускала круги по воде, мне так и не удалось. — Для любого из нас семья на первом месте. Традиции. Жена, дети. У волков это в крови. Особенно у волков. Но Игорь Викторович Белозерский — исключение.

— Вы тоже оборотень? — задала глупый вопрос я.

Но Король лишь кивнул.

— Разумеется. Здесь ими являются все. Почти.

— Почти? А кто не является?

Он посмотрел мне в лицо, прямо в глаза. Я выдержала.

— Если придирается к терминологии — вы. Почему? Потому что вы ещё ни разу не обращались.

— Пф. А если без "придинок"?

Взгляд Короля прошёлся по гостям.

— Если без них, то, например, господин Кольцов. Личность чрезвычайно одарённая, но при этом — обычный человек.

Я фыркнула.

— Вы говорите так, будто бы это плохо.

— А может это просто вам так слышится? — Едва заметная усмешка уголком губ. — Позвольте вас угостить.

Не дожидаясь согласия, он наполнил стоящий передо мной бокал. Не придумав, ничего лучше, я пригубила. Король — тоже. Молча.

Чем дальше я на него смотрела, тем сильнее бросалась в глаза его идеальность. Не в смысле черт лица — нет. Красавцем Его Снежное Величество назвать нельзя. Но зато смокинг был идеально-чёрным, идеально сидел. Как, впрочем, и идеально-белая рубашка. Ни единого пятнышка, даже самого маленького. Запонки идеально сочетались с костюмом. Стрижка — высший класс: волосы именно той длинны и лежали именно так, как надо. На щетину не было даже намёка: подбородок идеально выбрит. И так до бесконечности. Уж на что папа очень аккуратный, но до Короля далеко даже ему.

Странно это. Как-то... неестественно, что ли. Нездорово. Ну не может быть человек настолько рафинированным. Даже на светском вечере. Хоть чем-то, хоть мелочью, но идеальность будет нарушена. Следы пузырьков от шампанского на манжете. Едва заметно растрепавшиеся волосы. Что угодно. Но нет. Снежный Король будто бы контролирует абсолютно всё.

— Вы знакомы с Игорем Викторовичем? — задала ещё один глупый вопрос я, ибо пауза затягивалась.

— Мы враги, — коротко ответил беловолосый.

Ого!

— Враги? Почему?

— Потому что вашему мужу это нужно.

Теперь его взгляд был направлен в зал — на Юлю, танцующую с... Ильёй? Однако. Да он настойчив.

— А вы сами вражды не хотите?

— Не хочу. Я его не понимаю — да. Но уважаю. Господину Белозерскому нельзя отказать ни в уме, ни в хитрости, ни в силе, ни в лидерских качествах, ни в умении добиваться от союзников искренней преданности. Враждовать с таким человеком захотел бы только дурак. Которым я — льщу себя надеждой — не являюсь.

Надо же. Звучит очень достойно: честно и прямо. Благородно.

— Тогда в чём причина вражды? И зачем это нужно ему?

Несколько мгновений Король молчал, продолжая смотреть на Юлю с Ильёй.

— Видите ли, здесь всё очень сложно, — наконец проговорил он, снова взглянув на меня. — Личные мотивы, замешанные на мотивах, так сказать, деловых. Гремучая смесь, не находите? В итоге, вся ситуация мало того, что опасная, так ещё и очень запутанная. Особенно теперь, когда ваш муж получил право голоса. Боюсь, Собрание в растерянности.

Я задумалась.

— А его можно уважать? В смысле, Собрание. Например, Игорь Викторович относится к нему... ну... не очень хорошо.

Уголок губ Короля вновь дрогнул.

— Мягко говоря. Он считает, что сейчас от Собрания больше вреда, чем пользы.

— А вы, конечно же, с этим не согласны?

— Отнюдь. Я нахожу, что ваш супруг прав. Если не во всём, то во многом. Видите ли, изначально Собрание должно было заботиться о тех, кто ему доверился, кто наделил полномочиями и властью.

— В смысле, простые оборотни?

— Они самые. Наша страна большая, и уследить за всем и всеми, сидя в одном-двух крупных городах, невозможно чисто физически. Михаил Юрьевич ведь уже рассказал вам об истории развития нашего общества?

— Да. Он говорил, что оборотням приходилось объединяться, чтобы выжить.

Интересно, это просто совпадение? Или он всё слышал? Подслушивал?

Беловолосый кивнул.

— Ваш отец совершенно прав. Сначала объединялись оборотни в пределах одной семьи, потом в пределах рода. А потом настал момент, когда объединения только лишь по крови стало недостаточным. Вот тогда-то понятие рода и семьи и стало, если можно так выразиться, биологическим. Семейство псовых или, допустим, медвежьих. Уверен, дочь выдающегося биолога понимает, что я имею в виду.

Я улыбнулась.

— Разумеется.

А папа как раз не успел рассказать, что же такое "род" для оборотней. А тут раз — и ещё один поток сведений. И как раз об этом! Его Величество и впрямь нас подслушивал?

Впрочем, даже если и так — пусть. Без разницы. Главное, чтобы говорил дальше.

Хотя...

Я раньше тоже хотела стать частью другого мира. Вот, стала. И что? Вся жизнь с ног на голову.

Но с другой стороны, раз уж стала и от этого никуда не деться — не лучше ли узнать, с чем имеешь дело?

Ох, надеюсь, хоть об этом я не пожалею.

Король, тем временем, продолжал рассказывать. Оборотни делятся по семействам в биологическом смысле слова — но не только. Есть ещё и деление по территории — тут уж как исторически сложилось. Так вот, в Собрание входят как раз главы этих самых областей. Или в данном случае уместнее говорить об ареалах?

Я начинаю говорить как папа?

Наверно, если бы беседа продолжилась и дальше, я бы узнала ещё много разных тонкостей, но увы.

— Анна Михайловна. — К нашему столу подошёл... Сергей. — Могу я с вами поговорить? Наедине.

Я его еле узнала: обычно весь такой спокойный, добрый, вежливый, сейчас парень был воплощением холода. И одновременно ярости — тщательно сдерживаемой, подавленной, но всё равно заставляющей взгляд пылать и искриться.

— Господин Исаев. — Усмехнувшись, Его Величество отсалютовал бокалом. — Добрый вечер. Как поживает ваша сестра?

Сергей окаменел, в серо-голубых глазах появилась желтизна. Мне стало страшно: на миг показалось, что ещё чуть-чуть, и он бросится на Короля. Но нет. Сдержался. Только сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Прекрасно. Анна Михайловна. Вынужден настаивать. Идёмте.

Я кивнула: сейчас с ним лучше не спорить. Вот только что происходит? Почему Сергей так отреагировал? Что-то случилось? Или дело в самом Короле?

— Приятно было побеседовать... — поднявшись, начала было я, но Король прервал.

— Одну минуту. — Он потянулся к стоящему рядом стулу. — Вынужден просить вашего прощения, Анна. Беседа была настолько приятной, что я совсем забыл про подарок.

На стол легла коробка. Не огромная, но и не совсем маленькая, по размерам и форме она напоминала большую толстую книгу. Любопытно. Подарков-то я сегодня видела море, причём, все были упакованы как-нибудь по-хитрому, перевязаны кружевными ленточками,

украшены всякими цветочками-ягодками-звёздочками. Подарок от Короля был завёрнут в ткань, тёмно-фиолетовый бархат. Всё.

— Спасибо, — вежливо улыбнулась я, едва сдерживаясь, чтобы не распаковать прямо сейчас.

— Пожалуйста, — склонил голову Его Величество. Тоже встав из-за стола, поцеловал мне руку. — Совет да любовь.

Ушёл. Кажется, даже из зала. А зачем вообще приходил? Чтобы со мной поговорить? Как будто.

— Анна Михайловна, позвольте дать вам один совет, — мрачно проговорил Сергей. Вслед Королю он смотрел с откровенной враждебностью. — Никогда больше не разговаривайте с этим человеком. Никогда. Держитесь от него как можно дальше.

Я вскинула бровь.

— Да что в нём такого ужасного-то?

Сергей посмотрел мне в глаза.

— Вы знаете, кто он?

"Снежный Король", — чуть не брякнула я. Но вовремя закусил губу. А ведь и правда — как его звали? Я была так раздражена, что даже не спросила. Потом было как-то не до этого. Ох, как неловко вышло... Что он теперь обо мне подумает?

— Ну... один из гостей?

Парень чуть не зарычал.

— Да уж! Хорош гость! Вам сейчас пудрил мозги Александр Леонидович Одинцов!

Что?!

— Тот самый?..

— Да, мать его. — Явился Белозерский. Тоже весь такой раздражённый и мрачный. — Тот. Это он оставил?

Взгляд Игоря Викторовича упал на коробку, по-прежнему лежащую на столе.

— Да. — Как бы невзначай, я сделала шаг в сторону, закрывая собой подарок Короля... Александра. — Для меня. А что?

— От Одинцова можно ждать любой дряни. — На этот раз Белозерский не усмехался. Надо же. Бывает же. — Ему нельзя доверять.

Какой прямой намёк. Очаровательно.

Я мило улыбнулась.

— Вы думаете, там бомба? По форме вроде не похоже.

— Там может быть всё, что угодно. — Сергей был по-прежнему также мрачен. — Игорь прав. Чем быстрее откроем, тем лучше.

Угу, счас!

— Я вам расскажу, что там было. — Улыбка блондинки. — Обязательно. Непременно. Когда узнаю сама.

— Кончай валять дурака, — раздражённо бросил Господин Тактичность. — Это не шутки.

Я безмятежно пожала плечами.

— Никаких шуток. Подарок кому? Мне. Хотите знать, что в нём? Обязательно узнаете. Потом.

— Аня. Не зли меня.

Ух, какой взгляд! Ну прям насквозь. Увы, Игорь Викторович. Не поможет.

— А иначе? — Я усмехнулась, копируя его собственную усмешку. — Попробуетесь отобрать силой? Ну попробуйте. Только лучше где-нибудь в центре зала, ладно? Там камер побольше — свадебные фотографии будут не такие скучные. Ну что, пошли?

Карие глаза потемнели. Так-то, Игорь Викторович. Не всё же мне злиться и раздражаться. Давайте-ка и вы тоже. Для разнообразия.

— Составь-ка даме компанию.

Он посмотрел на Сергея.

— Куда ты?

— Схожу Мишу поищу. Он же как-то находит с ними общий язык.

Я только фыркнула. Интересно, "с ними" — это с Кали и её дочерью? Впрочем, без разницы. Ну пришёл папа, ну сказал примерно то же самое, что и Белозерский с Сергеем — мой ответ был всё тот же:

— Это мой подарок. Открывать тоже буду я. Сама. А вы, дорогой супруг, не нервничайте. Вон там блондинка стоит, видите? Пожирает вас взглядом уже с час, а вы до сих пор не уделили ей внимания. В отличие от остальных. Эту оплошность надо исправить.

Надоело. Всё. И все.

Лицо Белозерского вытянулось.

— Это что, ревность? — Он посмотрел на меня как на умалишённую. — Ань, все разговоры были по делу. Уймись.

Ревность? Пф! Очень смешно.

— Игорь Викторович. Я, конечно, младше вас раза в два, а то и больше. Но это не значит, что надо делать из меня круглую дуру, которая не замечает очевидного.

— Тогда не веди себя так. Думаешь, мы с твоим отцом развлекаемся? Шутки шутим? — Взгляд карих глаз стал ещё острее. — Что ты знаешь про Одинцовых? Ничего. Так какого чёрта споришь?

Ну всё.

Последняя капля.

— А такого! Я виновата, что ничего не знаю?! Почему я вообще должна верить вам на слово?! Кто вы мне?!

— Муж я тебе, девочка, — отрезал Белозерский. — Я должен тебя защищать. И буду это делать. Хочешь ты того или нет.

— Если не веришь Игорю, — снова подал голос папа, — то поверь хотя бы мне...

Но я была слишком зла.

— С какой стати?! Ты мне ничего не говорил! Вообще! Я сколько раз просила!

— Это было...

— Что? Для моего же блага? Да в гробу я видала такое "благо"! Мне надоело чувствовать себя идиоткой!

— Аня...

— Нет! Хватит!

Как же я зла! Что на одного, что на другого! Папа со своей заботой завинтил все гайки до предела! Сначала опекает так, будто я грудной младенец, а потом — доченька, ты должна выйти замуж за моего друга, с которым вы знакомы часа полтора! Сам друг тоже хорош! С таким и врагов не надо! Никто он мне! Ни-кто! Ничего я ему не должна! Беспрекословно повиноваться — уж точно!

— Значит так, детка... — начал было "муж".

Но папа перебил:

— Игорь. На два слова.

Несколько секунд Игорь Викторович буравил меня гневно-раздражённым взглядом, но потом они всё-таки отошли к окну.

Я только хмыкнула. Вот и замечательно. Пусть выпустит пар. Главное, чтобы не на меня. А с остальным пусть разбирается Михаил Юрьевич.

Целый час мы с Сергеем дрейфовали по залу. Пару раз с нами здоровались, но в основном все гости были увлечены друг другом. Разве что Маша не сводила с нас прищуренного взгляда. Я периодически смотрела на папу: он продолжал о чём-то говорить с Белозерским. Потом к ним подошла и мама — явно не слишком довольная. Беседа пошла более... оживлённо.

Моя же злость постепенно утихала, на её место приходила усталость. Из всех желаний осталось одно-единственное — упасть на кровать. Даже не снимая всю эту праздничную мишуру. Просто. Упасть и уснуть.

Но увы. Потом Игорь Викторович вернулся ко мне. Всё такой же мрачный, но уже не настолько злой. Про подарок ничего не сказал. Отпустив Сергея, снова повёл меня к гостям. На этот раз был предельно сдержан даже с красивыми женщинами.

А потом...

Потом всё кончилось.

Гости начали расходиться, папа с мамой снова подошли к нам. По очереди обняли меня, мама даже прослезилась. Кажется. Я уже ничего не соображала. Голова плыла и гудела, ноги болели так, что хотелось отстегнуть их от тела и поставить куда-нибудь в угол. Как мы с Игорем Викторовичем садились в машину, я ещё помню, а вот дальше — всё. Белый лист.

Это был ужасный день.

— Тебе не кажется, что это уже слишком? — процедила Юля, мрачно глядя в желтовато-зелёные глаза.

В любой другой ситуации она бы с удовольствием вlepила их обладателю пощёчину: буквально несколько секунд назад он, невзирая на отказ, силой вывел девушку в центр зала, к танцующим парам.

— Нет, — усмехнулся Илья.

Но на этот раз Юле пришлось уступить. Да, "кавалер" поступил, мягко говоря, бестактно, но не будет же она вырываться и устраивать скандал прямо здесь, при всех. Чем парень откровенно пользовался.

— У Игоря нахватался?

— Пусть даже.

Он прижал Юлю к себе ещё крепче. Закатив глаза, та фыркнула. Отвернулась.

— Только давай без розы в зубах, ладно?

— Ну вот. А я как раз собирался танцевать танго.

— Тебе сколько лет, мальчик?

— Школу уже закончил. Экстерном, правда.

— Заметно.

Новая усмешка.

— Ну и кто из нас школьник?

На этот раз снисходить до ответа девушка не стала.

Почему Игорь так слеп? Почему доверяет этому человеку? Почему не слушает Юлю, которая уже мозоль на языке натёрла, пытаюсь донести до Белозерского, что с этим Ильёй не всё так просто? Да, он гений. Да, он помог улучшить состояние Алексея, в котором брат души не чаёт. Но все те разговоры, которые Юле довелось слышать, все те вопросы, которые Кольцов задавал уже лично ей... Нет, ему нельзя верить. Нельзя. Девушка это поняла уже давно. Но Игорь всё равно не слушает, а когда девушка снова начинает говорить про Илью — только отмахивается. "Да ладно тебе, Юль. Не разводи панику. Нравишься ты парню, вот он и спрашивает. Узнать тебя получше хочет. А ты из него сразу шпиона делаешь. Так и свихнуться недолго. Мания преследования, все дела. Может, тебе отдохнуть недельку? Съездишь куда-нибудь..."

Юля ему не безразлична? Может быть. Но она уже не раз давала Кольцову понять, что не хочет иметь с ним ничего общего. Вплоть до разговора напрямую. Он перестал домогаться? Нет. Почему? Потому что симпатия слишком сильная? Наверно, Белозерский бы подумал именно так. Но Юля не сомневалась: дело не в этом. Причина куда глубже и далеко не такая романтическая.

Танец продолжался. Илья больше ничего не говорил, но его рука лежала на талии девушки всё также уверенно. Юля смотрела по сторонам. В окно, на гостей — куда угодно, только не на Кольцова. В конце концов, её взгляд упал на одну из сидящих за столом пар. Молодой мужчина в чёрном костюме, светлокожий, с волосами почти такими же белыми, как платье его ещё совсем юной собеседницы. Блондин был предельно спокоен, неспешен, даже чуточку небрежен, но девушка всё равно слушала с жадностью, явно не желая упускать ни единого слова.

Юля замерла, напрочь забыв про музыку, про танец, и про Илью. Нет, она догадывалась, что он будет здесь: в конце концов, посещение таких мероприятий входит в его обязанности. Она была готова.

Вернее, думала, что готова.

Один взгляд — и её чувства будто бы уложили на пыточный стол и начали тянуть из них жилы. Внутри всё напряглось, перевернулось, заболело, заныло.

Пытка.

Хуже было лишь в его объятьях, когда Юля смотрела в серо-голубые глаза и...

— Может, уже хватит себя мучить?

Ещё один поворот — и снова музыка, снова танец, снова зал, полный гостей. Другой голос, другие руки, другие глаза.

Тряхнув головой, девушка отогнала наваждение.

— Может, уже хватит лезть не в своё дело? — отрезала она холодно. — Я тебя уже тысячу раз просила. Оставь меня в покое.

— Да хоть две тысячи. — Илья уже не улыбался, взгляд желтовато-зелёных глаз стал острее, мрачнее. — Хоть миллион. Эта бесчувственная скотина тебя не достойна. Все Одинцовы — кучка озабоченных извращенцев, которые думают только о себе.

Пощёчина.

Недостаточно сильная, чтобы свернуть челюсть, но достаточно звонкая, чтобы половина зала обернулась.

— Ещё слово, — голос девушки звучал негромко, но взгляд резал без ножа, — ещё хоть слово, и, клянусь, ты...

Она недоговорила. Высвободившись из объятий, пошла к выходу из зала. Илья не держал. Потёр щёку, огляделся. Чуть виновато улыбнувшись, пожал плечами, как бы отвечая любопытным взглядам. "Женщины, что с них взять? Простите за беспокойство". Кто-то кивнул, кто-то отвернулся — парню уже было всё равно. Он посмотрел в сторону стола, за которым сидели Одинцов с новоиспечённой Белозерской — но к ним уже подошёл Сергей. Пару минут они говорили, а потом беловолосый тоже покинул зал.

Немного подумав, Илья направился следом.

Обычно я сплю чутко. Не настолько, чтобы вскакивать от каждого шороха, но скрип открываемой двери и стук шагов по паркету меня бы точно разбудили. Но не в этот раз. Вчерашний день отнял слишком много сил, поэтому я проснулась только из-за звука бьющегося стекла.

— Эй! Кто здесь?

Сердце колотилось быстро-быстро, аж до боли. Я огляделась. Дверь приоткрыта, возле стола — чей-то тёмный силуэт. Пока я спросонья пыталась сообразить, что происходит, он (она? оно?) выбежало из комнаты.

Ну и как это понимать? Вор, что ли? Тогда у него сегодня неудачный день — я редко держу в кошельке больше двух-трёх сотен. Хотя он стоял возле стола, а там лежал только...

Вот тут я подскочила. Включив ближайшую лампу, кинулась к столу — пусто! Осколки вазы на полу, а от подарка Короля и след простыл.

Что происходит?! Что за шутки?! Найду "шутника" — пускай пеняет на себя! Мало не покажется!

Сквозь полуоткрытую дверь донеслись какие-то звуки. Голоса. Я прислушалась. Слов было не разобрать, но говорили Игорь Викторович и Маша.

Маша?..

Маша!

Ох, надеюсь, мои догадки не подтвердятся, иначе кое-кто лишится головы, рук и вообще всех выпирающих частей тела!

Завернувшись в покрывало, я выскочила из комнаты.

— Маш, это не дело.

Они стояли в коридоре. Эта мелкая гадина и Белозерский. Она в пижаме, он уже в брюках, рубашке и с галстуком. И в руках держит коробку, завернутую в тёмно-фиолетовый бархат.

— Почему? Ты сам говорил, что хочешь открыть. Я слышала!

— Ага, я тоже слышала. — Сейчас кто-то чего-то не досчитается. — Мария Алексеевна если уж воруете, то хотя бы делайте это аккуратнее. А не как слон в посудной лавке.

Пигалица обернулась, фыркнула.

— Тебя вообще не спрашивали!

Я чуть не упала. Вот это наглость! Потрясающе! Сшибает наповал! А сама даже не покраснела!

— Марья. — Белозерский не повышал голоса, но девица сразу как-то сдулась. — Ещё раз влезешь к Ане без спроса, про гулянки с подружками и новый компьютер можешь забыть. Поняла?

На этот раз она покраснела.

— Я хотела помочь!

— Вот и поможешь. Заодно за уроки возьмёшься. Свободного времени будет много.

Вскинув голову, девица уже была готова выдать какую-то возмущенную тираду. Но, встретившись взглядом с дядей, снова потупилась. Покраснев ещё сильнее, пробурчала что-то невразумительное и убежала к себе.

На мгновение во мне шевельнулись жалость и желание заступиться, но я сдержалась. Белозерский кругом прав, нахалка сама виновата. И вообще, сейчас не до этого.

— Отдайте.

Как я и боялась, Игорь Викторович покачал головой.

— Давай так. — Он посмотрел на меня. — Я раскрываю это. Здесь и сейчас, при тебе. Если всё нормально — отдаю, и хоть сухари суши. Если нет — забираю. Идёт?

Господи, ну это же просто подарок. На свадьбу. Что там такого может быть? Действительно бомба? Яд замедленного действия? Или у кое-кого просто мания преследования?

Ладно, чёрт с ним. Не устраивать же новый скандал — оставлю это Маше.

— Идёт.

Мне уже и самой интересно, что там.

Игорь Викторович кивнул. Несколько быстрых, но осторожных движений, и ткань отложена. Под ней оказалась здоровенная книга. Сантиметра четыре толщиной, в бордово-коричневом переплёте. Колдовской гримуар, чес-слово. Ну или родословная какого-нибудь старинного дворянского рода. Кажется, на обложке была не то какая-то надпись, не то картинка — этого я разглядеть не успела.

— Что такое?

Лицо Белозерского вытянулось. Раскрыв книгу, он быстро пролистал несколько страниц. Выругался. Захлопнул.

— Ничего.

Резко развернувшись, куда-то пошёл. Вместе с книгой.

Эй!

— Ну и? — Я пошла следом. — Может, всё-таки отдадите?

— Нет. — Даже не повернулся! — Это не для тебя.

Конечно, нет. Разумеется. А то, что Король сам вручил эту вещь мне со словами "у меня для вас подарок" — да глупости всё это! Он, наверно, имел в виду Сергея. Или Машу. Или моих родителей. Или кого-нибудь из гостей.

— Да неужели? А для кого? Для вас, может быть?

— Может.

Выйдя в прихожую, Игорь Викторович начал одеваться. Нет, это уже ни в какие рамки! Надоело!

— Будьте так добры. — Я схватила его за локоть. — Объясните, какого чёрта...

— Мы с тобой договорились. — Острый взгляд. — Если всё нормально, бери и делай, что хочешь. Если нет, беру я. Было такое?

— Было, но...

— Нет.

Вот же!..

— Хотя бы объясните! Что такого в этой книге? Чёрная магия, что ли?

— Ага. — Мрачная усмешка. — А я — инквизитор. Будешь приставать — объявлю ведьмой и сожгу.

— Не смешно!

— Действительно. Ань, просто поверь мне на слово. Ничего хорошего эта вещь тебе не принесёт.

И он ушёл.

Минуты две я боролась с истовым желанием пойти следом. Догнать, отобрать книгу, высказать Белозерскому всё, что я о нём думаю. А потом уйти и больше никогда не возвращаться. Какое было бы облегчение! Красота!

— Завтракать будешь?

Это из кухни вышла Юля. Несмотря на ранний час, уже полностью одетая, с кружкой чая в руках.

Я хмыкнула.

— Спасибо, не хочется как-то.

Вздыхнув, она подошла ближе.

— Иногда Игорь кажется невыносимым...

— Кажется?

— Хорошо, иногда он невыносим.

— Иногда?

— Часто. Да. Но не всё так плохо. Я знаю его не первый день — вам просто нужно время. Присмотреться друг к другу, притереться. — Юля улыбнулась. — Зато потом ты сама увидишь, настолько это удивительный человек. Со своими недостатками, но с огромным сердцем.

— О да. — Я мрачно усмехнулась. — Вот в это поверю охотно. Любвеобильность у него явно повышенная.

Девушка покачала головой.

— Тоже верно. Но, поверь, это ничего не значит. Он флиртует со всеми женщинами. Абсолютно.

— Спасибо, мне стало намного легче!

— Ань, я не о том. Флирт — не любовь. Всего лишь мимолётная симпатия, не значащая вообще ничего.

— Тогда зачем так делать? Если это вообще ничего не значит?

Разумеется, Юля только пожала плечами.

— Человек он такой. Мужчина.

— Ну-ну. Не все мужчины такие. Мой папа — другой. Совершенно. И...

Я осеклась. Макс тоже не такой. Не бабник, не зарящийся на всё, что движется женского пола. Нормальный. Хороший. Заботливый. Родной. Эх...

— Вот-вот. Другой. — Юля заминки не заметила. Ну или сделал вид. — Повторяю, вам просто нужно время. Обоим. Потом всё наладится.

— Угу.

Разумеется. Когда-нибудь всё будет хорошо. Непременно. Когда окажется на Том Свете, например. Горбатого, как известно, могила исправит. Захочет Белозерский меняться, как же! Ради какой-то девицы, которую он видит третий-четвёртый раз в жизни — ну да, почему нет? Это же совершенно нормальное и естественное желание любого взрослого человека! Менять привычки и повадки в угоду не пойми кому. Да сплошь и рядом такое! Каждый день натываюсь!

Или Юля думает, что буду терпеть я? Этот его "флирт", поведение заправского казановы? Ну уж нет! Не на ту напала. Да какая женщина вообще согласится на такое? Наверно, та, у которой вообще нет гордости и чувства собственного достоинства.

А, к чёрту! Надоело.

Я вернулась в "свою" комнату (по пути встретила Маша, но мы обе сделали вид, что не заметили друг друга). Сдёрнув с безымянного пальца кольцо, пихнула его в сумку. Оделась. Ушла. Из квартиры, с Крестовского. И плевать, что после вчерашнего болят ноги и голова. Не важно. Не хочу оставаться. Нечего мне там делать.

Впервые жалею, что не надо в институт. Сейчас бы какую-нибудь лекцию, пусть даже самую скучную. Но увы, в воскресенье нет даже их. И куда деваться? Домой? Не знаю. Тоже не хочется.

Достав телефон, я набрала номер Оксаны.

— Привет. Ой, разбудила? Извини, ради бога! Я тогда потом... Точно? Ну ладно. Нет, ничего такого. Помнишь, ты в кино хотела?..

— Где ты?

— Дома! Белозерский, ты время видел?!

— Я видел подарок Одинцова твоей дочери. Она знает про Лену?

— Причём тут Ле...

— Кали. Знает?

— Нет. Мы решили ничего ей не говорить. Что случилось? Что он...

— Скоро узнаешь. Миша дома?

— Выдернули на работу.

— Скажи, чтобы ехал домой. Буду через двадцать минут. Отбой.

Такого отвратительного Нового Года не было ещё никогда. Вроде бы, самый любимый праздник, но после всего случившегося настроение испортилось настолько, что не спасал

даже он.

Обычно мы начинали отмечать дома, потом шли гулять с Давыдовыми. Мы с Максом бесились, запускали петарды, если питерская погода позволяла — лепили снеговика (впрочем, однажды было слишком тепло, и этот извращенец сделал его из грязи). Потом всей толпой или возвращались к нам, или шли к Давыдовым. Мне-то всегда больше нравился второй вариант — у тёти Веры такие пирожки! Да даже какой-нибудь Саурон про Кольцо Всевластья забыл, если бы попробовал! Анастасия Павловна-то печь не любит — мол, возни много...

Пока родители болтали, мы проверяли, превратится ли сок в мартини, если в бокал кинуть оливки. А также, насколько хорошо "Оливье" подходит для строительства замков, можно снять шарик с ёлки без помощи рук, и будет ли пузыриться шампанское, если в него добавить шампунь.

В этом году всё было тоскливо и тошно. Посидели за столом, немного погуляли, потом меня сморило и пришлось идти спать. Конец. Игорь Викторович, конечно, предлагал встретиться и отметить всем вместе, но я отказалась. Только этого не хватало! Маша бы, небось, от возмущения до потолка прыгала. Зачем расстраивать девочку?

Но хуже всего — мысли. Буквально каждая вещь напоминала о Максе. В моей комнате, на кухне, в коридоре, даже в папином кабинете. Везде. И никуда от этого не денешься, не спрячешься. Хоть с закрытыми глазами ходи. Поэтому после праздников я всё-таки вернулась в квартиру к дражайшему супругу. Здесь, конечно, воспоминания тоже не самые приятные, но хоть не такие мучительные. Что до атмосферы — Игорь Викторович по-прежнему всё время на работе, а фырканье и демонстративное игнорирование его племянницы я уж как-нибудь переживу. Да и не до всего этого мне как-то — сессия на носу. Все одноклассники так нервничали, переживали, боялись. Одна я была спокойна, как удав. Какие, к чертям, нервы, когда ты недавно вышла замуж по расчёту, и вся жизнь перевернулась с ног на голову?

Сам собой подкрался конец января. Сессию я каким-то чудом сдала неплохо, поэтому, вместо переэкзаменовки, все каникулы пришлось думать, чем себя занять. Не торчать же на Крестовском, в самом деле. У нас дома тоже не посидишь — какие-нибудь полчаса, и становится так больно и тошно, что хоть на стенку лезь. Только Оксана с Ирой и спасали. Больше Оксана, конечно. После занятий мы гуляли, где-нибудь сидели, несколько раз оставалась у неё ночевать. А вот мадемуазель Балашова, как оказалась, решила Макса утешить. Я как это услышала от Рудаковой, так чуть не села прямо в сугроб. Первым порывом было желание позвонить Ирке и подробно рассказать, кто она после этого. Но я сдержалась. Всё-таки, мы с Максом и впрямь расстались, а значит, он может встречаться с кем хочет. И если это будет Ира... Что ж, пусть так. Может, она и впрямь сумеет облегчить его боль. Мои же чувства здесь роли не играют.

— Ну как учёба?

Иногда вместо Оксаны я гуляла с мамой. Так было и сегодня. Воскресенье, наш общий выходной. Сначала мы погуляли в центре города, сходили в Эрмитаж и Кунсткамеру, а потом засели в ближайшем кафе.

— Да нормально, — пожалала плечами я. — Катьку отчислили, вместо неё теперь к нам подсаживается Никита.

— Хоть симпатичный?

Анастасия Павловна в своём репертуаре.

— Так себе. Смазливый больно. И на меня вечно пялится.

— Видимо, нравишься. А он тебе?

— Не смейся! — Я улыбкунула. — И вообще, что за провокационные вопросы замужней женщине?!

Мама, конечно, тоже посмеялась, но получилось как-то вымучено. И взгляд странный. Устала, что ли?

— Простите великодушно, замужняя. Больше не буду.

— То-то же.

Тут принесли наш заказ: чай с пирожным маме и "Греческий" салат мне. Достав зубочистку, я тут же приступила к своему излюбленному занятию — изготовлению канапе из огурцов, перца, оливок и сыра.

Несколько минут мама наблюдала за моими извращениями, а потом вдруг тяжело вздохнула.

— Ань, вообще, я с тобой поговорить хотела.

Та-ак, опять что-то начинается...

— О Никите?

Сердце пропустило удар, но на переживания сил уже просто не оставалось. Мне уже просто-напросто плевать. На всё. И даже если мама сейчас скажет, что они с папой купили меня у работорговцев с Альфа Центавра, я только пожму плечами и спрошу, во сколько им это обошлось. Не могу больше. Не железная.

Мама покачала головой. Вид у неё был очень серьёзный, даже мрачный.

— Нет. О... подарке.

Нет-нет-нет! Хватит нервов! Хватит! Только не опять!

— Каком? — на всякий случай спросила я, едва сдерживая истерический смех.

— От Саши.

Ого! А вот это неожиданность.

— Саши? Короля, что ли?

Мама вскинула бровь.

— Короля?

— Ну да. Снежного. Извини, мои ассоциации.

— Не удивительно. Саша всегда был очень серьёзным и сдержанным. С самого детства.

Теперь вскинула бровь я.

— Ты знаешь его так долго? Откуда?

Несколько секунд мама молчала, глядя на меня этим своим странным взглядом. А потом вдруг достала из сумки... ту книгу! Так она всё время таскала её с собой?!

— Смотри.

Книга легла на стол передо мной. На обложке картинка — две волчьи головы, тянущиеся друг к другу.

— К-как?.. — только и смогла выдать я.

Мама слабо усмехнулась.

— Игорь отдал.

— А... а он знает?..

— Нет. И папа не знает.

— Тогда почему?..

— Потому что ты имеешь право знать.

— Что?..

— Открой. И всё поймёшь.

Сказать, что я была в шоке, значит вежливо промолчать. Что, зачем, как? Мама смотрела на меня. Молчала. Только сейчас я заметила, что она вся какая-то замученная, бледная, с кругами под глазами. Плохо спала? Почему? Чёрт подери, вот же я дура! Так ушла в себя, что не замечала очевидного! Идиотка!

— Мам, что случилось? — Я чуть не всхлипнула. — Тебе плохо?

Она покачала головой.

— Нет. А тебе? Не хочешь открывать?

— Хочу, но ты такая...

— Со мной всё в порядке, солнышко. Не переживай. — Ещё одна вымученная улыбка. — Просто слишком много думала.

— О чём?

— О том, стоит ли тебе показывать.

— Папа был против, да?

— Да. Но я не настаиваю. Ни в коем случае. Если не хочешь или боишься...

— Нет уж! — Смахнув подступившие было слёзы, я придвинула книгу к себе. — Хватит с меня тайн.

Мама кивнула.

Что ж, была не была.

Я открыла "гримуар"...

...и тут же убедилась, что это вовсе не он, а...

— Фотоальбом?!

— Да. — Мама внимательно на меня посмотрела. — А ты что думала?

Я замешкалась.

— Ну... он просто так сделан... похож... в общем, я думала, что это какая-то книга.

Она вдруг кивнула и улыбнулась.

— Можно сказать, что книга. Здесь история одной семьи, которая... В общем, смотри сама.

А ничего другого мне и не оставалось.

Сначала фотографии были чёрно-белые, явно не новые. Чья-то свадьба. Темноволосая невеста в красивом, но строгом платье, и светловолосый жених в чёрном. Очень светловолосый. Очень-очень...

Нет. Нет-нет-нет. Не может быть. Не может.

— Только не говори, что это... Александр?! — выпалила я, пытаюсь лучше разглядеть лицо жениха.

Мама хмыкнула.

— Нет. Его отец.

— Это альбом Одинцовых?! Зачем тогда...

— Ань, давай ты сначала посмотришь. А потом я отвечу на все твои вопросы. Хорошо?

— Ладно...

Кое-как справившись с удивлением, я принялась листать дальше. Свадьбы было много, но лицо невесты разглядеть не удавалось — то слишком далеко, то размыто. Странный фотограф. Потом пошли отдельные фотографии. Разные, но ничего мне не говорящие. Снова жених, только уже не в костюме. Невеста, только уже беременная.

А потом я увидела себя. Совсем маленькой, у мамы на руках. Вот только эта фотография должна быть в нашем семейном альбоме. Здесь-то она что делает? Но потом на глаза попала подпись...

"С племяшкой, 5 мес."

— И как это понимать? — всё-таки не сдержалась от вопроса я. — Одинцовы крали наши фотографии?

Взгляд мамы снова стал очень странным.

— У нас похожая. Ань, присмотришь. Внимательнее.

Я присмотрелась.

Внимательно.

Очень.

А потом с треском захлопнула альбом и отодвинула его от себя.

— Всё, мне надоело. Расскажи мне. Сама. Там не ты, да? Очень похожа, но не ты. Кто? И почему я ничего не знаю?

Отхлебнув чаю, мама тяжело вздохнула.

— Папа не хотел, чтобы ты знала.

Пф, ну разумеется! Могла бы не спрашивать!

— Кто это? На фотографии?

— Твоя тётя. Лена.

— У меня есть тётя. Зашибись. И что в этом такого? Почему наш самый осторожный в мире отец не хотел, чтобы дочь знала про родственников? — И тут до меня дошло... — То есть, она... она... жена Одинцова?! Тогда получается, что Александр — мой... брат?!

Кажется, мама побледнела ещё сильнее.

— Да. Двоюродный. А Вика — сестра.

ОДНАКО!!!

— И... кхм... я... а... где сейчас... тётя? И её муж?

Новый вздох.

— Леонид Одинцов скорее всего погиб в авиакатастрофе. А Лена... — Она сглотнула. — Лены тоже нет в живых.

Ну а теперь, наверно, побледнела и я.

— Ч-что произошло?

— Тоже несчастный случай.

— Понятно...

Хотя о чём это я? Ничего не понятно. В том факте, что мой собственный отец в очередной раз закрутил все мыслимые гайки, ничего удивительного нет. Это само собой разумеется. Тут нечего даже удивляться: я же до сих пор маленькая девочка, которая не умеет думать самостоятельно.

А вот наличие тёти и родство с Одинцовыми...

Интересно, Белозерский о нём знал? Наверняка. Да что там — точно. Иначе не стал бы отбирать альбом. Почему он это сделал? Почему не хотел, чтобы я узнала про связь с этой семьёй? Подозреваю, что тут ответ в самом вопросе — дорогой супруг её ненавидит. Здесь всё более-менее ясно.

С Александром сложнее. Что-то мне подсказывает, что он тоже всё знает. Но какой резон говорить мне? Да ещё настолько завуалировано. А если бы Игорь Викторович не отдал альбом маме, а оставил себе? Если бы мама всё-таки не решилась мне рассказать? Король

понадеялся на случай? Или просто опережает всех на несколько ходов? О, если так, то я в восхищении. Это же столько всего надо учесть! Хотя вполне может быть, что я и не права...

Надо узнать. Встретиться с ним. Как-нибудь, как угодно. Где угодно.

Когда я высказала эту мысль вслух, мама помрачнела.

— Зачем?

— Хочу с ним поговорить, — ответила я твёрдо. Усмехнулась. — Как-никак, одна семья и всё такое. — В голове вдруг всплыл один из разговоров с Белозерским. — Или ты считаешь, что Александр опасен?

Мама задумалась.

— Да, он опасен, — наконец проговорила она медленно. — Очень. Но по отношению к семье... В общем, одна ты к нему не пойдёшь, только с кем-то. Со мной. Ясно?

— Разумеется. Но как же Игорь Викторович? Помнится, он винил Одинцовых чуть ли не во всех смертных грехах...

— Игорь частенько... перегибает палку. — Она хмыкнула. — Я не могу назвать Одинцовых святыми, но, думаю, не всё так страшно, как выставляет твой "дражайший супруг". — Посмотрела на меня. — Хотя, признаюсь, на какое-то время он сумел убедить меня в этом...

Я закатила глаза.

— Да с ним попробуй не согласишься. Это всё равно, что спорить с тараном. Ты чего?..

Сев рядом, мама вдруг прижала меня к себе. Всхлипнула.

— Анечка... солнышко моё... родная моя... прости, ради бога...

— За... за что?.. — ошарашено выдавила я, не в силах пошевелиться.

— За эту свадьбу... — Она уже почти рыдала. — За всю ложь... прости... я знаю, это ужасно... но... мы хотели тебя защитить... если бы с тобой что-то случилось...

— Мам, мам, тише. — Я тоже обняла её. Крепко-крепко. — Всё нормально. Я всё понимаю. Привыкну. Игорь Викторович... он же в глубине души не так уж и плох, да? С недостатками, конечно, но кто без них? Юлия сказала, что у него большое сердце.

— Да... очень... он... он... он сможет тебя защитить... ох, девочка моя...

Мама рыдала. В горле стоял ком, но я продолжала говорить, говорить, говорить. Что, в принципе, ничего такого уж страшного не произошло, что понимаю, что они с папой хотели мне только добра, что Игорь Викторович мне даже начал нравиться — всё, что угодно, лишь бы мама перестала плакать. Её слёзы — нож в сердце. Сотня ножей. Миллион. Тупых, ржавых, режущих по и без того кровоточащей ране.

Не плачь, мамочка.

Всё хорошо, правда. Верь мне. Твоя дочь сильная, ты сама сделала её такой. Сама воспитала. Она всё выдержит. Всё. Что бы ни случилось. Справится. Сможет. Благодаря тебе.

Только не плачь, родная...

Потом я перестала говорить — ком в горле стал слишком большим, глаза защипало. На нас пялились, но мне было плевать. Если бы хоть одна сволочь сейчас подошла и что-то сказала, я бы просто взяла вилку и воткнула ей или ему в ближайшую часть тела.

Слава богу, потом мама успокоилась. Подняв голову, посмотрела на меня, улыбнулась. Снова обняла.

— Моя хорошая... Я так тебя люблю.

— И я тебя люблю.

Ещё немного посидели. Потом всё-таки обе успокоились. Заметно повеселев, мама принялась поправлять расплывшийся макияж. Я хихикала, отпуская вредные шуточки.

Ей стало легче... Слава богу! Значит, легче и мне.

В кафе мы просидели до самого вечера. Я наконец-то научила маму делать канапе из салата, а она меня — делать зайца из салфетки, не разрывая её.

Про сегодняшний разговор решили никому не говорить. Фотоальбом досмотрели до конца, мама много всего рассказывала про тётю Лену и свою молодость. Но потом всё-таки убрала его обратно в сумку.

— Только мужьям ни слова. — Подмигнула. — Не поймут.

Я рассмеялась.

— Мужьям! Звучит! А как насчёт братьев?

Мама тут же стала серьёзной

— Ты всё-таки хочешь встретиться с Александром?

— Да. Очень.

— Эх, и на что ты меня подбиваешь... — Покачав головой, снова улыбнулась. Кивнула. — Ладно. Но не сейчас, разумеется.

— А когда?

— Позже. Я тебя предупрежу. Чёрт, ты видела время? Бери своего зайца и пошли.

— Не спится?

Сидя на кухне, Белозерский курил. В одиночестве, молча, не включая свет.

— Голова болит. — Девушка уселась напротив. — А вам?

— Юль, на "ты". Я ж просил. Вроде, песок ещё не сыпется. — Стряхнув пепел, он взялся за стоявшую на столе бутылку. — Скоро пойду. Будешь?

— Нет, спасибо. Что-то случилось?

Белозерский молчал почти минуту. Пил.

— Лёшке хуже, — наконец бросил он, глядя в окно.

Юля тяжело вздохнула. Игорь ни за что не покажет, но девушка знала — он переживает и очень сильно.

— Это вам... тебе Кольцов сказал?

— Он тоже. — Всё тот же невидящий взгляд и безжизненный голос. — Я сам к нему приезжал.

— И... что?

— Илья прав.

Девушка хмыкнула.

— Я знаю, ты считаешь, что у меня паранойя, но всё-таки...

Но Белозерский не дал продолжить.

— Юль, я тебя умоляю. Давай без этого. — Покривившись, выпил ещё. — Да, насчёт Кольцова у тебя паранойя. Поэтому и голова болит. Слишком много думаешь. Расслабься. Возьми Машку с Аней, сходите куда-нибудь.

"Баран упёртый..."

— Не могу, — покачала головой Юля. — Во-первых, твоя жена и твоя племянница терпеть друг друга не могут. Да и Аня здесь почти не бывает.

Откинувшись на спинку стула, Игорь закрыл глаза.

— Значит, бери их с собой по отдельности.

Девушка вскинула бровь.

— То есть, тебя это не смущает?

— Конкретней.

— Аня здесь не живёт.

— Знаю. Если ты про Одинцова, то за ней присматривают. Миша и Кали тоже в безопасности.

Юля чуть не рассмеялась.

"Мужчины!"

— Игорь, я не про безопасность.

— А про что?

— Она считает тебя бабником, зарящимся на каждую юбку.

Белозерский устало усмехнулся.

— Ну, девочка не далеко от истины.

— Игорь...

— Да-да, козёл я. Знаю. Кали в своё время мне это популярно объяснила. — Вздохнув, он потёр переносицу. — Ну не до этого мне, Юль. Не до девичьих переживаний. Дел по горло. Аня в безопасности, и сейчас это главное. Ей нужен медовый месяц? Будет. Потом, когда разгрёбусь.

Подавшись вперёд, Юля коснулась сжатых в кулак пальцев.

— Игорь, ты горишь, — сказала она серьёзно. — И скоро уже ничего не останется. Совсем. Эти твои дела...

— Предлагаешь всё бросить и махнуть с женой на Канары?

— Предлагаю сделать небольшой перерыв и хотя бы сходить с ней куда-нибудь. Вам обоим это пойдёт только на пользу. Или ты хочешь, чтобы собственная жена продолжала прятаться от тебя по углам?

Новый глоток, новая усмешка.

— Ну а что? В углу проще зажать.

Юля чуть не застонала.

— Ты вообще можешь говорить серьёзно? Я, между прочим, о тебе забочусь.

— Что бы я без тебя делал. — Продолжа усмехаться, Белозерский поцеловал её руку. Встал. — Хорошо, посмотрим. Может, что-нибудь придумаю. Завтра. Хотя нет, завтра вообще никак. На днях.

— Только не затягивай. Чем быстрее, тем лучше.

— Попробую. Ладно, я спать. Ты со мной? И не надо на меня так смотреть. Ты понимаешь, о чём я.

Девушка покачала головой.

— Нет, посижу ещё немного.

— Спокойной ночи тогда?

— Спокойной.

Оставшись одна, Юля потянулась за бутылкой.

После того разговора с мамой я целую неделю ходила в прострации. Будто бы пыльным мешком стукнули. Всю жизнь думать, что у тебя есть только мать и отец, а потом выяснить, что на деле есть ещё две деревни родственников! И живут они не где-то там, а здесь же, в Питере!

Впрочем, насчёт "двух деревень" я погорячилась, конечно. Мы с мамой ещё говорили про Одинцовых — это небольшая семья даже по человеческим меркам. Всего трое: старший брат Александр, младшая сестра Виктория и их бабушка Маргарита Георгиевна. Родителей нет: мать сгубила болезнь, отца — автокатастрофа. Конец. Это всё, что мне известно. Большого мама рассказать не могла: если до смерти сестры она ещё поддерживала какие-то связи с Одинцовыми, то после наступила тишина. Правда, неясно, по чьей вине: мама говорила расплывчато, да и было видно, что ей тяжело всё это вспоминать. Поэтому чёрт с ними, с подробностями — в конце концов, их можно будет выяснить у Александра при личной встрече.

Если я до неё доживу...

— ...Да, ты прикинь! Восемнадцать, а ни разу не перекидывалась! Вообще! Овца овцой. Да хрен её знает. Бойтся наверно. Ну или просто тупая. Ой, ты б её видела! Корчит из себя всю такую недотрогу. Смотреть противно. Угу. Принцесса, блин. А что Игорь? Он на работе. Да и слава богу! Надеюсь, вся фигня скоро кончится, и он перестанет возиться с этой ущербной...

Мария Алексеевна как с цепи сорвалась. Вот уже целый месяц она несколько раз в неделю приходит к моим дверям и начинает болтать по телефону с подружками. О том, какая я нехорошая, как её драгоценному дядюшке не повезло, и что надо бы свести его с кем-нибудь подостойнее. Интересно, она действительно собралась заниматься подобными глупостями? Ох, я бы даже посмотрела. На то, как Игорь Викторович всыпет барышне по первое число — чтоб не повадно было лезть в его личную жизнь. Хотя, вспоминая слова Юли... Ха, не удивлюсь, если Маше даже что-то удастся. Ведь у кое-кого такое большое сердце. Огромное просто, я сама убедилась. Женщиной больше, женщиной меньше — его на всех хватит.

И дальше слушать "трели" Марии Алексеевны я не стала. Обычно было достаточно надеть наушники или пойти на кухню — помогать Юле с готовкой (двое взрослых мужчин столько едят — это просто кошмар!). Но сейчас её не было дома, а от музыки уже звенело в ушах. Поэтому я снова пошла на улицу.

Конец февраля был истинно питерским — серым, мерзким, слякотным. Совсем как моё настроение. Да и вообще всё внутри. И мысли, мысли, мысли. О лете, о Максе. Тогда мы с ним точно также шатались по городу. Вроде бы, даже по этим же улицам. А осенью он уже меня целовал... Или не меня? Всего несколько месяцев прошло, а кажется, что несколько жизней. И уже будто бы не я была с Максом, а какая-то другая девушка.

Другая...

Нет, я всё та же. Всё тот же перечеловек (и то совсем чуть-чуть) и недооборотень. Нечтс между, посередине. Ни туда, ни туда. Раньше я часто об этом думала. Потом случился Белозерский, и для старых мыслей в голове просто не осталось места.

И вот, опять.

Наверно, за их возвращение стоит благодарить Марию Алексеевну, нашу матёрую оборотнишу со стажем... Но нельзя не признать, что она кругом права. Что бы там ни говорили родители, мол, у всех всё по-разному, я — ущербная. Их понять можно: если бы у меня родился неполноценный ребёнок, я бы тоже ни за что не стала говорить, что он ненормальный. Особенный — да. Нестандартный. Вот только суть от этого не меняется.

Так что совершенно не удивительно, что Игорь Викторович пропадает на работе и флиртует со всеми женщинами вокруг. А как по-иному? Что остаётся? Ему, нормальному оборотню. Взрослому мужчине. Какое я имею право требовать или даже просто хотеть, чтобы он подстраивал свою жизнь под калеку?

— А я уж хотел тебя искать. Не поздновато ли для прогулок?

На Крестовский я вернулась только под вечер. И, открыв дверь квартиры, сразу же наткнулась на "благоверного", уже (или ещё?) одетого и с телефоном в руке.

— Хотела побыть одна, — не глядя на Белозерского, ответила я, снимая куртку.

Тот хмыкнул.

— Опять Машка? Что теперь отколола?

— Ничего.

— Врёшь.

— Отнюдь.

Просто не хочу разговаривать.

— Ты что, на филолога учишься?

Не сдержавшись, я всё-таки подняла взгляд.

— На историка. К чему вы это?

Белозерский усмехнулся, подошёл ближе. Ростом задавить хочет?

— Слова такие умные. Научишь?

Козёл.

— Да вас, вроде, и без того идиотом не назовёшь.

— Вроде? Ну спасибо и на том.

— Не за что, Игорь Викторович. Обращайтесь.

Я надеялась, что мне наконец-то дадут уйти, но не тут-то было.

— Обращаюсь. Давай-ка уже на "ты". Идёт?

— Не стоит.

— Почему?

— Вы меня старше. Сильно.

Пожал плечами.

— И что? Мише ты тоже "выкаешь"?

А ведь я честно пыталась сбежать от этого чертовски осмысленного разговора; честно пыталась сдерживать раздражение...

— Так вы, значит, мой отец? М-м-м. Надо же. Ещё какие-нибудь интересные подробности о моей семье? Давайте, не стесняйтесь. Внимательно слушаю.

Белозерский закатил глаза.

— Женщины! С вами как в суде, ей богу. Любое твоё слово будет использовано против тебя. — Он вдруг усмехнулся, взгляд стал каким-то... лукавым? — С Кали у нас всё так же начиналось.

Что Аня сделала? Выдала достойный ответ, заставивший шутника проглотить язык? Нет, Анечка на это не способна. Анечка может только краснеть, как какая-нибудь

восьмиклассница. Идиотка ты, Анечка.

— Смотрите, чтобы также не кончилось, — пробубнила я.

Снова попыталась уйти, но Белозерский и на этот раз не позволил, взяв за локоть.

— Ладно, ладно. Не злись. — Приобнял за талию, привлёк к себе. — Давай лучше куда-нибудь сходим.

Интересно, а волосы могут краснеть? Мои — да...

— К-куда?

— Не знаю. Куда там молодёжь сейчас ходит? Кино? Сто лет не был. Сводишь?

Я не сдержала улыбку. Уже открыла рот, чтобы ответить, но...

— Лучше отвези её к Илье, в больницу. Может, хоть он вылечит, раз собственный отец не справился.

Стоя в дверях кухни, Маша смотрела на меня. В упор. Люто. До желтизны в глазах.

— Марья! — прогремел Игорь Викторович. Я аж вздрогнула. — К себе! Живо!

На удивление, барышня усмехнулась. Точь-в-точь как дядя.

— А что такое? Я помешала? Ты хотел нагнуть её прямо здесь?

Это... да она... у меня просто слов нет! Потрясающая беспардонность! Фантастическая!

— Марья Алексеевна. — Белозерский клокотал, в карих глазах тоже начала появляться желтизна. — Ляпнешь ещё хоть слово — на задницу не сядешь до свадьбы. Поняла?

А барышня всё мило улыбалась.

— Ты снова женишься? — Посмотрела на меня. — Слышала? Вон отсюда. И не возвращайся.

— Да без проблем!

Сходить куда-нибудь, Игорь Викторович? Да в этом доме можно только сойти с ума!

Не дожидаясь ответа Белозерского, я оттолкнула его и выскочила из квартиры.

Был грандиозный скандал. Крики Белозерских слышали не только Юля с братом, но ещё и добрая половина соседей. Выйдя от племянницы, Игорь было хотел пойти за женой, но Сережа его остановил.

— Лучше я, — сказал парень, глядя в полыхающие ярко-жёлтым глаза. — Тебе сейчас надо успокоиться.

Не став спорить, Игорь ушёл на кухню, хлопнув дверью.

Несколько минут в квартире было тихо, но вскоре из комнаты Маши послышались рыдания. Громкие, с надрывом, то и дело переходящим едва ли не в вой.

Юля всё это время сидела в гостиной. С одной стороны, девушке безумно хотелось пойти к Маше и попытаться её утешить. И плевать на воспитание. В конце концов, она и без того настрадалась. С другой — Юля прекрасно понимала, что Игорь во многом прав, и девчонка сама виновата. Маша вела себя из рук вон плохо с того самого момента, когда узнала про свадьбу, а последний месяц так и вовсе распоясалась окончательно.

Юля терпела долго. Рыдания не смолкали, наоборот становясь ещё громче. Уже и Аня с Серёжей вернулись, а они всё продолжались.

Не выдержав, девушка было подошла к Белозерскому, но тот по-прежнему был слишком зол.

— Тебе не кажется, это как-то... чересчур?

— Не кажется. Я говорил с ней раз сто. Ты свидетель. Предупреждал. По-хорошему не поняла. Значит, будет по-моему.

— Игорь...

— Нет, Юля. Пускай ревет хоть всю ночь. Ты у нас, конечно, сердобольная, но должна понимать. Она сама напросилась.

Девушка понимала, отлично понимала. Но...

— Можно?

На кровати валялась порванная одежда, а поверх...

Чёрная волчица.

Задрав морду, она выла, выла, не прекращая, протяжно, хрипло, яростно, отчаянно.

Юля тяжело вздохнула. Закрыв за собой дверь, подошла ближе.

— Маш. Маша. Ну хватит. Не надо так.

Волчица продолжала, будто не замечая.

— Тише, тише. — Девушка легла рядом. — Давай-ка обратно. Пожалуйста.

Ещё несколько минут та продолжала. Юля терпеливо ждала. Но потом вой, наконец, затих. Чёрная шерсть начала втягиваться, исчезать, уступая место коже, послышался хруст меняющихся костей. Девушка отвернулась: видеть трансформацию ей доводилось и раньше, но слишком уж неприятным было это зрелище, чтобы к нему можно было привыкнуть.

— Иди ко мне.

Дождавшись, когда зверь окончательно уступит место человеку, девушка обняла Машу. Та вновь разрыдалась, уткнувшись в Юлино плечо.

— Ненавижу!.. Ненавижу-у-у!..

— Кого?

Она старалась, чтобы голос звучал как можно мягче.

— Эту суку!.. Уродка!.. Больная!.. Эта... эта...

Тут черноволосая перешла на мат. Юля не останавливала.

— За что, Маш? — спросила она, когда поток ругани иссяк. — Что она тебе сделала?

— Д-да что эта... Тварь!.. Строит из с-себя!.. Н-недотрога!.. А Игорь... б-бегаёт за ней... себя н-не... уважает... а эта... она... у-ущербная... б-больная... не достойна... а... а я... а на м-меня... ему теперь... п-плевать... хочет... отдать...

И снова рыдания.

Тяжело вздохнув, девушка обняла Машу крепче.

— Ерунда. Игорь тебя очень любит. Сильнее всех. И в другую семью ни за что не отдаст.

— О-он... с-ск-казал...

— Он просто разозлился. Очень сильно. Маш, ты тоже пойми. Сейчас всем сложно Думаешь, Ане очень весело? Да она как привидение с самой свадьбы.

— И-идиот-тка!.. Н-не понимает...

— Да, не понимает. Это мы с тобой Игоря знаем. А она-то нет.

— П-плевала я на неё!.. Д-дура!.. В-всё из-за н-неё!.. В-все за н-ней... б-бегают!.. Д-даже Серёжа...

"Господи, только этого не хватало..."

— Так в этом всё дело? В нём?

Черноволосая не ответила. Юля тоже молчала. Что тут скажешь? И так всё ясно. Вот из-за чего Маша так себя вела. Ревность. Дикая. Лютая. Прежде всего, к дяде (что, впрочем, Юля и так подозревала). Он ведь бог, он кумир, идол. Он всё. Непогрешимый пример для подражания. Единственный родной человек. Маша привыкла, что дядя принадлежит ей и только ей, и что в его жизни самая главная женщина — племянница. Исключительно. А тут

— на тебе. Какая-то Аня. И это не просто мимолётное ночное приключение, которых у Белозерского было несколько десятков, если не сотен. Нет. Жена. И сам Игорь дал понять, что относится к этому очень серьёзно. Но Аня не осознаёт, какое сокровище ей досталось, не понимает, не ценит. Не относится к Белозерскому с тем же восторгом. Да ещё и ни разу не перевоплощалась, то есть не считается полноценным оборотнем.

Но это ещё полбеды. Другая половина куда хуже. Юля даже не подозревала, что всё настолько плохо.

— Аня ему не нравится, — в конце концов сказала она, ибо молчание затягивалось. — Уж мне можешь поверить.

— С-с ч-чего ты-ы... в-взяла?..

Рыдания сменились сухими всхлипами — слёз уже просто-напросто не осталось.

Юля хмыкнула.

— Мащ, это же мой брат. Родной. Уж кто-кто, а я его знаю как облупленного.

Та снова промолчала. Всхлипы медленно стихали.

Об этой "беде" знали и Юля, и Белозерский, и сам Серёжа. Маша в него влюблена. Разумеется, безответно. И дело даже не в разнице в возрасте, а...

— У-у меня... с-совсем нет ш-шансов, д-да?.. — негромко спросила Маша, подняв голову.

Желтизна в глазах отступила ещё не до конца — на Юлю будто бы смотрели одновременно и человек, и волк.

— Я... — Девушка судорожно пыталась подобрать нужные слова. — Я... не знаю. Всё очень сложно. Серёга сложный. Ты для него не посторонняя, но он...

— ... б-боится мне навредить. — Маша отвернулась. — Помню. И что м-мне делать? Сдаваться?..

— А ты хочешь?

— Нет!.. Но он... он не должен... ему нужно себя отпустить... х-хоть немного...

— Может быть. — Юля глубоко вздохнула. — Помоги ему.

Правильно ли она поступает? Брат точно спасибо не скажет. Но в чём-то Маша права — он перебарщивает. Это даже Белозерский говорил. Серёже нужно учиться жить по-новому, но он себя слишком боится. Да и Маша... Уж если кто-то и может её утихомирить, так это Серёжа. Рядом с ним она становится совершенно другой. Тише, спокойней. Без агрессии, без колкостей. Пытается быть девушкой, а не волчицей. Вот только дома Серёжа бывает уж слишком редко.

— Как? — Маша снова подняла голову. Взгляд уже был не столь тоскливым. — Думаешь... я смогу?

Юля кивнула. Улыбнулась.

"Уж лучше так, чем никак..."

— Его нужно расшевелить. А то дом-работа, дом-работа. Твой дядя его совсем загонял. Света белого не видит. Завтра к нему подойдём и поговорим... ты чего?

— Он не позволит... — Снова помрачнев, Маша тяжело вздохнула. — Он... я слишком его разозлила...

— Господи, ты Игоря не знаешь, что ли? Он же отходчивый. Ну и я помогу.

— Спасибо!..

Маша обняла девушку.

— Пока не за что. — Та погладила её по голове. — Я тебе помогу, но с условием.

— Каким?

— Насчёт Ани.

— У-у-у...

— Не ной. Я не призываю с ней дружить. Не хочешь — не общайся. Но и без травли.

Договорились?

Несколько мгновений Маша молчала.

— Ладно, хрен с ней. — Фыркнула. — Хотите носиться с этой недо... Короче, хотите её опекать — вперёд. Я в этом участвовать не собираюсь.

— Благо, вас никто не просит, Ваше Величество.

— И слава богу! Как думаешь, насколько Игорь его отпустит?..

— Думаю, ты всё же перегнул палку, — покачал головой Серёжа, когда за сестрой закрылась дверь кухни. — Машку, конечно, проучить надо, но... Ты что, и впрямь собрался отдавать её попечителям?

Белозерский хмыкнул.

— Ну ладно девчонка — могла купиться. — Закурил. — Но ты-то. Уж с собственной племянницей я справлюсь сам. Без их помощи.

— Лучше бы ты это уточнил. — Сквозь закрытую дверь донёсся полный отчаяния вой. — А то она, кажется, поверила.

— Потом уточню. Зато, может, уgomонится хоть. И я, кстати, не выл, когда у Вавиловых оказался. А Мишин отец про сантименты знал ещё меньше меня.

— Это другое, сам понимаешь. У твоих родителей же действительно выбора не было.

— Вот и у меня нет. По-хорошему эта засранка не понимает. Она, вон, и так из Ани всю душу вытрясла. Её б лучше пожалел.

Парень хмыкнул.

— Я жалею. Но в твоей безумной затее принимать участие не намерен, если ты об этом.

Белозерский улыбнулся.

— Да ладно тебе. Ничего такого. Зато хоть дело с мёртвой точки сдвинется.

— Какое дело? — Теперь в голосе Серёжи звучало раздражение. — Моё? Так я уже всё сказал, Игорь. Всё так, как есть. Ничему "учиться" я не собираюсь. А если ты про Машу, так это вообще подлость. И в первую очередь, по отношению к ней самой. Хочешь, чтобы она снова выла? Только на этот раз из-за разбитого сердца.

Мужчина закатил глаза.

— Экая драма. — Усмехнулся. — Тебе бы пьесы писать. Шекспир со своими Ромой и Юлей за углом бы отдыхал.

— Не смешно!

— Кому как. — Белозерский снова помрачнел. — А что ты предлагаешь? Оставить всё как есть? Так Аня скоро на меня бросаться начнёт.

— Тебе не привыкать, — буркнул парень, скрепя руки на груди.

Игорь покривился.

— Нет уж, спасибо. Чтобы на меня так бросались... Одной Кали было достаточно. Вторую я не вынесу.

— Ага. Ещё скажи, что стареешь.

— Ну а что? Сколько мне там уже?

— Тридцать д...

— Цыц. Столько не живут. Кстати, это был риторический вопрос.

— Как знаешь.

— Послушай. — Белозерский снова стал серьёзен. — Я же не предлагаю тебе жениться на Машке. Погуляете с ней. Ну в кино ты её сводишь. Развеешься, заодно от меня отдохнёшь.

— А дальше? Дальше что?

— Ладно. Можешь поцеловать. Разрешаю.

— Игорь, мать твою! — Парень аж вскочил. — Кончай уже свои шуточки!

Мужчина и бровью не повёл.

— Тихо, тихо. Сядь.

Несколько мгновений парень зло смотрел в карие глаза. Но потом всё же подчинился.

— Так вот, — продолжил Белозерский, как ни в чём ни бывало, — я не собираюсь делать из неё монашку. Бесплезно, да и зачем? А зная любовь Машкиной задницы к приключениям, то лучше ты, чем кто-нибудь левый.

Серёжа не верил своим ушам.

— Ты с ума сошёл! Она несовершеннолетняя, она же ещё...

— Я тебя умоляю! Совершеннолетие — это всего лишь цифра. Уровень развития она не показывает. Никак. Вообще. По себе знаю.

— То есть, ты предлагаешь, чтобы я... чтобы мы...

— Я предлагаю помочь мне с "безумной затеей". А дальше уже как пойдёт.

Откинувшись на стуле, парень запустил руки в волосы. Белозерский молча курил.

На несколько минут в кухне воцарилось молчание.

— А ты не хочешь, для начала, попробовать менее радикальные методы? — наконец произнёс Серёжа. — Например, не флиртовать с каждой встречной? Глядишь, Аня и изменит своё мнение.

— Ещё один святоша! — фыркнул Белозерский с притворным недовольством. — Ещё скажи, на сиськи не пялиться!

Серёжа закрыл глаза.

— Игорь...

Мужчина довольно усмехнулся.

— Вот уж кто-кто, а ты должен знать, как я к этому отношусь.

— Ну так поговори с Аней.

— Теперь ты шутником заделался?

— Ничуть. Объясни ей свою позицию...

— ...и пошлёт она меня за шестьдесят девять земель. И будет права, кстати. Я тоже на слово не верю.

— А, то есть, лучше поступить согласно твоему плану? Это она поймёт и оценит?

Выдохнув последнюю струю дыма, Белозерский бросил окурочок в пепельницу.

— Серёг, мне надоели эти препирательства. Честно. Нужна твоя помощь. Прошу как друга. Остальное уже моя забота. Согласен?

Серёжа снова молчал. Долго.

"Чёртов сумасшедший..."

— Ладно, — наконец сказал он с усталым вздохом. — Делай что хочешь. Но чтобы не дольше недели. Иначе я тут свихнусь.

— Идёт, — кивнул Белозерский. Улыбнулся. — Значит так. С Юлей я уже говорил, вещи она соберёт...

Как и положено питерской погоде, начало марта продолжало добрые традиции конца

февраля. Всё та же пасмурная серость без намёка на солнце, холод, ветер, сырость. Всё то же паршивое настроение, упадок сил, отсутствие желаний.

Отличная семейная жизнь. Замечательная. Именно о такой я и мечтала, наблюдая за родителями. Быть слишком молодой для мужа и терпеть постоянные выходки его племянницы, невзлюбившей "тётю" с первого же взгляда. Правда, тем вечером казалось, что терпение лопнуло и ноги моей больше не будет на Крестовском, но... Всё-таки, Серёжа — отличный парень. Хороший, спокойный. Выслушал всё, что я думаю о Белозерских. Согласился. Мы с ним походили, спустились к воде, полюбовались огнями ночного города, ещё немного поговорили. И как-то отпустило. Ну что с Машки возьмёшь? Мы же дядк любим до одури. Дядя же был только наш. А тут — на тебе, подвалило такое счастье.

Интересно, как бы мама повела себя на моём месте? Если бы пришлось выйти замуж за Игоря Викторовича? Хе-х, не как я — уж точно. Уж кто-кто, а она бы не позволила Белозерскому... да ничего бы не позволила. Делал бы только то, что жена разрешила. Тапочки бы в зубах носил. Про Марию Алексеевну вообще молчу — эта бы вообще ангелом стала. Впрочем, на Анастасию Павловну она, небось, и реагировала бы по-другому. Эффектная страстная женщина, лицо, фигура, характер — всё при ней. Да ещё и полноценный оборотень. Ну просто мечта.

Как говорится, на детях гениев...

— Ань, ну пошли! Хватит уже киснуть! На Максе свет клином не сошёлся, найдём тебе другого!

Выйдя из института, мы с Рудаковой пошли в сторону метро. Узнав о нашем разрыве с Давыдовым и наблюдая моё состояние все эти месяцы, Оксана решила, что второе вытекает из первого. А что ещё она должна была подумать? Про свадьбу же я никому не говорила. Вот Рудакова и сложила, по её мнению, два и два.

— Не нужен мне другой, — устало отмахнулась я. — Вообще никто не нужен. Дай помереть спокойно.

— А вот и не дам, — заявила Оксана, подхватывая меня под руку. — Так долго сохнуть по какому-то придурку — ты что, совсем себя не уважаешь?

Я вскинула бровь.

— Придурку? Мы точно об одном и том же человеке говорим?

— Пф, разумеется!

— И когда же Давыдов стал придурком? Не так давно кое-кто по нему с ума сходил.

Но Оксана только пожала плечами.

— Так Ирка до сих пор не отсохла, кажись, — не поняла намёк она. Ну или выпендривается просто. — Ты её видела? Вся из себя теперь. Игры свои дурацкие бросила, похудела, краситься начала. А Макс на неё даже не смотрит. Кстати, я с ним другую девушку видела. Ирке до неё как до звезды, она...

— Без подробностей, ладно? — покривилась я.

Как издевается, чесслово.

— Ой, извини-извини, — виновато спохватилась Рудакова. — Всё. Больше ни слова про этих куриц. А Давыдов — козёл и бабник. Не оценил своё счастье. Вот и потерял.

Макс — бабник. Угу-угу. Не видела ты, Оксана, настоящих бабников. Да и козлов тоже.

— Да, да, да, — устало фыркнула я. — Что ни делается, всё к лучшему.

— Именно! — с важным видом кивнула она. — Так что его тоже больше не вспоминаем. Всё, Максима Давыдова больше нет. Лесом пошёл. Улетел в космос. Зато есть

Вадик.

— Оксана-а-а-а...

— Что? Ради тебя же стараюсь! Между прочим, он меня и пригласил. И про тебя спрашивал.

Вот только этого не хватало!

— И что ты?

— Я сказала правду.

Та-а-ак...

— Какую ещё правду?

Рудакова улыбнулась.

— Что вы с ним расстались, и тебя нужно утешить.

Резко остановившись, я чуть было её не стукнула. Тоже мне, сводница сердобольная! Кто просил?! Ну вот кто?! Меряет всех по себе! Она-то без внимания парней и дня не протянет! И думает, что все девушки такие!

От моих побоев эту заразу спас здоровенный джип, затормозивший как раз напротив нас.

За рулём сидел Игорь Викторович. Мрачный, хмурый, смотрит как-то странно.

— Садись, — опустив стекло, сказал он без намёка на усмешку.

— Зачем? — спросила я, невольно вцепляясь в ремень сумки.

— Поедем.

Оксаны будто бы не существовало.

— Куда? — Не нравится мне это. Уж если Белозерский так серьёзен... — Что-то случилось?

— Зависит от тебя, — раздражённо отрезал он. — Давай быстрее, Аня. Садись? Или еду один.

Меня прошиб холодный пот.

— Потом поговорим, ладно? — бросила я, торопливо обходя машину.

— Но... — начала ошалевшая Рудакова, но мне уже было не до неё.

— Потом, Оксан. Привет Вадику. Я позвоню.

Открыв дверцу, я села рядом с Белозерским, и джип сорвался с места.

Всю дорогу Игорь Викторович молчал, глядя только вперёд. От всех вопросов откровенно отмахивался. "Скоро узнаешь". Меня же от этих его слов просто трясло. Что, что, чёрт побери, происходит?! Что-то случилось с мамой? С папой? Господи...

— Нет, — коротко ответил Белозерский, когда я уже почти взмолилась. — Они тут ни причём.

— Тогда...

— Ань. Я всё сказал. Скоро узнаешь.

Пришлось терпеть.

Впрочем, недолго: дорожные знаки Игорь Викторович игнорировал, и минут через пятнадцать мы приехали...

— Вокзал?! Куда...

— Пошли.

Заглушив мотор, Белозерский вышел из машины. Я следом.

— Мы куда-то поедем?

Он шёл быстро — чтобы идти вровень, приходилось почти бежать.

— Да.

— Куда? Мне нужно предупредить своих!

— Успеешь.

Как оказалось, билеты уже были куплены, и вскоре мы уже шли по перрону. Какой поезд, куда он едет — этого я увидеть не успела: взяв меня за руку, Белозерский нырнул в толпу провожающих-отъезжающих. Теперь главным было ни с кем не столкнуться. Дойдя до середины поезда (Игорь Викторович не шибко церемонился, иногда прокладывая дорогу плечом), мы зашли в вагон.

Раздался длинный гудок, и поезд поехал.

Без вещей, почти без денег, зарядки на телефоне только половина. Нет, вряд ли Игорь Викторович решил завезти меня куда-то и там бросить, но...

Как-то не по себе.

Как-то страшновато.

Белозерский всё продолжал идти вперёд. Один вагон, другой, третий. И всё молча. Ни словечка.

Я уже думала снова начать задавать вопросы, но перед четвёртым вагоном Игорь Викторович остановился. Коротко переговорил с будто бы ждущей его проводницей. Та открыла дверь, и мы зашли.

Тут Белозерский шёл уже медленней. Вагон больше напоминал несколько комнат. Хороших таких, красиво обставленных. Кажется, где-то даже был телевизор. А вот людей — никого. Пусто. Только мы.

Зайдя в одну из "комнат", Игорь Викторович сел в кресло и...

...улыбнулся?!

— Не пугайся. — Взгляд, выражение лица — всё изменилось! От былой мрачности не осталось и следа! — Ничего не случилось. Всё хорошо. Мне просто нужно было заманить тебя в поезд.

Ушам своим не верю!

— Заманить? Вы могли просто сказать!

Этот козёл покачал головой.

— И как далеко бы ты меня послала? — Откинулся в кресле. Усмехнулся. — Я, знаешь ли, предпочитаю действовать наверняка.

— Наверняка?! Да это похищение!

— Перебор, Ань.

— Да уж! Перебор! Не то слово! Какое вы имеете право?! Я вам что, вещь?! Болонка? Взяли и понесли, куда захотели! А спрашивать, выяснять, хочу ли я, могу ли — не царское это дело, да?!

— Аня...

— Я восемнадцать лет Аня! А вы...

— Сволочь. — Он был совершенно спокоен и продолжал усмехаться. — Козёл. Ублюдок. Знаю, ещё твоя мама... А, хрен с ним. Ань, послушай. Не злись. Мы с тобой едем отдыхать. К моим родителям. Они не смогли приехать на свадьбу, вот я и решил...

— Да плевала я!!! — Меня понесло. — Какого чёрта вы на мне женились?! Чтобы издеваться?! Ни во что не ставить?!

Усмешку сдуло.

— Чтобы защитит. Аня, послушай...

— В гробу я видела такую защиту! Я хочу домой! Немедленно!

И опять!

— Поезд уже едет. Вагон закрыт. Ключ у проводницы и у меня. Выберешься — буду звать тебя "Гудини".

Едва сдержавшись, чтобы не наброситься на этого козла, я метнулась обратно к двери и схватилась за ручку. Закрыто. Подёргала — бесполезно. Начала кричать. Сначала звала проводницу, потом уже откровенно орала "Помогите!".

Ничего. Вообще. Ноль.

Я немного постояла. Подышала. Вернула кое-какое самообладание. Вернулась обратно.

— Выпустите меня. Немедленно. Сейчас же.

Белозерский уже достал планшет и что-то на нём смотрел.

— Куда? — Даже головы не поднял, гад! — Говорю же, поезд едет. На ходу выпрыгнешь?

— Не ваше дело. Да хоть бы и так.

Хмыкнул.

— Тогда тем более не выпущу. Расслабься. Вон, телевизор посмотри. Ехать долго, я эти места специально для тебя брал...

От этого снисходительно-увещательного тона внутри всё снова вскипело. Метнувшись к Белозерскому, я выхватила из его рук планшет и с размаху швырнула его об пол. Вдребезги.

— Ну, — этот козёл и бровью не повёл, — я всё равно хотел покупать новый. Ну-ка.

Вдруг поднялся, прижал меня к себе.

— Пустите!

Разумеется, я попыталась вырваться, но куда там!

— Поцелую. — Опустив голову, смотрел мне в глаза. — Если сейчас же не угомонишься.

— Только посмейте! Вы...

— ...имею законное право. Ну?

"Гну!!!", — хотела выпалить я.

И не могла.

Взгляд карих глаз не давил, он был спокойным и немного лукавым. Ничего такого. Даже желтизны не было.

Но я всё равно словно онемела. Все слова застряли в горле. Просто смотрела.

Козёл же! Козёл! Сволочь! Гад!..

Аня, ну скажи уже что-нибудь!..

Ничего. Даже вырваться перестала.

— То-то же.

Улыбнулся. Уже мягче. Склонился, явно собираясь поцеловать. Я аж зажмурилась. И поцеловал. Аж два раза. Сначала в нос, потом в щёку, ближе к уголку губ. Отпустил.

Снова сев в кресло, включил телевизор.

— Сто лет не смотрел. Так, ну и сколько тут каналов?..

Как выяснилось к вечеру этого дня, ехать придётся ещё сутки. До посёлка Лазаревское, название которого мне ни о чём не говорило. Единственное, что кое-как удалось понять — это направление. Юг. По крайней мере, снега становилось всё меньше, а кое-где его уже и вовсе не было. Ну хоть где-то в нашей стране реальный приход весны совпадает с календарным.

На этого... это... существо, по какому-то недоразумению имеющее человеческий облик (интересно, а бывают оборотни-козлы?), я всё ещё была зла. Ну не подлость ли? Обманом увезти бог знает куда! Чем он думал? Хотя нет, тут вопрос надо ставить по-другому: думал ли вообще? Или просто взял и сделал, как левая пятка захотела, и плевать на остальных? Что-то мне подсказывает, что второе.

Маме я, конечно, позвонила и всё рассказала. Она очень разозлилась и потом перезвонила Белозерскому. Но судя по донёсшимся до меня обрывкам его реплик, Игорю Викторовичу, разумеется, всё было нипочём. Кто бы сомневался.

— Ещё дуешься?

И дальше находиться в кампании дражайшего супруга не было ни малейшего желания. Поэтому остаток дня я просидела в другом купе, разглядывая пейзажи за окном. Занятие на редкость скучное, но что ещё делать? Не к этому же гаду идти. Впрочем, когда стемнело, он пришёл сам.

— Ань.

Зайдя в купе, сел рядом на кровать.

— Оставьте меня в покое, — отрезала я, продолжая смотреть исключительно в окно.

— Извини. Не стоило так поступать.

Положил было руку мне на плечо, но я отодвинулась. Вздохнул.

— Хорошо, признаю. Но надо же было что-то делать.

Во нормально!

— Это теперь так называется, да?! — Я всё же обернулась. — "Что-то делать"!

Интересные у вас методы!

Улыбнулся.

— Привык действовать наверняка. — Но под моим взглядом улыбка быстро стерлась. — Давай начистоту. Вот что бы ты ответила, если бы я пригласил тебя заранее?

Послала бы куда подальше!

— Не знаю!

Хмыкнул.

— Ну-ну. У тебя на лбу написано: "Не подходи ко мне, скотина".

— Ничего подобного! Если бы вы мне рассказали про родителей, я бы согласилась! А вы... Между прочим, вы говорили, что будете меня защищать! А пока что защищать нужно от вас! Вы для этого заставили меня стать вашей женой?!

Снова вздохнул. На секунду закрыл глаза, потёр переносицу.

— Ладно. Хорошо. Ты права. Я — зазнавшийся идиот. Перегнул палку. Надо было поступить иначе. — Посмотрел в глаза. — Но я старался для тебя, Ань. Честно.

Ну вот, вспышка злости погасла. Теперь вообще его жалко. И так весь уставший, а ещё и жена нервы треплет. Пусть даже справедливо.

— В смысле? — буркнула я, снова отворачиваясь к окну и делая вид, что до сих пор злюсь.

Проклятая отходчивость.

— Ну смотри. Ты ко мне относишься... не очень хорошо. Заслужил, отпираться не буду. Про Машку и говорить нечего. — Я не сдержала нервный смешок. — Мне хочется исправить твоё впечатление. Для начала, хотя бы насчёт меня.

— И для этого обязательно нужно было устраивать весь этот цирк?

— Я был уверен, что иначе ты откажешься. Будем считать, что ошибся. Непременно учту это на будущее.

Интересно, он действительно так думает? Или просто хочет, чтобы жена перестала "дуться"? Жена... Господи, непривычно-то как...

Рука Игоря Викторовича снова легла на плечо. Я вздрогнула. Снова повернулась. Он смотрел в глаза. Спокойно и вроде бы серьёзно, но всё-таки с едва заметной улыбкой. Странной, я раньше такой ни разу не видела. Усталой, немножко рассеянной. Открытой. Я только сейчас это поняла. Всё то, что было раньше, все эти ухмылки-усмешки — не то. Защита? Маска? Пока не знаю.

Пока?..

Ой...

Улыбка стала шире.

— Опять краснеешь? — Соскользнув с плеча, рука легла на талию, одновременно притягивая ближе, обнимая. — Ну а теперь-то что? О чём подумала?

— Ни о чём, — пробурчала я, отводя взгляд. Человек-смущение. — А... а как же Маша? Она ведь в вас души не чаёт. Обидится же. Надо было взять её с собой.

Необычно. Непривычно. Но отодвигаться почему-то не хочется.

Игорь Викторович хмыкнул.

— Ага, чтобы она и там тебя доставала, да? Нет уж. Об этом я тоже позаботился, не переживай. Она мне потом ещё спасибо скажет.

— А вы...

Он вдруг поднял моё лицо за подбородок.

— Так. — Заглянул в глаза. — Ещё раз "выкнешь" — поцелую. Взасос. И место выберу сам.

Вот же!.. вот же!..

От смущения хотелось завизжать.

А этот... это... существо! рассмеялось и чмокнуло меня в и без того пылающую щёку.

— Кстати, первой брачной ночи так и не было...

— Хватит!!!

Он специально! Специально! Гад какой! И ещё так смотрит, что... у-у-у!!!

— Ладно, ладно. А то ещё провалишься на рельсы. — Опять засмеялся. — Ну что простишь своего непутёвого мужа?

— Так уж и быть... — проворчала я, по-прежнему глядя в сторону. — Но чтоб больше этого не было!

— Чего именно? Твоих красных щёк?

Я вскинула голову.

— Вы невыносимы!

Он вдруг начал меня осматривать.

— Так, ну и где будем ставить засос?

— Ты! — отпрянув взвизгнула я. — Ты! Невыносим! Кошмар просто!!!

Кажется, красных щёк ещё будет много... очень...

В Лазаревское мы приехали ближе к вечеру следующего дня. Если сравнивать с Питером — да, это посёлок. Если брать отдельно — маленький город. Высотные здания мешаются с двух-трёхэтажными, много машин, около вокзала стоит указатель "Макдональдса", напротив — салон связи. Вроде, ничего особенного, таких видов в пригородах Питера — вагон и маленькая тележка.

Но ни один из них не окружён холмами. Зелёными! И это в начале весны! Мы-то, обитатели Северной столицы, к чему привыкли? Март — четвёртый месяц зимы. Листья на деревьях появляются где-нибудь в начале апреля, и то не всегда. А тут, недалеко от Сочи, уже всё зеленеет и цветёт! Тут пальмы вперемешку с ёлками!

И море. Его я видела (правда, больше мельком), пока мы ещё ехали: кое-где поезд проходил недалеко от берега. Такое огромное! И упирается в самый горизонт. И вовсе не чёрное, даже не тёмное — светло-синее, почти как небо.

— А здесь вообще зима бывает? — стоя на перроне, поинтересовалась я, снимая куртку.

— Ещё какая. — Игорь Викторович вышел следом. Тоже без пальто, с большой спортивной сумкой на плече. — Просто длится как надо, а не как в Питере. Что, северянка, непривычно?

— Угу. Кстати, вы... ты же тогда пошутил, да?

Встав рядом, Белозерский оглядывался, явно кого-то высматривая.

— По поводу?

— Времени. Мне послезавтра в институт.

Когда мы ещё были в пути, я решила уточнить длину этих, так сказать, вынужденных каникул. Лучше бы не спрашивала.

— Так праздники ведь. Женский день и всё такое.

— Он уже прошёл, как бы. Скоро всем на работу.

— Извини, забыл посмотреть на календарь. — Игорь Викторович по-прежнему осматривался. — Чёрт, да где его носит?

— Эй! — Я встала прямо перед ним. Жаль, табуретки нет. — Это не шутка. Мне надо в институт. Не могу же я прогулять целый месяц!

— Почему? — Белозерский соизволил опустить взгляд. Улыбнулся. — Не хочешь отдохнуть?

— Скоро конец семестра! Нужно учиться, а не отдыхать!

Он закатил глаза.

— Узнаю Мишкино воспитание. Твой папочка мне когда-то то же самое внушал.

Я фыркнула.

— И что в... ты?

— Не поддался.

— Нашёл, чем гордиться! И чем же это кончилось?

— Отчислением. — Белозерский продолжал усмехаться. — Да ладно тебе, не паникуй. Догонишь. Ты ж у нас девочка хорошая, отличница.

— Всё равно! Зачем нагонять, если можно не пропускать? И вообще, у меня с собой ничего нет! В чём я буду тут ходить?

Игорь Викторович похлопал по сумке.

— В этом. Здесь твои вещи с Крестовского. Юля собрала.

Я опешила.

— То есть... вы всё это продумали заранее?!

Скинув сумку, Белозерский вдруг прижал меня к себе.

— Вы... перестаньте!

— Я предупреждал.

Он наклонился и... поцеловал. Не в губы, слава богу. Чуть пониже уха, ближе к плечу. Но я всё равно вздрогнула: прикосновение было далеко не лёгким и не слабым — очень даже ощутимым. Чувствительным.

— Всё вокруг может полететь к чёртовой матери, — вдруг услышала я хриловатый бас, — но Игорь останется прежним. ЗдорОво, волчара.

К нам подошёл Халк. Нет, он не был зелёным или агрессивным — даже наоборот, широко улыбался в рыжую бороду. А вот телосложение... Ростом мужчина превосходил Игоря Викторовича. Не так, чтобы намного, но всё равно! Минимум два метра! А плечи.. Косая сажень — и это ещё мягко сказано!

— Привет, Ржавый, — выпустив меня из объятий, с точно такой же улыбкой ответил Белозерский. — Спасибо, что выручил.

Пожав друг другу руки, они обнялись. Вот это лапищи! Грести можно! Да что там — подковы разгибать! Трубы в узлы завязывать! Интересно, у Игоря Викторовича все кости останутся целы?

— Куда ж ты без меня. — Взгляд "Халка" перешёл на меня. — Она?

— Ага. Та, что сумела сделать невозможное. — Вернувшись, Белозерский обнял меня за талию. — Анна. Ранее Вавилова, ныне Белозерская. Моя жена. Аня, знакомься. Буров Ярослав Владимирович. По юности — Славка Ржавый. Друг детства.

— Рад встрече, — кивнул "Халк". Вроде высокий, вроде огромный, борода лопатой — но впечатления человека недалёкого или хотя бы простодушного не производит совершенно. Скорее наоборот — уж больно взгляд пронизательный. — Михаил Вавилов, значит, ваш батюшка?

Я... растерялась. Подняв голову, посмотрела на Игоря Викторовича. Тот снова улыбнулся, кивнул.

— Он свой, Ань. Бояться не нужно.

Нда, неловко. Здравствуй, человек-смущение.

— Разумеется. — Расправив плечи, я посмотрела "Халку" в глаза и вежливо улыбнулась. — Приятно познакомиться, Ярослав Владимирович. Да, Михаил Вавилов — мой отец. Вы его знаете?

Хмыкнув, бородач смерил меня оценивающим взглядом.

— Заочно. Ладно, поехали. Надежда заждалась уже.

С этими словами он повёл нас за здание вокзала, к трассе. Машина стояла неподалёку. Внедорожник. Огромный, массивный, защитно-зелёного цвета — для полного сходства с танком не хватало гусениц и башни. Впрочем, какой хозяин такая и машина. Что-то более аккуратное под таким весом (килограмм сто? сто двадцать?) наверно просто не сдвинулось бы с места.

В пути Игорь Викторович болтал с другом, они смеялись, что-то вспоминали. Я смотрела по сторонам. Было так непривычно! Особенно, когда мы ехали по, скажем, мосту, и уже были видны не только дома по обе стороны улицы, но и окружающий пейзаж. Никаких

тебе бескрайних полей — самые настоящие предгорья. Лесом покрыты будто одеялом. Прямо как на тех иллюстрациях к древним легендам о том, что, мол, холмы — это спящие великаны.

Но полностью насладиться видами я не успела — буквально минут через пятнадцать машина остановилась во дворе большого светло-бежевого дома, рядом с которым уже стояло два автомобиля. За это время мы успели выехать из Лазаревского, немного проехать по побережью и свернуть в посёлок под названием "Волконка". Место очень уютное, симпатичное. Улочки вроде узкие, но ощущения сдавленности нет: дома невысокие, почти все одноэтажные, совершенно не скрывающие ни холмов, ни моря, ни неба. Сплошной простор.

— Приехали, — объявил Игорь Викторович. — Куда? Сидеть.

И прежде, чем я успела открыть дверцу, выскочил из машины и сделал это сам.

— Дай хоть немного джентльменом побыть, — улыбнулся он, протягивая руку.

— Всегда бы так, — с демонстративной надменностью фыркнула я.

Ну вот. Уже выпендриваюсь. А ведь совсем недавно готова была придушить гада собственными руками! Ведь не только в моей отходчивости дело, правда? Не может быть, чтобы только в ней! Как у него это получается, а? Как он так улыбается, что оставаться серьёзной просто невозможно — сразу же тянет улыбнуться в ответ? У-у, мерзавец обаятельный!

— Не дождёшься.

Я ещё стояла на ступеньках, как этот варвар вдруг, подхватив под колени, закинул меня на плечо.

— Эй! Я не мешок с картошкой!

— Ладно, ладно. — Взял как положено, поцеловал в щёку, поставил на землю. — Царевна.

Хотелось выдать что-нибудь возмущённое, гневное! Но получилось только смутиться, фыркнуть и отвернуться. Почему, ну почему приятно? Ведёт себя как мальчишка, обращается как с куклой! Почему это понимается только мозгами? Почему не чувствуешь себя вещью? Дурацкая улыбка, ну куда ты лезешь! Фу, фу!

— Как будто и не прошло... сколько лет? — глядя на нас, покачал головой "Халк". — Когда ты там собирался жениться в прошлый раз? Лет пятнадцать назад? Старичок.

— Да пошёл ты, — весело парировал Белозерский. — "Наше сердце работает как новый мотор". Мы с Цоем будем жить вечно. Так, а вот и встреча. Привет, мам.

Дверь дома открылась, и во двор вышла женщина. Уже немолодая, в очках. На плечах — шаль, брошенная поверх строгого старомодного платья, седые волосы заплетены в косу, завязанную в узел на затылке.

— Игорёк! — Женщина тут же кинулась к Белозерскому. — Здравствуй! Как ты? Как доехали?

— Всё хорошо, жив-здоров. — Обняв за плечи, Игорь Викторович повернул её ко мне. — Ну вот, мам. Встречай свою невестку, ты давно хотела. Ань, прошу любить и жаловать. Надежда Дмитриевна Белозерская.

Женщина улыбнулась.

— Здравствуйте, Анечка. Какая вы красавица! Очень рада наконец-то вас увидеть. Вы уж извините, что мы с Витей на свадьбе не были — я совсем плоха стала.

— Добрый вечер, Надежда Дмитриевна, — как можно вежливее ответила я. — Мне

тоже очень приятно с вами познакомиться. А по поводу свадьбы не переживайте — я всё прекрасно понимаю. Здоровье дороже.

Госпожа Белозерская производила впечатление женщины культурной, интеллигентной и вообще очень приятной. И улыбалась она так красиво, даже можно сказать, заразительно — свою улыбку Игорь Викторович явно взял от неё.

Но, несмотря на всё радушие встречи, я знатно нервничала. Как-никак, знакомство с родителями мужа! Пусть даже вынужденного. Хочется произвести хорошее впечатление.

— Ладно, Волк, пора мне, — вмешался "Халк". — Завтра свидимся. Колька первый раз обернулся — Даша праздник готовит. Давай с женой к нам, заодно и приезд обмоем. Надежда Дмитриевна, вас тоже ждём. И Виктора Васильевича с собой берите, если успеет приехать.

— Обязательно, Ярик, — с улыбкой кивнула женщина. При этом почему-то метнув обеспокоенный взгляд на сына. — Спасибо за приглашение.

— Всё, бывайте.

Обменявшись рукопожатиями с Игорем Викторовичем, "Халк" уехал.

— Ну и где его черти носят? — тут же помрачнев, спросил Белозерский у матери. — И почему это ведро до сих пор здесь? — добавил он, кивнув в сторону одной из двух оставшихся во дворе машин.

Первая была явно новой, даже блестела на солнце. Ни следа грязи, даже колёса чистые — на ней будто бы вообще не ездили. А вот вторая... Игорь Викторович правильно сказал — ведро. Самое натуральное. Ржавое, с облупившейся краской и треснутым задним стеклом. Такой, с позволения сказать, автомобиль даже на запчасти не возьмут наверно.

— К Кузьминым поехал, на охоту, — вздохнула Надежда Дмитриевна, продолжая смотреть на сына с тревогой. — А машина... Твой отец от неё без ума, сам знаешь.

Тот помрачнел ещё сильнее.

— Он просто без ума. Это я знаю, да. Очень хорошо. Баран старый.

— Игорь...

— Что? Скажешь, нет? Может, он не знал, что я приеду? С женой.

Женщина лишь молча покачала головой. У меня было такое чувство, что она сейчас заплачет.

— Ладно, хрен с ним. — Видимо, Игорь Викторович тоже это заметил. Одной рукой обнял мать, другой — меня. — Зато я весь ваш, дамы. И никто настроение не будет портить. Мам, как там Поляковы? Я видел, они себе пристройку отгрохали...

Внутри дом оказался весьма и весьма просторным и отнюдь не деревенским. Несколько телевизоров в разных комнатах, компьютер, здоровенная полностью оборудованная кухня, две ванны, два туалета, горячая вода, Интернет — в общем, все удобства. Почти также как в квартире на Крестовском. Правда, вместе со мной, там живут пять человек. А здесь? Двое пожилых людей — зачем им настолько огромный дом? Я было хотела спросить об этом дражайшего супруга, но при Надежде Дмитриевне не стала — как-то оно не слишком тактично.

А вот сама госпожа Белозерская задавала десятки вопросов. Осмотрев дом, мы сели на кухне пить ужинать — и понеслась. Сначала она расспрашивала сына: как здоровье? как на работе? вид очень уставший — когда отпуск? а Маша? как учится? что читает? по-прежнему слишком много сидит за компьютером? уже думала, куда будет поступать? И прочая, прочая, прочая. Игорь Викторович отвечал вроде бы серьёзно, но глаза всё равно улыбались.

Хорошо, мам, буду больше отдыхать. Машка? Всё такая же оторва. Да шучу, конечно. Учится... Ну, неплохо. Разумеется, гоняю...

В общем, было видно, что Игорь Викторович мать любит, но слова подбирает очень тщательно, стараясь говорить то, что она хочет услышать. Что, впрочем, и не удивительно — Надежда Дмитриевна явно относилась к тому типу родителей, которые в своих детях души не чают и сильно огорчаются из-за любой их неудачи, даже самой мелкой. Тут я его прекрасно понимаю — кому охота расстраивать маму?

После Игоря Викторовича, настала моя очередь. На кого учусь, чем интересуюсь, какие книги люблю, чем занимаются родители...

— Как же вы похожи на Настю, — вдруг сказала Надежда Дмитриевна, когда речь зашла о маме. — Просто диву даюсь. Как две капли. Такая же красавица.

Хм. А вот это уже интересно.

— Спасибо, — вежливо улыбнулась я. А потом добавила как бы между прочим: — Вы бывали в Питере, да? И как вам?

Однако госпожа Белозерская лишь махнула рукой.

— Увы, Анечка. Ваш славный город я видела только по телевизору. Ну и Игорёк фотографии показывал.

— Кстати, а помнишь, Лёшка гитару привозил? — вдруг вмешался Игорь Викторович. — Она ещё жива?

Надежда Дмитриевна удивлённо вскинула бровь.

— Да, конечно. А что? Она ему нужна? Я принесу, ты только скажи...

— Не-не. Просто вспомнил. К слову пришлось. Ладно, чего сидеть просто так? — Хлопнув себя по коленям, Белозерский посмотрел на меня. — Ань, прогуляться не хочешь? К морю. Тут пешком минут десять. Купаться, правда, ещё рановато... Ну или в лес. Ты ж у нас историк, а там дольмен есть. И руины.

Ну-ка, ну-ка. Он что, пытается сменить тему? Очень похоже. Но почему? Опять какие-то недоговорки? Мне о чём-то "лучше не знать"?

— Вы... ты очень заботлив, — мило улыбнулась я. — Потом обязательно мне всё покажешь. Надежда Дмитриевна, а где вы видели мою маму?

Внезапно замявшись, госпожа Белозерская посмотрела на сына. Тот вздохнул.

— Ладно, ладно, детектив. Сдаюсь. Здесь это было.

— Угу. И как же она тут очутилась?

— Я привёз, как ещё.

— Зачем?

— Познакомить.

— С кем?

— Со всеми.

— Конкретней.

— Да хотя бы Славка с Дашкой. Я обоих тыщу лет знаю. Друзья детства, все дела.

— А родители?

Белозерский попытался улыбнуться.

— Их родители уже на Том Свете были. Хотя, вон, Дашкина мать до сих пор жива, карга старая. Октябрина Петровна, или как там её...

— Твои, милый, — не отступала я. — Твои родители. Надежда Дмитриевна и Виктор Васильевич.

— Ну, и с ними тоже.

— Вы... ты хотел жениться?

А что ещё можно предположить, если мужчина знакомит женщину (или даже парень — девушку) с близкими? Причём, не только с друзьями, но и с родителями? Да ещё такой, как Белозерский — с его-то "большим сердцем"! Может, это старомодно, но лично для меня подобный поступок означает серьёзные намерения. Учитывая гулящую натуру Игоря Викторовича — самые серьёзные. Ибо что-то мне подсказывает, что к родителям он возил далеко не всех своих любовниц. Если возил вообще.

В кои-то веки я смотрела в глаза Белозерского прямо, не отрываясь. В кои-то веки взгляд отвёл Игорь Викторович.

— Это в прошлом. — Он было достал сигареты, но, посмотрев на мать, убрал обратно. — Ты так хочешь его ворошить?

— Я просто хочу знать.

Ещё один взгляд в её сторону.

— Давай потом, ладно?

— Но...

— Ань. Потом.

Надежда Дмитриевна тяжело вздохнула. Да, наверно, не стоит выяснять отношения прямо при ней — человек явно волнуется, переживает. Вот только, если уж разговор прервался сейчас, то потом уже не продолжится: девять из десяти, что Игорь Викторович начнёт ломать комедию и отшучиваться. Как всегда.

Эх, ладно. Не настаивать же. Во всяком случае, не сейчас.

После ужина мы с "дорогим супругом" всё-таки пошли проветриться. Дольмен и "руины" и впрямь меня заинтересовали, но оказалось, что пешком до них добираться слишком долго. В итоге, ограничились походом к морю.

— Ну как тебе здесь? — спросил Игорь Викторович, когда мы, пройдя весь посёлок, спустились к пляжу.

— Необычно, — честно призналась я, слушая прибой и любясь закатом. — Но мне нравится.

Он здесь такой быстрый — прямо видишь, как солнце всё больше и больше погружается в воду.

— Хорошо.

Почувствовав руку у себя на талии, я подняла голову. Белозерский улыбался. Чуть-чуть устало, но очень искренне, тепло — совсем как тогда, в поезде. Я тоже улыбнулась. Как-то само собой вышло. Вдруг захотелось... поверить. Впервые за всё время нашего знакомства. Отключить мозг, перестать думать "о том, что будет после", "а что, если" и так далее, и тому подобное. Хотя бы ненадолго позволить себе расслабиться, увлечься. Забыть о проблемах.

Но Анечка сильнее своих желаний. Анечка по-другому просто не может.

— Ответь, пожалуйста, — переведя взгляд обратно на солнце, попросила я негромко. — Ты действительно хотел жениться на маме?

Игорь Викторович тоже вздохнул.

— Да. — Он повернул меня к себе. — Ань, это было хрен знает когда...

— Но было же.

Не знаю, откуда такая горечь. И почему вообще меня это настолько сильно волнует. Разве я не знала, что в прошлом они были вместе? Знала. Правда, думала, это было лишь

мимолётное увлечение — с обеих сторон. А тут...

Был ли Игорь Викторович в молодости белым и пушистым? Дико сомневаюсь. Уверена, в отношении женщин, он был таким же любвеобильным, как и сейчас. А то и хуже — молодость, гормоны играют.

Однако, несмотря на всё это, он хотел жениться. Игорь Викторович. Белозерский. Жениться. То есть, связать себя с одной-единственной. Это какие же чувства он испытывал к маме? И могли ли они пройти бесследно? Пусть даже спустя годы. Мы с ней, конечно, похожи — нам это говорили поголовно все знакомые. Вот только...

Как и Игорю Викторовичу, мне тоже хотелось назвать маму богиней. Но не Кали, а Венерой. Афродитой, Иштар, Фрейей, Ладой, Анаит — самой красивой, самой восхитительной, потрясающей, несравненной. Она — эталон. И когда нас сравнивали, я хоть и смущалась, но в глубине души всё-таки гордилась. Раньше.

Теперь я чувствовала себя ничтожеством. Жалкой крестьянской лачугой в тени Версаля. Ромашкой рядом с орхидеей.

Горько. Обидно.

— Аня. — Игорь Викторович взял моё лицо за подбородок. Подняв, заставил смотреть себе в глаза. — Слушай меня внимательно. Да, в своё время от Кали у меня снесло крышу. Было, не отрицаю. Но я чертовски рад, что не женился на ней. Если быть честным, я испугался.

Ого!

— Ты? Испугался? Чего?

— Потерять свободу. — Он по-прежнему был очень серьёзен. — Кали ещё не называла меня трусом? Странно. Короче, твоя мама любого мужика сведёт с ума. Это так. Но именно поэтому мы бы с ней не сошлись. Рано или поздно моя крыша всё равно встала бы на место, и тогда... В общем, ничего хорошего. Ты слышишь меня? Я рад, что у нас с Кали не сложилось. Уверен, она тоже рада. По-другому быть и не могло.

Я не знала, как реагировать. С одной стороны, слова Игоря Викторовича звучали очень убедительно. Но с другой...

— В... ты любил её?

— Нет. Как и она меня.

— И каким образом дело вообще подошло к свадьбе?

Белозерский усмехнулся.

— Таким, что крышу снесло не только у меня.

— Ты тоже... нравился маме? Настолько сильно?

Подмигнул.

— А то!

— И вы с ней...

Он поцеловал. Вдруг. Резко. И не в нос или щёку. В губы. Прижал к себе, руку опустил... пониже спины. Сжал!

А я... я даже возмутиться не успела. Не смогла. Не... ох...

— Я больше не хочу вспоминать прошлое, — оторвавшись, сказал Игорь Викторович, снова глядя мне прямо в глаза. Так близко он ещё никогда не был. — "Нас" с Кали уже давно нет. Да и не было, если по правде. Теперь есть мы с тобой. Муж и жена. Ты меня слышишь?

Мне... я... кивнула. Это всё, что получилось сделать.

— Вот и хорошо. — Снова улыбнувшись, он посмотрел на солнце — над водой виднелся

уже самый краешек. — Сейчас темно будет. Ну что, ещё гуляем? Или домой?

— Домой, — кое-как выдавила я.

Мы пошли обратно. Игорь Викторович продолжал рассказывать о своём детстве — при этом продолжая обнимать меня за талию. Куда свои руки пристроить, я не знала. С одной стороны, тоже хотелось его обнять. Но с другой... Да, вроде муж. И всё же. Неловко как-то.

Впрочем, вечерняя прогулка оказалась цветочками. Ягодки пошли, когда настала пора ложиться спать. Нет, комната была вполне себе симпатичной, просторной и очень уютной. Вот только, кровать была одна.

— А ещё комплект есть? — спросила я, открывая шкаф.

Игорь Викторович посмотрел на меня с удивлением.

— Комплект чего?

— Постельного белья.

— Что не так с этим, Ваше Высочество? Цветы не того цвета?

Остряк, пф.

— Нет, дело не в этом. Цветочки миленькие. Ну хотя бы простынь?

Он подошёл ближе.

— Ань, в чём дело?

Смутившись, я нагнулась, делая вид, что ищу на нижних полках.

— В кровати.

— Ну а с ней что?

— Она одна.

Рассмеявшись, этот гад опять положил руку пониже спины. Пришлось выпрямиться.

— Да, одна. И что? Хочешь выселить меня на диван? Не выйдет.

Я хмыкнула.

— Без проблем. Там лягу я. Мне не принципиально.

— Вот ещё. Муж и жена, не забывай. Своих родителей вспомни. Они спят на разных кроватях?

— Нет, но...

— ...Так что, хорош дурью маяться. Держать рук при себе не обещаю, — он улыбнулся так, что от смущения захотелось спрятаться в шкаф, — но постараюсь сдержаться. На этот раз. Всё, в душ.

Ночь. Лес. Небо. Луна.

Тихий рык на самой границе сознания и слуха.

Далёкий зов. Дрожь.

Беспокойство. Желание... чего?

Туда, вперёд. В пустоту.

Или?..

Спать... кхм, лежать в одной постели с мужчиной мне доводилось разве что в детстве. С папой. И то всего пару раз, во время болезни, когда я не могла заснуть в пустой комнате, а маму срочно выдёргивали на работу. Даже с Максом такого не было. Да, я могла остаться у Давыдовых на ночь, но спали мы, разумеется, на разных кроватях. А тут...

Своё обещание Игорь Викторович сдержал — его руки были при нём. И всё равно. Е одно постели с мужчиной. На мне из одежды — ночная рубашка. На нём — так вообще только бельё. Вроде бы. А то и вовсе голый. Хорошо хоть не под одним одеялом лежали.

Всё это было как-то... даже не знаю. Страшно? Однозначно нет. Не по себе? Разве что самую-самую малость. Неловко? Это само собой, человек-смущение живёт и здравствует. Приятно? Ну... как-то... да... наверно. Хотя... Нет. Вернее, не совсем. Не только. Скорее, это было чувство... правильности, что ли. Ощущение, что так и должно быть. Мы ведь женаты. Игорь Викторович — мой муж. Не знакомый, не друг, даже не ухажёр или поклонник. Муж. В Средние Века (как, впрочем, и в другие эпохи...) я бы вообще ему принадлежала, была бы законной собственностью.

Интересно, а как с этим делом сейчас? С людьми-то всё понятно — равноправие. А в обществе оборотней? Помнится, Игорь Викторович упоминал силу традиций, мол, за них держатся прямо-таки мёртвой хваткой. Да и мама не раз фыркала по поводу "патриархальных замашек".

То есть, у оборотней жена принадлежит мужу? Даже сейчас, после суфражисток, Клары Цеткин и феминизма? Если да, то это, пожалуй, весьма любопытно. Интересное общество. Особенно учитывая современные реалии, права человека и так далее. Но это во мне говорит историк. Который, как ни крути, наблюдает со стороны. А вот как в таком обществе жить...

Например. Я, конечно, оборотень, но всю жизнь прожила среди людей, в их обществе. "Патриархальные замашки", так сказать, соплеменников должны меня унижать? Я, как девушка и жена, должна быть оскорблена и возмущена? По идее, да. Где это видано! дискриминация! И тому подобное. Но я, наверно, всё-таки больше оборотень, ибо слишком уж спокойно к этому отношусь.

Вот взять моих родителей. Что-то я ни разу не слышала, чтобы папа даже просто повышал на маму голос. Про какие-то заявления, наподобие "женщина, знай своё место!", я вообще молчу. Уверена, такого никогда не было и не будет. Хотя папа — мужчина и, по идее, имеет на это полное право. А мама? Уж на что Анастасия Павловна упряма и вольнолюбива, но к пожеланиям мужа она прислушивается и по возможности их выполняет.

Папа всегда сам моет за собой посуду и непременно что-нибудь приготовит, если мы с мамой слишком устали или не можем по какой-то другой причине. Мама не будет ждать возвращения супруга, чтобы заменить лампочку. Если нужно, она готова помочь ему в любом, абсолютно любом деле, будь то прибывание полки или ремонт машины.

Что это? Взаимное уважение? Да, конечно. Но не только. Любовь. Наверно, в этом и есть её смысл. Ведь если я по-настоящему люблю кого-то, то хочу, чтобы дорогой сердцу человек был счастлив. И это — самое главное. Равноправие нужно, когда дело касается чего-то юридического, правового, гражданского. Общественного. А в личной жизни должна быть гармония.

— О чём задумалась?

— О семейной жизни, — встрепелувшись, ответила я.

Мы снова сидели на кухне, завтракали. У меня йогурт с печеньем, у Игоря Викторовича чёрный кофе без всего. Надежда Дмитриевна уехала в школу — она, как выяснилось, работает учителем начальных классов.

— Хорошие мысли, — усмехнулся Игорь Викторович. — И как? До чего додумалась?

— Мы можем развестись? — в упор спросила я.

Но он и бровью не повёл, продолжая беспечно прихлёбывать кофе.

— В теории — да. Вот только на кой... хм, зачем?

— Ну, свадьба же была вынужденная.

— Ага. — Беспечный-то беспечный, но взгляд замер. Пристальный. Давит. — И повод был серьёзным, если помнишь.

— Помню. — Я старалась говорить сдержанно, и вообще подбирать слова. А то ведь опять соскочит и начнёт отшучиваться. — Ты говорил, что Одинцовы захотят давить на папу, и что мне грозит опасность. Но разве она есть?

Белозерский хмыкнул. Покачал головой.

— Ань, то, что ты не видишь опасности, не значит, что её нет. За вашим домом следят. Профессионалы. Ни ты, ни твои родители, ни даже я их не увидят, если они этого не захотят.

— Тогда зачем нужна была свадьба? — не отступалась я, продолжая рассуждать. — Вы же с папой дружите, верно? Неужели ты не мог дать охрану просто, без свадьбы?

Игорь Викторович промолчал, даже нахмурился. Ну всё, сейчас меня со всеми вопросами пошлют подальше...

— Узнаю Мишины мозги. — Он вдруг снова усмехнулся. — Иди-ка сюда.

Я насторожилась.

— Зачем?

— Супружеский долг исполнять. Здесь, на столе. Прямо сейчас. Ну?

Гад какой! Когда-нибудь точно будет придушен подушкой!

— Эм... я... кхм...

— Да шучу, шучу. Но в следующий раз — обязательно, — добавил этот... это... существо, когда я уже подошла ближе.

— Не смешно. Эй!

Обняв за талию, Игорь Викторович усадил меня себе на колени.

— Так вот, о свадьбе, — продолжил он как ни в чём ни бывало. — Вот представь. Хочешь ты от кого-нибудь избавиться...

— Не хочу, — буркнула я. Руки как-то сами собой легли Белозерскому на плечи. — Это не метод. В девяноста процентах случаев конфликт можно разрешить миром. Было бы желание.

— Ангел ты мой. Вот же счастья привалило. — Поцелуй в щёку. Очень красную щёку. — Ладно. Допустим, этот случай входит в те десять процентов, когда договориться не получилось. Вот Кали. Разозлится на меня окончательно и захочет прирезать...

— Плохой пример!

— Хорошо. Одинцов. Царь наш батюшка. Великий князь всяя Собрания. Хочет он послать кого-нибудь из своих холопов, чтоб от меня избавиться. Мол, пристрелите вы этого Белозерского, затрах... задолбал он меня, пёс смердящий. Кость в горле. А ему в ответ — свет ты наш, Александр Леонидович! Не губи, кормилец! Белозерский хоть и смердящий, а хватка как у питбуля. И сам отобьётся, и нас потом найдёт и в гроб вгонит! Не оставляй

детей сиротами! Ну и так далее.

Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Тебя так боятся? Почему?

— Поверь, повод есть. — Он довольно усмехнулся. — Я его уже лет десять даю. Кровожадное чудовище, все дела. Как думаешь, много народу захочет вредить мне или моим родичам?

— И что, репутация вот прямо всегда срывается? И никому нельзя просто заплатить побольше?

— Умная какая, вы гляньте. Можно, конечно. Да только умельцев не так много. И со всеми я договорился — меня и моих не трогать.

— То есть, вся наша семья считается "твоими"?

Объятья стали крепче, усмешка — шире.

— Ты — уж точно моя. Ну а Миша с Кали твои родители.

— Это же не кровное родство. Нет, раньше, оно считалось почти таким же сильным...

— Я разве не говорил про традиции?

— Неужели, до такой степени?

Игорь Викторович кивнул. Взгляд стал лукавым — на языке явно была какая-то пошлость. Он наклонился к моему уху...

...и тут в дверь постучали. Впрочем, нет, это слишком вежливо. Начали ломиться. И скрестись. И издавать какие-то звуки — эдакую помесь рёва и воя. Мамочки...

— Что это? — невольно вздрогнув, спросила я, крепче прижимаясь... к мужу.

Но тот был спокоен.

— Кто. Вот не терпится, а. Сказал же, что сегодня придём. Ну-ка пусти.

Я встала, позволяя Игорю Викторовичу подняться.

— А может не надо?..

— Да не бойся, — донеслось уже из прихожей. — Это свои. Привет, Колян. Ну ты и вымахал, туша! Эй, полегче!..

Что-то грохнуло. Явно большое и очень тяжёлое. Подскочив, я тут же вылетела следом за Белозерским. И замерла на пороге.

Входная дверь нараспашку. Игорь Викторович лежит на полу. А на нём — медведь! Настоящий! Придавил к полу и ревёт в лицо!

— Ах так, да?! Ну ладно, сам напросился!

Не успела я как следует прочувствовать весь ужас ситуации, как Белозерский напрягся и сбросил зверя. Тот кинулся снова. Началась... драка? Нет, скорее, возня. Причём, шуточная — Игорь Викторович усмехался, то и дело слышалось: "Ах ты туша! Вот так тебе! Ну давай давай! Что, получил? А нечего к старшим лезть. Сдаёшься? Нет? Ух, силён!".

Я выдохнула.

Правду говорят — у страха глаза велики. Зверь, поначалу показавшийся мне взрослым медведем, на деле оказался... нет, наверно, всё-таки не медвежонком, не совсем детёнышем. Побольше. Интересно, есть какое-то особое название для медведей-подростков?

"Схватка" продолжалась ещё минут пятнадцать. Было чёткое ощущение, что Белозерский мог бы закончить всё намного раньше но просто поддаётся. В конке концов, он позволил медвежонку снова себя опрокинуть.

— Ну ладно, ладно. Твоя взяла. Сдаюсь.

Издав... наверно, победный рёв, тот отступил.

— Аня, знакомься, — сказал Игорь Викторович, поднимаясь. Вроде бы, цел и невредим — чего не скажешь про одежду. Сплошные дырки. — Ещё один Буров. Только Николай. Будущая гроза всех волков. Ну что, борец, с почином тебя. Настоящий медведь теперь. Ты хоть догадался не по главной улице идти?

Медвежонок качнул головой — судя по всему, соглашаясь.

— А почему нельзя по главной? — поинтересовалась я.

Страх отступил, вместо него появилось любопытство. Оборотни-медведи. Нет, я знала, что и такое бывает. В теории. А вот на практике сталкивалась впервые. Хотя чего я удивляюсь? Кем ещё мог быть этот Ярослав? С его-то комплекцией!

— А как ты себя поведёшь, если столкнёшься с медведем? Прямо посреди улицы? Это волкам хорошо — нас хотя бы за собаку принять могут. И то, не всегда. А остальным приходится осторожничать.

Я кивнула. Снова подойдя к Белозерскому, медвежонок ткнулся мордой в бок.

— Хорошо, хорошо. — Улыбнувшись, Игорь Викторович ласково потрепал зверёныша за ухо. — Сейчас пойдём. Ань, ты готова?

— Угу. — Я смерила его демонстративно оценивающим взглядом. — А ты?

— А что я... — начал было Белозерский, осматривая одежду. Вернее, то, что от неё осталось. — Ах ты ж... Зверюга. Ну жди тогда, переодеться надо.

Дом Буровых кипел — на праздник собрались не только все члены большой семьи, но и близкие друзья. Пока дети с довольным визгом носились от виновника торжества (всё ещё пребывающего в облике медведя), женщины помогали хозяйке на кухне, а мужчины вместе с хозяином занимались шашлыками и пловом, который было решено делать на открытом огне.

— Ну что, Волк, зачем пожаловал? — спросил Ярослав, поправляя шампур.

— На тебя посмотреть, жену показать, — с усмешкой ответил Белозерский. — Ей свежий воздух тоже не помешает.

Сейчас возле мангала были только они двое. Остальные или пошли проведать жён, или занялись слишком уж расшалившимися детьми, чуть было не выбежавшими за пределы участка вместе с медведем.

— Она хоть школу-то закончила, жена твоя?

— Студентка.

— И что, до сих пор не перекидывалась? Ни разу?

— Так она ж городская. У них частенько задержки, сам знаешь.

— Не настолько. — Буров посмотрел на друга. — Хорош прятаться, Волк. Я не баба, чтобы ты со мной заигрывал. Выкладывай. Зачем тебе такая жена? Нормальной не нашлось?

— Со стариком Вавиловым у тебя свои счёты. Это я помню. — В карих глазах мелькнули жёлтые вспышки. — Мишку ты тоже никогда не жаловал. Но девчонка-то чем не угодить успела? Фамилией? Так она теперь Белозерская.

Хмыкнув, Ярослав отвернулся.

— Толку-то? — бросил он, мрачно глядя на тлеющие в мангале головни. — Обзови гадюку ужом — она им станет, что ли?

Достав сигарету, Игорь прикурил от уголька.

— Любишь ты женщин, Славка. — Голос звучал мирно, но желтизны в глазах прибавилось. — Или что, Даше рожать надоело? Посылает куда подальше?

Буров сжал кулаки — шампур в руке погнулся, будто проволочный.

— Ты за этим явился? Рычать на меня?

Игорь лишь усмехнулся.

— Ещё кто на кого. Давай не будем, ладно? Не порти Кольке праздник. И вообще, ты сам хотел, чтобы я женился.

— Не на дочери Вавилова! — отрезал Ярослав. — Ты был в этой семье! Уже забыл, что происходило, что они творили?!

Белозерский уже не усмехался, но был всё также спокоен.

— Был. И видел. Что Миша, что его отец хотели как лучше.

— Мой друг...

— Слава. — Взгляд карих глаз стал жёстче. — Твоего друга сгубил Одинцов. Ни Миша, ни его отец к этому отношения не имеют.

— Чёрта с два! А если они заодно с Одинцовыми? Про это ты не думал?

— Нет. Я знаю Мишу. Он не из тех.

— Из-за него всё это началось!

— Да. Но он сразу вышел из игры, когда понял, чем это грозит. А Одинцов подхватил. Всё с ног на голову перевернул именно он. — Игорь положил руку другу на плечо. — Ты спрашивал, зачем я приехал? За твоей помощью. Хочешь поквитаться за смерть Димки?

— Так, Волк. — К ним вдруг подошла хозяйка. — Я тебя сколько раз просила? Хватит Славке по ушам ездить. Иди, вон, жену обихаживай.

Белозерский усмехнулся.

— Послала, так послала. Ещё одна Кали на мою голову. Ладно, ладно. Не мешаю. — Взглянув на друга, кивнул и пошёл в сторону дома. — Солнце моё, взгляни на меня. Соскучиться успела?..

Воистину, тяжела жизнь подростка первые пятьдесят лет. Игорь Викторович... Впрочем, нет. Просто — Игорь. Называть этого мальчишку по имени-отчеству язык теперь просто не поворачивается. Он, конечно, и раньше позволял себе дурачиться, но чтобы так...

Началось всё с одежды. После потасовки со "страшным зверем", супруг удалился, чтобы переодеться. Раньше я всегда видела его в классике. Да, порой, очень небрежной, взъерошенной, без галстука, только в рубашке и брюках. Да, он всё равно был похож на мафиози, а то и просто разбойника с большой дороги. И всё же. Классика есть классика.

А тут вдруг джинсы. Потёртые. Сильно, почти до дыр. И кроссовки. Когда-то белые, но теперь... И какая-то морковно-оранжевая рубашка с закатанными рукавами. И всё явно старое, ношеное-переношеное, латаное-перелатаное.

Очнувшись от эстетического шока, я, разумеется, спросила, зачем нужно было так одеваться, и неужели нет ничего попрличней. На что супруг ответил: "Ничего ты не понимаешь, женщина. Это моя молодость". И напевая что-то про то, как хорошо иметь в кармане пачку сигарет, вышел из дома. Пришлось смириться.

На празднике Игорь представил меня сначала хозяевам, а потом и всем, кто подходил к нему здороваться. Народу собралось — целая деревня. Одних только Буровых было человек пятнадцать: хозяин с хозяйкой, их дети и братья-сёстры — многие тоже со своими семьями. А плюс друзья, их супруги, дети...

Это действительно здорово. И... трогательно, что ли. Ведь, как я поняла из рассказов Игоря, почти все живут в разных городах. По всей стране. Одна пара была аж с Камчатки! Но приехали сюда, под Сочи. И ради чего — чтобы отпраздновать первое обращение мальчишки-медведя. Это ж насколько сильная, насколько крепкая дружба!

Семейные узы тоже были не менее прочными. Как сказал Игорь, у Ярослава трое

братьев и две сестры. И шестеро детей — причём, старшему уже двадцать три, он женат и живёт отдельно. Сегодня Буравы собрались в полном составе — и от каждого члена семьи виновник торжества получил какой-то подарок. Даже девочка лет трёх — и та нарисовала двоюродному брату картинку с медведем. Прелесть.

Видимо, собравшиеся ждали только нас — когда с представлениями-знакомствами было покончено, все сразу разделились: мужчины остались во дворе, женщины (ну и я) пошли на кухню — помогать хозяйке. Игорь о чём-то говорил с "Халком", но его жена, увидев это из окна, почему-то сразу же помрачнела и пошла разгонять. Они подчинились — ну, я б тоже не рискнула спорить с такой женщиной! Это меня людской поток в метро может из вагона вынести. А мадам Бурава была под стать мужу — коня на скаку, в горящую избу и так далее. Ну просто Настасья Микулишна, женщина-богатырка.

Потом из дома вынесли столы — аж три штуки! Сидеть хотели на улице — благо, тепло было прям как летом, а от посторонних взглядов защищал высоченный забор, ограждавший участок со всех сторон. И понеслась.

Алкоголя было немеряно, причём весь домашний, не покупной — видать, каждый из гостей привёз что-то с собой. В итоге, чего только на столе ни стояло: от обычного вина до виноградной водки. Была и конченная экзотика вроде настойки из оленьего жира, настоящий рецепт которой "ныне известен лишь единицам". Пили её только мужчины и буквально по паре-тройке рюмок, не больше. Я взяла у Игоря — из любопытства, чисто понюхать. Аж слёзы потекли. Наверно, даже чистый спирт, и тот слабее. Какая-то экстремалка всё-таки захотела попробовать, но соседи не позволили — мол, слишком ядрёно, не для женщин.

В общем, пили много и разное. Однако ж, под стол не сполз никто. Дело ли в самих напитках, в обилии закуски, в том, что за столом сидели дети, или что у оборотней организм слабее реагирует на алкоголь — но именно пьяных не было вообще. Нетрезвые. Захмелевшие. Навеселе. С более громким смехом и повышенной словоохотливостью. Ну и не только.

Чем ярче у супруга загорались глаза, тем чаще я чувствовала на себе его руки. На плечах, на талии. Потом меня угораздило ненадолго отлучиться в туалет. Когда вернулась, сесть на стул уже не вышло — лёгким движением руки Игорь опустил меня себе на колени. Я попыталась отстраниться: всё-таки, неподалёку дети, полно народу, и вообще, что за наглость. На что дражайший супруг усмехнулся и показал руку с обручальным кольцом: "Видишь? Имею право". Тут крыть было нечем.

Когда все напились и наелись, настал черёд разговоров за жизнь. Детей за столом уже не было: кого-то спровадили взрослые, кто-то ушёл сам. Опять началась беготня из дома на улицу и обратно, крики, визг, смех. Коля, виновник торжества (в человеческом облике оказавшийся высоким широкоплечим парнем — пятнадцать не дашь ни за что) тоже за столом не остался. Дарья постоянно оглядывалась, смотрела на сына. Когда тот пропадал из виду дольше, чем на пять минут, что-то тихо говорила мужу, и он вставал из-за стола — видимо на поиски.

Я было хотела спросить у Игоря, в чём дело, зачем настолько жёстко контролировать — ведь парню исполнилось пятнадцать, а не пять. Но не успела. К нам подошла девочка — одна из Буравых, самая младшая. На вид лет десять-одиннадцать, в жёлтом платье, рыженькая, с косичками, весь нос в веснушках. Эдакое маленькое солнышко. Вот только, после её просьбы, меня чуть солнечный удар не хватил, да и супруг поперхнулся. "Дядя Игорь, научи меня стрелять".

Это слышала Дарья (муж в очередной раз ушёл) — тут же начала отчитывать, мол, Катерина, что за дела, мы ведь уже с тобой говорили, и так далее. Игорь, откашлявшись, только спросил, зачем ей это нужно. Ответ — новый "солнечный" удар: "Я буду служить родине. Как папа". Загадочно усмехнувшись, Игорь велел девочке подождать и, усадив меня на стул, поднялся и ушёл в дом. Дарья — следом.

Уж не знаю, как ему это удалось, но по бутылкам из ружья девочка всё-таки постреляла. Сначала, правда, пришлось выслушать долгую лекцию от Ярослава, да и потом ей явно было слишком тяжело и неудобно (подозреваю, на это расчёт и был). Но глаза сияли.

Слава богу, попозже Игорю удалось занять будущую амазонку более подходящим делом: взяв пластиковую бутылку, налил воды и, подойдя к девочке, "выстрелил" в спину. Та аж взвизгнула. Сунув ружьё стоящему рядом отцу, убежала в дом — разумеется, за ещё одной бутылкой.

Что тут началось! В игру мгновенно включились все дети. Буквально через двадцать минут ни на одном ребёнке не осталось ни одной сухой вещи. Моего супруга так вообще можно было выжимать, он даже рубашку снял — всё равно с неё текло.

А потом текло уже с меня — Игорь же не мог просто пройти мимо. Наверно, в ином случае, я бы пофыркала, повозмущалась, но осталась сидеть за столом. Однако полтора бокала ягодного вина, выпитого ещё во время общего застолья, дали о себе знать...

Мы разделились на две команды — девчонки против мальчишек. Кроме Игоря, у них был Коля и ещё двое парней-подростков лет четырнадцати. После меня же, самой старшей была Катя. Но зато нас было больше.

Потом придумывали названия для команд. Они почти сразу выбрали "Мстители". Мы копались дольше. Я, делая скидку на возраст, поначалу предлагала что-то более девчачье, типа "Принцесс". Какие-то девочки вроде согласились, но Катя тут же расфыркалась, мол, ужас-кошмар-сопли. Её название было ещё одним "солнечным" ударом: "Ночные ведьмы". Мол, во время Великой Отечественной так назывался один авиационный полк, состоящий только из женщин. Причём, Катя была настолько довольна своей придумкой, что, не дожидаясь мнения других, крикнула мальчишкам, что это и есть наше название. Понравилось оно далеко не всем девочкам, но я сумела убедить, что этот вариант не так уж и плох, да и вообще, хватит болтать, пора задать мальчишкам жару.

Задали. И мы им, и они нам. Набегались, накричались, насмеялись — всласть. Не веселее всех было мне. Одна и та же история повторялась несколько раз: стоило зайти за дом или просто куда-нибудь подальше от главного "поля боя", как я тут же оказывалась в объятьях Игоря. "Попалась, ведьма". Мы оба мокрые и немного пьяные. Он ещё и полуголый. Прижимал к стене или к забору — и сразу целовал. А я... Такой напор — я даже отказать не могла. Да и не хотела. С Максом всё было совсем по-другому. Абсолютно. Его поцелуи как ягодное вино — ласковые, самую чуточку терпкие, оставляющие сладкое "послевкусие" и мягкое тепло. Быть под губами Игоря... Ох, наверно, схожие чувства я бы испытала, всё-таки хлебнув той настойки — будто бы её пустили по венам вместо крови. По телу волна жара, ноги подкашиваются, вместо мыслей какие-то вспышки-отрывки, как от удара по голове.

Именно тогда, в последний раз за домом, когда Игорь начал запускать руки под кофту, я впервые и ощутила. Пускай не очень сильно, но отчётливо, явно.

Волчицу.

Она всегда была во мне. Всегда, с самого рождения. Я просто не осознавала, какая именно это часть сознания. Потрясающее чувство! Фантастическое! Только теперь я поняла,

что, оказывается, всю свою жизнь носила в душе... будто бы какую-то пустоту, будто бы что-то неопределённое, бесформенное. Я к этому привыкла, причём, настолько, что перестала замечать. Это как иметь посреди двора здоровенный булыжник, который никак нельзя выкопать или сдвинуть — со временем просто-напросто перестаёшь обращать на него внимание. Ну стоит и стоит, есть не просит.

А потом вдруг кто-то говорит тебе, что на самом деле это не просто камень, а древний артефакт. Сразу думаешь — ого! И как же я раньше этого не замечала? Каждый день же смотрела! Ведь действительно, и цвет странный, и форма необычная, и вон там никакие не трещины, а явно надписи...

Вот так и с моим зверем. Сколько жила — не понимала. И вот теперь Игорь раскрыл на него глаза. Помог взглянуть по-другому, помог увидеть.

Она ещё спит. Очень крепко, глубоко.

Но когда-нибудь проснётся.

— Ну как? Понравилось?

Обратно возвращались мы уже вечером. Кроме водяных сражений (к которым потом всё же присоединилось ещё несколько взрослых), было... Ой, чего там только не было! Разомлевшие от хмеля и жары, женщины пели, некоторые даже танцевали. Ударившись в воспоминания, Ярослав травил военные байки, а потом они с Игорем соревновались: сначала в стрельбе, а потом, кто больше раз отожмётся на кулаках. Победила дружба.

— Да, — ответила я с чувством. — Очень душевно. Но Колю мне искренне жаль.

— Чего вдруг?

— Мама уж очень суровая. Заметил? Она каждый шаг контролировала.

На удивление, Игорь кивнул.

— Правильно делала. Видишь, тут всё не так просто. Обратился-то Колька буквально вчера.

— Ну и?

— Крышу сносит.

— А конкретней?

Усмешка.

— Знаешь, я сейчас прям слышу голос твоего папы. Соловьём заливается по поводу гормональной перестройки организма и остальной хе... фигни. Мы — люди простые, по учёному говорить не умеем.

Господи, вот же выпендрёжное создание!

— Ладно, так уж и быть. — А я тоже могу! — Дозволяю говорить, как умеешь.

— Ох, спасибо, моя царица. — Обнял, прижал к себе. Рука тут же легла пониже спины. — Век твою доброту не забуду!

— Ну-у?

— Да я всё сказал уже, на самом-то деле. У недавно обратившихся сносит крышу. Не навсегда, естественно. Так, дня на три-четыре. В самом плохом случае — на неделю. За ними надо постоянно присматривать — себя контролируют очень плохо.

Хм, однако.

— И в чём это выражается? — спросила я уже серьёзной.

Игорь пожал плечами.

— Да по-разному. У кого как. Я вот в своё время бросался на всех подряд. Одного мужика чуть не загрыз.

Ничего себе!

— Почему?

Снова усмехнулся.

— На ногу наступил.

— В смысле?

— В прямом. Наступил на ногу. На улице. Случайно. Еле разняли. Так что Даша права.

Пока дурь в башке не уляжется, за Колькой глаз да глаз нужен. Мало ли что.

Я кивнула. Интересно, у меня также будет? Тоже "снесёт крышу"? Ох, да хоть как-нибудь! Желание быть полноценным оборотнем просто распирало. А ещё благодарность. Она вообще кипела, переливаясь через край. Хотелось что-нибудь сделать для Игоря, что-нибудь очень-очень хорошее. Порадовать.

Остановившись, я обняла его за шею.

— Вот, давно бы так. — Руки легли на талию. — Чего это мы такие ласковые?

— Спасибо, — прошептала я, прижимаясь крепче.

Погладил по голове.

— За что?

— Я... я почувствовала.

— Интригуешь. Что?

— Её. Моего зверя. Ой!

Игорь подхватил меня на руки, снова поцеловал.

— Вот и хорошо. — Улыбнулся. — Значит, и у нас сегодня праздник.

— Но я ведь только почувствовала, а не обратилась...

Посмотрел в глаза.

— Для тебя это важно?

— Очень!

— Значит, праздник.

До самого дома он нёс меня на руках. Я ради приличия немного подёргалась, мол, и сама могу, ноги не отнялись. Но потом просто обнимала, положив голову на плечо. Хорошо. Тепло. Так и уснуть недолго...

Но нет.

— Принесли черти.

Игорь вдруг остановился. И напрягся. Не знаю как, но я почувствовала это даже сквозь дремотный туман.

— А? — Подняв голову, посмотрела на него. Мрачный, ни следа веселья и улыбки. — Ты чего?

Сонливость сняло как рукой.

Игорь не ответил, продолжая смотреть в одну точку. Я огляделась — видно плохо, но вроде ничего такого. Две машины. Дом. На крыльце огонёк — наверно, кто-то курит.

Так, стоп. А кто? Неужели...

— Папочка приехал. — Мрачно усмехнувшись, Игорь опустил меня на землю. — Ладно, пойдём поздороваемся.

Сказать, что встреча была напряжённой — значит вежливо промолчать. Она была наэлектризованной.

Наверно, со стороны всё казалось чинно-благородно. Игорь подошёл к отцу, поздоровался, познакомил со мной. Прикурив от его сигареты, поинтересовался, как тот доехал, как там Кузьмины — и так далее, и тому подобное. Виктор Васильевич отвечал хоть и не подробно, но спокойно. Оба говорили негромко, расслабленно — как бы, между прочим.

Внешне.

А у меня было такое ощущение, словно я нахожусь между двумя бомбами замедленного действия: на первый взгляд, ничего такого, но таймер тикает. И что будет после нуля... Чудится, взрыв. Да такой, что мамин "апокалипсис" по сравнению с ним, просто жалкая хлопушка.

Когда сигареты были докурены, мы пошли в дом. Надежда Дмитриевна хлопотала на кухне — накрывала на стол. Я тут же бросилась помогать, мужчины сели друг напротив друга. Как они, оказывается, похожи! Теперь, когда мы не на тёмном крыльце, а в ярко освещённой комнате, это особенно бросалось в глаза. Рост, сложение, лицо, жгуче-чёрные волосы — ну просто копировать-вставить. Разве что морщин у Виктора Васильевича было всё-таки больше, да кое-какие пряди уже белели сединой. А так, Игорь будто бы смотрел не на своего отца, а на самого себя из будущего. Поразительно.

За ужином беседа продолжилась, только теперь Виктор Васильевич говорил больше со мной. Расспрашивал про учёбу, семью, увлечения — в общем, почти те же самые вопросы, которые задавала и Надежда Дмитриевна. Правда, госпожа Белозерская была приветлива и очень мила, а вот её супруг... В стоматологическом кресле и то комфортней, чем под его взглядом.

Нет, всё-таки они с сыном разные. Очень. И дело даже не столько во внешности, хотя и в ней, если приглядеться, кое-какие отличия имелись. У Виктора Васильевича, например, глаза не просто карие — они чёрные. Кожа более загорелая. Нос с едва заметной горбинкой. Очень густые брови. Короче, на лицо южные корни, которые у Игоря всё-таки не столь заметны.

Но сильнее всего отличалась мимика. Да, сейчас оба Белозерских сидели с угрюмыми физиономиями. Но если младший мог изредка вскинуть бровь или хотя бы дёрнуть уголком губ, то старший будто бы носил каменную маску. Неподвижную. Непроницаемую. Эх, надеюсь, это у Виктора Васильевича только сейчас так. Иначе Надежду Дмитриевну можно искренне пожалеть. Может, у него хотя бы зверь не столь суров?

Покончив с вопросами, старший Белозерский замолчал, сосредоточившись на содержимом тарелки. Мы продолжали пить чай — после застолья у Буровых более плотно ужинать не хотелось. Надежда Дмитриевна поглядывала то на мужа, то на сына. С беспокойством, даже с тревогой. Но молча. Игорь тоже на отца не смотрел — скрестив руки на груди, мрачно разглядывал узор на скатерти, явно пребывая где-то в своих мыслях. Что же между ними произошло? Такое напряжение между отцом и сыном — почему?

— Что с Лёшей? — наконец спросил Виктор Васильевич, тоже наливая себе чая.

Лёша? Какой такой Лёша?

Игорь напрягся ещё сильнее.

— То же самое, — бросил он, по-прежнему не глядя на отца.

Виктор Васильевич, наоборот, смотрел на сына в упор.

— Ты говорил, что ему легче.

— Легче. Было.

— Опять хуже?

— Да.

— Почему?

На пару секунд Игорь замолчал. Рука, лежавшая на спинке моего стула, сжалась в кулак.

— Не знаю.

Виктор Васильевич аж встал. Каменная маска, будто бы закаменела ещё сильнее, но по глазам было видно — он в бешенстве.

— Давай-ка выйдем.

— Нет, — вмешалась Надежда Дмитриевна. Смотрела она по-прежнему с тревогой, но голос был спокоен. — Витя, очень тебя прошу. Сядь.

— Я сам разберусь, Надя, — процедил старший Белозерский, даже не взглянув на жену. — Не вмешивайся.

Теперь окаменел Игорь.

— Бать, ты коней-то придержи. Не с подружкой разговариваешь.

Судя по вспышкам в чёрных глазах, Виктор Васильевич уже был готов "обласкать" сына последними словами, но супруга не позволила.

— Успокойтесь оба. — На этот раз она чуть повысила голос. — Игорь, ты тоже не забывай, с кем говоришь. Витя, сядь. Пожалуйста. У меня уже начинает болеть голова.

— Принести капли? — Может, тебе лечь? — почти одновременно спросили мужчины.

Надежда Дмитриевна покачала головой.

— Нет. Просто не кричите и не ругайтесь. Витя, пожалуйста.

Чуть помедлив, её супруг снова уселся за стол.

— Ты говорил с доктором? — продолжила женщина, глядя на сына. — Почему Лёше опять плохо?

— Потому что лекарство не подействовало, — ответил Игорь, с каждым словом мрачней всё сильнее.

— Но ведь были же улучшения.

— Были. Но Лёхин препарат — экспериментальный. Кольцов предупреждал, что улучшение может быть временным...

Виктор Васильевич перебил.

— Ты позволил брату ввязаться во всё это дерьмо! — прорычал он, сжимая кулаки. — Стать бесовской тварью! А теперь ещё и позволяешь ставить на нём опыты!

— Витя! — Надежда Дмитриевна схватилась за сердце. — Не говори так!

— Другого выхода нет, — отрезал Игорь. Его напряжение я чувствовала уже почти физически. — Все остальные лекарства Илья уже перепробовал. Он — гений медицины. Я ему доверяю.

— Поэтому позволяешь колоть Лёшке всякую дрянь?! — Старший Белозерский снова вскочил. — Я что тебе говорил? О чём просил? Следи за Лёшкой! Он тебе в рот смотрит! Глупостей наделает! А ты по бабам скакал! "Бизнес" свой делал!

Кажется, отсчёт приближается к нулю...

Надежда Дмитриевна снова хотела вмешаться, но сын не позволил.

— Да хоть на луну летал! — Он тоже поднялся. — Теперь-то что с этого? Прошлого не изменишь. Так что кончай мне мозг выносить. Что могу, то делаю.

— Со своими девками так говорить будешь! Щенок!..

Господи, да они сейчас подерутся!

— Кстати, о щенках, — не придумав ничего лучше, брякнула я. Поднявшись, взяла Игоря под руку. — Всегда мечтала. Давай заведём, хорошо?

Оба посмотрели на меня.

— Это тебя родители учили лезть в чужие разговоры? — проскрежетал Виктор Васильевич.

— Витя, капли! — воскликнула (не без лёгкой театральности) Надежда Дмитриевна, откидываясь на спинку стула и прикрывая глаза.

Напоследок смерив сына мрачно-яростным взглядом, старший Белозерский пошёл к холодильнику и достал лекарство. Младшего я потянула прочь из кухни.

— Пошли на улицу, а? Мне душно.

Слава всем богам и демонам, он поддался.

Мы вышли на крыльцо. Поставив локти на перила, Игорь полез в карман за сигаретами. Закурил. Давая ему немного остыть, минут десять я просто стояла рядом и молча смотрела в ночное небо. Но потом всё же решилась:

— Речь шла об отце Маши, да? — Кивнул. — А... а что с ним случилось? Если не хочешь говорить, я всё понимаю. И ни капельки не обижаюсь. Правда.

Вялая усмешка. Струя дыма. Тяжёлый вздох.

— Лёшка хотел стать оборотнем.

Так. А вот с этого момента поподробнее.

— В смысле — стать? А он разве не...

— Нет.

— А родители...

— Тоже. В нашей семье оборотень только один.

Ого!

— А такое вообще возможно? — задала глупый вопрос я. — Ну, в смысле, это же очень необычно, да? Появление оборотня в человеческой семье. Выходит, ты — уникам?

Игорь покачал головой.

— Не. — Докурив очередную сигарету, тут же взялся за следующую. — Не скажу, что очень часто, но такое встречается. Почему? Пёс его знает. До причин даже твой отец не докопался. Ему подсовывали какие-то теории. Перевоз генов, что ли. Ну или как там по-научному. Но он только плевался. Короче, ничего не ясно. Поэтому, таких, как я, просто стараются пристроить в более подходящие семьи.

И тут до меня дошло.

— Папа говорил, что вы росли вместе...

— Да-да. О том и речь. Мне тогда тринадцать стукнуло.

Ушам своим не верю! Хорошенькая система!

— То есть тебя забрали? Вот просто приехали и забрали от родителей? В другую семью?

— Ну да. — Игорь же был совершенно спокоен. Будто бы мы о погоде разговариваем, ей-богу! — Хотя старик Вавилов, помнится, не за этим приезжал. Но я умудрился попасться

ему на глаза. Поговорил с родителями, убедил их. И мы уехали в Питер. А что?

Я в шоке!

— Да ничего такого! Всего лишь детей увозят из семей только потому, что они родились другими! Подумаешь! Мелочи!

Дражайший супруг был всё также невозмутим.

— Не горячись. — Выбросил сигарету, приобнял. — Это вполне разумно...

— Это бесчеловечно!

Как-то странно посмотрел. Снова усмехнулся.

— Бесчеловечно — это когда ты в звериной форме, а рядом девочка. Маленькая такая. Трёхлетняя. Которая очень любит играть с животными. Особенно показывать, где у "собачки" ушки, глазки и хвостик.

Ой...

— Это... это была я, да? — Щёки мои щёки... — Так прогнал бы!

— Прогонишь, как же! Там ещё Кали стояла. И говорила, что, если её сокровище заплачет, мне замотают пасть изолентой и пустят на варежки.

Как же стыдно! Хотя...

Он же мне зубы заговаривает! Опять!

— Мы отвлеклись от темы, — фыркнула я, проглотив смущение. — Нельзя забирать детей у их родителей.

Игорь покачал головой.

— Слушаю твои варианты. Например, я человек. Моя жена тоже. У нас рождается ребёнок. Тринадцать лет он живёт нормально, а потом — раз, и перекидывается. Становится зверем. Обычно это происходит во сне, так что уж от кого-кого, а от родителей не скроешь. Они в ужасе, в шоке. Парень тоже. Что делать?

Я задумалась.

— Можно поговорить с родителями. Разъяснить им всё.

— Хорошо, допустим. Ты успела добраться до меня раньше, чем я отдал ребёнка в какую-нибудь клинику или приют. Ну или потащил в церковь — бывают и такие родители. Допустим, я даже поверил в твои сказки про оборотней. Дальше-то что? Как я, обычный человек, буду учить своего сына ладить со зверем? Как смогу остановить его, если что-то пойдёт не так?

— Ну... ну...

— Ну?

Я думала. Думала. И снова думала. И опять.

— Не может быть, чтобы не было других вариантов! Выход есть всегда. Нужно просто его найти.

Улыбнувшись, Игорь потрепал меня по волосам.

— Эй!

— Ты же у нас умная. Вот и ищи. А я пока прогуляюсь. Идёт?

Козёл.

Фыркнув, я скрестила руки на груди.

— И куда же? Не поздновато ли?

— В самый раз.

С этими словами Игорь... вернулся в дом. А буквально через пару минут на крыльцо вышел волк. Большой, чёрный, с ярко-янтарными глазами. Несколько секунд мы просто

смотрели друг на друга — он явно рисовался, давал собой полюбоваться. Потом подошёл ближе, обнюхал, вильнул хвостом.

— Что, снова хочешь поиграть в ту игру? — ухмыльнулась я, опускаясь на корточки. Страх не было вообще. Абсолютно. — Так, ну и где у собачки глазки?..

Зарывав, волк подобру-поздорову убрался в темноту.

Ещё секунду назад ночную тишину нарушал лишь стрёкот цикад да журчание небольшой речушки неподалёку. Но вот затрещали ветки, и на поляне рядом с дольменом появился медведь. Огромный, бурый, с уже начавшей сесть мордой — глава своей семьи.

Оглядевшись, глубже втянул прохладный ночной воздух — никого. На всякий случай даже обошёл вокруг дольмена — нет, сегодня к месту встречи, куда они бегали ещё мальчишками, пришёл только он.

Зря потраченное время? Вернуться, пока жена не проснулась? А то ж, если узнает — не уймётся. Или нужно просто подождать? Как обычно, до полуночи.

Помедлив, медведь всё же улёгся возле покрытых мхом валунов. Ещё его бабка говорила — не просто камни это. И не на простом месте стоят. Мол, залезешь внутрь и, если повезёт, можно своего зверя услышать. Даже поговорить с ним. Или свихнуться — если не выдержишь. Чего не выдержишь? Что такого в этих глыбах? Ну стоят себе в лесу и стоят. Бабка пыталась объяснить, мол, через эти камни энергия земли течёт, но внук только отмахивался. Брехня всё это. Сказки детские. Правда, Даша и впрямь однажды чего-то там почувствовала, даже просто стоя рядом. Но она тогда уже беременна была — а им всё что угодно пригрезиться может.

"Явился, не запылится!"

На поляну вышел волк. Чёрный, с ярко горящими жёлтыми глазами. Увидев медведя, подошёл ближе и лёг по другую сторону дольмена. Оба зверя затихли, сосредоточились, одновременно расслабляясь. Минута, другая — и с земли встают уже двое мужчин. Высокие, широкоплечие. Только один большой и мощный, как медведь, другой — по-волчьи поджарый.

— Я уж думал, не придёшь, — усмехнулся Ярослав, отряхивая запылившуюся бороду.

— То же самое, — вернул усмешку Белозерский. — Часа два тут ошиваюсь. И жду. Поймёшь-не поймёшь. Вспомнишь-не вспомнишь. Дашка отпустила? Или в самоволку?

Буров покачал головой.

— Мои все спят, так что хорош трепаться. По-быстрому. Чего надо?

Игорь снова усмехнулся. Он прекрасно понимал, что всё раздражение — не более чем маска. Кого-нибудь другого такие фокусы, может, и могли бы одурачить. Но только не Белозерского — уж кто-кто, а он друга знал очень хорошо.

— Твои связи с новой "Сигмой". Это всё, что мне нужно. И Димкина смерть будет не напрасной.

Ярослав хмыкнул.

— Нет у меня никаких связей. Нас тогда расформировали, а кто пришёл вместо — пёс их знает.

— Давай не будем делать из меня идиота, лады? — Усмешка осталась, но взгляд карих глаз похолодел. — Я знаю, что ты пытался отомстить. Их руками. Найти лаборатории и перерезать местных докторов к чертям собачьим.

— Ага! — процедил Буров, мгновенно вскипая. — И твой Вавилов — первый на очереди! Он всю эту кашу заварил!

Игорь покривился.

— Я же тебе говорил... — начал было он, но друг не позволил.

— Один Вавилов создал эти лаборатории, другой в них работал. — Зелёные глаза потемнели. — Там сгинул мой товарищ. Мой подчинённый. И его не просто убили. Из него сделали...

— Я знаю. — Теперь перебил Белозерский. Усмешка исчезла без следа, голос вспарывал ночную тишину. — Слишком хорошо. Поэтому и приехал сюда. Чтобы эти ублюдки больше никого не покалечили. Ты тоже хочешь этого? Так помоги мне.

Ярослав чуть не зарычал.

— Ты породнился с ними! С "этими ублюдками"! Женился на школьнице, чтобы...

— ...чтобы приблизиться к цели. Ещё на шаг. — Взгляды пересеклись. — Думаешь, я поверю, что ты забыл? Смирился? Потому-то Дашка и бесится — знает, что это не так. Мы все прекрасно знаем.

Несколько минут Ярослав сжимал кулаки, тяжело глядя на друга. Игорь молчал. Но взгляд не отводил.

— И что ты собираешься делать? — спросил Буров. Смотрел он всё также мрачно, но говорил уже спокойнее. — Отправить новичков в лаборатории? Пацанов?

— Это они-то пацаны? — Хмыкнув, Белозерский покачал головой. — Видал я, как они действуют, "пацаны" твои. Вам, старичкам, фору дадут только так. Это во-первых. А во-вторых, ты воевал со следствием. Я собираюсь разобраться с причиной.

— Убрать Одинцовых? Губа не дура. Потянешь? Они связи годами копили. А ты — выскочка без роду и племени. Вавиловы не в счёт — эти сами ушли. Или думаешь, подружишься с "Сигмой" — и всё? Думаешь, их будет достаточно?

Игорь снова усмехнулся.

— Спасибо за поддержку, дружище. Ты всегда в меня верил. А если серьёзно — я всё это время тоже не балду пинал. Не "Сигма", так "Альфа". Не "Альфа", так других букв полно.

— Дурья башка, — покачал головой Буров. — В петлю же лезешь. И нечего скалиться — сам всё знаешь ведь.

Игорь продолжал усмехаться.

— Мне обратной дороги нет. — Взгляд оставался неподвижен. — Или я Одинцовых, или они меня.

Ярослав снова замолчал. Смотрел на друга, надеясь отыскать в карих глазах хоть тень сомнения. Тщетно.

"Эх, Волк. Погубишь ведь себя..."

— Хрен с тобой. — Махнул рукой. — С дураками всё равно не спорят. А ты — дурак. Конченный.

— Знаю, Ржавый. Ну так?

— Ладно. Будет тебе "Сигма". Но учти, не сумеешь договориться — вмешиваться не стану. Хоть расстреляют тебя.

— Замётано.

— Хорошо. Командир у них — тварь та ещё...

Всё-таки, юг — это здорово. Всё совсем другое, непривычное, необычное. Природа, дома, люди. И температура. Здесь-то март, как и положено, был весенним месяцем, а не продолжением зимы. А в этом году, по словам Игоря, так вообще летним.

Дражайший супруг мои вещи действительно взял. Всё то, что было в комнате на

Крестовском, то есть, все зимние вещи — другие по-прежнему лежали дома. Футболка (с расчётом носить под кофту) была всего одна — та, в которой я приехала. И, собственно, ходила всё это время. В конце концов, мне уже было противно и стыдно её надевать — запах. Пришлось обращаться к Игорю — просить какую-нибудь его футболку-рубашку.

— Только если больше ничего не будет, — ухмыльнулся этот гад, окидывая меня оценивающим взглядом.

И — величайшее достижение всех времён и народов! — Анечка не покраснела! Ну так, слегка разве что. И смутилась совсем немного. Она наконец-то начала привыкать к пошлости! Ура-ура-ура! Фанфары!

— Тогда ты наденешь платье, — фыркнула я, жутко гордая собой.

Игорь продолжал ухмыляться.

— Не ношу.

— Что поделаешь. Придётся покупать. — Я тоже усмехнулась. Вредно-вредно. — Думаю, тебе пойдёт кремовое. Пышное такое. С кружевами. И стразами. — Вернула ему оценивающий взгляд. — Да, это однозначно твой стиль.

Супруг покачал головой.

— Ну ладно-ладно, язвочка. Пошли-ка.

— Куда?

— Покупать.

Вначале я по наивности думала, что он пошутил. Угу, как же! В Волконке магазин одежды всего один, но футболки там были. А мне, собственно, больше ничего и не надо. Но не-ет, кое-кому не успокоиться! Кое-кто повёз меня обратно в Лазаревское! Купили и футболку, и юбок, и всяких кофточек — на несколько человек хватит. Я говорила, что мне столько не надо, что дома летних вещей полно, и вообще, зачем выкидывать деньги на ветер. Игорь только отмахивался, приказывал выбирать и грозился, что иначе выберет сам. Прикинув, что именно он может выбрать, и сколько машин возле меня остановится, если в таком виде выйти ночью на трассу, я подчинилась.

Но и этого Игорю было мало. Он искал то платье! Я пыталась отговорить — без толку. Это существо гнусно ухмылялось и заявляло, что не вернётся домой, пока не найдёт. И нашло же! Мы обошли, наверно, всё Лазаревское, и в магазине вечерних платьев — о чудо! Вернее — чудовищно. Господи, кто, ну кто может надеть... такое?! Не кремовое, но нежно-розовое, пышное. С кружевами, со стразами — в общем, всё как я описывала. Правда, длиной ладони на полторы выше колена. И без рукавов, даже без лямок. Но зато с корсетом. И декольте. Ну точно на трассу можно.

От примерки я отбрыкивалась, как могла. Существо, по какой-то непонятной причине имеющее не козлий, а человеческий облик, настаивало.

— Иначе я помогу, — приобняв за талию, негромко усмехнулся Игорь, глядя мне в глаза. — Пойдём в примерочную вместе. Хочешь?

Анечка начала привыкать к пошлости? Кто сказал такую глупость?

— Не смей! — прошипела я, надеясь, что продавщица не услышит всё это безобразие. — Здесь люди!

Игорь наклонился ниже, к самому уху.

— В кабинке будем только мы.

У-у-у!!!

— Ладно! — позорно завизжала я. — Хорошо! Померяю! Извращенец!

Схватив это чёртово платье, зашла в примерочную. Потом зашла продавщица — помочь застегнуть корсет, благо он был на молнии. Потом я стояла перед зеркалом и смотрела на себя. Девочка-нимфеточка. Ещё чулки в сеточку, каблук повыше, накладные ресницы-опахала и чупа-чупс — Гумберт бы слюной изошёл. Как и, наверно любой мужчина.

Хм. А если... Нет, я так не смогу. Может, мама смогла бы. Но не я. Впрочем... а что такого? Смущаться уже поднадоело. Муж ведь? Муж. Хотел, чтобы я это надела? Так пусть получает! Осталось набраться храбрости...

— Однозначно твой стиль, — с довольной ухмылкой протянул Игорь, когда я вышла из примерочной.

Тут же захотелось прыгнуть обратно и задёрнуть шторку. Но я сдержалась. Нет уж, милый. Нет. Хватит. Главное, чтобы больше покупателей не было. И не замечать продавщицу. Мы вдвоём. Больше никого.

— Да? — Я заставила себя улыбнуться. — Тебе нравится?

Снова оценивающий взгляд.

Давай-давай. Смотри.

— Хороша.

Глаза-то загорелись. Или я просто раньше не замечала?

Внутри боролись два истовых желания. С одной стороны, хотелось спрятаться, быстренько переодеться и забыть об этом дурацком платье, как о страшном сне. А с другой... словно какой-то внутренний голос шептал: "Что, нравится? А, волк? Хотел — получи! Ты у меня с ума сойдёшь! Выть будешь! Руки лизать! На другую даже не посмотришь!"

Плюнув на всё, я поддалась. Да, потом всё равно буду вспоминать и краснеть. Ну и ладно. Плевать! Отпустить поводок. Хоть раз в жизни!

Кроме одежды, в магазине продавалась ещё и обувь — в основном, туфли. Я подошла к полкам. Хочу чёрные. Лаковые. На шпильке. Такие нашлись в самом низу, в полуметре от пола. Ещё лучше. В ином случае, даже будучи в джинсах или брюках, я бы непременно присела. Но сейчас...

Обернулась. Игорь наблюдал.

"Смотри-смотри, муженёк"

Не спеша нагнулась. Секунд десять разглядывала туфли. Взяла, также неспешно выпрямилась. Надела, прошла туда-сюда.

Взгляд чувствовался всем телом.

— Так лучше, правда же? — вкрадчиво поинтересовалась я, подходя к Игорю.

— Не то слово.

Вроде, его обычная усмешка. Но взгляд...

"Так тебе и надо волк. Нравится, да? Нравится?"

Руки было легли на талию, но чёрта с два.

— Фу, — разыграла каприз я, отходя на пару шагов. — Дурацкие туфли. Хочу другие.

— Тебе помочь?

Встав рядом, Игорь опустил на корточки, ладонь тут же легла мне на колено. Я снова отошла.

— Сама справлюсь. Жди.

Посмотрела на него, очень насмешливо. Глаза сверкают. Что такое, милый? Начинаешь злиться? То ли ещё будет!

Чувствовала я себя просто восхитительно. Окрылённая этим мстительно-шалльным восторгом, я померила ещё несколько платьев. Тоже коротких, без рукавов и с глубоким декольте. И с молнией сзади. Только на этот раз помогала мне уже не продавщица.

— Ты здесь не за этим, — усмехнулась я, чувствуя руки на талии и губы на плече.

— А зачем?

Ладонь скользнула по голой спине.

Так. Вот это уже хуже...

— Молнию застегнуть.

— Успеется.

Губы на шее. Я шагнула вперёд — Игорь следом. Больше отходить было некуда — кабинка кончилась. В итоге, он прижимал меня к зеркалу. Плотно. Очень.

— Эй! Ты что творишь? Мы в магазине!

Усмешка на ухо.

— Теперь ты об этом вспомнила?

Ладони на спине, боках. Горячие. Или это мне вдруг стало жарко?..

— Ты... ты сам виноват!

— Ты тоже. — Губы снова на шее. Ох... — Нечего меня дразнить.

Я хотела ответить — и не могла. Просто стояла и... позволяла. Игорь пользовался. Гладил. Целовал. Шею, плечи, спину.

Во мне будто бы что-то было. Снова она. Волчица. Спит. А теперь будто бы шевельнулась во сне. Будто бы почувствовала присутствие. Другого. Его. Это будоражило. Будило. Пьянило.

Повернулась к нему. Обняла. Дурацкая тряпка, прочь её. Губы. Целовать, целовать, целовать! Просить. Сейчас! Сделай! До конца. Пожалуйста...

— Аня.

Оторвался. Голос тихий, хриплый. Нет, нет, ещё... Ты же хочешь. Я чувствую. И он. Твой волк. Её. Она спит. Разбуди... умоляю...

— Ань. Ты меня слышишь? Не надо. Не сейчас. Это должно произойти само. Не так резко. Аня.

Отстранившись, Игорь поднял платье. Колени задрожали, я чуть не упала. Он обнял, начал гладить по голове. Успокаивал. Я тоже обняла, уткнулась лицом в плечо. Расплакалась. Не от обиды, не от злости, не от боли. Нет. Просто... На эти несколько минут я будто бы раскрыла... Душу? Не знаю. Не совсем. Что-то очень... личное, что ли. Сокровенное. Что до этого видела и чувствовала только я одна и больше никто. Даже мама с папой. Даже Макс. А Игорь... Он не только увидел. Он... почувствовал? Коснулся? Проник? В то самое, только моё. Не полностью, слава богу. Не целиком. Ох, если бы целиком, это бы меня морально убило!

Волчица всё ещё спит. И слава богу. Игорь её как бы погладил, но не разбудил. Она поворочалась и снова затихла. На время. Сон становится всё менее и менее глубоким — я чувствую. Ох-ох-ох, что же будет...

Потом мы поехали домой. Виктор Васильевич, правда, тоже там был, но мы сразу ушли в нашу комнату, поэтому обошлось без скандала. Я тут же легла. Игорь тоже, обнял.

— Если опять её почувствуешь — говори. Обязательно.

— Нет, она спит... — Я прижалась крепче. Такая... уязвимость. Беззащитность. — Не уходи...

Одиночества я бы сейчас не вынесла.

Мы просто лежали. Молча. Игорь гладил меня по волосам, а я... я будто бы... чувствовала его. То, что он сейчас испытывает. О чём-то думает. Какая-то тревога, беспокойство. Озабоченность. Какая-то тяжесть. Привычная. Постоянная. Мрачная. Он будто бы живёт с ней очень-очень давно. Печаль. Тоска. Боль.

— Прости... — Снова слёзы. — Я... если бы я знала... я бы так не поступила... я не хотела...

— Успокойся. — Голос спокойный, твёрдый. Но это же маска... — Всё нормально. Главное, что мы вовремя остановились.

— Ты... но тебе же плохо... я чувствую... прости, прости...

Я разрыдалась.

— Аня. — Игорь поднял моё лицо за подбородок. — Со мной всё хорошо, слышишь? Как ты себя чувствуешь?

— Нет!.. — Хотелось выть. — Пожалуйста, не обманывай меня!.. Что с тобой? Тебя что-то гложет, да? Что-то мучает. Это из-за меня?

Во взгляде появилось удивление.

— С чего ты взяла?

— Не знаю. — Я обняла крепче. — Просто... почувствовала, что ли. Это не так? Ошибка?

Игорь покачал головой.

— Давай не будем. Тебе нужно успокоиться и отдохнуть.

— Нет. — Я заглянула в глаза. — Прошу тебя. Расскажи. Я не смогу успокоиться.

Пожалуйста.

Он молчал. Достал из кармана сигареты. Хмыкнул. Убрал.

— Лёху вспомнил. — Стекланный взгляд в потолок. — Уж не знаю, почему.

— Из-за Виктора Васильевича?

— Да пёс его знает. Может. У него все разговоры про это.

— Про Лёшу?

Хмыкнул.

— Про то, какой из меня хреновый старший брат. Не уберёт, позволил стать монстром. А теперь ещё и не могу вылечить. Ублюдох, короче.

Боль, сколько же боли... Он тоже так считает. Верит в это.

Я приподнялась на локтях.

— Разве ты виноват? — Желание утешить, успокоить эту боль. Чтобы не страдал, не мучился. Сильнейшее. Просто захлестнуло. — Разве это был не его выбор?

Взгляд по-прежнему стекланный.

— Сложно сказать. Лёха постоянно на меня ровнялся. Мелкими были — всегда вместе. И батя вечно твердил одно и то же. Он сам был старшим, вот и мне мозг полоскал. Следи, оберегай, защищай.

— Так что произошло? Почему?

Вздыхнул. Молча. Нет, больше настаивать не стану — слишком уж много боли. Как ядовитая игла в сердце, в душе. А тут ещё глупая Аня со своими порывами...

— Я говорил, всегда вместе были. — Поднялся, снова достал сигареты. Подошёл к окну, открыл. Закурил. — Потом я перекидываться начал. Родители голову ломали, как быть, а Лёха говорил, что тоже так хочет. — Вымученная усмешка. — Потом меня в Питер забрали.

Дед твой. Часто домой возвращаться не получалось. Батя тоже не мог Лёху возить — дорого и долго. Виделись редко. Скучали. Как приеду — радости полные штаны. Каждый раз просил перекинуться. И его научить. А я б и хотел, да как тут научишь? Короче, жили так. Лет десять наверно. Плюс-минус.

Докурив, взял другую сигарету.

— Я вкалывал, деньги появились. Хотел своих в Питер перетащить — батя с мамой отказались. А Лёха-то впереди поезда бежал. Ему эта деревня хуже горькой редьки была уже. Приехал. Обжился. И всё грезил, как бы оборотнем стать. С обычными девицами не встречался — ему волчицу подавай. Подцепил одну. Вся из себя чистокровная в десятом колене. Дрянь та ещё. А Лёха с неё пылинки сдувал, идиот. Влюбился типа. По пьяни сделали Машку. Эта сука хотела аборт делать, он уговорил рожать. Жениться хотел. А она родила и свалила. Мол, полукровки ей не нужны, а он вообще вошь поганая. Убивался, придурок. Долго. Я пытался его отвлечь, да где там. А потом на ребят Одинцова наткнулся. Ну или они на него, хрен знает. Там как раз одна программа была. Якобы помощи. Её Мишка основал — хотел изучать оборотней, чтобы людям помогать. Болезни лечить и всё такое. Все подопытные — сугубо добровольцы. Это ж Миша. Он часть своих зелий вообще на себе испытывал. У Одинцова свои планы были. Тогда ещё Леонид был, отец нынешнего. Он твоему батюшке поддакивал, спонсировал. Да, мол, давай. Изменим мир к лучшему. Мишка летал как на крыльях. Верил. Искренне.

Третью.

— Доизучался до того, что нашёл возможность какой-то там манипуляции с какими-то генами. Или клетками, не помню уже. Мол, для оборотней они очень важные, но их можно менять. Вплоть до того, что вообще зверя заблокировать. Или усилить. А если людям пересадить или там перелить, можно любую болезнь вылечить. Хоть рак, хоть паралич. Панацея, короче. Ну, так поначалу думали. А потом побочные эффекты полезли. Несколько человек умерло, но это ещё полбеды. Двое сумели перекинуться. Один почти полностью, второй — наполовину. На изнанку его вывернуло. Первому тоже не поздоровилось. Перекинуться-то перекинулся, но сразу диким стал. Это оборотни, которых перемкнуло. Крышу снесло. И обратно уже никак. Был скандал. Еле замяли. Мишка убивался, сказал, что больше этим заниматься не может. Одинцов его пытался уговорить — не вышло. Программку закрыли. Ну, мы все так думали. А этот ублюдок не унялся. Нанял каких-то своих учёных, они продолжили Мишкины разработки. И плевать уже, сколько народу пострадает. Что людей, что оборотней. Только им добровольцы нужны были. Вот Лёха и вызвался. Хотя знал же. Всё знал, я всё ему рассказывал. Так хрен! Одержим был. Оборотнем стать. И стал, мать его.

Четвёртую.

— Мне наврал, что к родителям поехал. Я, как дурак, поверил. Хорошо мать через три дня позвонила, мол, как вы там. Она и сказала, что Лёха не приезжал. Мы с твоим отцом весь Питер облазили. Искали, искали. Я всех его знакомых обзвонил, даже этой сучке его. Нету. Потом сам нас нашёл. Не знаю, как вырвался. Ночью. Возвращался домой — слышу, воеет кто-то в подворотне. И сразу чувство такое... родное. И жуть. Подошёл. Псина какая-то. Взъерошенная, облезлая, в крови. Скулит. Подполз, руки лижет. А глаза Лёхины.

Замолчал.

Всё это время я слушала, затаив дыхание и не смея перебивать. Каждое слово, каждое его слово было пропитано тоской и едкой болью. Чудовищная помесь из чего-то светлого и

тёплого, сильнейшего чувства вины, сдавленной ярости и чёрной подсердечной злобы.

Встав, я подошла к Игорю. Обняла, прижалась. Так хотелось его пожалеть, утешить, освободить от этого груза. Ну или хотя бы сделать его не таким тяжёлым и мучительным. Снова слёзы.

— Всё будет хорошо, — дрожащим голосом выдавила я, не в силах придумать ничего лучше.

Несколько секунд Игорь молчал, продолжая смотреть в окно стеклянным взглядом. Потом будто встряхнулся, посмотрел на меня.

— Конечно будет. — Улыбнулся, провёл ладонью по щеке, вытирая слёзы. — Как же иначе. Слушай, может, вернёмся за тем платьем?

Я хотела фыркнуть и закатить глаза, но вместо этого тоже получилась улыбка.

Всё обязательно будет хорошо.

Ночь. Лес. Небо. Луна.

Снова этот зов.

Ближе. Ближе. Так близко, что хочется...

И всё. Вдруг снова тишина.

Нет! Не смей!

Беспокойство осталось. Томит.

Бежать, бежать, бежать!

Догнать! Найти!

Но тьма слишком густая.

Пустота.

Только лес и луна.

Беспомощность.

И далёкий зов на самой границе сознания и слуха.

После всего случившегося чувствовала я себя странно. Рассказ Игоря... Ох, малейшее напоминание, и сразу наворачивались слёзы. Будто ножом по сердцу. Игоря, его брата, Надежду Дмитриевну и Виктора Васильевича — всех очень-очень жалко. Я чувствовала себя Марианной Дэшвуд — этому чувству хотелось отдаться полностью, упиться им. Надеть Игорю терновый венец мученика, поставить на пьедестал и жалеть, жалеть, жалеть. Ведь он столько страдал! И до сих пор страдает. Это ужасно, просто чудовищно! Одинцов — конченный монстр!

И всё же...

Включалась логика. Во мне будто бы говорила Элинора Дэшвуд — спокойная и рассудительная, она пыталась смотреть непредвзято и задавала вопросы. Я чувствовала себя конченной стервой и циничной дрянью, но заставить её замолчать не получалось.

Да, Алексей пострадал из-за Одинцова. Леонида Одинцова. Александр-то тут причём? Он должен отвечать за поступки отца? С какой стати? Понимает ли это Игорь? Наверняка. Не может не понимать, это напрашивается. Другой вопрос — хочет ли? Видимо, нет. Видимо, рана настолько глубокая, что боль затмевает рассудок. Можно ли его понять? Безусловно! Можно ли считать эти чувства достаточно веской причиной для мести, в общем-то, невиновному?

Ох, нет. Нет-нет-нет. Не хочу об этом думать. Кто я такая, чтобы судить? И вообще, что мне известно о мире оборотней? Да ничего! Наверняка и у Александра есть свои скелеты в шкафу. У кого их нет? Может, у него вообще руки по локоть в крови! А что, почему бы и нет? Ведь, по сути, это политика. А она никогда не была чистой и возвышенной.

Но тогда и Игорь...

Нет уж! Не буду в этом копать!

Следующие несколько дней мы просто гуляли — на улице солнышко, тепло. Почему бы и не пройтись? Особенно учитывая, что Виктор Васильевич, наоборот, из дома выходил редко, и они с сыном умудрялись поскандалить даже просто столкнувшись в коридоре. Я видела, что Игорю всё это было в тягость, поэтому каждое утро тащила его... да куда угодно, лишь бы подальше от старшего Белозерского.

Море мне уже наскучило, поэтому сегодня был лес. Он здесь такой живописный! Выпирающие из-под земли корни, покрытые мхом валуны, бегущая по камням речушка — хоть садись и рисуй иллюстрации к сказкам.

Возле речки мы и встретили стайку девчонок. Катеньку я узнала сразу — это солнышко-с-ружьём забыть сложно. Остальных тоже помнила по застолью у Буровых. Только они нас увидели, сразу подбежали — мол, дядя Игорь, мы в прятки играем, давай с нами.

— Только если жена отпустит, — усмехнулся он.

И посмотрел на меня.

— Ты последнее время ведёшь себя просто отвратительно, — с демонстративной строгостью протянула я, качая головой. Такой случай повыпендриваться! — Так что даже не знаю, стоит ли...

Во взгляде Игоря читалось: "Ну ничего, я тебе припомню, зараза". А вот одна из девочек, самая младшая, приняла всё за чистую монету:

— Тётя Аня, ну пожалуйста! Он будет хорошо себя вести. И... и вы тоже можете с нами

играть. — Она оглянулась на подруг. — Правда?

Те закивали. Господи, какая прелесть!

— Ну что, тётя Аня? — Рука Игоря легла мне на талию. — Будем играть?

Вроде, слова милые, но он так их сказал... так посмотрел... Как будто игры имелись в виду ролевые, ей-богу! Вот сейчас я соглашусь, он похабно усмехнётся и выдаст мне костюм сексуальной медсестры. Кошмар!

— Так уж и быть, — фыркнула я. А потом коварно улыбнулась и ткнула его в плечо. — Чур, ты водишь! Бежим!

Дважды повторять не пришлось — девчонки с хихиканьем брызнули кто куда. Ну и я тоже на месте не осталась!

— Считаю до десяти! — крикнул вслед Игорь. — Раз...

Времени было немного, поэтому шибко далеко нам убежать не удалось. Ну а лично я и не пыталась — места всё-таки незнакомые. Так, побродила-покружила, больше пейзажем любовалась, чем искала место, чтобы спрятаться. Снова вышла к речке — и увидела Игоря. Сидя на корточках возле пня, он что-то рассматривал на землистом берегу.

Поначалу я хотела окликнуть. Но передумала. Он ко мне спиной, значит видеть не должен...

Стараясь не шуметь и внимательно глядя себе под ноги, я подкралась и...

— Эй! Так не честно! — ...тут же оказалась в руках Игоря. — Ты меня видел?

Он усмехнулся.

— Слышал. Теперь водить тебе.

— Ну и ладно. А чего ты там смотрел?

Я хотела подойти к берегу, но Игорь быстро развернул меня к нему спиной.

— Лягушку давленую. Уверена, что хочешь?

— Фу-у! Пошли отсюда!

Балбес, а. Ну совершеннейший мальчишка. Хотя о чём это я! Не впервой ведь.

После игр всем захотелось пить, и мы дружной толпой пошли в магазин. Я предложила купить воды, но Катя заявила, что хочет кока-колу.

— А что, мама разрешает? — поинтересовался Игорь. — Помнится, ей всё это не нравится.

Девочка широко улыбнулась.

— Она передумала.

А глаза хитрые-хитрые!

— Да ну?

— Ну да.

— Может, позвонить ей? И спросить?

— Нет! — Тактика мгновенно сменилась. — Дядя Игорь, ну пожалуйста! Один разик можно! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Обняла за пояс, смотрит снизу вверх. Вся такая хорошая и милая, девочка-цветочек. Хех, я в её возрасте тоже этими уловками пользовалась. С мамой сработало буквально раза три-четыре. С папой — регулярно, главное, чтобы только мы вдвоём были. Конечно, сначала он весь такой строгий и непреклонный — нет, нельзя конфету, она испортит аппетит. А потом посмотрит в большие щенячьи глаза, послушает эти "папочка-ну-пожалуйста-ну-я-очень-хочу-ну-всего-одну", вздохнёт. И купит всё, что ни попросишь. А мама потом его убить готова, потому что дочь наелась сладостей, и суп ей теперь до лампочки.

Игорь оказался таким же. Я, как и хотела, ограничилась бутылкой воды, а вот девчонки оторвались по полной, раскрутив его и на лимонад, и на мороженое, и на чипсы, и ещё на кучу вкусной гадости.

— Ну теперь ясно, почему Маша выросла такой несносной, — усмехнулась я, когда мы уже шли домой вечером. — Её ты также баловал?

Игорь отмахнулся.

— Да брось. Я ж не родители, чтобы воспитывать. Добрые дяди на то и нужны. Чтобы покупать всякую фигню, которую запрещают папа с мамой.

— Угу-угу. Ты просто растаял и не смог отказать.

— Ну... ну да. Будущие женщины. Все вы такие.

Я покачала головой.

— Просто из тебя воспитатель так себе.

Усмешка.

— А что, ты уже хочешь детей, милая?

— Не-не-не! Мне ещё маленькая, мне рано.

— Ну, моих родителей возраст не остановил.

Хм, любопытно.

— И сколько им было, когда ты родился?

— Маме... вроде, семнадцать. Да.

Ничего себе!

— А... а папе?

Усмешка Игоря стала шире.

— Какие варианты?

— Ну... восемнадцать?

— Мимо. Бери выше.

— Двадцать?

— Ещё.

— Господи. Двадцать пять?

— Почти. Тридцать.

Я аж остановилась.

— Ты серьёзно?! Она была школьницей, а он — уже взрослым мужчиной?!

Игорь как-то странно на меня посмотрел.

— Ага. Ничего не напоминает?

Н-да, неожиданно. То-то Надежда Дмитриевна так молодо выглядит. Ей, получается, даже шестидесяти нет! Обалдеть.

— И... и как у них с семейной жизнью?

— Как видишь. Душа в душу, все дела.

Хм. Нет, странно это всё-таки.

— А можно бестактный вопрос?

— Валяй.

— Что он в ней нашёл? Тогда, когда ему тридцать, а ей семнадцать.

Игорь зачем-то смерил меня оценивающим взглядом.

— А что мужчина находит в женщине? В первую очередь? Фигурка, личико. Молодость. Лепи что хочешь.

— И всё? — не сдержавшись, вскинула бровь я.

— Нет, конечно. Да там много чего. У бати дед грузином был. Женился на пятнадцатилетней. Ну и сам он сколько-то лет там рос. Жили в деревне, считай, кланом. Здесь дом тоже строился с расчётом на большую семью, кстати. — Игорь достал сигареты. Взгляд начал стекленеть. — Чтобы мы с Лёхой женились и переехали сюда. Его грузинская мечта.

Несколько секунд я молчала, прикидывая, стоит ли продолжать этот разговор.

— То есть... он разочарован?

Ещё немного. Чуть-чуть. А то я ведь совсем ничего не знаю.

Игорь хмыкнул.

— Да пёс его знает. Может и разочарован. Мне плевать уже.

Я покачала головой.

— Не говори так.

— Это правда. Мне его ожидания уже осточертели. — Он снова надел усмешку. — И вообще. Мы говорили о том, чем хороши молоденькие девушки.

...Вечером снова был скандал.

Через пару дней Буровы и Белозерские отправились в Сочи. Ярослав с женой повезли детей в океанариум — маленькая Леночка донимала родителей уже целый месяц. Игорь хотел развеяться, а заодно чтобы Аня отдохнула от его "общения" с Виктором Васильевичем.

Но не только.

Пока дети, прильнув к стеклу, разглядывали подводную живность, а Аня с Дарьей кормили карпов кои, Игорь отвёл друга в сторону и рассказал о своей недавней находке.

— ...Ты уверен? — нахмурился Ярослав. — Может, кто из пацанов баловался?

Белозерский покачал головой.

— Вряд ли. Четыре следа разных зверей. В идеально ровном круге. И не где-нибудь на дороге, а возле реки, на мягкой земле. Смогут пацаны такое сделать?

Ярослав промолчал.

— Что здесь забыла Сигма? — подождав минуту, спросил Игорь, внимательно глядя на друга. — Ты их позвал?

— Дурак, что ли? — тут же вскинулся Буров. — Это тебе не болонки: позови — придут.

— И как тогда?

— Ты сам просил Сигму. Я только поднял пару старых знакомцев, чтобы узнать, что у них там сейчас творится. По твоей же просьбе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я-то просил. Но за каким бесом их понесло сюда?

Ярослав снова замолчал. Белозерский тоже, продолжая внимательно смотреть на друга.

— Помнишь, что я говорил про их главного? — проговорил Буров мрачно.

Игорь усмехнулся.

— А то. Пафосный ублюдок, или как ты там его.

— С него станется так развлекаться.

— Так — это как? В загадки играть?

Ярослав только сильнее мрачнел.

— Что-то типа. Не знаю, как его вообще в отряд взяли. Да ещё командиром. Говорят... — Быстрый взгляд на друга. — Говорят, он из пробирки.

Теперь помрачнел и Белозерский.

— Не удивлюсь. Небось, и мозгами там же тронулся. Ну или добрые доктора промыли.

Несколько мгновений они оба молчали, глядя на жён.

— Слушай, — первым встрепенулся Игорь. — Если что, мои к тебе придут, ладно? Ну, чтоб не подставляться лишний раз.

Ярослав вскинул бровь.

— Подставляться? Чего опять в твою дурную башку стукнуло? О родителях подумай! О жене!

Но Игорь только отмахнулся.

— Поэтому к тебе их и сплавлю. Ваш форт Нокс никто не возьмёт.

— А ты сам? — продолжал напирать Буров. — Решил играть по его правилам?

— Посмотрим. Сначала выясню побольше.

Ярослав аж сплюнул.

— Дурак. Дураком родился...

— ...дураком и помру, — перебил Белозерский почти весело. — Слав, мне от тебя нужно только моих подстраховать. Большого не прошу.

Молча смерив друга тяжёлым взглядом, Буров пошёл к жене.

Вот кто бы мог подумать, что всё выйдет именно так. Тогда, в поезде, я была уверена, что убью эту сволочь. А теперь... Казалось бы, и времени-то прошло всего ничего, однако же... По-другому. Всё. Чувства к нему, ощущение себя. Волчицы. Да, по-прежнему спящей, но уже не так крепко. То и дело появляется чувство... такое странное, эдакое ноющее ожидание, напряжение... Особенно, под взглядом Игоря, когда сквозь карие глаза проглядывают жёлтые. Не в буквальном смысле, конечно. Скорее, дело в... связи, что ли. Может, это всего лишь моё воображение, но я его чувствую. Вернее даже их — человека и зверя. Интересно, а он меня чувствует? Хотелось бы. Очень. Вот только, как моя волчица поведёт себя, когда проснётся? А его волк? А если они друг другу не понравятся? Волки ж однолюбы, выбирают раз и навсегда. Хотя странно: у Игоря столько женщин было, наверняка и волчицы тоже. Неужели ни одна не понравилась? В конце концов, он с моей мамой встречался! Уж если она его волку не подошла, то что говорить про меня?

Мама... Я всегда считала её эталоном, идеалом. Недостижимым, ибо, даже если мы похожи внешне, то по характеру разные, как тропики и пустыня. Всю свою жизнь я принимала это как должное, и просто восхищалась ею. Но теперь, при одной только мысли о том, что Игорь нас сравнивает, от осознания того, что я проигрываю по всем статьям...

Горько. Обидно. Задевает.

Что Игорю какая-то там девчонка, когда ему может принадлежать любая женщина? Любая. Даже самая красивая, пылкая и эффектная. Сколько бы ни было у неё поклонников, а всё равно. Игорь явно из той породы людей, которые, если чего-то захотят, обязательно этого добьются, даже если придётся идти по головам.

И чем я для него стану, в итоге? Балластом?

Эх, скорей бы волчица проснулась! А то все эти догадки... Надоело. Мучительно. Не хочу чувствовать себя ничтожеством. Даже если так оно и есть.

— Ну и куда его черти понесли?

Обратно в Волконку мы вернулись под вечер. Солнце уже село, темнота кромешная — видны только фонари у домов да светящиеся окна. Во всяком случае, мне.

— В смысле? — спросила я, когда Игорь выруливал на участок. — Кого?

— Батю. На этом ведре только он и ездит.

Я пригляделась — да, и впрямь, стареньких "жигулей" на участке уже не было.

— Где он? — спросил Игорь у Надежды Дмитриевны, когда мы зашли в дом. — Опять на охоту?

Та покачала головой.

— Андрюша Осипов позвонил. Хочет проводку в доме менять, вот и попросил Витю подсобить...

— Осипов? — перебил Игорь, мрачней. С чего вдруг? — Это который живёт в еб... у чёрта на рогах?

Женщина только развела руками.

— Сказал, что нужны деньги.

Игорь на неё так посмотрел...

— Мам, ты серьёзно? Ладно он, баран старый. Но ты-то! Почему мне не сказала? И вообще, какого хрена этот ваш Андрюша дёргает старика? Если уж так надо, сам бы за ним и приехал тогда!

— Ты знаешь своего отца. — Надежда Дмитриевна оставалась совершенно спокойной. — Если решил — всё, с места не сдвинешь. — Внимательно посмотрела на сына, нахмурилась. — Почему ты сердисься? Что-то случилось?

Я тоже перевела взгляд на супруга.

Да, хороший вопрос. Странная какая-то вспышка. Уж больно резкая. И напряжение. Сильное. Подозрительно. Хотя... Отец же. Дражайший супруг может кривляться сколько угодно, но я видела уже достаточно, чтобы понять, как много для него значат родители и их мнение.

— Ничего, — отмахнулся Игорь. Уже спокойней, но всё ещё ворчливо. — Просто подбешивает. А если по пути эта рухлядь заглохнет? Вытаскивать Андрюша будет? — Хмыкнул. — Но зато мне каждый раз мозги промываются. Какой я ублюдок, сволочь безответственная. Думаю только о себе.

— Старость не радость, да? — не сдержала шпильку я.

Ну правда! Вот стоит и бухтит, бухтит, бухтит. Пень трухлявый.

— А то, — не распознав, кивнул супруг. — Маразм уже пошёл. Давно.

Переглянувшись, мы с Надеждой Дмитриевной одновременно рассмеялись.

— Ах ты ж... — Игорь тоже усмехнулся, взгляд обещал "ну ничего-ничего, я до тебя ещё доберусь". — Язва. Вся в мать.

— Тогда ты — в отца.

Фыркнул.

— Ха, ещё чего! У меня мозги пока на месте. — Махнул рукой. — Ладно, пёс с ним. Хочет приключений на свою... старость — пускай катится. Хоть к Осипову, хоть к чертям собачьим.

На том и порешили.

Вернее, мне так казалось...

Не знаю, почему я вдруг проснулась. По-прежнему темно, никаких посторонних звуков. Жажда не мучила, в туалет не хотелось. И тем не менее.

Игоря не было.

Поднявшись, я вышла из комнаты — на кухне горел свет.

— Ты чего?

Полностью одетый, супруг сидел за столом и что-то писал на бумажке.

— А ты? — Подойдя ближе, опустила взгляд. "Скоро буду. Если что, звоните. Придёт

Слава...". — Поедешь за Виктором Васильевичем?

Невесело усмехнувшись, Игорь кивнул.

— Не верю я его драндулету. Связь по пути хреновая — не дозвонишься. А Андрюша трубочку не берёт, придурок. — Вздохнув, покачал головой. — Чёрт старый. Скоро восьмой десяток разменяет, а до сих пор не угомонится. Шило в заднице.

Я улыбнулась.

— Вы правда похожи. Очень.

Он, разумеется, фыркнул, но такое чувство, что уже просто по привычке.

— Может быть. — Вдруг усмехнулся. — Должны же и у меня быть хоть какие-то недостатки, верно?

Не сдержавшись, я закатила глаза. Белозерский, такой Белозерский. Он не был бы собой, если бы не ляпнул что-нибудь эдакое.

— Ты надолго?

— Не. На пару дней максимум. Догоню батю, подожду, когда он наиграется в электрика, и обратно. — Посмотрел на меня, улыбнулся. — Отпустишь, жёнушка?

Тоже улыбнувшись, я кивнула.

Поднявшись, Игорь скомкал записку.

— Вот и хорошо. — Он вдруг стал серьёзен. — Ань, у меня к тебе две просьбы. Сделаешь?

— Постараюсь.

— Спасибо. Во-первых, надо предупредить маму, что я уехал...

— Ну, это само собой! — Пф, я буду очень удивлена, если Надежда Дмитриевна этого не предвидела. — А во-вторых?

— Пока меня не будет, вы с ней поживёте у Славы.

Эм... что?

Я удивлённо вскинула бровь.

— Зачем?

Игорь смотрел прямо в глаза.

— Ань. Пожалуйста. Мне так будет спокойней. Идёт?

— Но почему? Что-то ещё случилось? Нам угрожает опасность? Или тебе?

Покачал головой, снова усмехнулся.

— Успокойся, всё нормально. — Положив руки на талию, привлёк к себе. — Перестраховщик я. Привычка уже. Не хочу оставлять вас обоих без присмотра.

Я фыркнула.

— Да, вроде, не дети уже.

— Хорошо. Не хочу оставлять вас одних. Согласна?

Что-то мне всё это не нравится. Ну пожилы бы пару дней вдвоём — подумаешь! Не месяц же. Не год. Что такого-то? Или всё дело в том, что мы — женщины?

Последний вопрос я произнесла вслух.

— Дело в том, что вы — мои жена и мать. — Игорь по-прежнему смотрел в глаза. — В этом деле я параноик. Я хочу знать, что, пока меня не будет, с вами ничего не случится. Точно. На двести процентов.

— Но что нам...

— Аня. — В голосе зазвучал приказ. — Ты слышишь меня? Пожалуйста, предупреди маму, и ждите Славу. Договорились?

В голове роился с десяток возражений, я по-прежнему хотела их высказать — но под потяжелевшим взглядом карих глаз смогла лишь молча кивнуть.

— Отлично. — Поцеловав в щёку, Игорь меня отпустил. — Буду на месте — позвоню. Если что, обращайся к Славе или к Даше. Не стесняйся, они свои. Всё, пошёл.

...Входная дверь закрылась, послышалось рычание заведённого мотора.

Уехал. Сбросив оцепенение, я вернулась обратно в комнату. Легла в постель, но сна ни в одном глазу.

Всё равно мне это не нравится. Игорь что-то не договаривает. С какого потолка я это взяла? Разве есть причины? Нет, но... Я чувствую. Что-то не так. Да, он беспокоится за отца, но не только. Есть что-то ещё...

Сморило меня лишь под утро.

Когда я на следующий день рассказала всё Надежде Дмитриевне, та лишь кивнула. Ни беспокойства, ни метаний — в общем, как я и думала.

— Как ты себя чувствуешь? — вдруг спросила она за завтраком. — Всё в порядке? Может, прилечь?

Я выдавила невесёлую усмешку.

— Всё настолько страшно?

Женщина замахала руками.

— Что ты, что ты! Да вам с твоей мамой любая обзавидуется! Просто бледная ты очень. Глазки, вон, гляжу, красные. Плакала, что ли? Игорь обидел?

Эх, золотой вы человек, Надежда Дмитриевна.

— Боже упаси. Долго ворочалась, заснула поздно. Вот и результат на лицо.

По взгляду было заметно, что объяснение вышло так себе, но расспрашивать дальше она не стала. А я... После ночных размышлений, вспомнились кое-какие вопросы, заданные ещё в самом начале знакомства с Надеждой Дмитриевной. Игорь привозил мою маму. Сюда, в свой дом. Знакомить с родителями. Зачем? Я права, и у них всё шло к свадьбе? Или что? Помнится, в прошлый раз мне было сказано "Ань, потом". Сейчас дражайшего супруга нет, переводить тему и отшучиваться некому — спрашивай, что хочешь.

Правда, надо ли? Не тот ли это случай, когда счастье в неведении?

— Вы были знакомы с моей мамой, так? — глубоко вздохнув, всё же решилась я.

Женщина кивнула. Вроде безмятежно, но во взгляде мелькнула настороженность. Она тоже ждала этот разговор?

— Да, Игорёк её сюда привозил. — Улыбнулась. — Как тебе пирог? Если хочешь, там ещё печенье есть.

Хех, кажется, я немного поспешила с выводами. Но зато теперь понятно, у кого дражайший супруг учился уходить от темы.

— Спасибо, всё очень вкусно. — Я посмотрела женщине в глаза. — Надежда Дмитриевна, если вы не хотите об этом говорить...

— Нет-нет, Анечка. Не в том дело. — Вздохнула. — Не у него ли тебе лучше спрашивать?

Ну-ну, пф.

— И что он мне ответит? Даже нет, не так: ответит ли вообще? Или опять отшутится и сменит тему.

Теперь посмотрела в глаза она.

— Понимаю, ты уже девушка взрослая. Молодая женщина. Времена нынче изменились, поколение ваше по-другому живёт, нам, старикам, за вами не угнаться...

Я было попыталась возмутиться:

— Ну что вы, Надежда Дмитриевна! Какая же вы старуха!..

Но женщина с улыбкой перебила.

— Спасибо, Анечка. Но это Игорёк с Витей молодятся. А у меня, как в песне: "Мой года, моё богатство". — Снова стала серьёзной. — Я тебе не мать, конечно, слушать меня ты не обязана. Но, если позволишь, всё-таки кое-что посоветую. Разрешить?

Ну просто воплощение деликатности.

— Конечно.

Всё равно я вообще не представляю, как ко всему этому относиться и что делать. И делать ли вообще.

— Мы все иногда оступаемся, правильно? Не бывает идеальных людей. Согласна?

Что-то не нравятся мне такие речи...

— Разумеется.

— Ошибки эти могут быть самые разные, и маленькие, и большие, с серьёзными последствиями. Но жизнь-то не останавливается, верно? Свет клином не сходится. Понимаешь, о чём я?

Ну-у...

— Честно говоря, не совсем.

— Прошлое лучше оставить в прошлом. Не жить им. Не судить по нему о настоящем.

Господи, что же там такого случилось?..

— Надежда Дмитриевна, очень вас прошу, — сказала я твёрдо. — Расскажите. Что было между Игорем и моей мамой. Я всё равно не смогу спокойно жить, пока не узнаю. Пожалуйста. Всё шло к свадьбе, так?

Женщина снова вздохнула. Отведя взгляд, почти минуту молчала. Но потом медленно наклонила голову.

— Да. Сюда они приехали уже помолвленными. Играть свадьбу хотели через пару месяцев.

Ого. Да уж, намерение серьезные.

— Он... он её любил?

Тут Надежда Дмитриевна не колебалась:

— Нет. Я говорила, что они торопятся. Просила повременить, взвесить. Но куда там! — Покачала головой. — Баран упёртый, в отца весь.

Я выдохнула. Не любил. Хоть что-то. Однако же...

— Тогда зачем свадьба?

Женщина снова замялась.

— Ну... хм... если я правильно поняла... свадьбу очень хотела твоя мама. — Виноватый взгляд. — Анечка, только не подумай, что я её осуждаю...

Я заставила себя улыбнуться.

— Ни в коем случае. То есть, Игорь не любил, но был готов жениться? Прям, не верится.

Новая заминка.

— Хм... Если я правильно поняла, тогда они с твоей мамой были друг другом... сильно увлечены, скажем так. Молодые, оба очень пылкие, взрывные. Что ни день, новый фейерверк.

Да, похоже на маму. Какой там фейерверк — ядерный взрыв. Иногда так разбушуется — хоть в бомбоубежище прячься. Выходит, Игорю именно такие нравятся? Девушка-динамит? Чтоб пламя, чтоб искры летели? Мда, Анечка, тебе до такого, как до звезды. Ты ж даже на бенгальский огонь не потянешь. Что, удивлена? Неприятно? А какого чёрта полезла выяснять? Ведёшь себя, как полная дура. Опять.

— Почему свадьба не состоялась? — проглотив ком в горле, спросила я.

Всё, это последнее. Не хочу больше ничего знать. Хватит. И так всё понятно. А ещё недосып... Послать бы всё к чертям. Всё и всех. Надоело.

Надежда Дмитриевна снова замолчала. Минут на пять. А потом...

— Игорь... хм... Игорь понял, что не готов.

Эм?

— К чему?

— К семейной жизни. К более серьёзным отношениям.

Та-а-ак...

— Это он сам вам рассказал?

— Да. После разрыва сразу поехал сюда.

— И... когда же его накрыло осознание? Надеюсь, не у алтаря?

Женщина промолчала. Отвела взгляд. Кажется, даже покраснела.

Чёрт подери...

Только не говорите...

Я же не всерьёз!!!

— Надежда Дмитриевна, умоляю! Скажите что-нибудь!

— Анечка, я... Мы недавно говорили про ошибки, помнишь?

Ушам своим не верю!

— Ошибки?! Сбежать из-под венца — это ошибка?!

И снова молчание и виновато-жалостливый взгляд.

Волна раздражения и злости накрыла с такой силой, что захотелось выскочить из дома и убежать куда подальше. Или позвонить. Сначала маме, потом Игорю. И наконец-то прекратить эту "Санта-Барбару", выяснить, что, как, где, когда и почему. И чтоб никаких тайн!

Но тут появился Ярослав, про которого мы благополучно забыли. Пришлось спешно собираться, благо, переезд только на два дня и вещей нужно немного.

У Буровых жизнь казалась налаженной до последнего винтика. Малыши играли под присмотром старшего брата Коли, одинаково хорошо управляющегося и с конструктором, и с куклами. Дарья, показав мне и Надежде Дмитриевне наши комнаты, продолжила хлопоты по хозяйству. Помогать ей должна была Катя, но солнышко-с-ружьём явно не слишком-то увлекалась готовкой и уборкой, то и дело пытаясь увильнуть и сбежать на улицу. Две вазы уронила, поцарапала полироль, неправильно порезала овощи. Разругалась с мамой. В общем, толку чуть, больше вреда. Место девочки заняла госпожа Белозерская, дружившая с Буровыми уже много лет и ставшая почти членом семьи.

Я тоже хотела присоединиться — других дел всё равно нет, а от собственных мыслей хотелось выть. Но увы: мне было заявлено, что я — гостья, да и "три женщины на одной кухне, это уже слишком". Попробовала пойти к Коле и детям — малыши меня стесняются, им уже не до игр. В итоге, пришлось сидеть в гостиной, уткнувшись в телефон. И думать, думать, думать.

Потом был обед, за стол собралась вся семья. Порции воистину медвежьи, у нас даже папа столько не съедает за раз. А тут Коля (видимо, как самый растущий организм) даже добавки попросил. Мне же кусок в горло не лез, но из вежливости всё-таки заставила себя хотя бы поковырять вилкой мясо и салат.

Катенька снова выделилась. Попросила у Дарьи разрешения остаться на ночь у подруги — скоро какое-то особое полнолуние, которое бывает всего два раза в год, вот они и решили погадать. Ярослав тут же запретил, мол, плохо себя вела, маме не помогала, не слушалась — никаких гулянок. Наказана. Девочка сначала расфыркалась, было попыталась колотья, но

под взглядом отца все колючки тут же сникли. Начала просить, сделала глаза кота из "Шрека" — бесполезно. Ярослав — не Игорь, на такое не купился. Нет, и всё тут. Разговор окончен. Смерив отца яростно-обиженным взглядом, девочка бросила "ну и ладно!" и убежала из-за стола. Нда, кого-то мне это напоминает.

— Анечка, можно тебя на минутку?

После обеда я вызвалась помочь Дарье вымыть посуду. Медведица сначала отнекивалась, но я настаивала — не удобно всё-таки. В конце концов, уступила. Потом все разбрелись по своим делам, а я вернулась в гостиную — придумывать, как убить время и избавиться от тяжёлых мыслей. Но там уже была Надежда Дмитриевна.

— Хоть на час, — невесело усмехнулась я, плюхаясь в любимившееся кресло.

Правда, о чём ещё нам говорить? Я ещё что-то не знаю? И слава богу. Счастье в неведении.

Госпожа Белозерская села в кресло напротив, и вид у неё снова был виновато-сочувственный. Что-то мне не очень нравится такое начало. Или, дайте угадаю, — продолжение?

— Мой сын — далеко не подарок, я это прекрасно понимаю. — Как говорят математики, что и требовалось доказать. — Но я тебя очень прошу, Анечка, не делай поспешных выводов. Не надо тормозить прошлое. Роман с твоей мамой у Игоря был почти двадцать лет назад. Они уже совершенно другие люди.

Вспомнив свадьбу, я только горько усмехнулась.

— Уверены? Хотите сказать, он перестал флиртовать с каждой встречной? Если да, то прошу прощения, но с сыном вы виделись слишком давно.

Женщина покачала головой.

— Девочка моя, не нужно воспринимать это настолько серьёзно. Игорь так общается со всеми женщинами. Всегда общался. Он, поди, даже не замечает, что флиртует.

Ну ахринеть теперь!

— Замечательно! Просто супер! Не замечает! Это совершенно меняет дело!

— Я не о том. — Она говорила очень мягко, явно стараясь подбирать слова. Как с умственно отсталой. Или с малолеткой. — Мало ли, с кем и как он общается. А ты замачала, как Игорь на тебя смотрит? На свою жену?

— И как же?

— Ты нравишься ему.

Не сдержавшись, я фыркнула.

— Вы лучше скажите, кто вашему сыну не нравится?

— Нет-нет, Аня. — Слава богу, голос стал серьёзней. — Не путай. Ты нравишься Игорю по-особенному. Это теплота, нежность. Он хочет о тебе заботиться.

— А я что, ребёнок? Мне и от родителей заботы хватало. Хотя о чём это я? Ему почти сорок! Восемь, восемнадцать — в таком возрасте разница не велика.

— Всё зависит от тебя. Не знаю, говорил ли Игорь или нет, но он родился, когда я была на год младше, чем ты сейчас. А его отец в тот год распечатал четвёртый десяток. Тринадцать лет разницы. — Женщина вдруг улыбнулась. — Но Витя влюбился, как мальчик, он сам не раз это говорил. Взрослый мужчина. В девчонку, недавно закончившую школу. Как видишь, бывает и такое.

Да-да-да. А жизнь вообще штука сложная, удивительная и непредсказуемая. И везёт всем одинаково. Угу-угу.

Я вздохнула.

— Спасибо, Надежда Дмитриевна. Наверно, мы с этим разберёмся. Как-нибудь.

— Конечно, разберётесь. — Новая улыбка. — У вас всё будет очень хорошо, вот увидишь. Просто нужно время. Вам обоим. Он ведь тоже тебе нравится, правда?

О, я ещё умею смущаться. Надо же.

— Извините, но сын у вас — козёл. Редкостный.

— Весь в отца, — ответила госпожа Белозерская весело. — Он с самого детства такой...
...Мы проболтали до самого вечера — Надежда Дмитриевна рассказывала о сыновьях, с том, какие они разные, как были близки. Мне даже стало как-то полегче.

Ненадолго.

Вроде, всё в порядке, собрались ужинать, и тут на тебе. Кати нет. Ни в её комнате, ни у Коли, ни у малышей. Ушла. А уже поздно, темно. Ярослав очень рассердился, помрачнел. Прямо на кухне схватился за телефон. Малыши друг с другом шептались: "Катку сейчас накажут".

А из трубки вдруг мужской голос.

Слов-то я не разобрала, но по звуку уж точно не девочка. Ярослав не говорил ничего, только слушал. Но лицо перекошено, телефон в руке захрустел.

— Ублюдок! — наконец рявкнул он, да так, что малыши испуганно прижались к матери.

— Кто... — начала было Дарья, но муж перебил:

— Сигма, — бросил он коротко. Потом посмотрел на детей. — Все сидят дома. Все, ясно? До моего прихода. Двери не открывать, к окнам не подходить, маму слушаться беспрекословно.

И ушёл.

Вечер получился очень напряжённым. Дело шло уже к полуночи, а Ярослава всё не было. Не выдержав, Коля было попытался рвануться следом, но мать осадил, мол, отец сказал сидеть дома, вот и сиди. Я была уверена, что парень не станет слушать — всё-таки главой семьи Дарья не была. Но нет: сверкнув желтеющими глазами, сжал руки в кулаки и уселся обратно на диван.

Сама мадам Бурова по-прежнему хранила сдержанную невозмутимость. После ухода мужа, она позвала всех за стол. Коля отказался, у нас с Надеждой Дмитриевной тоже аппетит пропал. Дарья не настаивала. Успокоив расхныкавшихся малышей (которые хоть и не понимали, что происходит, всё-таки чувствовали общее напряжение) проследила, чтобы они хорошо покушали, потом уложила спать.

Теперь, когда все сидели в гостиной и нервничали, "медведица"... взяла! Спокойно так, будто ничего и не происходит. А может, так и есть? Может, я ничего не понимаю, и слова Ярослава перед уходом не стоит брать в расчёт? Может, он тоже "перестраховщик", как Игорь?

— Что такое "Сигма"? — решив всё-таки расставить все точки над "i", спросила я.

— Отряд такой, — мрачно ответил Коля. — Специальный. По образцу "Альфы" у людей, только из оборотней. Папа раньше там служил.

Эм... так я что, была права? Волноваться не о чем?

— То есть, он пошёл на встречу с бывшими сослуживцами?

Желая хоть немного ослабить напряжение, я было попыталась улыбнуться, но одного Колиного взгляда хватило, чтобы понять — шутка не удалась.

— Нет, — вдруг подала голос "медведица", не отрываясь от вязания. — После Славиной отставки "Сигму" собрали заново.

Ничего не понимаю.

— И что, они здесь? Отряд спецназа? Для чего? И причём тут Катя?

Вдруг из соседней комнаты донёлся детский плач. Дарья взглянула на сына.

— Это Лена. Сходи проверь.

— Мама! Я что, по-твоему...

— Николай, — абсолютная невозмутимость, — иди и узнай, почему плачет твоя младшая сестра. Живо.

На этот раз парень сверкал глазами дольше. Но всё равно подчинился.

Дождавшись, когда за сыном закроется дверь, "медведица" снова заговорила:

— Раньше было по-другому. Раньше "Сигма" действительно избавлялась от преступников. Теперь они стали личными палачами Одинцовых. Избавляются от неудобных.

— Дайте угадаю — ваш муж их терпеть не может?

— Нет. — Дарья посмотрела на меня. — Вражда у них с твоим мужем.

Внутри всё заледенело и начало куда-то падать.

— Т-то есть... вы хотите сказать... "Сигма" тут из-за Игоря?! Их послали Одинцовы?!

— Слава думает, что да.

Выходит, Катя пострадала из-за нашего приезда?! Из-за кое-чьей безумной затеи непременно притащить меня сюда?!

— А... — Слова застревали в горле, пришлось прокашляться. — А Игорь знал?

Дарья пожала плечами.

— Без понятия. Но он искал "Сигму".

— Искал? Здесь?

— Да, может поможешь Коле? — вдруг мягко вмешалась Надежда Дмитриевна, до этого молча сидевшая на диване. — Мне кажется, он сейчас Леночке только хуже сделает.

Несколько мгновений женщины смотрела друг на друга, будто молча разговаривая. Потом "медведица" снова пожала плечами и, отложив вязание, вышла из комнаты.

— Он знал, да? — спросила я, в упор глядя на Надежду Дмитриевну. — И всё равно поехал? Но не для того, чтобы "отдохнуть", верно? Зачем всё это? Что происходит?

Та покачала головой.

— Анечка, я ничего не знаю. Игорь уже очень давно мне не рассказывает о своей работе. — Слабо улыбнулась. — Не надо так нервничать. Уверена, всё будет хорошо.

Лёд внутри мгновенно вскипел, на языке уже вертелся резкий ответ. Но тут я Игоря понимаю. Надежда Дмитриевна была эдаким божьим одуванчиком, который волнуется из-за самого пустячного повода, да ещё к тому же сердечница — тысячу раз подумаешь, прежде чем рассказывать ей что-то. А если и соберёшься, будешь очень тщательно выбирать слова.

Но если Игорь действительно знал, и всё равно приехал... Чёрт подери, да чем он думал?! Приводить за собой таких "гостей"! Почитай, в дом своего друга! В свой дом! Это... это... да у меня просто слов нет!

Хотя...

В памяти вдруг всплыли слова Игоря перед отъездом. "Я хочу знать, что, пока меня не будет, с вами ничего не случится. Точно. На двести процентов". Он сам называл себя "перестраховщиком". И хотел, чтобы мы с Надеждой Дмитриевной пожили у Буровых...

Так вот в чём дело! Всё знал, но попытался перестраховаться. Однако "Сигма" оказалась

не так проста.

Или всё-таки нет? Или это опять только часть чего-то большего?

Ох, дайте что-нибудь разбить! Ну, Белозерский! Попадись мне только! Всю душу из тебя вытрясу, но до правды докопаюсь!

Чтобы успокоиться, я, вскочив из кресла, начала мерить шагами комнату от окна к окну. Так, надо менять тему. А то и в самом деле чего-нибудь наворочу.

— Почему она так спокойна?

— Даша-то?

Судя по облегчению во взгляде, госпожа Белозерская думала точно также.

— Ну да. Её дочь скорее всего похитили какие-то уроды, муж в одиночку пошёл к ним. Я бы уже хлебала успокоительное. Вёдрами. А ей как будто всё равно!

— Нет, мне не всё равно. — Зайдя в комнату, Дарья снова уселась за вязание. Н-да, неловко вышло. — Но это мой муж — я верю ему и в него. Иначе быть не может. — Взгляд на меня. — Не должно. Это неправильно.

От этих слов сильно веяло чем-то сакральным, даже первобытным — до мурашек, до дрожи. Наверно, так и должна мыслить истинная медведица, жена медведя. Ей бы ещё завернуться в шкуру, в одну руку люльку с младенцем или веретено, а в другую копьё.

Но я-то, чёрт возьми, не матёрая медведица! Даже не волчица толком! И нет у меня выводка детей и многолетнего "замужнего" стажа за плечами! Студентка я! И замуж вышла даже не по расчёту — вынудили! За бабника, который, к тому же, волочился за моей матерью!..

Нет-нет-нет.

Тихо, Анечка. Хватит. Тебя уже несёт. Сейчас всё перебирать начнёшь. Не нервничай. Дыши глубже, сосчитай до десяти...

Так я себя успокаивала с полчаса. Потом вернулся Ярослав.

— Отойди от окна! — едва зайдя в гостиную, рявкнул он. Я тут же отпрыгнула, чуть не схватившись за сердце. — Все в подвал. Живо.

Ну уж нет!

— Что вы узнали?

"Халк" посмотрел на меня. Тяжёлый взгляд. Мрачный. Яростный.

— В подвал, — процедил Буров.

На мгновение стало страшно, но я сдержалась.

— Прошу вас. — Заставила голос звучать как можно твёрже. — Пожалуйста. Что с Катей? Она у "Сигмы"?

— Да. А теперь...

— Что им надо?

Молчание, лишь яростный взгляд.

Секунда, другая, третья.

— Белозерские. — Как по лицу ударил. — А теперь в подвал. Больше повторять не буду.

"Подвал" оказался натуральным бункером, эдаким бомбоубежищем на случай ядерной катастрофы: несколько комнат с очень плотно закрывающимися дверями, канализация, вытяжки, запасы еды, вода. Всё это мне показывал Коля, которого Ярослав оставил "за старшего". А сам куда-то ушёл. Дарья с малышами почти сразу отправилась спать, Надежда Дмитриевна вроде казалась бодрой, но через полчаса ей стало плохо и пришлось лечь в другой комнате.

У меня сна не было ни в одном глазу, нервы скребли желудок, завязывая его в узел. Чтобы хоть немного отвлечься, я и попросила младшего Булова показать мне "бомбоубежище". Но легче не стало.

Ребёнок. Чёрт подери, Вавилова (ах, простите, Белозерская), из-за тебя страдает ребёнок. Вон и Коля на тебя косится без особого дружелюбия. И правильно. Да, когда Надежда Дмитриевна предложила "поговорить" с похитителями, Ярослав отрезал, мол, никаких переговоров с ублюдками. А толку-то? Почему для Коли какая-то непонятная девица, которую он видит первый раз в жизни, должна быть важнее родной сестры? А Дарья? Она, конечно, как и всегда была воплощением невозмутимости. Но думает-то наверняка также — дочь как-никак.

Господи, бедная Катюха. И какие ж твари в этой "Сигме"! Использовать ребёнка! Да ещё так! Сволочи. Подонки. Ничего святого. Лучше бы просто дали "Белозерским" по голове и уволокли, чес-слово. Хотя нет. Ладно я — мне восемнадцать. А Надежде Дмитриевне? Нет-нет, вот тут я с Ярославом согласна на все сто: ей, сердечнице, лучше и впрямь сидеть в бункере за семью замками и не высовываться.

Но что это изменит? Что задумал Ярослав? Как он намерен освободить дочь? В одиночку? Смешно. Пусть даже он когда-то и служил в "Сигме", но их же сейчас целый отряд. Хочет дожидаться Игоря? Да, он, наверно, уже в пути. А если не успеет? А вдруг с Виктором Васильевичем что-то случится? И вообще, двое — не на много больше, чем один. А если... если Игорь пострадает?

Эта мысль прошла насквозь.

Я остановилась.

— Ты чего? — настороженно спросил младший Булов, прервав свой рассказ об устройстве водоснабжения.

— Выпусти меня, — только и смогла проговорить я. — Пожалуйста.

— Нельзя, — буркнул тот, качая головой. — Мы ждём отца. Все вместе.

Глубоко вздохнув, я посмотрела в медвежьи-тёмные глаза.

— Коль. Прошу.

— Нет. Ты, это, спать иди.

Развернувшись, парень собирался уйти.

— Ты хочешь, чтобы с Катей что-то случилось?

Замер. Было видно, как мышцы под футболкой заходили ходуном. Эх, некрасиво это, конечно — по больному бить. Может подумать, что я издеваюсь, а то и вовсе плумлюсь. Но лучше уж так, чем просто сидеть и ждать, пока мысли типа "а что, если..." сожрут окончательно. Надо что-то делать. Я никогда себя не прощу, если с Катей что-то случится.

— Молчи лучше, — огрызнулся парень через плечо. — Это всё из-за тебя.

Звучало пощёчиной.

— Да. — Глубокий вдох. — Поэтому и хочу выйти. Позволь мне всё исправить.

Ничего не ответив, Коля ушёл.

Потом вернулся Ярослав. Сын тут же бросился к нему с расспросами, но одного взгляда почерневших глаз было достаточно, чтобы парень замолчал. Пройдя через всю комнату, старший Булов остановился напротив меня.

— Иди спать.

А голос такой, будто сейчас зарычит.

— Что с Ка...

— Спать!

Господи, да таким взглядом алмазы колоть можно!

"Медведь" пошёл дальше, куда-то вглубь убежища; минут пять его не было. Обратно вышел с чем-то длинным и узким, неаккуратно (видимо, наспех) завёрнутым не то в какую-то специфическую одежду, не то просто в кусок брезента с рукавами.

Увидев свёрток, Коля побледнел и снова бросился к отцу. На этот раз Буров-старший остановился, и даже не повышал голоса. В итоге, я слышала только Колю, который всеми правдами и неправдами просил, умолял, заклинал отца взять его с собой. Но тот лишь качал головой и что-то ему втолковывал, тихо и строго.

Не желая мешать, я было отошла — и тут Коля, бурно жестикулируя, случайно задел край отцовского свёртка. Ткань съехала несильно, да и Ярослав тут же её поправил. Но меня прошиб холодный пот.

Стволы. Оружие.

Господи...

Оцепенев, я наблюдала, как Буровы закончили разговор, и старший снова ушёл. Сжав руки в кулаки, парень смотрел на дверь так, будто она была членом "Сигмы". Минуту, другую, третью...

— Коль... — Потом я всё-таки решилась подойти и осторожно спросить: — Что он сказал?

— Ждёт Игоря. — Голос звучал не по-юношески низко. Почти как у отца. — Говорил с Катюхой. Этот урод типа позволил. А она... она...

Парень был на грани обращения. На последнем слове голос всё-таки сорвался на рычание, вены на руках и шее вспухли, кое-где начала пробиваться бурая шерсть. И без того не хилое, тело начало медленно увеличиваться, натягивая ткань футболки и джинсов.

Жутко.

— Т-тебе надо у-успокоиться... — проямлила я, невольно отступая ближе к двери.

Парень снова зарычал.

И пошёл на меня!

А в глазах зверь. Хищник. Разъярённый. От человека ни следа.

— К-Коля... Коль... п-пожалуйста...

Молчит, только смотрит.

Спина коснулась чего-то холодного и твёрдого. Дверь. Закрытая. Тупик.

А медведь приближается. Одежда начинает рваться, всё больше шерсти, треск меняющихся костей.

Страх.

Ужас!

Рука сама собой шарит по металлической поверхности. Там была рукоятка... какое-то колесо... Было! Ну где же?!

Есть!

Пришлось повернуться. Крутанула в одну сторону — не даёт. В другую — да!

Сзади рёв.

Бежать, бежать, бежать! Вверх по ступенькам. Через дом. На улицу. Куда угодно! Как можно дальше отсюда! Ни времени, ни чувства усталости — только страх, панический животный ужас, не дававший остановиться даже на секунду.

...В итоге я просто упала. Колени подкосились или за что-то запнулась — не знаю. Но

встать не могла. Ноги гудели и отказывались слушаться, каждый вдох отзывался болью под рёбрами.

Зато страх, наконец, отступил. Я поняла, что валяюсь на траве и старых листьях. На какой-то поляне. В лесу. Ночью. Не имея ни малейшего представления о том, куда именно меня занесло и как вернуться обратно. Ох-ох-ох. Из огня да в полымя.

Хотя о чём это я? Уж лучше здесь, чем в бункере с разъярённым медведем, жаждущем разорвать меня на части. Надо пользоваться. Просто полежать, восстановить дыхание. Встать всё равно нет сил, да и ноги как ватные. Вокруг тишина, лунный свет...

Ай!

Сначала я думала, что меня кто-то укусил в шею. Ни шороха листвы, ни треска мелких веточек, ни даже тени — ничего, что могло бы выдать присутствие чужого. Только короткая острая боль.

Я хотела потянуться к шее, чтобы ощупать место укуса — и едва-едва смогла приподнять руку!

— Тише, тише, Анна Михайловна. — Негромкий мужской голос. Почти мягкий, если бы не насмешка. — Не дёргайтесь.

Кто здесь, чёрт подери?! Я попыталась задать этот вопрос вслух, но не смогла даже раскрыть рот. Вышло какое-то хрипящее мычание.

— Дай угадаю — вы хотели спросить, что происходит, и кто я такой. Не правда ли?

Не чувствую ни рук, ни ног. Вообще. Будто бы в каждую конечность вогнали здоровенную порцию анестезии.

— Джей сто сорок девять. — Он перевернул меня на спину. — Будем знакомы.

Я наконец-то его увидела. Кошмар. Голова наполовину лысая — с левой стороны, начиная от виска и ниже, волос нет вообще. Те, что есть, свисают до плеча рваными клоками. Где-то тёмными, где-то светлыми. Лицо худое, острое, бледное. Будто измождённое. А глаза чёрные-чёрные, будто вообще без зрачков.

Присев рядом на корточки, "Джей" поднял меня на руки. Как тряпичную куклу. Марионетку. А я могла только смотреть. Ни пошевелиться, ни сказать, ни даже просто закричать.

Беспомощность.

Совершенная. Абсолютная.

— Ну-ну. Не делайте такие глаза. — Он говорил таким тоном, будто мы были хорошими знакомыми. В кафе посидеть решили. — Убивать вас в мои планы не входит. Даже наоборот, я оказал вам услугу.

А запах... Бр-р. Сильный, но какой-то странный. Неестественный. Хочется покривиться. Как если бы в кондитерской вдруг пахнуло химической лабораторией.

— Ваш зверь. Ей уже давно пора проснуться, вы так не считаете? — Он даже не смотрел на меня. Просто шёл вперёд и говорил. Как будто сам с собой. — Уверен, вы этого хотите. Может, конечно, добрый папа промыл вам мозги, и вы боитесь трансформации. Но тут уже ничего не поделаешь. Скоро ваш зверь выйдет на свободу, Анна. Вы рады?

Как же хотелось послать этого "Джея" подальше! Ублюдок! Я тебе покажу радость, тварь! Ты у меня взвоешь!

По телу прошла волна жара, мышцы свело судорогой. Но мне было плевать. По-прежнему лёжа на руках этого подонка, я смотрела на его горло. Перед мысленным взором одна за другой возникали картины: вот я перебарываю этот чёртов паралич, вот бросаюсь на

этого "Джея". И впиваюсь ему в горло. Зубами. Клыками. Он кричит, пытается сопротивляться. А потом просто хрипит. И кровь льётся мне прямо в пасть...

Господи!

Я... что... это мои мысли?! Не хочу! Нет! Только не так! Я не хочу быть таким оборотнем! Чудовищем, одержимым жаждой крови!

Ужас и отвращение к самой себе захлестнули с головой. Наверно, если бы не паралич, меня бы стошнило.

Что ты мне вколол, скотина?!

Нет, нет. Тише, Анечка. Вдох-выдох. Ты должна держать это под контролем. Это не твои чувства. Такого просто не может быть. Всё дело в той дряни, которая их провоцирует. Ты же понимаешь это, да? Осознаёшь. А значит можешь управлять. Должна.

Но это не желало уходить. Какой-то кровавый огонь, поднимающийся из глубин подсознания, рвущийся вперёд, вверх.

Я пыталась успокоиться, бороться. Вспоминала. Люди, события, места, чувства. Папин кабинет, на стене рисунок в красивой рамке (совсем как картина!) — это я ему на День Рождения нарисовала. Счастье. Гордость. Лето, парк, мама в кремовом платье, таком лёгком, воздушном. В руках ветка сирени, пышные волосы собраны под заколку с разноцветными камешками. Мама самая лучшая, самая красивая! Восторг. Обожание. Школа, Макс полез в драку с парнем, начавшим дразнить меня из-за прыщей. Нос ему разбил, потом родителей к директору вызывали. Благодарность. Тепло. Аромат пирожков тёти Веры, улыбка незнакомой, но очень милой девочки с огромным бантом, горячий чай после зимней прогулки, любимая песня...

Не получается. Не хватает. Оно поглощает всё, все образы, один за другим. Выворачивает их наизнанку, делая топливом для себя. Отец всю жизнь от меня что-то скрывает. Мать — да, она лучше всех. Мне не стать даже в половину такой же. Никогда. Максимум пришлось разбить сердце. Своими руками. Врать ему. Сознательно. Делать больно.

Обида. Боль. Злость. Отчаяние. Ярость.

Как огненное кольцо. Оно сжимается, сжимается, огонь всё ближе. И одновременно поток. Захлестывает, скоро накроет с головой.

— ...Что теперь?

Ещё один голос. Мужской. Низкий. Горький запах.

Как ни странно, это помогло очнуться. Мы возле дома Игоря. Машин до сих пор нет. Вместо них стоят трое... людей? оборотней? В чёрном. С оружием. А четвёртая...

— Аня! — воскликнула Надежда Дмитриевна. Голос дрожит, вся растрёпанная, бледная, как смерть. — Господи боже, отпустите девочку!

Несчастливая женщина было рванулась ко мне, но один из "чёрных" грубо схватил её за локоть, а другой приставил пистолет к виску. Охнув, она пошатнулась, но всё-таки удержалась на ногах.

Оно сделало новый рывок вперёд, но тут я даже не пыталась сдержаться. Тут мы были согласны. Ублюдки! Подонки! С пенсионерками-сердечницами воюют! Ну ахринеть какой спецназ! Труссы! Падалышки!

— Да, действительно, — с явно деланой серьёзностью кивнул "Джей", подходя ближе. Актёр, мать твою! Лицедей хренов! — Катенька для нас ценности больше не представляет. Икс, — он посмотрел на того самого "чёрного" с низким голосом, — сходи обрадуй малышку. Только смотри, чтобы она опять тебе в руку не вцепилась.

Молодец, Катька! Так их!

Главное, чтобы она не поплатилась за подобную выходку...

"Чёрный" ушёл.

— Ну а вы, Надежда... — было продолжил этот клоун, но женщина перебила.

— Прошу вас!.. — В голосе уже слышались слёзы. — Умоляю!.. Отпустите нас!.. Ну... ну или хотя бы Аню!.. Девчонка же ещё совсем!.. Не губите, побойтесь бога!.. Вся жизнь впереди!..

Шут изобразил печаль.

— Увы, дорогая моя Надежда. Дмитриевна, правильно? — Этот выродок думает, что он на сцене, что ли?! — Так вот, увy. Но я атеист, в бога не верю. Для меня его нет, уж не сердитесь. А милую Анну я, кстати, и не держу. Сейчас она под действием одного любопытного препарата, который давит человека и будит зверя. — Опустил взгляд на меня. Улыбнулся. — Слышите, Анечка? Вы скоро станете полноценным членом нашего замечательного общества. Если сумеете вернуться, разумеется.

Что?! Да я тебя, тварь...

— О... о ч-чём вы?.. Господи, что вы с ней сделали?!

"Джей" пожал плечами.

— Всего лишь небольшой эксперимент. — Вдруг посмотрел вверх, в небо. — Так, где у нас луна? Ого! Надо же, как поздно. А господина Белозерского всё нет. Что ж, хорошо. Может, так даже лучше. Анна, вы уж меня извините...

С этими словами он вдруг перекинул меня себе на плечо, освобождая одну руку.

— Вы тоже, Надежда. — Кобура. У него на поясе. Пустая. — Ничего личного, только приказ оставить вашему сыну... м-м-м... назовём это посланием. Или предупреждением.

Нет! Нет, нет, нет! Не смей, тварь! Нет!..

Выстрел. Крик. Звук падения.

— Идёмте, Анна. — Я снова у него на руках. — С вами нам ещё надо перекинуться парой слов.

Хотелось кричать. Рычать. Выть. Огонь внутри будто бы добрался до самых глаз, щёки обожгли слёзы. Боли. Ярости. Бессильной.

Что бы со мной сегодня ни случилось, тварь. Если останусь в живых — я тебя найду. Слышишь?! Вот тебе мои слова! Найду и пристрелю! Сама, своими руками! Ты ответишь за всё, что сегодня произошло!

— Какие глаза, Анна, какой взгляд! — Зайдя в дом, этот ублюдок принёс меня в гостиную и уложил на диван. — Вы, конечно, замужем, но позвольте признаться — я очарован.

Сука! Я тебе устрою очарование! Я твои собственные глаза вырву и заставлю сожрать!

Всё тело начало колоть. Как мелкими иглами. Вроде слегка, но с каждой секундой сильнее. И сильнее. Сильнее. Поначалу казалось, что колет только кожу, но потом иглы будто бы начали проникать всё глубже. Я чувствовала, что начинаю меняться. Мышцы, кости — всё тело. Целиком.

Больше нет сил сопротивляться.

Оно пришло.

— О, я вижу, вы уже на грани. Хорошо. Ещё чуть-чуть, Анна. — Перед глазами начало всё расплываться и меркнуть. Голос звучал уже над ухом. — И напоследок. Джей сто сорок девять, Анна. Это очень важно. Джей. Сто. Сорок. Девять. Запомните, если захотите узнать,

зачем всё это, и что происходит. Уверен, папа вам с удовольствием расскажет. Хм, думаю, сейчас это будет лишним...

Руки на теле. Раздевают.

Не вижу. Не слышу. Ничего.

Только боль.

Ужас.

Тьма.

Выстрел Игорь услышал, когда они с отцом уже ехали по деревне. После звонка Ярослава зверь внутри так и рвался наружу, а теперь и вовсе взбесился. Он жёлтыми глазами смотрел из зеркала, он скалился, обнажая клыки. Он жаждал расплаты.

Но Игорь сдержался. Не время, брат. Потом мы с тобой порвём их в клочья. Напьёмся крови, сожрём, если захочешь. Но потом. Не сейчас. Сначала женщины. Мать, родная мать. Та, что выносила, родила, заботилась. И жена. Такая молоденькая, ни разу не обращалась. Больше девушка, чем волчица. Но запах — одно удовольствие. Аромат. Соблазнительно чистый, уютный, но с лёгкой примесью чего-то терпкого, жгучего. Манит воспользоваться законным правом и одновременно успокаивает, расслабляет.

Ради них. Сдержаться. Собраться.

Вместо того, чтобы сразу ехать к дому, Игорь свернул к Буровым. Где его уже ждали.

— Катю вернули, — поднявшись со ступенек крыльца, сказала Дарья, как только Белозерские вышли из машин.

Игорь вскинул бровь.

— Не понял. И почему... — начал было он, но медведица перебила.

— Они у Сигмы, — отчеканила женщина, невольно пряча взгляд.

— Кто?

Пауза.

— Аня. И Надежда.

— Где эта ваша Сигма? — мрачно спросил старший Белозерский, сжимая руки в кулаки.

— Даша. Какого. Хрена, — почти одновременно прорычал младший. — На кой ляд вы их отпустили? Где Славка?

— Пошёл за Колей, — всё также спокойно ответила медведица.

Но взгляд не подняла.

— Где они?! — уже взревел Виктор Васильевич. — Даша, ты меня слышишь? Где моя жена?!

Медведица едва заметно вздрогнула.

— Их главный сказал, что ждёт вас. Дома.

Она ещё продолжала говорить, а старший Белозерский уже пошёл к машине.

— Далеко собрался? — окрикнул младший.

Но тот лишь молча сел за руль и завёл мотор. Выругавшись, Игорь тоже сел за руль.

Баран старый. Осёл. Зачем лезет? Чтобы сдохнуть? Один человек против, самое меньшее, десятка оборотней! Натасканных убийц! Герой хренов. Супермен, мать его. В любом другом случае Игорь бы попытался поговорить с отцом, объяснить, насколько велика опасность. Но время, это проклятое время! Счёт уже шёл даже не на часы — минуты.

Волк внутри рычал и скалился. Он готовился к драке. Хотел её. Жаждал крови этого выродка. Всей Сигмы! Они пожалеют, что не сгнили в лаборатории!

И Одинцова. Это же он натравил своих псов. Он решил поиграться. Позволил заявиться сюда и устроить весь этот цирк. Похитить девчонку из другой семьи, чтобы потом обменять её на Белозерских! Тварь. Они оба. И хозяин, и пёс. Скоты. Оба сдохнут. Скоро.

— Надя!

Заехав на свой участок, Виктор Васильевич тут же выскочил из машины и бросился к дому. Надежда Дмитриевна лежала на земле возле крыльца. Без сознания, вся бледная.

Игорь подошёл следом. Заставил себя. В глазах потемнело. Ноги едва гнулись. Склонился, прощупал пульс, прислушался к дыханию.

— Жива.

Облегчение. Такое сильное, до ломоты в мышцах.

Но лишь на миг.

Зверь бесновался. Чуя кровь родной матери, он сходил с ума от ярости, хотел убивать. Уничтожить того, кто сделал это! Разорвать на части! Вцепиться в горло и выпить всю кровь! До капли!

— Звони в скорую. — Игорь бросил отцу свой телефон. — Живо.

Одновременно со жгуче-слепающей яростью был холод. Убить? Да. Быстро? Нет. Даже не пристрелить — слишком просто. Милосердно. Ножом. Сначала в живот. Потом выше. И смотреть. В глаза. Чувствовать запах крови. Страх...

— Ты. — Голос Виктора Васильевича дрожал, в глазах — ужас перед окровавленным телом любимой женщины. — Ты привёл их сюда. Это из-за тебя.

— Звони, — повторил Игорь, помрачнев ещё сильнее. — И уноси её. К Славке Шевелись.

Не удивительно. Мог бы и догадаться. Что ещё ждать от старого осла? Нож. И не в живот. Нет, чтоб наверняка. Сразу. В сердце.

Ожидаемо.

Ожидал?..

К черту! Сейчас не до этого.

Заставив себя отвести взгляд от бледного лица матери, Игорь зашёл в дом. Чужак. Здесь. Даже не прячется, не пытается скрыть свою вонь. Ну ничего. Скоро от него будет пахнуть трупом.

Игорь пошёл в гостиную — к источнику запаха. Видать, Буров всё-таки был прав — Сигма из пробирки. Тот, кто засел здесь — уж точно. Да он живой вообще? Даже от Миши так не разило, когда он возвращался из своих лабораторий. Одна сплошная химия. Ничего естественного.

Хотя... Нет, кое-что есть. Это Белозерский почуял уже подходя к гостиной. Что-то... знакомое? Да. Едва уловимое. Уже почти родное. Аня. Но другая. Пахнет по-другому. Та терпкость, остринка. Раньше еле заметная, а теперь перекрывает всё.

Девочка обратилась.

Игорь замер возле двери. Рука так и тянулась к пистолету, зверь внутри захлёбывался ревнивой яростью. Это его волчица! Он должен был увидеть её первое обращение! Её саму!

Поняв, что скалится, Белозерский убрал руку от оружия. Хватит, чёрт подери! Тупая злость только ещё больше дров наломает. Тихо, брат. Единственное, что сейчас поможет — спокойствие. Холодная голова. Этот выродок играет. Ладно. Придётся играть по его правилам. Пока что. Зато потом...

Дождавшись, когда зверь перестанет рваться с цепи, Игорь толкнул дверь.

Смятение. Ужас. Злость. Отчаяние.

Эти запахи резали нюх так сильно, что первые несколько секунд Белозерский не видел ничего вокруг; они наполняли комнату, вытесняя воздух. Словно, это не гостиная, а пыточная, в которой уже лет десять льют кровь, мучая заключённых.

— Игорь Викторович, если не ошибаюсь? Добро пожаловать домой.

Она стояла возле дивана. Светло-серая, с белыми лапами, животом, грудью и рыжеватыми подпалинами на носу и боках.

Испуганная. Запутавшаяся. Злая. Очень. Слишком.

А рядом этот облезлый урод из лаборатории. Ухмыляется, покручивая в руках пустой шприц.

— Красавица, да?

Присев на корточки, протянул руку к волчице. А Игорь снова потянулся к оружию. Не смей, выродец! Не смей её трогать! Зверь рвался с цепи настолько яростно, что всё тело привычно напряглось, ожидая знакомой боли обращения.

Но волчица не далась — оскалившись, клацнула зубами и начала медленно пятиться.

— Признаться, я был удивлён, — продолжал ухмыляться облезлый. — Игорь Белозерский, Дон Жуан, помноженный на Казанову. А жена — девственница. Во всех смыслах этого слова. Неужели слухи врут?

Цепь волка напряглась до предела, Белозерский всё-таки схватился за пистолет.

— Ну-ну. Давайте не будет принимать необдуманных решений.

Облезлый оказался быстрее. Игорь даже не успел заметить, откуда тот достал оружие, а дуло уже смотрело прямо на волчицу.

— Что ты с ней сделал? — снова задавив все эмоции, проговорил Белозерский.

— Вы об этом? — Ублюдок опустил взгляд на упавший шприц. — Да так, вколочил один пусячок. Немного подтолкнул в нужном направлении. Девочка мне ещё спасибо скажет. Если сумеет перекинуться обратно, конечно.

Будто услышав его слова, волчица снова зарычала. Потом завывала. А потом, разбив стекло, выпрыгнула прямо из окна.

— Аня!

Игорь было кинулся следом, но теперь дуло пистолета смотрело ему в голову.

— Ну что же вы так, Игорь Викторович, — покачал головой облезлый. Глаза светились, ухмылка ещё шире — он откровенно наслаждался. — Сами, значит, гуляете, а жене не даёте? Не честно. Пускай девочка порезвится, всё-таки рядом лес. Там есть волки? Наверно нет. Жаль, жаль, было бы забавно. Эта миленькая фарфоровая куколочка и большой страшный зверь, держащий её за холку. Но ничего страшного. Один из моих ребят тоже подойдёт. Кое-кому даже перекидываться не надо — и так всё получится.

Игорь молчал, уже почти забыв, что это такое — говорить. Чудовищная ярость медленно поглощала разум, забирая всё человеческое.

— Что... тебе... надо? — кое-как прохрипел он.

Тянувшая боль во всём теле нарастала, в нижнюю губу уже упирались клыки.

— Ой, да бросьте. Что ещё мне может быть надо? Поглумиться, конечно же. Над вашей драгоценной супругой, над вами. Передать привет от хозяев, указать бунтарю его место, напомнить, что он, в общем-то, ничтожество. Ещё немного позабавиться. Ну и так далее, и тому подобное. Додумайте сами. Нет-нет, Игорь Викторович. — Белозерский снова дёрнулся за оружием, но облезлый выстрелил ему под ноги. — Пока я не могу вас отпустить. Мои ребята заслужили небольшую передышку. Да и Анна, думается мне, горячая штучка. Одного ей и не хватит, пожалуй...

Облезлый продолжал что-то говорить, но Белозерский уже почти ничего не слышал. За свою жизнь он злился часто, но чтобы ярость клочкотала, жгла, испепеляя разум... Такое

было лишь однажды: в тот миг, когда Игорь, заглянув в глаза сбежавшего из лаборатории зверя, увидел младшего брата.

Злоба. Чёрная. Заполняет, выворачивает наизнанку. И страх. Глубоко-глубоко внутри, на самом дне. Давно задавленный, скованный, изгнанный. Проснулся.

Не защитил. Не смог. Снова. Младший брат. Родная мать. Жена. Отец был прав. Он виноват. Опять.

Перемешанные с яростью, эти чувства сплелись в одно гигантское остриё, что снова и снова вонзалось в мысли, доставая до самого сердца. Когда-то давно, когда это случилось впервые, оно на долгие годы стало стержнем, той движущей силой, которая диктовала все поступки, убивая остальные чувства. Со временем она поутихла, остриё заржавело и истончилось. Но обломки оставались, заставляя продолжать начатое. И вот, всё повторяется...

Новый запах. Сильный, резкий. Зверь, человек. И опять что-то знакомое.

Нет. Да быть того не может. Он не посмеет.

Через окно в комнату запрыгнул волк. Крупный, с массивными лапами, большой головой. И снежно-белой шерстью.

— О, кажется, господа изволили присоединиться к потехе. Вы один или ждать ещё и...

Прежде, чем облезлый успел договорить, белый волк кинулся на него, метя в руку с пистолетом. Расстояние было слишком маленьким, но тот всё-таки сумел увернуться, оказываясь рядом с дверью.

— Ладно, ладно, — бросил он с деланой обидой. — Кто я такой, чтобы мешать развлекаться самим Одинцовым? Игорь Викторович, моё почтение. И до встречи.

Улыбнулся. Отвесил шутовской поклон. Ушёл.

Достав пистолет, Белозерский направил его на зверя. Тот не шелохнулся. Просто стоял и смотрел.

Одна пуля, одна-единственная пуля — и о многих проблемах можно забыть. Лекарство. Волшебная таблетка от ненужных людей. Нажать на курок — и всё.

Вой. Далёкий, отчаянный.

Рука с пистолетом дрогнула. Игорь выругался.

— Что уставился? — рыкнул он, убирая оружие. — Проваливай. И чтоб больше я тебя здесь не видел.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Но потом белый волк ушёл. Зачем вообще явился? Для чего? Что за идиотский план?

А, к чёрту!

Спешно раздевшись, Игорь улёгся прямо на пол и закрыл глаза. Волк явился тут же. Всё, брат. Пошли. Надо её вернуть.

Ночь? Лес? Небо? Луна?

Холод? Тишина? Пустота?

Когда-то давно, в другой жизни.

Серебро? Бледный свет? Железо. Красная луна.

Небо плачет. Вместо слёз — кровь. Запах, о этот запах! Пробуждает. Что-то очень древнее, первородное, первобытное. Вечно сдавленное, сжатое, запертое.

Освобождённое.

Загнать жертву. Вцепиться в глотку. Железо на языке. Льётся, льётся. Пить. Упиваться. Обжигает. Но мало, так мало! Ещё. Ещё! Новая охота! Прежняя жизнь? Пусть сгорит! Слава

железной луне!

Сгорит?..

Огонь. Пожирает лес. Везде. Гарь. Пепел.

Ужас.

Бежать, бежать, бежать! Куда? Огонь везде. Приближается. Горячо!

А железный дождь всё идёт, идёт. Но не гасит. Разжигает. Шипит, трещит, швыряется искрами!

Кровь, жажда охоты, жажда собственной силы.

Ненасытное пламя, ужас.

Сливаются, переплетаются.

Вперёд, вперёд, вперёд! Но там гудящая рыжая стена. Везде, повсюду, со всех сторон. Жар! Невыносимо! А небеса продолжают рыдать, выть, хлестая сотнями железных плетей.

Наброситься! Разорвать!

Бежать. Спасаться.

Безумие.

Тёмное пятно. Мелькает за шипящей стеной. Обугленный кусок плоти? Приближается. Ещё. Прямо сквозь огонь!

Волк. Чёрный. Желтоглазый. Пламя не оставило следов, но железо, алое железо течёт по нему, по бокам, морде, горлу...

Добыча!

Прыгнуть! Вцепиться! Рвать!

Увернулся? Нет! Ещё раз! Опять?!

Огненное кольцо. Сжимается. Ближе, ближе.

Страшно!

Волк рядом. Нет! Уходи! Прочь!

Стоит. Смотрит.

Шаг вперёд.

Не смей!

Ещё один.

Наброситься! Достать до горла!

Злится. Прижат к земле, клыки у самого горла. Да!

Нет. Зарычал. Сбросил. Прижал сам.

Ну уж нет!

Драка. Настоящая война. Не сдаваться! Ни за что! Никому! Убить! Растерзать! Упитья железом победы! Попробовать на вкус! Он сам виноват. Сам пришёл. Чужак. Не звали. Поплатится жизнью! Плотью!

Огонь всё ближе.

А он снова прижал, не пошевелиться.

Нет! Вырваться! Жар! Пепел! Страшно!

Не пускает. Снова зарычал, клыки вцепились в горло. Не до крови. Но ещё чуть-чуть — и всё.

Не вырваться. Даже не дёрнуться. Не пошевелиться. Он может делать, что хочет. Сильный. Сильнее.

Проигрыш. Унижение?

Нет. Не ему, не с ним. Достоин.

Покориться. Принять любую кару.

Сейчас он сожмёт зубы, и...

Ну же!

Не сжал.

Отпустил. Снова схватил! За холку, как щенка! Унизительно!

Надо терпеть. Придётся. Сама виновата.

Снова отпустил и...

...лёг. Просто. На траву. Смотрит.

Надо бежать! Спасаться!

От чего?

Но ведь...

Ни железа, ни пепла.

Ночь. Лес. Небо. Луна.

И он. Рядом. Такой спокойный, сильный. Такой... знакомый. Родной.

Можно?..

Нужно.

Лечь рядом, прижаться.

Ой! Лизнул! Прямо в нос! Так... так мило...

Пойти за тобой? Вернуться? Да. Куда захочешь.

Теперь с тобой.

Навсегда.

Чёрный волк был зол. Ему так и не позволили растерзать врага, он жаждал крови! Но человек успокаивал. Тихо, брат, мы ещё повоюем. Они ещё поплатятся. Потом. А сейчас надо найти её. Чуешь запах? Волк чуял. Отчаяние, страх, злость. И что-то ещё. Гадкое. Горькое. То, что не давало маленькой волчице успокоиться, жалило, заставляя бежать, бежать, бежать.

Он шёл по следу. Девочка убежала далеко, но запах слишком силён.

Вот она. Измотанная яростью, потерявшая голову от ужаса и отчаяния. Просто стоит посреди поляны и воет, воет, воет.

Человек испытывал острую жалость, хотел помочь. Злоба волка тоже поутихла. Молодая. Не может собой управлять. Не научилась. Да ещё та гадость. Он подошёл ближе...

Прыжок! Волк еле увернулся. Рык.

Снова злость. Нападать! На него! Дерзкая. Думает, что сильнее? Хорошо. Сейчас получит своё...

Опять человек. Снова вмешивается. Не лезь! Её надо проучить!

Брат, сейчас девочка испугана. Её напичкали какой-то дрянью, она...

Она бросает вызов! Не смей! Покорность!

Будет тебе покорность. Уже есть. Сейчас девочка сама не своя. Она другая, ты видел. Понимает своё место, ей нравится. Виноват облезлый и его хозяева. Пощади. Ей и без тебя плохо. А будет ещё хуже. Надо спасать, а не "учить".

Но волк не желал слушать. Слишком похожа на ту! Волчицу, которой вечно хотелось быть другой, которая боролась и была готова встать одна против всех. Сильная, горячая, жестокая. Хищница. Она вроде бы манит, готова подпустить к себе, особенно того, кто ей понравился. Но если избранный "счастливчик" ослабит бдительность хоть на полвздоха, если откроет хотя бы одно уязвимое место — вцепится, не раздумывая.

Вначале это будоражило, вначале казалось, что такой и должна быть настоящая волчица. Она хороша, желанна многими — а значит может выбирать. Ищет достойного. Он был достоин. Он принял вызов, доказал свою силу, заставив волчицу сначала скулить, а потом и выть. Он делал это снова, и снова, и снова, и снова. И вот уже волк думает, что этот раз — последний, что шальная бестия уgomонится, что ей уже достаточно доказательств. И вроде бы она действительно приняла своё место, стала послушной и ласковой. А потом снова вызов, да такой, будто она видит его впервые, будто никаких доказательств не было вообще.

И так раз за разом. Постоянно.

Волк злился, но они с человеком терпели, надеясь, что потом она всё-таки перебесится и закончит трепать нервы, будто это игрушка или добыча. Не успокоилась. Продолжала, не давая расслабиться ни на секунду...

Волк снова зарычал, снова бросился на дерзкую. Свалил на траву, придавливая всем телом, вцепился в горло.

Брат.

Не до крови. Пока что.

Это не та волчица. Сейчас она похожа, да. Но только сейчас. Девочку накачали какой-то наркотой, это не она. Посмотри.

Маленькая волчица чувствует клыки на горле. Уже не вырывается, не рычит. Приняла поражение. Теперь просто лежит, готовая покорно принять любое наказание. И надо бы! Надо! Жестоко! Чтоб раз и навсегда запомнила своё место, чтоб даже мысли не было задирать того, кому принадлежит!

Хватит. Слышишь? Уймись уже. Не та. Другая. Девочка, у которой всё впереди. Тут что посеешь, то и пожнёшь. Ну будет она таскать тебе тапочки и вилять хвостом. Будет терпеть, натягивая улыбку. А потом забьётся в угол и разрыдается, потому что боится до одури. И ненавидит. Хочешь такую? Не жену, не женщину, а собачонку?

Волк замер. Он всё ещё был раздражён и злился, но уже без ярости. А маленькая волчица по-прежнему лежала под ним, часто дыша, и дожидалась своей участи. Знакомо, так знакомо! Сейчас волк окончательно перестанет злиться, простит, у них всё наладится. А потом она снова начнёт... Нет. Ладно уж. Маленькая волчица имеет право на ещё один шанс.

Разжав клыки, волк поднялся, но тут же снова схватил. Только теперь за холку, как непослушного щенка. Несколько раз тряхнул — с силой, чтобы прочувствовала свою вину и его недовольство, чтобы заскулила. Но потом, отпустил и лёг на траву, милостиво позволив своей маленькой волчице примаститься рядом. Теперь она жмётся ближе, заглядывает в глаза — действительно как щенок, который только что получил взбучку, и пытается выяснить, сердится ли на него старший или уже простил.

Совсем молоденькая, но всё-таки уже... созревшая. Здоровая, крепкая, с блестящими глазами и густой шерстью, свежо и терпко пахнувшей недавним обращением. Никакой гадости, ничего горького.

Ладно, ладно. Так уж и быть. Прощена. Но только на этот раз!

Лизнув свою маленькую бестию в нос, чёрный волк снова поднялся. Пора возвращаться.

Возле дома уже не было ни Одинцова, ни его шайки головорезов — только отвратительный запах, слабеющий с каждым порывом ветра. И следы крови возле крыльца. Волку очень хотелось, забыв обо всём, метнуться к Буровым, к матери. Человеку — тоже,

однако он заставил себя сдержаться.

Брат, она или едет в больницу, или уже там. Поедем сейчас — будем просто сидеть и ждать. А девочка? Ей кто поможет?

Волк зарычал. Убивать врагов, отгонять соперников, покрывать свою волчицу, защищать её и детёнышей — вот чем он должен заниматься! А человек снова устраивает какие-то сложности, заставляет выбирать!

Наша жизнь сложнее, брат. Но ты прав, мы должны защищать нашу волчицу. Сейчас ей надо перекинуться. Обязательно. Иначе может не вернуться.

Волк снова посмотрел на неё. Вначале, когда только ушли с той поляны, была такая смиренная, послушная. А потом вдруг напрыгнула, пытаясь завалить. Волк рыкнул — сейчас не до игр! Серая бестия присмирела, но не надолго. Снова как щенок — бегала вокруг, то и дело пытаясь укусить за хвост или за ухо. Теперь, возле дома, она испуганно жалась к волку, но с каждой секундой страх всё больше уступал место заинтересованности. Хотелось всему её научить, показать, но...

Потом, брат. Не в этот раз. Теперь мой ход.

Немного поворчав, волк зашёл в дом. Проследив, чтобы девочка была рядом, лёг посреди прихожей и закрыл глаза...

...Несколько секунд Белозерский не шевелился, дожидаясь, пока зверь окончательно отступит, и сознание с телом станут полностью человеческими. Поднявшись, Игорь посмотрел на волчицу. Та застыла возле двери, на морде — замешательство вперемешку со страхом.

— Да не бойся, глупая. Я свой. Иди ко мне.

Присев на корточки, он протянул руку. Поначалу волчица не шевелилась. Потом принялась, фыркнула.

— Иди сюда. Всё хорошо.

Где её волк? Куда это существо его подевало? Но пахнет... так странно... вроде незнакомо, а вроде им...

Страх уступил место недоверию, потом примешалось и любопытство. Склонив голову на бок, волчица пару раз робко вильнула хвостом.

— Давай, давай, жёнушка.

Переминаясь с лапы на лапу, вроде бы сделала крошечный шаг вперёд, но тут же снова отступила. Такой странный запах! Незнакомый, необычный. Но интересный. Он? Или нет? Можно? Не укусит?

Снова шаг вперёд. Уже больше, уверенней.

— Умница.

Любопытно, так любопытно!

Ближе, ближе, ближе.

Совсем рядом.

Осторожно понюхав протянутую руку, волчица снова несколько раз вильнула хвостом, но когда ладонь медленно опустилась между ушей — припала на передние лапы и тихо заскулила.

— Ну-ну. Не бойся.

Игорь гладил. Всё также медленно, осторожно. Сначала только по голове, потом и по холке, по спине. Перестав скулить, волчица, посмотрела в глаза. Для любого человека просто тёмные, но она видела тончайшие по-волчьи светлые прожилки. И запах, этот

запах... новый, но родной...

Он.

Выпрямившись, волчица подошла ещё ближе. Робко уткнувшись носом, принялась лизать раскрытую ладонь.

— Сразу бы так. Хорошая девочка.

Игорь было хотел потрепать её по холке, но волчица отпрыгнула. Завиляв хвостом, снова подскочила и попыталась завалить человека на пол.

— Ох, нежнее, милая!

Тот по-прежнему был полностью голый, но всё равно несколько минут побарахтался с супругой, позволяя кусать себя за руки и пытаться быть сверху. Но потом всё-таки поднялся. А волчица уже стояла возле двери и призывно смотрела на человека, нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу.

Белозерский усмехнулся.

— Что, побегать хочешь? Нет, радость моя, для первого раза тебе уже хватит. Давай-ка назад.

Та завиляла хвостом. Но с места не сдвинулась.

— Иди ко мне.

Теперь это был приказ. Спокойный. Твёрдый. Виновато опустив голову, волчица подчинилась. Снова присев на корточки, Игорь поднял её морду.

— Аня, — сказал он, глядя в жёлтые глаза. — Ты не только зверь, помнишь? Ты — Аня, моя жена.

Волчица попыталась снова ткнуться носом Белозерскому в ладонь, но тот не позволил.

— Нет. Хватит игр. Я хочу видеть девушку. Человеческую. У которой есть родители и друзья. Вспомни их. Вернись.

Бесполезно. Склонив голову на бок, волчица слушала, слушала, но как только человек перестал говорить, снова принялась лизать и кусать его ладонь.

— Ладно, нормальные герои всегда идут в обход. Пошли.

Поднявшись, Игорь направился в их с женой комнату. Волчица — следом. Однако на пороге остановилась. Станный запах. Не только его но и... её? Чужая. Медленно зайдя в комнату, волчица остановилась возле кровати. Здесь сильнее всего. Их запахи почти смешиваются.

Игорь надевал джинсы. Против румянца своей юной супруги он ничего не имел, даже наоборот. Однако на этот раз Белозерский решил её пожалеть — голого мужа девочка ещё успеет увидеть, сейчас ей и без того впечатлений хватает.

— Эй, эй. Что такое?

Обернувшись, он увидел, что волчица смотрит на лежавшую поверх одеяла ночную рубашку Ани. И рычит.

— Это — твоё. — Подойдя ближе, Игорь протянул её волчице. — Помнишь?

Но та лишь продолжала глухо рычать. Да, запах знакомый. И что-то мелькало, какие-то странные картинки, звуки. Волчица что-то помнила, что-то чувствовала. Но не осознавала, не могла понять. Выходит, он уже давно рядом? Оказывается, да. Она этого не помнила, будто недавно проснулась. Будто с ним была другая. Да! Это её запах, её память! Молодая человецица. Очень глупая. И слепая. Её выбрал сильный, очень сильный. Настоящий вожак. А она злилась! На него! Ничего не понимала, даже не чувствовала! Зачем ему такая?

— Ну же, Аня, — продолжал Белозерский. На мгновение взгляд жёлтых глаз изменился,

волчица перестала рычать. Но и только — Давай, давай. Ты это носила. Это твой запах. Мы с тобой тут спали. Я тебя сюда привёз. — Он усмехнулся. — Вы не имеете права, похищение! Планшет мой убила. Помнишь?

Фыркнув, волчица было кляцнула зубами, пытаясь схватить дурацкую тряпку, но Игорь успел отдёргнуть руку.

— Упёртая. Ладно, а что про это скажешь? — Подойдя к стулу, Белозерский взял сумку жены и вывалил содержимое прямо на пол. — Смотри. Твоё. Ты этим пользовалась. Ну!

Волчица подошла, посмотрела. И? Куча каких-то глупых штук. Зачем он их показывает? Может, другая и знала, что со всем этим делать, а она...

Что-то блестящее. Маленькое. Но очень-очень важное. Слово из другого мира — "кольцо". Должно быть на... на пальце. Безымянном. Как у Игоря. Она была так зла, так зла! Да гори всё синим пламенем! Надоело! Она не хочет быть его женой!

Она? Нет-нет. Другая! "Игоря"? Что это? Очередная глупая штука?

Да, почти. Муж.

Муж? Что... зачем...

Большое зеркало во весь рост. Бледная девушка в перешитом платье матери. Он где-то рядом, заигрывает с другой. Обидно.

Старинный зал. Много незнакомых людей. Всё расплывчато, нечётко. Свадебный марш? Он прямо напротив, совсем близко. Улыбается. Кольца.

"Можете поцеловать невесту". Холод по всему телу. Ужас! "Какие нежные ручки". Щёки горят. Смущение.

И опять смущение. И снова. Его так много. Очень. Постоянно. Так смотрит, такой взгляд! Тепло. Горячо. Целовал. Её? Меня?

Недооборотень, ха. Что может быть нужно взрослому мужчине от... Он не захочет менять свои привычки ради какой-то... Глупо! Глупая! Сильный. Волк, волк, волк! Рядом. Он. С ним. Никого другого. Ни на одну другую. Пусть только посмеет!

Связь. Навсегда. Вместе. Он и... я? Она?

— Так, так. Давай, моя хорошая.

Вой. Долгий, недовольно-растерянный. Лапы вдруг задрожали, волчица упала прямо на вещи. Глаза закатились, она захрипела. Треск меняющихся костей. Снова вой. Минута, другая. Голос дребезжит, ломается. Крик.

— Отлично. Иди-ка сюда.

Когда волчица отступила полностью, Белозерский поднял девушку на руки. Голая, вся дрожит, слёзы рекой. Усадив себе на колени, Игорь укутал жену в одеяло.

— Всё хорошо. — Обняв покрепче, начал гладить по волосам. — Слышишь? Ты молодец.

— Я... я... ты...

Подняв голову, девушка посмотрела на Белозерского. Улыбнувшись, он вытер её мокрые щёки, провёл пальцем по дрожащим губам.

— Ну что, в нашем полку прибыло? — Подмигнул. — Хорошенькая она у тебя.

Аня хотела что-то сказать, но, всхлипнув, снова разрыдалась. Уткнувшись мужу в плечо, прижалась всем телом, вцепилась, будто бы ужасно боясь, что он сейчас исчезнет. Девушку трясло, она рыдала, рыдала, рыдала, вплёскивая всё то, что так долго копилось.

Игорь ждал. Продолжая обнимать, гладил по волосам и спине, повторяя, что всё хорошо, что жена у него молодец, что отлично справилась, что самое тяжёлое позади и

дальше будет легче.

И постепенно всхлипы становились тише, дрожь проходила. Теперь девушка просто обнимала Белозерского, положив голову ему на плечо. Такой хороший! Замечательный, самый лучший! Её муж! С ним так тепло, так хочется всегда быть рядом, заботиться! И не только... и целовать... и... и всё остальное. Что годно. Что захочет.

Связь.

Аня и так начинала её ощущать, но если раньше это чувство было чем-то смутным и трудноуловимым, то теперь оно стало почти осязаемым, плотным, прочным. Читать мысли мужа девушка не могла, но его настроение и желания стали почти такими же близкими и понятными, как свои собственные.

Сейчас Игорю нравилось, что его юная супруга рядом, что обнимает, что можно её касаться. И жалость. Он жалел несчастную девочку, которой так сильно досталось, хотел защитить, уберечь. И это желание... сильное, очень глубокое. Не само по себе, нет. Что-то ещё. Что-то усиливало, обостряло до боли, доставая до самого дна.

Чувство вины.

Оно было раной, старой, но до сих пор не зажившей до конца, то и дело кровоточившей. Лёгшая поверх жалость стала кислотой. Должен был успеть, уберечь. Не смог. Опять.

— Эй. — Заметив, что жена вдруг снова вся сжалась, Игорь осторожно приподнял её лицо за подбородок. — Ты чего?

По щекам девушки снова побежали слёзы. Игорю так больно, так плохо, а он заботится о ней. Сдерживается. Не показывает. Вообще. Бедный...

— Нет, нет... — Аня даже заставила себя улыбнуться. — В-всё нормально... п-прости... я... м-мне надо... время... п-прийти... в с-себя...

— Хорошо. — Снова вытерев слёзы, Игорь поцеловал её в висок. — Поспишь?

Аня обняла мужа крепче.

— Ты... а ты останешься?... Со мной...

Тот вздохнул.

— Ты ложись, а я скоро приду. Идёт?

Но девушка тут же замотала головой.

— Н-нет. П-пожалуйста... не у-уходи... н-не б-бросай...

— Тихо, тихо. Я скоро вернусь, обещаю...

— Нет! — Она снова вцепилась в мужа. Только не это! Не одной! Не сейчас! — Куда ты?!

Игорь помрачнел.

— К Славке. Потом скорее всего в больницу.

— З-зачем?

— Мать.

Аня вздрогнула.

— Н-надежда Дмитриевна? Что с ней?..

— Ранили. Ань, послушай. — Белозерский осторожно убрал руки жены с плеч. — Я отведу тебя к Буровым, ладно? А то здесь долбанное окно выбили. Там ляжешь спать. Проснёшься...

— Я с тобой, — снова перебила девушка твёрдо.

— Ань...

— Нет. С тобой. И не спорь.

До боли острая жалость отступила, Аня взяла себя в руки. Она не оставит Игоря. Ни за что. Будет рядом. Он больше не один.

Несколько мгновений Игорь молча смотрел на жену. Усмехнулся.

— Как будто Кали двадцать лет сбросила. — Но потом снова помрачнел. — Ладно. Одевайся. Только в темпе, договорились?

Вскочив, девушка поцеловала мужа в щёку и бросилась к шкафу.

Светало. У Буровых спали все, кроме Ярослава. Он подтвердил — Надежду Дмитриевну уже увезли в больницу, в Лазоревское.

— Батя с ней? — спросил Игорь мрачно.

Буров кивнул.

— Не отходил от неё.

— Сам хоть инфаркт не словил?

— Нет. Держи, просил тебе отдать.

С этими словами Ярослав протянул Игорю телефон. Дисплей был весь в трещинах, будто после падения на камни.

— Спасибо. Слав, я...

Будто бы узнав хозяина, телефон тут же зазвонил. Увидеть номер целиком было невозможно, но три буквы имени как раз влезали между трещин.

"Юля"

Не с первого раза, но зелёная кнопка на экране всё-таки среагировала на прикосновение. Игорь приложил телефон к уху.

— Белозерский... Юль, спокойно. Помедленней. Кого забрали? Машка опять что-то... Серёгу? Какого хрена? Кто? Твою мать! Все живы? Ладно, разберёмся. Успокойся сама и успокой Машку. Нет, всё. Ничего не делать, сказал же. Отбой.

— Что на этот раз? — спросил Буров, когда Игорь закончил говорить.

— Привет от Одинцова, — бросил тот, мрачней ещё больше. — Очередной. Что с Катюхой?

— Да ничего.

— В смысле? Сильно испугалась?

— Вообще не испугалась. Теперь из штанов выскакивает, с тобой в Питер ехать хочет. Я спросил зачем — говорит, чтобы помочь с "этими козлами разобраться".

— Папина дочка. — Игорь было усмехнулся, но потом тяжело вздохнул. — Слав, знаю, звучит по-идиотски...

Но Буров перебил.

— А ты и есть идиот, Волк, — отрезал он, глядя другу в глаза. — Шальной идиот, нарывающийся на пулю. И свои извинения можешь засунуть в ту самую задницу, в которую собираешься лезть. Уже залез. Радуйся, что Дашки нет, она б тебя без соли, без перца. Вся эта война твоя — дурь. Идиотизм. — Немного помолчал. Потом вдруг усмехнулся и протянул руку. — Удачи.

Попрощавшись с другом, Игорь поехал в Лазоревское. Остановившись возле больницы, он было попросил Аню побыть в машине, но та снова наотрез отказалась.

— Я с тобой. Пожалуйста.

Белозерский только рукой махнул — сейчас ему было не до споров.

...Надежда Дмитриевна по-прежнему была без сознания, врачи говорили, что состояние тяжёлое, но стабильное, и угрозы для жизни нет. Но всё-таки Игорь попросил приехать

знакомого хирурга и договорился с местными медсёстрами, чтобы те присматривали за его матерью особо тщательно. И лишь после этого зашёл к ней в палату, всё же оставив Аню в коридоре.

Виктор Васильевич неподвижно сидел рядом с женой и был почти таким же бледным. Приход сына он будто бы не заметил. Несколько секунд Игорь стоял в дверях, но потом всё-таки подошёл.

Они молчали.

Минуту, другую, третью.

— Где ты был? — наконец спросил Виктор Васильевич, по-прежнему не глядя на сына.

— Ане вкололи какую-то дрянь. Пришлось спасать.

Тот стоял рядом, тоже не глядя на отца.

— Эта девка для тебя важнее родной матери?

Руки Игоря сами собой сжались в кулаки.

— Ну пошёл бы я с тобой. — Однако он всё-таки попытался говорить спокойно. — И? Я не врач. Какой с меня толк был бы? Её так и так сюда привезли бы.

— Эти ублюдки пришли за тобой?

Игорь промолчал — слова застряли в горле.

— Я задал вопрос. Ты их привёл?

Оправдываться? Глупо. Ведь это правда.

— Да.

Снова тяжёлое молчание. Эшафот. Плаха. Игорь чувствовал — приговор не заставит себя ждать.

Он был прав.

— Ты мне больше не сын. — Топор опустился. Игорь закрыл глаза. — Ни мне, ни моей жене от тебя ничего не нужно. Ты нас опозорил. Пошёл вон.

И он... пошёл.

— Ну как... — начала было Аня, когда муж вышел из палаты. Но, увидев его лицо, тут же осеклась. — Господи... что с тобой? Виктор Васильевич?..

— Всё в порядке, — ответил Игорь. Его голос был мёртв. Пуст. — Он с мамой. Пошли.

— Но...

— Идём.

Прежде, чем девушка успела сказать ещё хоть слово, Белозерский взял её за руку и вывел на улицу.

Через два дня они были в Питере.

— Что тебе надо, ублюдок?

— И вам доброго вечера, Игорь. Поживаю хорошо. Вика тоже в порядке. Спасибо, что поинтересовались.

— Светские любезности можешь засунуть...

— Вы за этим мне позвонили?

— За каким хреном тебе Исаев?

— Прошу прощения?..

— Исаев. Сергей Исаев. Которого загребли твои головорезы. Недавно.

— А, ваш шофёр. Он сошёл с ума, обратился и чуть не убил вашу племянницу и... хм... кем у вас Юля? Горничная? Любовница?

— Что ты хочешь за его освобождение?

— Дело не в моих желаниях и даже не в их отсутствии. Сергей и раньше вызывал подозрения. Теперь сомневаться глупо. Он дикий. Соболезную.

— Он не...

— Ваши слова уже ничего не решат, Игорь. Вы и раньше клялись и божились, что Сергей просто нестабилен. И что же? Вам собственную племянницу не жаль?

— Мне жаль нормального парня, из которого сделали лабораторную крысу! Твой отец сделал!

— Сергей уже, так сказать, выходил из себя однажды. Тогда чуть не пострадала Анна.

— Ну да, твоя сестричка постаралась! Хватит корчить из себя святого!

— Игорь, ну давайте же будем объективны. Хотя бы на пару минут. Конечно, вспоминая историю с вашим братом, я могу понять вашу... ваши чувства, но...

— Выродок! Пошёл к чёрту!

— Как вам угодно. Приятного вечера.

Когда разговор закончился, Белозерский едва сдержался, чтобы не вышвырнуть телефон на дорогу.

— Домой, — вместо этого мрачно приказал он, и новый шофёр надавил на газ.

Вернувшись в Питер, Игорь отвёз Аню к родителям, а потом тут же рванул на Крестовский. Маша, заливаясь слезами, бросилась к дяде, умоляя "вернуть его" и без конца повторяя, что это её вина. Юля была бледна, под глазами залегли тени, веки припухли. Но, взяв себя в руки, девушка объяснила, что всё то время, когда Игорь был в отъезде, Маша пыталась уговорить Серёжу обратиться, повторяя дядины слова о том, что ему нужно учиться жить со зверем. Парень отказывался, говорил, что это слишком опасно. Это продолжалось день за днём, Серёжа начал раздражаться. А потом Маша решила его спровоцировать...

"Куда ты смотрела?! — зарычал тогда Игорь. — Юля, мать твою! Я же просил! Приглядывай за Машкой!"

"Я... Прости. — Девушка потупилась. — Я... я не ожидала, что дойдёт до такого..."

"До какого?!"

В тот момент Маша снова бросилась к дяде на шею, рыдая и твердя, что виновата она и только она. С трудом успокоив племянницу, Игорь заставил её рассказать, что именно она сделала. Краснея и всхлипывая, девушка долго ходила вокруг да около, сбивчиво

перескакивая с одного на другое, пока Игорь ни догадался сам:

"Ты хотела, переспать с ним?"

Тихонько завыв, Маша уткнулась дяде в плечо. Тот лишь мысленно выругался. Несколько дней Игорь выяснял, куда именно упрятали Серёжу и как его можно вернуть. Но след терялся — парень как в воду канул. Наступив себе на горло, Игорь всё-таки позвонил Александру — он, конечно, конченный ублюдок, но знать должен. Однако теперь и эта нить оборвалась. Одинцов, как и всегда, ведёт свою игру, и давать Игорю информацию ему не выгодно. Выбить силой? Чтобы парня вообще убили? Нет, это тоже не вариант.

Тупик.

Когда Игорь пришёл домой, было уже за полночь, все спали. Не включая свет, он пошёл на кухню. Достав коньяк, сел за стол, открыл окно. Закурил. Выпил.

— Привет.

Подойдя к мужу, Аня села к нему на колени.

Когда Игорь несколько дней назад привёз её к родителям, а сам уехал к себе, первым порывом девушки было отправиться за ним. Весь день она боролась с этой тягой, пыталась отвлечься. Но, во-первых, все мысли были только о муже. Конечно, где-то на задворках сознания мельтешили какие-то образы, какие-то детали. Аня хотела что-то спросить у отца? Да, что-то там с этим сумасшедшим Джеем... Но какая теперь разница? Он что-то сделал? Ну и пусть, уже всё кончилось. Теперь Аня — другой человек. Теперь она больше не будет вести себя как последняя идиотка, не будет корчить из себя ледяную деву. Зачем? Какой, к чёрту, лёд, когда рядом такой, как Игорь? Нет-нет, теперь она — вулкан, рядом с которым померкнет даже слава Кали, которую Белозерский так любит вспоминать. Разлюбит. Всё. Аня стала полноценной волчицей, и больше не потерпит рядом со своим мужем другую женщину. Пусть даже она есть только в мыслях.

Именно это и стало второй причиной, по которой девушка уехала от родителей в тот же день. Ревность. Если раньше для Ани мать была эталоном и кумиром, то сейчас девушка в первую очередь смотрела на неё как на соперницу. Да, Анастасия Павловна уже давно замужем и любит Аниного отца. Но Игорь её вспоминает! Не так, чтобы часто. Но всё же Причём, только её — ни одна из прежних (и многочисленных) любовниц такой чести не удостоилась. Это ж какой след остался после Кали, что его даже любвеобильность Белозерского не сумела вывести!

И что, теперь Аня должна вести себя с этой женщиной по-прежнему? Улыбаться, рассказывать обо всём? Нет, это выше её сил!

— Чего не спим?

— Тебя ждём.

Поэтому девушка тем же вечером уехала на Крестовский. Следующие несколько дней Аня видела мужа только по утрам, да и то мельком. Она несколько раз пыталась дождаться, когда Игорь придёт с работы, однако это происходило слишком поздно, и в итоге девушка засыпала. Но сегодня всё же сумела перебороть себя.

— Кое-кому надо бы отдохнуть, — прижавшись к мужу покрепче, сказала Аня негромко.

Белозерский криво усмехнулся. Налив себе ещё коньяка, выпил залпом.

— На Том Свете выплусь.

— Ну правда. — Девушка погладила его по волосам, щеке. — Я... я помогу...

Рука скользнула по груди, ниже. Однако...

— Гляжу, волчица всё ещё здесь. — Снова усмехнувшись, Игорь переложил руку жены себе на плечо. — Теперь вам надо учиться жить вместе.

Та посмотрела мужу в глаза.

— Я хочу этого, — сказала она твёрдо.

Но Белозерский покачал головой.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда придёшь в себя. Целиком.

Аня дёрнулась, как от пощёчины. Опустила голову.

— Ты... думаешь о ней? — спросила девушка глухо.

— О ком?

— О Кали.

Игорь тоже опустил голову, недоумённо глядя на жену.

— Нет. — Полувымученная усмешка. — А должен?

Девушка фыркнула.

— Тебе видней, — отрезала она холодно.

Почти минуту Белозерский устало молчал, пытаясь сообразить, где он проштрафился на этот раз. Но потом всё-таки догадался.

— Ань. — Обняв жену, уткнулся лбом ей в плечо, закрыл глаза. — Мы с твоей матерью порвали сто лет назад. И я этому рад. И она рада. Потому что мы оба понимаем, что ошиблись. Не забивай себе голову всякой дурью, я тебя умоляю.

Девушку эти слова не убедили, она хотела возразить, выплеснуть всё, что так долго копилось. Но вместо этого лишь обняла мужа крепче, снова погладила по волосам. Он слишком устал. Измучен. Столько всего случилось! Ему нужна поддержка, а не выяснение отношений. Как-нибудь потом. Аня подождёт. А сейчас...

— Я... я правда... хочу...

Почувствовав на шее прикосновение тёплых губ, Игорь, сам того не заметив, обнял девушку крепче. Соскользнув с талии, рука забралась под халат, легла на колено, выше, выше...

Вздрагнув, девушка охнула. Белозерский очнулся.

— Давай не будем торопиться. — Убрав руку, поднял лицо Ани за подбородок. — Успеется.

Игорь хотел её поцеловать, но девушка сердито отвернулась.

"Ушам своим не верю!"

— Почему? Я для тебя недостаточно хороша? Слишком молода? Девственница?

Карие глаза сверкнули желтизной. Вместо ответа Белозерский вдруг поднял жену на руки и усадил на стол, одновременно вставая так, чтобы она не могла свести колени.

— Против молоденьких девственниц ничего не имею. — Пользуясь Аниным удивлением, Игорь взял её ладонь и положил себе на молнию брюк. — Особенно, если одна из них — моя жена.

Щёки девушки обожгло румянцем, она вздрогнула. Но руку не убрал. Даже не попыталась. Просто смотрела на мужа широко распахнутыми глазами.

— Я бы поимел тебя ещё в день свадьбы, когда ты была такой милой куколкой. Уж пardon за мой французский. Я хочу тебя, жёнушка. Надеюсь, теперь, — Белозерский сжал пальцы девушки, заставляя обхватить крепче, — ты это чувствуешь.

— Т-тогда п-почему?.. — пролепетала Аня, всё же потупившись.

Так сильно девушка ещё никогда не краснела. Ни разу в жизни. "Ледяная дева" в ней,

конечно, возмущалась, называя Белозерского грубияном и похотливым животным. Но другая... Она была взбодоражена. Эти слова мужа — каждое вызывало новую волну горячего стыда. Но не только. Что-то не менее горячее, даже обжигающее...

Бомба, готовая вот-вот взорваться. Если только Игорь продолжит...

Но он лишь молча сверкал желтеющими глазами.

"Глупая девочка, куда ты лезешь? Не нарывайся. Да я б тебя уже сотню раз..."

Конечно, Белозерский понимал, что всё это говорит и делает не столько сама Аня, сколько её волчица, которая так и не ушла до конца. И всё равно не мог не поражаться — совсем другая! Вообще. Абсолютно. Была скромницей, недотрогой. А теперь... Будто бы Кали помолодела.

— Я уже сказал. — С трудом заставив себя отпустить жену, Игорь подошёл к другому краю стола и снова взялся за бутылку. — Сейчас тебе и без того впечатлений достаточно.

Но это не она. Не Кали. Тут девочка моложе и не понимает, чего хочет. Ладно бы хоть не первый раз был — так девственница. Ну получит она то, чего якобы так жаждет. И что потом, когда оклемается? Слезы в подушку? Нет уж. Тем более что виноватым будет кто? Разумеется, похотливый ублюдок, воспользовавшийся слабостью бедной девочки и сорвавший этот аленький цветочек. К чёрту. С него хватит.

— Хорошо, Игорь Викторович, — холодно отрезала Аня, спрыгивая со стола. — Как скажете.

Он бы её "поимел", но сейчас и пальцем не тронул. "Достаточно впечатлений"? Что за бред! Неужели Игорь совсем ничего не видит? Да Аня была готова хоть здесь и сейчас. Прямо на столе, если бы муж этого захотел. Да как угодно, чёрт возьми! Между ними связь, они принадлежат друг другу! Неужели он не чувствует? Но такого не может быть! Просто не может! Это всё Кали! Игорь думает о ней, что бы он там ни говорил!

— Не обижайся. — Увидев лицо девушки, Белозерский вздохнул. Подойдя к ней, положил руку на плечо. — О тебе же забочусь. Потом ещё спасибо скажешь.

Но Аня скинула его ладонь. Обернулась, посмотрела в глаза. Белозерский невесело усмехнулся — вокруг зрачков светились жёлтые кольца.

— Спокойной ночи, Игорь Викторович. Не задерживайтесь.

— Постараюсь, Анна Михайловна. Спасибо за заботу.

Напоследок окатив мужа убийственным взглядом, девушка ушла к себе.

Белозерский вернулся к коньяку.

Аня не успокоилась. "Ледяная дева" тащила волчицу в институт, заставляла слушать лектора, записывать, решать, думать. Та подчинялась, но без особого энтузиазма. Зато вечером она, дождавшись мужа, снова садилась к нему на колени, прижималась, целовала.

Игорю было нелегко. Да, ему нравилось, что супруга его встречает, что ластится. Больше нет нужды, сидя в одиночестве, запивать тяжёлый день коньяком, чтобы хоть как-то забыться, расслабиться. Теперь можно обнять милую тёплую Аню, не девицу по вызову — жену. Посмотреть на чуть застенчивую улыбку, вдохнуть сладкий запах...

Однако же, этим дело не ограничивалось.

— Радость моя, — покачал головой Белозерский, в который раз убирая ладонь жены с пояса брюк, — ты моей смерти хочешь?

— Конечно, — промурлыкала девушка, прижимаясь всем телом. — Хочу, чтобы ты страдал.

Белозерский усмехнулся.

— Н-да, вот тебе и нежный цветок.

— А я и не цветок. Я...

— ...молодая волчица, которая только-только обратилась, и теперь её клинит не по-детски? Знаю, знаю.

Аня поморщилась.

— Ты опять? Ничего меня не "клинит". Просто кое-кто до сих пор считает, что его жена

— Снежная Королева.

— Кое-кто помнит, каким был он сам. Да и любой из нас после первого обращения. Это нормально, просто надо переждать. И не наделать глупостей. Слышишь?

— Я — само внимание, — закивала девушка, мило хлопая ресницами. Пальцы расстёгивали пуговицы на рубашке. — Ты говори, говори.

— Ань, я серьёзно. — Усмешка исчезла, Белозерский посмотрел жене в глаза. — Ты сама-то не чувствуешь? Ведёшь себя совершенно по-другому. Не напрягает?

— Нет. Я изменилась, только и всего. Считай, что повзрослела.

— Ага. На ближайшую неделю. Ну две от силы. А потом гормоны улягутся. У меня тоже крышу сносило. Даже у отца твоего. Я уж молчу про мать.

— Всё дело в ней, да? — тут же вскинулась девушка. — Ты до сих пор её любишь?

Игорь едва сдержался, чтобы не рявкнуть. Как с цепи сорвалась. Стоит только упомянуть Кали — сразу шипит. И несёт всякую чушь!

— Да не любил я её! Мы порвали, ясно?

— Ну да, я вижу. Чего ж ты через слово её вспоминаешь?

— Может потому, что ты — её дочь, и вы похожи как две капли? Особенно теперь.

— И чего тогда? Теперь ты решил поиграть в недотрогу?

— Аня, мать твою!

— Вот и иди к ней!..

Так заканчивался каждый серьёзный разговор.

Девушка кипела, её разрывали противоречия. С одной стороны, когда муж приходил домой, Ане хотелось быть для него утешением и отдыхом. Но с другой — почему, ну почему Игорь её отвергает? Притом, что оба они хотят одного и того же, Белозерский сам дал это понять! Аня обратилась, она теперь другой человек! Другой! Она — женщина, а не Снежная Королева! Волчица! Неужели Игорь и впрямь думает, что это временно? Глупость, какая же глупость! Аня чувствует его всей своей сутью, хочет принадлежать ему, в конце концов! Как такое может быть временным? Нет, нет, нет! Слишком сильно! Слишком горячо! Не пройдёт! Навсегда! Игорь должен понять. Должен!

И поймёт. Аня докажет.

— Может, другой день выберешь? — поинтересовался Игорь, наблюдая, как девушка надевает куртку. В кои-то веки он, плюнув на дела, решил провести выходные с семьёй, а тут — на тебе! Жена собралась по магазинам. — А сегодня сходим куда-нибудь. Все вместе.

Аня хмыкнула.

— Не думаю, что Маша будет рада меня видеть. Вам лучше вдвоём.

Игорь смерил её пристальным взглядом.

— Колись.

— М-м-м?

— Чего задумала?

Девушка демонстративно приложила руки в груди.

— Я? Задумала? Ничего. Просто иду в магазин. Нельзя?

— Зачем?

— Чтобы купить.

— Что?

— Фалоимитатор. Ты ж у нас недотрога.

Белозерский закатил глаза.

— Очень смешно. Ну а если серьёзно?

Подойдя к мужу, девушка поцеловала его в щёку.

— Не переживай, тебе понравится. — Лукавая усмешка. — Хорошо вам провести время.

Игорь только хмыкнул.

Когда он постучался в комнату племянницы, та не хотела никого видеть — ей было слишком стыдно. Но Игорь не уходил, и в итоге дверь всё-таки открылась.

— Я... это всё я... — рыдала Маша, когда они с дядей сидели на её кровати. — Прости... прости-и...

Игорь обнял племянницу.

— Не буду говорить, что ты ни причём. Надеюсь, в следующий раз, Мария Алексеевна, вы подумаете, прежде чем делать. — Он говорил без упрёка, но твёрдо, девушка вздрагивала от каждого слова. — Но ты хотела как лучше. Заботилась о Серёге. Так ведь?

Маша прижалась к дяде. Подняв голову, заглянула в глаза

— Т-ты вернёшь его?.. В-вернёшь?.. Я... просто я... иначе...

Снова слёзы. Обняв племянницу крепче, Игорь вытер мокрые щёки.

— Никаких "иначе". Всё будет хорошо. Будет тебе твой ненаглядный. Живой и здоровый.

— П-правда?..

Белозерский заставил себя улыбнуться. Ради племянницы.

— Когда я тебе врал? И вообще, хватит киснуть. — Он встал. — Иди умойся и пошли.

Маша растерянно посмотрела на дядю.

— Куда?..

— Да куда угодно. Куда хочешь. А то плесенью зарастёшь тут. Давай, давай.

Весь день до вечера они провели вместе, Игорь наконец-то выполнил давние обещания сходить с племянницей в кино, тир, рок-магазин и на экскурсию по крышам Питера. Поначалу девушке было не до чего, она по-прежнему оставалась в своих грустных мыслях. Но Игорь постоянно говорил, говорил, говорил, заставляя племянницу отвлекаться, выныривать из этого тёмного омота. Было нелегко, но через полчаса Маша впервые улыбнулась, а в магазин уже вошла с горящими глазами.

Потом Игорю всё-таки пришлось уехать — отыскались срочные дела, требующие его постоянного участия. Однако же, Белозерский протянул с ними сначала до шести, а потом и до девяти вечера, и уехал только тогда, когда уставшая Маша была и сама не прочь вернуться домой.

Дела касались информации о том, где мог находиться Серёжа. А вернее, о её отсутствии. Ничего. Последний раз парня видели, когда его забирали люди Одинцова, а дальше — тупик. Почти. Один способ оставался, но он Игорю не нравился. Совершенно. Использовать его Белозерский попытался в самом начале, но, потерпев неудачу, решил, что больше он этим заниматься не будет. Но что ещё оставалось? Сидеть и ждать? Нет, это не для Игоря. Раз ничего другого не остаётся, он попробует снова. Но только не так, как в

первый раз, не в лоб. Теперь стоит действовать чуть тоньше.

Уже на пути домой Белозерский позвонил...

— Привет, Кали. В курсе, без десяти час. Да брось, вы с Мишей так и так полуночники. Слушай, ты мне нужна как женщина...

Они говорили долго, Игорь успел доехать до Крестовского, припарковаться, дойти до своей парадной, подняться на этаж. В конце концов, Настя сказала, что подумает, и Белозерский наконец зашёл в квартиру. Темно, тихо. Маша уже после долгой прогулки должна спать без задних ног, Юля тоже ложится рано. Аня?

— Что, гроза была? — с усмешкой спросил Игорь, заходя в свою комнату.

Аня лежала на кровати. Было темно, он видел только силуэт, но запах не давал ошибиться.

— Нет, — мурлыкнула девушка, потягиваясь. — Просто хотела кое-что тебе показать.

— Конкретней.

— Я сегодня в магазин ходила, помнишь?

Покачав головой, Игорь снял пиджак, принялся развязывать галстук.

— Милая, давай завтра? Я сегодня устал, как собака.

— Вот и отдохнёшь.

Девушка поднялась и, стуча каблуками, подошла к выключателю.

— Радость моя, ты решила спать в туфлях?.. — начала было Игорь, но тут зажёгся свет.

Нет, Аня была не в туфлях — в сапогах. До колена, блестящих, на огромной шпильке. Выше ноги охватывали чулки с подвязками, крепившимися к чёрному полупрозрачному корсету.

— Ну ка-ак? — протянула девушка, с демонстративным кокетством накручивая на палец прядь распущенных волос.

Оглядев жену с головы до ног, Игорь заставил себя усмехнуться.

"Ох, радость моя, что я потом с тобой сделаю..."

— Как будто ты решила сниматься в порно. Хлыста не хватает.

— Потом обязательно куплю. — Улыбнувшись, девушка подошла к мужу. — Сейчас можно обойтись и без него.

Она хотела обнять Игоря, но тот, будто бы не заметив, отошёл к столу и принялся расстёгивать запонки.

— Ну нет, милая. Только с хлыстом. Я по-другому не могу.

Аня — следом.

— Любишь порку?

— Обожаю.

Прижавшись к спине мужа, девушка положила руки на ремень.

— Можно вот этим.

Попыталась расстегнуть, но Белозерский не позволил, повернувшись лицом.

— Солнце моё, давай по-хорошему. — Не повышая тона, но с заметным раздражением. — Мне надоело талдычить одно и то же.

Аня фыркнула.

— Думаешь, мне очень нравится? Я вообще замужем, или как?

В карих глазах медленно разгорался жёлтый огонь.

— Я всё сказал, Ань. — Но голос был холодным. — Ты недавно обратилась...

Схватив за ворот рубашки, девушка поцеловала мужа. Впилась. Настойчиво, пылко.

Игорь ответил. Он чувствовал её жажду, её огонь, нетерпение — сдержаться очень трудно. Но необходимо. Это волчица. Наследие Кали в её дочери, которой ещё предстоит научиться с ним жить. А пока девочка не в себе, Игорь должен забыть о собственных желаниях.

— ...поэтому ведёшь себя неадекватно, — продолжил он, когда Аня отстранилась, тяжело дыша. — Иди спать.

— Не смей! — Такая холодность заставила мгновенно вскипеть, девушка ударила мужа по щеке. — Не смей так со мной! Прекрати! Хватит издеваться!

Белозерский схватил её за плечи.

— Я забочусь о тебе, чёрт подери! Сколько раз повторять? Это твоя волчица...

— Да какая разница?! Я это чувствую! Я, понимаешь?

Карие глаза пожелтели окончательно.

— Твою мать, Аня! Ты у меня конечно девочка умная, но давай ты перестанешь спорить с теми, кто знает лучше.

Девушка шипела.

— И что, у меня раздвоение личности, по-твоему?!

— Считай, что да.

— Бред! — Она снова обняла Игоря, прижалась, заглянула в глаза. — Пожалуйста, ну пожалуйста! Не мучай! Я тебе не нравлюсь? Какой мне быть? Скажи! Я буду, обещаю!

Игорь зарычал. Ему было жаль девочку, он проклинал Мишу, который не удосужился объяснить дочери элементарное.

Но раздражение и усталость, копившиеся с самого приезда в Питер, оказались сильнее. Злость вытеснила всё остальное, Игорь больше не мог сдерживаться.

— Послушной! — рявкнул он, тряхнув девушку за плечи. — Иди спать! Живо!

Та дёрнулась, будто муж её ударил. Отвела взгляд. Всклипнула. Несколько секунд Белозерский снова видел перед собой Аню, ту самую хорошую воспитанную девочку, на которой он женился, обещал защищать, а вместо этого жестоко обидел. Всё, сейчас она расплечется, и Игорю можно стреляться. Чувство вины доконает окончательно.

Но...

— Ладно. — Девушка подняла голову — Игорь тут же помрачнел. Волчица. Ни намёка на слёзы, глаза жёлтые, на губах злая усмешка. — Хорошо. Как скажешь, дорогой супруг. Больше я тебя не потревожу.

— Аня...

— Спокойной ночи.

Девушка не спала пол ночи. Разбив две вазы и хрустальную статуэтку, металась по своей комнате, не в силах успокоиться.

Как он смел?! Это унижительно! Это оскорбление! Она со всей душой, к нему, к своему мужу! И что в ответ? Наорал, будто Аня в чём-то виновата! А в чём? В том, что Белозерский не замечает очевидного? Не хочет замечать? Раздвоение личности, ха! Чушь! Когда внутри всё переворачивается и трепещет при одной только мысли об Игоре, когда эти самые мысли не выходят из головы, что бы Аня ни делала — и он считает, что такое может быть временным? Не по-настоящему?

Нет. Игорь же не дурак, он всё прекрасно видит и понимает. Он просто не хочет. И Ане пора бы это осознать. Старые чувства к Кали? Нежелание терять свободу? Не важно. Вольному воля. Белозерский не хочет быть её мужем? Прекрасно. Тогда и Аня не хочет быть его женой. Всё. Точка.

Уснула девушка с чувством мстительного удовлетворения: больше она не будет испытывать к Белозерскому никаких чувств.

Однако на следующий день, сидя на лекции в институте, Аня снова не могла сосредоточиться на учёбе — все мысли снова о муже. И о том, как он поступил вчера вечером. Забыть? Просто взять и отбросить? Ну уж нет! Такое унижение! Раньше Аня была хорошей безропотной девочкой и всё послушно терпела, но сейчас... Последняя капля. Белозерский ответит. За всю ту обиду, всю злость, всю боль и отчаяние, которые Ане пришлось испытать по его вине. Заплатит сполна.

— ...Да, в силе. Сегодня в восемь, угу. Пока.

Закончив разговор, девушка убрала телефон и начала раздеваться. Настроение было превосходным, эдакая мстительная радость. Аня только что пришла из института и, стоя в прихожей квартиры мужа, подтвердила своё утреннее обещание парню с другого курса. Прекрасно. Замечательно.

Улыбаясь собственным мыслям, девушка пошла в свою комнату, но...

— Ты даже рано.

В гостиной был Игорь. Одетый в смокинг, стоял перед большим зеркалом, поправляя галстук-бабочку.

— Последнюю пару отменили, — бросила Аня.

Она старалась говорить, как ни в чём ни бывало, но внутри всё сжалось: если Белозерский слышал её разговор...

А ну и что! И ладно! Даже если слышал — пускай. Он сам вынудил Аню поступить так. И дальше быть кроткой терпеливой овечкой девушка не собирается. Она — волчица. И если кое-кто не хочет этого видеть, значит придётся терпеть. Игорь сам виноват. Сам.

— С кем собралась гулять? — перенимая тон жены, спросил Белозерский, глядя на её отражение.

Узел внутри затянулся сильнее, по телу прошлась волна холода. Но Аня заставила себя гордо вскинуть голову.

— С подругой, — демонстративно усмехнулась девушка.

Да, пускай поймёт. Так даже лучше. Теперь его очередь злиться.

— Ладно. — Но Игорь остался совершенно спокойным, по-прежнему не глядя на жену. "Нет, милая, врать тебе ещё учиться и учиться...". — Во сколько придёшь?

— Поздно, — ядовито отрезала Аня. Такой реакции она не ожидала. Белозерскому что, вообще наплевать? Он же всё слышал! — А ты куда собрался?

— Очередная светская тусовка, — меланхолично пожал плечами Игорь, продолжая исподволь наблюдать за девушкой. — Явка обязательна.

Та встала рядом.

— И что, пойдёшь один?

Белозерский усмехнулся.

— Не выйдет. Этикет, все дела.

— И с кем же? — взяв мужа под локоть, протянула Аня с улыбкой.

Все обещания тут же забылись. Какое свидание, с каким ещё студентом? Выйти в свет, показать всем, что Игорь теперь занят, что это её мужчина...

Покачав головой, Белозерский обнял жену за талию.

— Прости, солнце моё. В следующий раз.

Самодовольно-восторженные грёзы разбились, девушку будто окатило ледяной водой.

Снова. В который раз.

"Да сколько можно!"

— Почему?!

— Ты недавно обратилась, из тебя прут гормоны. — Игорь оставался спокойным. —

Поверь, такое... чувствуется. Сильно.

— И что?! Кому какое дело?!

— Ань, это неприлично.

— Да что такого?!

— С тем же успехом я мог бы сходить в спортзал, а потом сразу же натянуть смокинг.

— От меня что, воняет?!

— Нет, нет. Ладно, плохое сравнение. — Игорь задумался. — Это как если бы ты, вместо бус, повесила на шею использованную прокладку. И пошла на приём к английской королеве.

Поморщившись, девушка слегка покраснела.

— Это так заметно?

— Не глазами. Больше по запаху. Хотя... Чёрт, не знаю, как объяснить. Но ошибиться тут невозможно.

Однако Аня не отступалась.

— Я же буду с тобой. Не одна. Если кто-то пристанет...

— Радость моя, это ж не течка.

— Тогда в чём дело?

Белозерский нахмурился.

— Радость моя, ты вообще слышишь, что я говорю? Ладно ты с подружкой гуляешь или, там, просто по улице. Хрен с ним. Но прийти на пафосную вечеринку...

— Ты меня стесняешься? — перебила девушка, вновь накатившая обида перерастала в злость.

— А ты, гляжу, решила поиздеваться? — отрезал Игорь, мрачней. — Сколько ещё раз мне повторить, чтобы ты поняла?

— Ладно. — Отпрянув от мужа, Аня натянула улыбку. — Хорошо, милый. Как скажешь. Удачно тебе развлечься.

Промолчав, Белозерский отвернулся — он уже просто не знал, что говорить. Да и есть ли смысл? Она не понимает. Не хочет понимать. Прёт напролом, и всё, хоть трава не расти. Терпеть, просто терпеть. Переждать. Скоро девочка перебесится — вот тогда и можно будет нормально поговорить.

Закончив сборы, Игорь уехал.

Дождавшись, когда за мужем закроется дверь, Аня метнулась в комнату Юли.

— Ты случайно не знаешь, как связаться с Одинцовым?..

— ...Ну что вы, Анна, мне очень приятно видеть вас здесь, — с вежливой полуусмешкой, произнёс Одинцов, целуя руку своей даме. — И всё-таки — почему? Неужели супружеская жизнь оказалась вам не по вкусу?

Как и в прошлую их встречу на свадьбе, Александр был в смокинге и показался девушке рафинированным до идеальности Снежным Королём. А вот образ Ани изменился на корню — ни длинного белого платья, ни цветов, ни перламутрового макияжа, ни локонов сказочной принцессы. Теперь край подола поднимался выше колена на целую ладонь, ни рукавов, ни даже бретелек. Само платье тёмно-алое. Волосы убраны на затылке, глаза ярко подведены чёрным.

— Даже не знаю, что вам на это сказать, Александр, — ответила девушка, копируя его интонацию. — Я ничего против не имела. Даже наоборот. Но увы, дражайший супруг счёл неприличным появиться сегодня вместе со мной. А вы что скажете?

Одинцов снова усмехнулся.

— Скажу, что надеялся избежать этого вопроса, — ответил он, многозначительно отводя взгляд.

Но девушка и бровью не повела. В конце концов, мнение этого человека её волновало в последнюю очередь. Пусть даже он — двоюродный брат. Для Ани Одинцов был лишь способом попасть на элитную вечеринку, куда пускают только по приглашениям. Конечно, пришлось приложить усилия: Юля телефон Александра знала, но давать отказалась и вообще попыталась убедить Аню "не делать глупостей". Однако девушка только отмахнулась — слишком уж много накопилось обиды и злости, чтобы сейчас отступать. Глупость? Пускай. Но Аня была твёрдо намерена её совершить. А дальше хоть трава не расти.

Выйти на Александра удалось кружным путём. Набрав в Интернете его имя и отсеяв однофамильцев, девушка узнала, что семья Одинцовых владеет крупной компанией занимающейся научными разработками в области медицины и генной инженерии. На одном из сайтов был и телефон. Не самого Одинцова, конечно, а кого-то из помощников его помощников. Но Аня рассчитала верно — достаточно было попросить передать Александру Леонидовичу, что звонит сестра, и немного подождать.

Сделать её своей дамой Одинцов согласился сразу и без вопросов. Девушка подозревала, что всё не так просто, что ему это выгодно... Но Игорь сам виноват? Сам. Вот и пусть расплачивается.

Закончив разговор с Александром, девушка тут же пошла сначала в магазин за подходящим платьем, потом в салон красоты — за образом "надоело быть нежным ангелом, хочу быть демоницей". Юля, конечно, снова было попыталась остановить девушку, но та, без малейшего зазрения совести, солгала, что идёт на свидание с одноклассником. Она сомневалась, что Юля поверила, но сейчас это не играло для неё никакой роли. Аня встретила с Одинцовым и попала на вечеринку — это единственное, что имеет значение. Осталось дожидаться Белозерского.

— Избежать? — вскинула бровь Аня, изображая вежливое удивление. — Почему же?

Одинцов слегка пожал плечами.

— Потому что вынужден согласиться с вашим мужем.

— О, то есть, вы тоже считаете, что свежее испечённым оборотням лучше сидеть дома и

не сорить феромонами на окружающих? Ну или из-за чего там вся неприличность.

— Да, Анна. Именно так я и считаю. Это не просто неприлично. Это вызывающе. На грани с вульгарностью. Очень близко. На вас косятся, видите? И дело не в коротком платье. Во всяком случае, не столько в нём.

— Однако же, несмотря на всё это, вы согласились, чтобы я вас сопровождала.

— Согласился, Анна. И ничуть об этом не жалею.

— Звучит... противоречиво, не находите? Или что же, скажете, что вы не знали, что я стала полноценным оборотнем недавно? Не поверю.

— Именно поэтому я и не стану говорить ничего подобного.

— Значит, вам действительно было всё известно. Тогда почему?

Вместо ответа Одинцов снова коснулся Аниной руки, целуя пальцы совсем рядом с обручальным кольцом.

— Уверен, вы всё поймёте. Ну или ваш супруг вам всё подробно объяснит.

Минуту девушка молчала, раздумывая над словами Александра. Но потом усмехнулась.

— Вам нравится его злить, да?

— Не совсем подходящее слово.

— "Злить"?

— "Нравится". Определённый... флёр в этом однозначно присутствует, не отрицаю. Но для полноценного мотива всё-таки не дотягивает. Слабовато.

— Ах да, что-то такое припоминаю. Кажется, вы говорили, что уважаете Игоря и хотели бы видеть его на своей стороне. Я права?

— Всецело. Но увы. Думаю, вы уже поняли, что Игорь Викторович скорее перегрызёт мне глотку, чем снизойдёт до полноценных переговоров.

— Согласна. Но вы не ответили, Александр. Зачем вам понадобилось злить...

Но тут девушка осеклась — в зал вошёл Белозерский. И не один. Аня не верила своим глазам.

Его спутница была одета в простое чёрное платье с неглубоким вырезом, но смотрелось оно изумительно: одновременно элегантно и дорого, стильно, выгодно подчёркивая все достоинства и без того идеальной фигуры. Макияж хоть и вечерний, но, в отличие от Аниного, не броский, без агрессии. Белозерский тут же завязал с кем-то беседу, его дама просто стояла рядом и улыбалась — сдержанно, но обаятельно. Роскошная женщина. Очень красивая, эффектная.

Кали.

— И зачем я только согласилась? — ворчала Настя, когда они с Игорем уже шли вглубь зала.

— Но согласилась же, — ответил тот, расточая гостям светские улыбки. — Так что хорош фыркать. От тебя требуется всего ничего.

— Ну да, ты всего-навсего втягиваешь меня в свои дела. Подумаешь!

Внезапно остановившись, Игорь посмотрел на женщину.

— Насть, давай без этого, ладно? — Холодное раздражение. — Я тебя шантажировал? Угрожал? Не согласишься — пристрелю?

— Нет, но...

— Без "но". Ты согласилась мне помочь. Сама. Или что, передумала? — Кивок в сторону выхода. — Дверь там, не держу.

— Белозерский! — прошипела Настя, крепче вцепившись Игорю в локоть. — Уймись.

Ты знаешь, я свои обещания выполняю. Сказала помогу — значит помогу.

— И чего ломаешься тогда?

Женщина огляделась, пытаясь найти Одинцова.

— Просто... Слабо представляю, чего ты от меня хочешь.

Игорь закатил глаза.

— Чтобы ты поговорила со своим племянником.

— И?

— И убедила отпустить Серёгу. Я же говорил.

— С чего ты вообще взял, что Саша меня послушает? Мы с ним в последний раз виделись на вашей свадьбе. А до этого — на похоронах Лены.

— Всё равно вы родственники. — Мрачная усмешка. — А у Одинцовых к ним давняя слабость.

— Белозерский. — Глаза вспыхнули, Настя едва сдержалась, чтобы не зарычать на весь зал. — Ты что же, хочешь, чтобы я собственного племянника...

— Честно? — Игорь оставался раздражённо-непроницаем. — Мне плевать. Говори, что хочешь. Делай, что хочешь. Дави, на что хочешь. Родственные чувства, любые другие. Мне всё равно. Главное — результат.

Настя уже была готова рассказать этому козлу, куда именно ему стоит пойти с такими предложениями — но тут к ним подошла другая пара.

— И чего же вы хотите добиться, позвольте спросить? — с издевательской вежливостью поинтересовалась Аня, держа под руку Одинцова.

Белозерский остолбенел.

— Ты что здесь делаешь? — процедил он, пронзая жену яростным взглядом.

— Добрый вечер, Игорь Викторович, — ответил за неё Александр с любезной улыбкой. — На сегодняшний вечер Анна Михайловна — моя дама. Анастасия Павловна, вам тоже доброго вечера. Как поживает супруг?

— Не заговаривай мне зубы! — рыкнул Белозерский, продолжая смотреть на девушку. — Аня, какого хрена? Что ты тут забыла? Да ещё с этим...

— Тихо, тихо, милый, — перебила та, улыбаясь ещё шире. — Не кричи так, а то на нас уже смотрят.

— Саш, — вмешалась Настя, с тревогой глядя на дочь, — ты не против, если мы с твоей дамой немного поболтаем? В сторонке.

— Не вижу смысла, Анастасия Павловна. — Усмешка стала мрачной, девушка тоже смотрела на мужа. — Если хотите мне что-то сказать, делайте это здесь и сейчас.

— Ань, что происходит?

— Ничего. — Девушка крепче прижалась к Одинцову. — Всё прекрасно.

— Убери от неё руки, скотина! — продолжал рычать Игорь.

Александр не успел даже рта раскрыть.

— Не смей так с ним говорить! — тут же вскинулась Аня. — Если здесь кто и скотина, так это ты!

— Саш, — снова встряла Настя, — прости пожалуйста, можно тебя попросить...

Усмехнувшись каким-то своим мыслям, Одинцов склонил голову.

— Можете не продолжать, Анастасия Павловна. Хорошего вам вечера, передавайте привет мужу. Анна, был рад встрече. Вы с матушкой сегодня совершенно ослепительны. Игорь Викторович, желаю удачи. Думаю, сегодня она будет не лишней.

Отпустив свою даму, Александр ушёл.

Белозерский подошёл к жене.

— Ты едешь домой, — процедил он, нависая над девушкой. Карие глаза пожелтели наполовину. — Сейчас. Живо.

Аня не пошевелилась.

— Нет уж, — отрезала она, скрещивая руки на груди. — Я не обязана тебя слушать.

Раздражение переросло в злость, взгляд Белозерского давил и пронзал одновременно.

— Девочка, послушай-ка меня внимательно...

— Игорь, — твёрдо произнесла женщина, касаясь его плеча. — Успокойся, очень тебя прошу. Аня, что происходит?

Девушка перевела на неё взгляд, и Настя чуть не отшатнулась. Ещё никогда дочь не смотрела на неё так. Вызывающе, агрессивно. Злобно. Как волчица во время течки, повстречавшая соперницу. Но это же абсурд! Аня — её дочь!

— Зачем ты сюда явилась? — бросила девушка, пытаясь изобразить холодность. Взгляд жёлтых глаз вцепился в Настю с волчьей яростью. — Твой муж знает?

Та опешила. Её зайчик, её хорошая девочка — что с ней стало? Почему? Что Белозерский с ней сделал?!

— Я попросил, — отрезал Игорь, не дожидаясь, когда Настя придёт в себя. — Домой. Слышала?

— Какая прелесть! — Голос девушки сочился ядом. — Как хорошо вы устроились, дорогой супруг! Жене сказали, что с ней, видите ли, выходить в свет неприлично, а сами пошли развлекаться с её матерью!

— Аня! — вскрикнула женщина. Ещё несколько гостей обернулось, но ей уже было не до приличий. — Ты что, всерьёз? Между нами...

— Хватит! — Девушка шипела. — Ты врёшь. И он врёт. Он до сих пор о тебе думает. Не может забыть. Ну ещё бы! Такая шикарная женщина! Вот только с дочерью не повезло — всего лишь бледная копия. Примите мои искренние соболезнования, Анастасия Павловна!

Настю будто бы ударили по голове. Нет, нет, нет. Этого не может быть. Не может. Абсурд. Бред. Чушь. Это не её Аня. Они просто похожи. Это волчица. Очень молодая и очень злая.

— А... Ань, я... мы просто... — дрожащим голосом начала было Настя, но Игорь перебил.

— Бесполезно. — Он мрачно смотрел на жену. — Не услышит. После обращения снесло крышу напрочь. Иди к Саше.

— Как невежливо! — фыркнула Аня со злой насмешкой. — Нет-нет, Анастасия Павловна. Ну что вы. Не уходите. Я вам столько всего хочу сказать...

— Иди. — Снова вмешался Белозерский. — Ты сейчас только навредишь. Я разберусь. Поговори с Одинцовым. Иди, иди.

Почти минуту женщина стояла, глядя на дочь. Молча, с какой-то растерянностью и затравленным отчаянием.

— Анечка...

— Лучше послушай его, мама, — отрезала девушка уже без ухмылки. Ярость. Злоба. — Уйди.

Настя вздрогнула, как от удара. Также молча кивнула.

— Упс, кажется, кто-то остался без дамы, — снова нацепила усмешку Аня, глядя вслед

удаляющейся матери. — Мои соболезнования, Игорь Викторович. Эй, больно!..

Вместо ответа, Белозерский схватил девушку за руку и увёл на балкон.

— Значит так. — Глаза пожелтели окончательно. — Или ты сейчас выключаешь суку и уезжаешь домой, или я...

— Что? — Аня подошла вплотную. — Что ты сделаешь, а? Перегрызёшь мне глотку?

— Нет, я...

— О, что же тогда? Схватишь за холку и поимеешь прямо тут? Ну давай! Ты ж у нас самец! Перегнул через перила и понеслась! Или что, это тоже неприлично? Хотя нет, нет. Что же я. Совсем забыла. Это же всё временно, да? А потом я снова буду кроткой овечкой!..

Игорь сдерживался из последних сил. Мысли о случившемся в Волконке, о матери в больнице, о словах отца точили его каждый день, каждую минуту. Чувство вины жгло, съедая изнутри. И сейчас он тоже сам виноват. Надо было что-то сделать с девочкой. Как-то объяснить...

Но волк рычал и скалился. Сидя на цепи человеческого разума и силы воли, сейчас зверь бесновался, как никогда желая свободы. Поставить на место зарвавшуюся суку! Она должна слушать, что ей говорят! И выполнять! Сразу же! Беспрекословно! А если смеет корчить из себя чёрте что — поставить на место! Может, она и королева, но только потому, что рядом с королём! Тихая! Послушная!

— Хватит дурить, я сказал, — прорычал Игорь, с трудом узнавая собственный голос. — Домой. Немедленно. Больше повторять не буду.

Между ними по-прежнему была связь — Аня, чувствуя ярость мужа, отшатнулась, в глаза мелькнул страх. Но только на секунду. Собственная злость разгоралась всё сильнее, всё жарче, сжигая остальные мысли и чувства. Игорь явился сюда с другой женщиной! С её матерью, с этой проклятушкой Кали! И теперь хочет, чтобы Аня послушно проглотила такое?!

— Нет. — Сорвав с пальца, девушка швырнула Белозерскому обручальное кольцо. — Ты мне больше не муж!

Развернувшись, Аня стремглав вышла обратно в зал.

Всё! Конец! Игорь ей больше не муж! Никто! И она ему не жена! Она свободна! Она будет с тем, с кем сама захочет! С тем, кто может оценить её чувства, а не раз за разом топчется по цветам грязными сапогами! Теперь Анина очередь! А Игорь пусть посмотрит, попробует, каково это!

Убрав кольцо во внутренний карман, Белозерский несколько минут стоял на балконе. Дышать прохладным воздухом. Остывать. Успокаиваться. Вернее, пытаться. На этот раз волк не желал униматься. До этого такая прочная, цепь, ослабев от потрясений и терзаний последних дней, слабела с каждым новым рывком зверя. Если эта девчонка сейчас же не поймёт, что Игорь о ней же заботится, если не уймётся, не прекратит провоцировать...

Тряхнув головой, Игорь утёр выступивший на лбу пот и пошёл вслед за женой.

— ...Ох, серьёзно? Нет-нет, не утомили. Вы очень интересно рассказываете!..

Девчонка разговаривала с каким-то смазливый парнем, сыном кого-то из гостей. Флиртовала вовсю, глазки строила — и когда успела научиться? Тихо, брат, тихо. Перебесится. Просто немного потерпеть. Должно же это когда-то кончиться? Зато потом спросим с неё по полной.

— ...Выпить? Да-да, с удовольствием. Нет, мой кавалер меня покинул. Я совершенно свободна. И на этот вечер, и вообще.

Тщетно. Напряжение цепи не ослабевало. Волк по-прежнему скалился и рвался на

свободу — показать молодой сучке, да и всем вокруг, где её место, и кому она принадлежит.

— ...Мой номер? С удовольствием...

Аня упивалась. Этот парень, имя которого она уже забыла — какой взгляд, сколько вожделения, похоти! Всё дело в недавнем обращении? Да плевать. Не важно. Наверно, если бы парень мог, зажал бы девушку прямо здесь, за какой-нибудь колонной или на балконе. А что, почему бы и нет? Молодой, симпатичный. Слишком сладкий — да ну и ладно. Зато не стесняется ни её, ни своих чувств, не корчит из себя недотрогу! И уж точно не связан с Кали! Белозерский смотрит? Прекрасно! Замечательно! Пусть любитесь!

— ...Ох, вы уже уходите? Какая жалость! С вами? Хм...

Новый рывок, снова сильнейшее напряжение.

Предельное.

Ещё чуть-чуть и...

— ...Да, я согласна. Идёмте.

...конец.

Цепь лопнула. Зверь вырвался.

— Она со мной.

Подойдя к девушке, Белозерский схватил её за локоть — царапая кожу когтями.

— Не понимаю, о чём вы, — огрызнулась Аня. — Вы меня с кем-то путаете.

Несмотря на боль, она попыталась высвободить руку, но хватка только усилилась.

Волчьи глаза светились лютой злостью.

— Такая шлюха здесь только одна.

Судорожно сглотнув, парень пробормотал извинения и благоразумно удалился.

Аня дёрнулась.

— О, теперь шлюха, значит? Ну хоть такой я тебе нравлюсь? — Девушка закинула вторую руку Игорю на плечо. — А, господин Белозерский? Хотите воспользоваться моими услугами? Да или нет? Решайте быстрее, а то я пойду искать другого клиента. Время — деньги.

Звериная ярость пылала с такой силой, что кости захрустели, готовясь к обращению. Она слепила, сжигая всё человеческое.

Развернувшись, Белозерский потащил жену к выходу. Та еле поспевала, но не сопротивлялась, на губах — улыбка триумфатора. Наконец! Подлинные чувства! Злишься, да? Не можешь сдержаться? То ли ещё будет!

Покинув здание, Белозерский подошёл к своему джипу.

— Свободен! — открыв переднюю пассажирскую дверцу, рывкнул Игорь.

Одного взгляда люто-жёлтых глаз оказалось достаточно — мелко кивнув, водитель поспешно вышел из машины.

— Жаль, а он ничего, — с демонстративно-томным вздохом протянула девушка, глядя ему вслед. — Вроде, парень симпатичный. Можно было бы втроём...

Не отвечая, Белозерский почти толкнул Аню на сидение.

Волк злился и рычал. Волчица ликовала — она хотела, чтобы он злился. А ещё горел. И желал, жаждал! Терял голову, не в силах совладать с собой. Она добьётся. Сделает так. Он никогда и ни с кем не будет испытывать таких чувств. Он будет её целиком, полностью. Она привяжет его к себе раз и навсегда, поставит в душе клеймо. Вот так, калёным железом. По живому. Поверх образа Кали. Чтобы больше не смотрел ни на одну женщину.

Сев за руль, Белозерский дал по газам.

— И куда же мы едем, Игорь Викторович? — протянула девушка, опуская руку мужу на колено. — К вам домой? А как же супруга?

— Шлюх домой не вожу, — отрезал тот.

Пальцы с когтями вцепились в руль, взгляд — в спешно лежащую под колёса дорогу.

Ладонь поползла выше.

— Ух, какой принципиальный. И куда? Наверно, в отель, да? У вас наверняка есть на примете один, куда вы возите таких, как я. Чтобы чистенько, более-менее прилично и без особой огласки. Да?

Вместо ответа Белозерский сбросил руку девушки. Та засмеялась. Жёлтые глаза сверкали злостью и мстительным ликованием. И жаждой.

Он в ярости, едва сдерживается. Отлично! Великолепно! Упиваться, смаковать, наслаждаться каждым мгновением. Не давать остыть. Разгораться самой. Больше собственный муж не посмеет её оттолкнуть. Сегодня она станет его женой по-настоящему и навсегда.

Белозерский действительно привёз девушку в небольшой отель ближе к краю города. Улыбнувшись, как старому знакомому, женщина за стойкой администрации молча протянула ключ от номера. Игорь взял его мимоходом. Не сбавляя шаг, повёл Аню к лестнице на второй этаж. Та не сопротивлялась. Чтобы поспеть за мужем, ей приходилось почти бежать, да ещё на высоких каблуках. Но девушка этого даже не замечала — они с волчицей были в предвкушении. Скоро, совсем скоро. Через минуту, а то и меньше. Сейчас они войдут, закроют дверь...

Не успел Игорь отпустить ручку, как девушка впилась в его губы. Белозерский ответил со звериной жадностью. Зажав Аню в углу между дверью и стеной, запустил руку под платье. Первое же прикосновения вырвало громкий стон, почти крик, заставляя девушку обнять мужа крепче. Волк набрасывался на неё снова и снова, не отпуская, не позволяя даже вздохнуть. Пальцы под платьем скользили, когти то и дело кололись, причиняя боль. Но Ане было всё равно, она продолжала стонать, почти скулить. Сегодня Игорь причинит ей ещё большую боль. Наверно, очень острую, беспощадную. Но такую долгожданную! Этой ночью они поженятся по-настоящему.

Человеческий разум покидал Белозерского. И без того жалкие обрывки, крохи, оставшиеся после того, что было на вечеринке, теперь растворялись в Аниных столах. Волк жаждал сделать её своей. Прямо сейчас. Здесь. Поставить на место. Проучить. Жёстко. Безжалостно. Чтобы кричала и умоляла остановиться. Но хотела, чтобы продолжил.

Но...

Собрав остатки человеческого, Игорь чудовищным усилием воли заставил себя остановиться, убрать руки. Он должен сдержаться! Обязан! Кем он будет, если не сумеет? Он и так не сумел уберечь жену, а теперь ещё и это. Девочка ему этого не простит. Будет ненавидеть всю жизнь.

Едва пальцы мужа перестали её касаться, волчица умоляюще заскулила.

— Пожалуйста, пожалуйста... — почти неосознанно шептала Аня, снова прижимаясь к Белозерскому. — Сделай... умоляю... я хочу, я так хочу... я больше не могу...

Тот схватил её за руки.

— Дура! — Волчьи глаза горели звериной жаждой и человеческим отчаянием. — Ты понимаешь, о чём просишь?! Да я...

— Хватит! — Злость вернулась так быстро, будто бы и не уходила. — Сейчас!

— Я тебя разорву!

— Разорви! Я хочу, слышишь?! Хочу!

Зарычав, Белозерский ударил кулаком в стену — прямо над Аниным плечом. Вмятина. По самое запястье. Аня даже не вздрогнула. Обняв Игоря, потянула на себя. Но тот, схватив за руку, потащил девушку дальше в номер.

— Остынь-ка, милая!

Толкнув девушку в ванну, закрыл дверь на ключ.

Сдержаться. Сдержаться. Сдержаться. Не позволить. Восстановить контроль. Перековать цепь. Это возможно — только не видеть жену. Не чувствовать, как она течёт, не касаться тела — молодого, соблазнительного, горячего, до сих пор невинного.

— Выпусти меня! — кричала девушка, барабаня в дверь.

Но Игорь уже ушёл в комнату. Дрожащими руками достал сигарету, закурил, жадно втягивая дым — чтобы хоть как-то перебить запах жены, вкус её губ.

Аня рвала и метала. Опять, опять муж её бросил! Но нет, не сейчас! В теле медленно нарастала боль — такая же, как в тот раз, когда девушка впервые перевоплотилась. На руках, как и у Игоря, появились когти, удлинившиеся клыки укололи нижнюю губу. Сбросив туфли, Аня с разбегу бросилась на ненавистную дверь — и выломала её, сорвав с петель.

Через несколько секунд девушка снова была рядом с мужем. Толкнув на кровать, села сверху. Пощёчина. Звонкая, с размаху. Почти удар. И тут же поцелуй. Пожирающе долгий, ненасытный, жгучий.

Последнее, что ещё мог чувствовать человек.

Игорь Белозерский исчез — его поглотил зверь.

Порвав дурацкие тряпки, он подмял жену под себя. И тут же взревел — в ключья раздирая пиджак и рубашку, её когти впились в спину. До крови. Полоснув ниже, вцепились в брюки.

Через несколько секунд волк и волчица были полностью голые. Он сверху, заставляет развести колени. Широко, как можно шире. Доступна. Хватает за руки, прижимает к простыне. Беспомощна.

Входит. Яростно, жестоко. Беспощадно.

Она кричит. Так больно, так остро! И так хорошо. Как же она ждала эту боль, как мечтала! Чтобы он, наконец, её причинил, чтобы сделал своей женой по-настоящему! Пусть разорвёт её, пусть заполнит, заставит умереть под ним! Тысячу раз! Сотни тысяч! А она будет кричать, умолять, обнимать, до крови царапать спину, кусаться, целовать — всё, что он захочет. Что они оба хотят. До крика, до хриплого рыка, до жёлтых глаз. Пусть это сплавит их вместе, сольёт, свяжет на всю оставшуюся жизнь. Сделает единым целым. Навсегда.

Это было странно. Очень. Я никогда такого не испытывала. Как будто впервые села на лошадь, а она вдруг сорвалась с места и понеслась бешеным галопом, сметая на своём пути всё и всех. А я могу только сидеть, вцепившись в поводья, и молиться, чтобы не упасть и тоже не попасть под копыта.

Только вместо лошади — волчица.

— Привет.

Я открыла глаза — одетый в одни брюки, Игорь стоял возле приоткрытого окна. Наверно курил, он часто так делает.

— П-привет.

Ещё одно странное чувство. Будто бы я неделю молчала, а теперь вдруг решила заговорить. Хотя, пожалуй, так оно и было — всё это время говорила волчица, а не я.

Или нет?

Закрыв окно, Игорь подошёл к кровати. Сел у меня в ногах.

— Плохо? — очень серьёзно спросил он, глядя мне в глаза.

А мне вдруг стало так...

Весело.

Я попыталась сдержаться, но улыбка всё-таки вылезла, сама собой переросла в смех, а потом и просто в хохот. Игорь смотрел, как на полоумную, его изумление я чувствовала почти физически. И это веселило ещё сильнее.

— Ань...

Такой растерянный. Не знает, что сказать, как реагировать. Прелесть.

— Извини.

Отсмеявшись, я села на постели. По телу прошлась волна неприятной боли, но это казалось сущей мелочью. Игорь по-прежнему смотрел с тревогой. Поддавшись внезапно появившемуся импульсу, я пододвинулась ближе и обняла его.

— Тебе...

— Нет, мне не плохо.

Я повела плечами, демонстративно поёрзала. Поняв намёк, Игорь тоже меня обнял. Молча. Всё ещё растерянный.

Говорила ли я правду? Чистейшую! Мне не плохо. Мне хорошо, даже очень. Свободно. Я наконец-то могу позволить себе делать то, что очень хочется, но чего раньше ни за что бы не сделала из-за смущения или страха быть неправильно понятой.

Например, сейчас я, полностью голая, прижимаюсь к полуголому мужчине. К своему мужу. Прошлой ночью он сделал меня женщиной. Хорошо, так хорошо! Легко. Тепло. Он такой близкий, родной. Я чувствую его. Хочу быть рядом. Чтобы он был рядом. Всегда-всегда. И чтобы смотрел, и касался, и хотел, жаждал. И эти мысли больше не заставляют стыдиться. Нет, нет, нет. Больше никакого стыда. Хватит. Буду делать то, что хочу, что нравится.

Например, конкретно сейчас я хочу поцеловать своего мужа.

— Что, не можешь поверить своему счастью? — оторвавшись от его губ, спросила я с лукавой улыбкой.

Игорь усмехнулся.

— Пожалуй. — Коснулся щеки, выше, погладил по волосам. Но всё ещё настороженно, будто бы ожидая внезапного удара. — Ань, я не...

— Только не говори, что ты не хотел, — фыркнула я.

Ого, какая смелость! Раньше бы меня на такое ни за что не хватило.

Муж тоже удивился.

— Не буду.

— Вот и хорошо. Потому что это неправда. Ты хотел. Ты и твой волк. Сделать именно то, что сделал.

Помрачнев, Игорь отвернулся. Я будто бы дала ему пощёчину. Чувство вины. Господи, сколько много! И какое сильное!

— Нет-нет, ты что! — Я повернула его лицо к себе. — Всё хорошо, правда! Это... это всё было очень... странно, да. Но я не жалею! Правда! Верь мне! Пожалуйста!

Чувства хлестали через край. До слёз. Его страдания — так остро! Не надо, умоляю!

Игорь снова посмотрел на меня. Кажется, мои слова подействовали. Нет, вина не исчезло полностью. Но жгла и отравляла уже не так сильно.

— Не надо!.. — вырвалось у меня. Слёзы текли по щекам. Как же остро! — Не вини себя. Хватит!.. Я не хочу, чтобы ты страдал!.. Ты... ты чувствуешь это?..

Игорь молча смотрел на меня. Я перестала дышать.

Секунда, другая, третья...

Медленно кивнул.

— Ты веришь мне? Чувствуешь, что я не виню тебя?..

— Чувствую.

Теперь я рыдала у него на плече. Не от боли или горя — от остроты, от переполненности. Он тоже меня чувствует! Наша связь взаимная!

Кажется, я его...

Мысль оборвал новый поцелуй.

Чувство свободы опьяняло, хотелось выпорхнуть из отеля и взлететь в весеннее небо. Чертовски хорошее настроение!

— А... а ты правда водил сюда женщин?

Но лежать у мужа на груди, чувствуя его руку в волосах и на спине, тоже неплохо.

— Ты уверена, что хочешь это обсуждать? — усмехнулся Игорь, скидывая бровь.

Но взгляд снова стал тревожным.

Нет-нет, милый. Успокойся. Больше никаких обид и истерик.

— Ага. — Я поцеловала его в нос. — Мне интересно.

— Да ну? — Муж продолжал прятаться за усмешкой. — То есть, не будет такого, что я отвечу, а ты захочешь меня придушить? Козла эдакого.

Рассмеявшись, я прижалась к нему поближе.

— Нет, так уж и быть. Я сегодня добрая.

Игорь взвёл глаза к потолку.

— Господи, я в тебя верю! Аллилуйя! Где там мой календарь? Будем отмечать новый праздник.

Он было хотел встать, но я не позволила, навалившись всем весом.

— Мастер уходит от разговора, да? — Легонько стукнула его по носу. — Не выйдет. Говори.

Игорь посмотрел на меня. Погладив по щеке, покачал головой.

— Ань, ну зачем? Ничего хорошего из этого не выйдет, сама знаешь.

Помотав головой, я обняла его.

— Хочу знать о тебе всё.

Улыбнулся.

— Что, вот прям совсем-совсем?

— Угу.

— Ой, нет, я стесняюсь.

Я рассмеялась в голос. Нет, не так. Заржала.

— Отличная шутка! Уморил! Да ты и слова-то такого знать не должен! Смущение, ха!

Игорь демонстративно фыркнул.

— Кто бы говорил. Это не я вчера на других мужиков вешался.

Как бальзам на душу! Лукавая улыбка возникла сама собой.

— Ревнуешь, да?

Объятие мужа превратилось в захват.

— Да. — Посмотрел в глаза. — Ещё раз такое увижу — мало не покажется.

Ух, боюсь-боюсь.

— И что же ты сделаешь? — промурлыкала я, выводя пальцем Игорю по груди.

— Выдеру.

Хихикнула.

— В каком смысле?..

— Во всех.

Продолжая сладко улыбаться, я поцеловала его в щёку.

— Провокатор.

— Ах ты ж...

Муж хотел прижать меня к постели, но я уже вставала. Показав ему язык, огляделась в поисках одежды — но нашла лишь изорванную бордовую тряпочку. Она валялась на полу, неподалёку от другой тряпочки, тоже изорванной, только белой. Ещё дальше валялся пиджак.

Н-да, кажется, смущаться Анечка ещё не разучилась...

Это ж надо было умудриться! Такое платье! Так себя вести! И самое поразительное, ни смущения, ни злости не было — только изумление. Интересно, что бы мама сказала, если...

Мама...

Господи!

— Ты чего? — приподнявшись на локте, спросил Игорь настороженно.

Я металась по комнате, переворачивая всё вверх дном.

— Телефон! Быстро! Да где же он?! У тебя есть?!

— Ань, что происходит? Кому ты собралась...

— Маме!

Игорь поднялся.

— Вам лучше встретиться. Я уже попросил Юлю, она скоро приедет...

— Да зачем мне Юля?!

— Ну хотя бы затем, — сама невозмутимость! — что тебе надо что-то накинуть. Не в простыне ж до машины идти. Успокойся.

Но меня трясло.

— Нет! Пусти, я хочу сейчас...

— Ань, это не телефонный разговор. Лишний час ничего не решит. Юлия приедет, и я отвезу тебя к матери. Идёт?

Я даже ответить нормально не могла, только кивнула.

Мамочка... боже мой... что я тебе наговорила... это глупости! Это неправда! Я знаю, что вы с Игорем давно расстались, и теперь...

Нет, нет, ну нет, кого я обманываю?!

Мне страшно. Я ревную. Особенно волчица! Она... нет, мы хотим, чтобы этот мужчина принадлежал нам и только нам. И его человеческая половина, и звериная. Но ведь так и есть, правда же? Принадлежит. Игорь — мой муж. Да и он сам столько раз говорил, что рад тому, что у них с мамой не сложилось.

И тем не менее...

Я всё прекрасно понимала. Разумом. Но кроме него было что-то ещё. Червь сомнения. Который грыз, грыз, грыз, не давая до конца поверить ни собственной логике, ни словам Игоря.

Мама такая красивая, такая эффектная — разве может хоть какой-нибудь мужчина не желать её заполучить?

Это же чушь, да? У всех же разные вкусы, правильно? Разумеется! Более того, с возрастом они ещё и меняются! Вплоть до противоположных! Анечка, да когда ж ты уже это поймёшь и перестанешь нести бред сивой кобылы?!

Ну ладно, хорошо, не бред — впечатления, оставшиеся с детства. Очень сильные впечатления. Яркие. Настолько, что я не вижу в них изъяна. Чувствую, что он есть — я ведь не ребёнок и теперь смотрю на мир по-другому. Но ухватить не могу. Не получается. Мама — эдакое солнце, горячее и слепяще-яркое. Всегда такой была. Всю мою жизнь. А вот Анечка себя считала от силы каким-нибудь Нептуном, который не в каждый телескоп увидишь. Ну или, самое большее, луной — она вроде бы и видна, но может только отражать свет звезды. Не больше.

Выходит, это... неправда? Наверно. Хотелось бы, но... Уж очень сложно поверить. Тут даже обращение ничего не изменило. Или всё-таки?.. Это чувство свободы, лёгкости... Как будто, всё встало на свои места. Да и поведение Игоря вчера... хотя...

Нет, нет, нет, обязательно встретиться с мамой! Срочно!

Юлия приехала буквально через полчаса, но всё это время я металась по комнате, считая секунды. Муж пытался меня остановить, разговорить, даже снова уложить в постель — бесполезно. Сейчас я не могла думать ни о чём другом. Игорю нужно было только накинуть рубашку, мне — одеться полностью, с нуля. Когда он закончил застёгивать пуговицы, я уже стояла у двери на низком старте.

Из отеля уехали все вместе. Наверно, в любом другом случае, мне было бы очень неловко, особенно перед Юлей и барышней-администратором. Но только не теперь. Какое мне дело до мнения посторонних людей, если родная мать... Господи, что она теперь обо мне думает?!

— Ну что, сама справишься? — спросил Игорь, останавливая машину возле нашего подъезда. — Или вместе пойдём?

Я помотала головой.

— Сама.

— Подождать?

— Езжай. Не знаю, насколько всё это затянется...

Выйдя из машины, я было направилась к парадной, но Игорь сквозь открытое окно схватил меня за руку.

— Иди-ка сюда. — Заставив нагнуться, поцеловал в губы. Улыбнулся. — Всё будет хорошо.

Я тоже заставила себя улыбнуться, кивнула. И пошла домой.

Сегодня выходной, мама должна быть дома. Замок закрыт только на один оборот — точно кто-то есть.

Открыла, вынула ключ. И уставилась на дверь, не решая потянуть за ручку. Что будет? Что мама теперь обо мне думает? Что скажет? А что буду говорить я? А вдруг мама сердится, вдруг не захочет со мной говорить?..

Цепляясь одна за другую, мысли крутились, крутились, скатываясь в снежный ком, с каждой секундой становящийся всё больше и больше. Секунда, другая, третья. Десяток. Вот уже минута, ещё одна. А я всё стою, пялясь на ручку двери. Потянуть на себя, войти и будь что будет? Так просто. И так сложно. А если она не станет...

Дверь открылась.

Мама.

Очень бледная, аж до желтизны, до болезненности. Под глазами тёмные круги, сами глаза красные. Отчётливый запах усталости, отчаяния и... сигарет?

— Ты куришь? — удивилась я.

Вот и начали разговор...

Мама вымученно улыбнулась.

— Только папе не говори, опять ругаться начнёт.

Она отошла, пропуская меня в прихожую. Закрыла дверь. Я разделась. И что теперь? Столько всего хочется сказать!

— Наверно, ты на меня очень злишься... — собравшись с духом, начала я, не глядя на маму.

Но она вдруг обняла меня, прижала к себе. Крепко-крепко.

— Анечка... — Всхлипнув, поцеловала в щёку. — Зайчик мой... Я не злюсь. Это ты должна на меня злиться... Прости меня! Надо, надо было всё тебе рассказать!.. Но мне казалось... я думала, так будет лучше... ты и так была очень расстроена, я не хотела делать ещё хуже... Девочка моя, прости меня...

Она снова всхлинула. Разрыдалась. Я тоже. Горло свело спазмом, протиснулось лишь одно слово:

— Мамочка...

Не надо, не плачь! Моя милая, моя хорошая, моя любимая! Моя мама. Самый важный и дорогой человек на всём белом свете. Никто тебя не заменит. Я верю тебе, конечно верю. Ты тоже очень меня любишь, я знаю. И хочешь мне только добра.

Мамочка...

Так сильно, так остро! До боли. Я чувствовала, как вся моя натура, вся суть, превратилась в одну огромную волну. Поднявшись из самых глубин души, с границ подсознания, она устремилась вперёд и вверх, к звезде, к моему личному солнцу, которое согревало меня всю жизнь, и которому я этой жизнью обязана.

Мамочка...

Рыдали долго. Я обнимала её, она — меня. Сильно-сильно. Крепко-крепко. Молчали. Просто не могли говорить. Потом маму снова будто прорвало, снова начала просить

прощения. Я мотала головой, перебивала, говорила, что она ни в чём не виновата, что всё дело во мне.

Потом немного успокоились, пошли на кухню. Мама поставила чайник и, улыбаясь, сделала "бутерброд" — такой же, как те, что я ела каждое утро перед школой: печенье, масло, сухое какао. Нахлынула ещё одна волна, уже не такая сильная, но тоже затрагивающая самые потаённые уголки души — воспоминания о детстве. А помнишь, как ты в пять лет просилась в школу? Конечно помню. А ты помнишь, как Димка Никифоров из параллельного класса принял тебя за мою сестру? Это ж насколько слепым надо быть?

Это воспоминание вдруг укололо. Да, слепец. Конченный. Как можно нас сравнивать? Горечь. Вроде бы, привычная, но после сильнейших чувств, пережитых буквально полчаса назад и, будто половодье, разрушивших внутри все защитные барьеры...

— Ань, что такое?

Мама сидела на диванчике рядом. Увидев выражение моего лица, отставила чашку, обняла за плечи.

Раньше я бы просто покачала головой и отогнала эти глупые чувства. Вернее, как выяснилось, загнала глубоко внутрь. Но, видимо теперь, когда Игорь значит для меня так много, когда я столько нового о себе узнала, пришло время перестать отмахиваться и поговорить, признаться. И маме, и самой себе.

И я начала. Рассказала всё. Сумбурно, прерывисто, но предельно честно и откровенно. Я завидую маме. Она была, есть и будет для меня эталоном женщины. Идеалом. Которым я не стану никогда, сколько бы ни пыталась. Уж слишком сильны различия. Хотя внешне похожи — будто в насмешку. Из-за этого мне обидно и горько. Очень. Да-да, это неправильно, глупо, по-идиотски. Но рядом с мамой я вижу себя бледной молью рядом с богиней. И не понимаю, что Игорь может во мне найти, когда он был рядом с такой женщиной?

Мама не перебивала. Только иногда кивала, показывая, что слушает. Когда я выдохлась и замолчала, тоже не произнесла ни слова. Мы просто сидели.

— Знаешь, был у меня один мальчик, — наконец начала она. Я вздрогнула. Внутри всё напряглось, как у заключённого, которому зачитывают приговор. — Ещё до твоего папы, конечно. В институте. Андрей... Савелов, кажется. Или Савин? Ладно, не суть. Так вот, это Андрюша был просто бог. Красавец писанный. Высокий, темноглазый, волосы чёрные с синевой. Идеальное тело. Остроумный, наглый, настойчивый, весь такой пылкий. Чертовски обаятельный. В общем, всё как я тогда любила. Ради одной его улыбки все девчонки института были готовы... да на что угодно. Помнится, даже несколько драк было, еле разняли.

Я усмехнулась.

— Но в итоге, он пал жертвой твоей красоты?

— Да, было дело. Я за ним, не бегала, конечно. Вот ещё. Но глазки строила, улыбалась при случае. В общем, покрутила хвостом. Андрюша внимание обратил, куда денется. Звал гулять. Я пару раз отказалась, потом сходила, потом пообещала, но не пришла. Андрюша загорелся — видать, устал, что девки стелются. Начал ухаживать по полной программе. Ну а я его в тонусе держала.

— Эм? В смысле?

— Да в прямом. Чтобы не расслаблялся. Он у меня и ревновал, и по физиономии получал, и... хм... от страсти сгорал, скажем так. Короче, потерял голову. А я тогда как раз очень замуж хотела, думала, вот сейчас, ещё чуть-чуть и позовёт. Ага, держи карман шире.

Бросил через полгода. Мол, не подхожу я ему. Чуть не убила гада!

Моему изумлению не было предела.

— Не подходишь? Ты? Вот это запросы!

— И не говори. — Мама снова усмехнулась. — А веселье знаешь когда началось?

— Не томи.

— Когда я увидела его новую пассию. Инночка Журавлёва. Господи, это просто страх на ножках. Ни кожи, ни рожи, как говорится. Маленькая, тощенькая, бледненькая, с тоненькой косичкой. Ну мышь. Натуральная серая мышь.

Я пожала плечами.

— Ну, не знаю, может, парню экзотики захотелось. Надоели красавицы.

Мама фыркнула.

— Угу, я тоже так думала. Да все думали. Пока он на ней ни женился.

— Ого!

— Да уж. Я тогда места себе не находила. Почему, ну почему?! Такой красавец и это серое пятно с косичкой-хвостиком. Абсурд же! Такое только в кино бывает. Ан, нет. Я потом не выдержала и всё-таки спросила. Мол, чисто из любопытства, обещаю больше сцен не устраивать. Что в этой твоей Инночке такого? Чем она лучше меня? Знаешь, что ответил?

— Ой-люблю-не-могу-сам-не-знаю-как-так-вышло?

— Почти. — Мама вдруг стала очень серьёзной. — Ты, Настя, девушка-праздник, а от постоянных праздников устаёшь. Так и сказал. А с этой Инночкой ему уютно. — Посмотрела на меня. — Мне тогда жуть как обидно было. А ещё хуже, что Андрюша был не первый и не последний. У меня всю жизнь так с парнями. Знакомимся, встречаемся, он добивается, теряет от меня голову. А потом бросает ради какой-нибудь Инночки, женится на ней, смотрит влюблёнными глазами. И понимаешь, что не врёт, гад такой. Что у них всё взаправду, по-настоящему. А ты, такая красивая-распрекрасная, сидишь на этой свадьбе свидетельницей. И зеленеешь от зависти.

Я слушала с замиранием сердца. Боялась пропустить хоть слово. Надо же. Никогда не думала об этом такой стороны. Мамин характер, конечно, не сахарный, но у них с папой такая идиллия, он иногда так на неё смотрит — даже у меня сердце щемит.

Выходит, дело не в маминой идеальности, а в папином терпении? И никто другой маму бы просто-напросто не вынес?

— А... а с Игорем что?

Этот вопрос меня смущал, но я понимала, что без ответа не будет и покоя.

— А Игорь — чудовище. — Мама снова усмехнулась, на этот раз мрачно. — Во всяком случае, был им в молодости.

Я опешила.

— Т-то есть?..

— Помнишь, я говорила, что Андрюша был горячим, наглым и обаятельным, что за ним бегал весь институт? Так вот, рядом с Белозерским он просто мальчик. Андрюша улыбался, и девичьи сердца таяли. Игорю иногда хватало одного взгляда, чтобы у женщин подкашивались колени.

Маму передёрнуло, но она продолжала, глядя в одну точку.

— У него бешеная энергетика — думаю, ты это уже почувствовала. Очень сильная. Эдакий генератор мужского электричества. Только посмотри, только прикоснись, и сразу почувствуешь, как и по тебе тоже течёт его ток, его энергия. Причём, это касалось, что

оборотней, что обычных женщин. И тех, и тех тянуло к нему, как мотыльков к фонарю. Уж извини, за банальщину, но именно так и было. Это не преувеличение. Его хватало на всех, но ему всегда мало. Он расходовал свою энергию и одновременно будто бы подзаряжался. А уж в "батарейках" недостатка не было — женщин Игорь очень любил, всяких разных, без разбору. Иногда казалось, что вообще всех. И как будто... чувствовал их, что ли. Или просто научился очень хорошо разбираться, уж не знаю. Но он всегда точно знал, за какой нужно сначала приударить, поухаживать, а какую можно зажать сразу. Отказать ему... нет, какие-то пытались, но если Белозерский загорелся — всё. Он своё получит хоть ты тресни. Высосет полностью.

— Так... так что было между вами?

Вздыхнув, мама помрачнела ещё сильнее.

— Апокалипсис. — Ого! Если уж так говорит моя мама... — Мы были друг для друга косами и камнями одновременно — типаж-то одинаковый. Я хотела, чтобы он сходил с ума, он — чтобы я. Сначала это было что-то типа войны — кто кого. Противостояние. Проиграли оба, одновременно. Кровать ремонту не подлежала. Потом... ну, если в общем — мы друг друга выжгли. Я его своим огнём, он меня электричеством. Ссоры, сцены — в общем, полный театр. Никогда, ни с одним мужчиной я такого не чувствовала. Это как схватиться за голый провод и не отпускать. И не пару секунд, ни минуту, не час. День за днём. Это кошмар, Ань. Ну и, ко всем прелестям добавлялось то, что я по-прежнему хотела замуж. А Белозерский от загса шугался как чёрт от ладана — ясное дело, бабник же. Но я всё-таки умудрилась посадить его на цепь. Почти дотащила, даже с родителями познакомил. И всё равно потом сбежал.

Она вдруг встрепенулась, подняла на меня взгляд. Улыбнулась.

— И слава богу, как видишь. Иначе у нас с твоим папой ничего бы не вышло.

— Ты любила его? — сорвалось у меня против воли.

— Игоря-то? Нет. Я замуж хотела. Все подружки уже повыскакивали, одна я такая распрекрасная осталась. А Белозерский был эдаким концентратом всех тех качеств, которые мне тогда нравились в мужчинах. Я твоего папу тогда уже знала, но на фоне Игоря он... м-м-м... терялся, скажем так. Казался бледным и скучным.

— И что потом поменялось?

Мама улыбнулась.

— Я поняла, что ошибалась. Твой папа иногда конченный романтик, но чувства свои привык скрывать и сдерживать — поэтому вначале и показался мне скучным. Ну и эта его наука — вечно в ней, глаз от микроскопа не поднимал. Но после Игоря я была истощена и опустошена, а Миша был рядом, поддержал, утешил. Потом жить вместе стали. Он выдерживал все мои заскоки. Обычно же как было — я слово, мне в ответ два. У меня сразу же мысли, мол, ах так, ну я тебе сейчас! И пошло-поехало. Взаимное доведение до белого каления. А тут в ответ молчание. Спокойствие. Побесишься, побесишься и выдохнешься. Ещё и прощения просить придёшь. Влюбилась до одури, короче. Ну и поняла кое-что. Самое главное.

— Что?

— Андрюша был прав.

Мы говорили ещё долго. Я, наконец, узнала, зачем Игорь привёл маму на ту вечеринку к Одинцову — хотел, чтобы она повлияла на своего племянника и убедила отпустить Серёжу. Увы, Александр в самой вежливой форме порекомендовал тётушке не лезть в это дело.

Жаль.

Пару раз приходили сообщения от мужа — спрашивал, как дела, и не нужно ли меня забрать. Но уезжать я пока не хотела. Этот разговор с мамой принёс огромное облегчение, дал много пищи для размышлений и поводов для пересмотра не только самооценки, а даже самоощущения. Анечка, наконец, полностью осознала, что мужские потребности хоть и не такие запутанные и противоречивые, как женские, но даже с ними не всё так просто и примитивно, что внешность всё-таки не главное. Волчица была довольна.

Но был ещё один вопрос, по-прежнему остававшийся без ответа. Он мучил и смущал одновременно, я не решалась его задавать, боясь, что этот самый ответ перечеркнёт всё, весь сегодняшний разговор.

— Спрашивай.

Но от пристального взгляда Анастасии Павловны ничто не утаится.

— О чём? — мило улыбнулась я.

"Дурочка" включилась сама собой, на автомате.

— Тебе виднее. — Мама усмехнулась. — Давай уж расставим все точки над *i*, ладно?

Что ты хочешь сказать?

Я вздохнула.

Ладно, была не была.

— Помнишь, ты говорила, что Игорь любит всех женщин? — Она кивнула. — И что мне теперь делать? Ему почти сорок, а всё туда же. Значит, уже ничего не изменится? Мне вырезать в шапке дырки для рогов?

Как я и боялась, мама перестала улыбаться и надолго замолчала. Ответа я ждала как приговора.

— Эх, ладно, — вдруг махнула рукой она. Усмехнувшись, посмотрела на меня. — Раз начали рушить мою репутацию в твоих глазах, так чего мелочиться, да?

Я опешила.

— А ты-то здесь причём?

— При том, заяц, что мы с твоим мужем... хм... в общем, похожи.

Маме... неловко?

— В чём?

— В жажде внимания противоположного пола, скажем так. — Усмешка исчезла. — Но твоего папу я люблю, ни разу ему не изменяла и не собираюсь. Понимаешь?

Я помотала головой.

— Нет. К чему ты клонишь? Причём тут вы?

Мама вздохнула, ей было очень неловко.

— Ладно, хорошо, давай по порядку. Ты боишься, что, раз Игорь бабник, то будет тебе изменять. Так? — Я мрачно кивнула. — Раз мы с ним похожи, то давай сначала меня и разберём...

— Погоди. Ты же сама говорила, что хотела замуж?

— Хотела. Да только не сразу. А до этого... Короче, меняла парней как перчатки и ни о какой свадьбе думать не хотела. — Она вдруг запнулась, взгляд стал виноватым. — Ань, ты только не думай, я правда твоего папу очень люблю и больше мне никто не нужен. Ты мне веришь?

Так вот в чём дело!

— Конечно. — Улыбнувшись, я обняла её и чмокнула в щёку. — Для меня вы всегда

были идеальной парой.

Мама тоже улыбнулась.

— Вот и хорошо. — Но какая-то нервная неловкость всё же осталась. — В общем, молодость бурная. Какая там к чёрту свадьба? Я через месяц от парня уставала, а уж если он показывал, что имеет серьёзные намерения — только меня и видели.

Я невесело усмехнулась.

— В этом вы с Игорем и похожи, да? Но тебе-то уже кроме папы никто не нужен, а Игорь готов строить глазки всем подряд.

— Так я тоже. — Неловкости стало ещё больше, но взгляд мама не отводила. — У меня это уже на автомате, я даже не замечаю. Помнишь тётю Людю?

— Твою одноклассницу?

— Ага. Она замуж рано выскочила, сразу после школы. Мне тогда свадьбы в кошмарах снились. Ну и как-то раз встретила её со своим Антоном под ручку. Парень симпатичный, но всё-таки занятой, а мне чужого не надо. Принципиально. Да и она тряслась над ним, как над ребёнком, ей-богу. Пылинки сдувала с единственного-ненаглядного. Короче, встретились, поболтали, разошлись. А потом я звоню Людке — или никакого ответа, или муж говорит, что она занята. На улице встретились — нос воротит, мол не знает меня и знать не хочет. В общем, потом оказалось, что я с её Антошенькой видите ли заигрывала, стерва такая.

— А ты не заигрывала?

Мама хохотнула.

— Самое смешное, что заигрывала. Ну, так со стороны казалась. Но я даже не замечала, честно. Мне этот её Антон и даром не нужен был. Уж не знаю, почему так выходило, рефлекс на симпатичных парней, наверно. Ещё с юности остался. Улыбнуться, построить глазки — в общем, добиться заинтересованности. Добилась — фух, можно выдохнуть и идти дальше, я всё ещё на что-то способна.

— А парень?

— Тоже может идти дальше.

— А если ты ему понравилась?

Пожав плечами, мама отхлебнула чаю. Усмехнулась.

— Жизнь — боль. Мало ли кому я нравлюсь.

Мда, мда. И ведь не поспоришь. Хотя жестоко, конечно. Я вот, даже после обращения, так бы не смогла. Наверно.

— А что папа на это говорил?

— Папа твой умный, всё понимал как надо. Верил мне, ничего не требовал. Но я видела, что ему неприятно, поэтому начала следить за собой. Но мы отвлеклись. Теперь ты понимаешь, что я имела в виду?

Я соображала.

— Ты считаешь, что Игорь... привык флиртовать?

Мама легонько стукнула меня по носу.

— Умница. Ну и плюс воспитание. В общем, не спеши себя хоронить. У вас всё будет хорошо. Иначе кое-что лишнее я ему оторву к чертям собачьим. Своими руками.

Я улыбнулась, но мысль зацепилась за другую фразу.

— А причём тут воспитание? Виктор Васильевич, кажется, электрик, а не священник.

— Заяц, я не о том. Ты же видела его родителей, так? Вот у них идиллия полная. Классическая, так сказать. Муж — кремень, но жену любит до одури, уважает. А жена вроде

вся такая мягкая и добрая, эдакий божий одуванчик. Но только она и может убедить мужа изменить какое-нибудь решение. Кстати, мне кажется, тут ещё восточные корни свою роль сыграли. Игорь тебе говорил, что у него прадед по отцу — грузин?

— Угу. Вот только сам-то на отца не похож.

— Да ну? Хочешь сказать, что он — не упёртый баран, который, если уж втемяшил себе что-то, то всё, с концами? Да они, как две капли! В любом случае, Игорь рос в семье, где отец на других женщин даже не смотрит, я уж молчу про измену. Жена для него всё. Сама понимаешь, это огромный отпечаток.

— Мам, ну ты же сама говорила, что у Игоря была куча женщин!

— Любовниц, Ань. Не жён. Это другое. Мужики, конечно, твердят, что штамп в паспорте для них ничего не значит, да только враньё это. Значит, ещё как значит. Иначе не бегали бы от него, как от чумы.

Я снова поникла.

— Во-от! Игорь-то не хотел жениться...

Но мама только отмахнулась.

— Ой, заяц, не смейся! Это вначале они над своей свободой трясутся. Лет до тридцати. Ну хорошо, до тридцати пяти. А потом плачутся, мол, деньги есть, карьера есть, а для чего всё это? Для кого, если приходишь в пустую квартиру, где тебя никто не ждёт? Не веришь, папу спроси — у него дружок один был, Вадик Беляев, в институте вместе учились. Когда узнал, что Миша женится, сразу начал подкалывать, мол, всё, захомутали тебя, прощай вольная жизнь. Вот я никогда, да ни за что, ну и так далее. Да, действительно, так и не женился. И что? Я ещё лет пять назад слышала, как он Мише жаловался, мол, так тяжело, так хочется вернуться домой, положить голову жене на колени и просто посидеть. И детей хочется, и пелёнки-распашонки уже не пугают. А всё, поезд ушёл.

Я вдруг вспомнила, как Игорь вёл себя на празднике у Буровых. Он играл с детьми. Никто из взрослых этого не делал, даже родители за столом сидели. А он и с маленькими возился. А как вёл себя, когда моя волчица его домогалась? Ведь мог бы и воспользоваться, но нет, говорил, что лучше потерпеть. Она сидела у Игоря на коленях, ночью, когда он пришёл с работы. Пыталась соблазнить. А может, он хотел, чтобы просто обняла? Ох, вот бы это действительно было так!

Ну и связь между нами. Я верю, что она есть, что мне не кажется. В конце концов, волки выбирают себе спутника один раз и на всю жизнь. А зверь в Игоре ой как силён. И моя волчица ему... приглянулась, если можно так говорить о животных. Это ведь должно сказываться, правда?

— Ну что, убедила я тебя? — с улыбкой спросила мама.

Кивнув, я обняла её, поцеловала в щёку. Мамочка. Нет, что бы ни случилось, я не смогу долго на тебя злиться. И своей волчице не позволю. Ты всегда хотела и хочешь как лучше, ты меня любишь. А насчёт Игоря — тут Надежда Дмитриевна была права. Глупо переживать из-за того, что было почти двадцать лет назад. Что он, что Анастасия Павловна уже другие люди с другими ценностями. Я наконец-то это осознала.

Мы снова болтали, я расспрашивала маму об Игоре, о том, каким он был в молодости. Очень энергичным, упрямым, целеустремлённым, ненасытным во всех смыслах этого слова. Не только по отношению к женщинам — ко всей жизни вообще. Несколько раз они с братом пытались открыть своё дело — Игорь мечтал выкупить виноградники в Абхазии, когда-то очень давно принадлежавшие его семье. Несколько раз прогорали, но упрямо начинали

заново. Снова, и снова, и снова. Правда, потом брат попал в лаборатории — в общем, случилась вся та чудовищная история, которую Игорь рассказал мне в Волконке. Это стало страшным ударом и очень сильно его подкосило, но даже тогда Игорь не сдался, начал бороться с Одинцовым.

Слушая маму, я испытывала смешанные чувства. С одной стороны получается, что Игоря долгое время вела злоба и ненависть, жажда расплаты. Страшно представить, что он мог совершать, чтобы добиться своего! Но с другой стороны — добился же. Парень из деревни, рождённый в обычной человеческой семье, сумел не только сколотить весьма и весьма прибыльный бизнес, но и вырвать себе пропуск на самую вершину мира оборотней! Чёрт возьми, это достойно хотя бы уважения. А то и восхищения.

Как-то сразу захотелось прилететь на Крестовский, вцепиться в Игоря и не отпускать, пока он не расскажет о себе всё. В подробностях.

— Заяц, ты очень торопишься? — вдруг просила мама, когда я начала собираться.

Было истовое желание ответить "да", но она ведь не просто так спрашивает.

— Ну... не знаю... — Я неопределённо пожала плечами, уже предвкушая, как буду сидеть у мужа на коленях и слушать, слушать, слушать. — А что?

— Да папа скоро придёт — он с тобой поговорить хотел. Дождёшься?

Эх, ну как всегда! Очень вовремя.

— Хорошо, — кивнула я, стараясь скрыть досаду. — А не знаешь, о чём?

— Да всё из-за этой чёртовой Сигмы. О здоровье твоём печётся. — Мама нахмурилась. — Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

— Лучше всех, — махнула рукой я. — Всё в порядке.

И тут вдруг...

"Джей сто сорок девять, Анна. Это очень важно. Джей. Сто. Сорок. Девять. Запомните если захотите узнать, зачем всё это, и что происходит. Уверен, папа вам с удовольствием расскажет"

Воспоминание было настолько резким, пронзило так внезапно, что я даже села. Дура, дура, дура! Идиотка! Как можно было забыть о таком?!

— Ань? — Теперь мама смотрела с тревогой. — Что такое? Тебе плохо?

Я помотала головой. Дыши, Анечка, дыши. Корить себя будешь потом. Восхищаться Игорем — тоже. Кажется, скоро будет очень интересный разговор.

Будто бы в такт моим мыслям, из прихожей донёсся звук открываемой двери.

Папа вернулся.

— Как поживаете?

Михаил замер возле двери в парадную. Он возвращался домой после работы, и, как всегда, погружённый в свои мысли, не обратил внимания на парня, сидящего на лавочке.

— Добрый вечер, Олег, — обернувшись произнёс Вавилов, нейтральным тоном.

Чувствуя, как внутри всё сжимается и холодеет. Он узнал этот голос. Не мог не узнать.

— О, наш добрый доктор Айболит меня помнит. Экая честь. Присаживайтесь, Михаил Юрьевич.

Под ядовито-издевательской учтивостью скрывался приказ. Вавилов подчинился. Сев на лавочку, положил на колени портфель. На парня не смотрел — всё равно тот прятал лицо под низко надвинутым капюшоном. К тому же, Олег не любит пристальных взглядов в свою сторону. Разумеется, если за эти годы ничего не изменилось.

— Как ваша девочка? — продолжил парень, откидываясь на лавочке. — Полностью

очухалась, или до сих пор...

— С ней всё в порядке, — оборвал Михаил холодно. Несколько секунд помолчал, восстанавливая контроль над собой, затем продолжил уже спокойней: — Это месть?

Театрально всплеснув руками, Олег повернулся.

— Ну что вы, Михаил Юрьевич! — Взгляд чёрных глаз вгрызлся с волчьей яростью, бледное узкое лицо рассекала ухмылка. — Как вы могли такое подумать! Единственный укольчик стимулятора — всего-то! Нет-нет, это слишком мелко. Просто я подумал, что будет очень иронично, если Анята впервые перекинется под действием препарата, изобретённого её отцом. Только и всего. — Парень смотрел, не мигая. — Поверьте, когда я соберусь мстить по-настоящему, у вас не останется сомнений.

Чудовищным усилием воли Михаил сохранил прохладную невозмутимость.

— Тогда к чему всё это?

— А может, мне приказали вас убрать, — вдруг бросил Олег.

Вавилов почти физически чувствовал, как его взгляд ловит каждое его движение, малейшее изменение выражения лица.

— Убрать? — Михаил позволил себе лёгкую усмешку. — Что ж, я полностью в твоей власти. Делай своё дело.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, но затем парень отвернулся.

— Вы бы поосторожней с такими заявлениями, — как бы невзначай обронил он, закидывая руки на спинку лавочки. — Память подводит? Ну так я напомню — вы уже не член Собрании. Вы сами отдали место вашему другу-клоуну.

Усмешка на губах Михаила стала чуть шире.

— Тогда чего же ты ждёшь?

Щёлкнув пальцами, Олег демонстративно покачал головой.

— Всё, всё, сдаюсь. Уели. Я не могу вас тронуть без приказа. А наш почтенный Александр Леонидович всё тянет и тянет, вот ведь незадача. — Он изобразил задумчивость. — А может... а вдруг, он тоже ждёт чьего-то приказа?

Михаил вскинул бровь.

— Глава Собрании? Олег, я понимаю твою склонность к блефу, но...

Парень вдруг рассмеялся.

— К блефу! Да-да, конечно! Я блефую. Кто, ну кто может приказывать самому Одинцову? Глупости! Ведь, если он — тоже пешка в чьих-то руках, то родственные связи Анастасии Павловны вас не спасут, не так ли? И в один прекраснейший момент я вдруг — оп! — получу приказ избавиться от Михаила Юрьевича. Или его жены. Или дочери. Или всех разом.

Вавилов похолодел, маска невозмутимости треснула. Если он не блефует...

— Но всё это — пустая болтовня, верно? — тем временем продолжил Олег всё также весело. — Я просто пытаюсь вас запугать. Вас и вашего дружка — вы же всё ему передадите, да? Фу, какая дешёвка. Неужели, я не мог придумать чего получше?

— Это всё? — В голос Михаила вернулась холодная резкость. — Ты закончил кривляться? Меня ждут.

— О, конечно-конечно. — Олег указал на дверь парадной. — Не смею задерживать. Привет жене. И Анне Михайловне, конечно. Думаю, она меня помнит.

Больше не говоря ни слова, Вавилов тут же поднялся и ушёл.

Но дома...

— Пап, мне надо с тобой поговорить...

— ...Что-то случилось? — с тревогой добавила я.

На папе лица не было. И запах... Вроде, его обычные лаборатории, но... Что-то ещё. Другое. Но знакомое.

Тут в прихожую вышла мама. Подойдя к папе, хотела было поцеловать, но вместо этого вдруг нахмурилась и задала тот же самый вопрос. Но Михаил Юрьевич лишь пожал плечами:

— Всё в порядке. Просто не слишком приятная встреча. Не стоит беспокоиться.

С этими словами он улыбнулся, сам поцеловал маму, потом меня. Оказавшись в папиных объятьях, я снова почувствовала этот запах. Вернее даже не сам запах, а горьковатую примесь. Которая у меня почему-то ассоциируется с лесом. Странно.

Мама предложила поесть, но папа извинился и сказал, что пока не голоден. Раздевшись, сразу повёл меня в кабинет.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, усаживаясь на диванчик.

Я села рядом. Эх, совсем как в детстве. Маленькая Аня приходит к папе, что-то ему рассказывает, рассказывает, рассказывает. А он слушает с очень серьёзным видом, кивает, задаёт вопросы...

— Хорошо, — ответила я. Придвинувшись ближе, обняла папу, положила голову на плечо. — А ты? С кем встретился?

Почти идиллия. Если бы не этот дурацкий запах. И почему лес?!

— Не важно. — Папа тоже обнял меня, крепко-крепко. Поцеловал в лоб. — О чём ты хотела поговорить?

Я уже было открыла рот, чтобы спросить про этого Джея — и вдруг вспышка. Это же его запах! Тогда, в лесу, в Волконке... вколол мне что-то...

— Аня?

Резко подняв голову, я посмотрела на папу. Видимо, теперь лица не было на мне — его взгляд был удивлённо-встревоженный.

— Ты его встретил, да? — спросила я дрожащим голосом.

Навалились воспоминания. Похищение Кати, встреча в лесу, выстрел в Надежду Дмитриевну... Чувство беспомощности. Полной. Абсолютной. И страх. Ужас.

— Кого? — непонимающе вскинул бровь папа.

— Джей сто сорок девять.

Он напрягся. Так сильно, что я почувствовала это почти физически. Несколько секунд молчал. Я смотрела, не отводя взгляд. Тишина. Отвернулся.

— Что он тебе рассказал? — наконец спросил папа, глядя на наше с ним отражение в дверцах книжного шкафа. Моё на одной, его на другой.

— Вы... значит, вы действительно знакомы? Он сегодня приходил? Зачем?

Папа покачал головой.

— Не это сейчас важно, Аня. — Посмотрел на меня. Взгляд очень странный, но голос режет. Требовательный. Строгий. — Я так понимаю, вы с ним говорили? Почему ты не рассказала мне сразу?

Щёки тут же вспыхнули, я потупилась. Волчица немедленно расфыркалась. Хороша замужняя женщина! Ведёт себя, как напроказившая школьница.

— Ну... в общем... там столько всего произошло, вот я и... короче, я забыла. Вылетело из головы. Прости.

И мямлит также.

Поднявшись с диванчика, папа пересел за стол. Ну вот, ещё больше ощущение школы. И директора.

— Аня, это крайне важно, — сказал папа всё также строго. И напряжённо. Сидел очень прямо, как будто к спине доску привязали. — Игорь рассказывал, что этот... субъект что-то тебе вколол. Он говорил, что именно? Что он вообще тебе говорил?

Под этим строгим взглядом я продолжала чувствовать себя щенком, сделавшим лужу на паркете. Но волчица давила стыд, она заметила, что папа вроде бы сидит неподвижно, будто окаменев. Но руки постоянно движутся. Пальцы то теребят ручку, то обручальное кольцо, то вцепляются в папку с бумагами. И какой-то новый запах. Вернее нет, не новый — он был, но я будто бы не обращала на него внимание. А теперь волчица как бы сместила фокус, и я почувствовала. Что-то несильное, но въедливое, холодно-душащее. Папа сильно нервничал. И боялся.

Я рассказала всё, что помнила. Да, он что-то мне вколол, но никаких названий не упоминал. Мол, это средство "поможет" освободить зверя, перекинуться. А ещё велел запомнить своё "имя" и спросить обо всём отца.

Папа смотрел в одну точку. Молча. Я тоже. Нахлынули воспоминания. О том, что этот мерзавец сделал с Надеждой Дмитриевной, об ужасе, беспомощности. И кровавой ярости. Она вызывала такие чудовищные мысли! Сейчас-то я понимаю, что это не моё, что все эти картины жуткой расправы были вызваны насильно. Но тогда они были так реальны! И мысли, и чувства. Хотелось не просто пролить кровь. Хотелось убить. Страшно. Зверски. Заставить страдать. Господи...

— Что он мне вколол? — наконец спросила я дрожащим голосом. — И причём здесь ты?

Папа опустил голову.

— Ничего хорошего это знание тебе не принесёт, — отрезал он глухо. — Я прошу тебя поверить мне...

Ушам своим не верю! Опять?!

Вскочив, я рванулась к столу.

— Может хватит уже?! — прорычали мы с волчицей, нависая над папой.

Он поднял взгляд.

— Аня, пожалуйста...

— Нет! Хватит твоих недомолвок! Я пережила весь этот кошмар! Я имею право знать! Рассказывай! Что это за "Джей", что он мне вколол, откуда вы друг друга знаете, и почему он тебя преследует! Я не уйду, пока ты не скажешь!

Папа не ответил. Закрыв глаза. Я тяжело дышала. Где-то в глубине души шевелился стыд за такой тон с отцом, но я больше не могла терпеть. Михаил Юрьевич всю жизнь кормил меня отговорками и тайнами. Всё, наелась. Больше не лезет.

— Хорошо.

Открыв глаза, папа снова уставился в одну точку. К запаху страха и напряжения примешалось что-то щемяще-горькое, ноющее. Что-то подобное я чувствовала от Игоря, когда он рассказывал о брате.

— "Джей сто сорок девять" — это порядковый номер, под которым он проходил в лаборатории. Настоящее имя Олег. То, что он тебе вколол — боевой стимулятор би эр двенадцать сорок три. "Берсерк". — Папа скривился, как от зубной боли. — Если они там ничего нового не изобрели, разумеется. Но, судя по действию и симптомам, это или он, или

ближайший аналог, так что бояться нечего. Какие бы то ни было побочные эффекты проявляются только при регулярном применении.

— Боевой стимулятор?.. — Я пыталась переварить услышанное. — Для оборотней? Зачем?

Папа тяжело вздохнул.

— Не для оборотней. — Столько горечи! Какой там запах — ещё немного, и я её кожей почувствую! — Вернее, не для рождённых оборотнями.

В памяти снова всплыли слова Игоря о брате и лабораториях, где его изувечили. Неужели?..

— Для таких, как Алексей Белозерский? — всё-таки решила уточнить я.

— А, Игорь всё-таки рассказал. — Папа продолжал смотреть в одну точку. Ему очень горько, он винит себя. Но в чём? — Нет. Лёша был... неудачным экспериментом, уж прости за терминологию.

— Разве были удачные? — Я продолжала копаться в памяти, пытаюсь раздобыть новые детали того разговора с мужем. — Игорь... кажется, он говорил, что никто не выжил? Или нет, один умер сразу, другой стал диким? Или ты имеешь в виду таких, как Серёжа? Он — удачный эксперимент?

Папа снова покачал головой, но ничего не ответил. Сжав руки в кулаки, закрыл глаза. Не выдержав, я обняла его.

— Папочка. — Поцеловала в щёку. — Не надо так убиваться. Ты не виноват в том, что произошло с Серёжей. Игорь мне рассказал — это всё Одинцовы. Ты отказался, закрыл программу, а они продолжили использовать твои разработки. Это они его покалечили...

Удар. Кулаком по столу. Да так, что я аж вскрикнула.

Встав, папа начал ходить по комнате.

— Аня, скажи пожалуйста, как ты себе это представляешь? — Теперь он говорил холодно, почти жёстко. Но по щекам пошли красные пятна, взгляд помутнел. Папу будто бы лихорадило. — "Использовали разработки"! Сделать это можно в том и только в том случае, если к ним есть доступ. Или ты думаешь, что я просто снял халат и ушёл, а все данные о, возможно, величайшем и опаснейшем открытии современности остались лежать в лаборатории? Подходи, налетай! Делай из людей оборотней!

Я молчала, будто оцепенев. Папа всегда такой серьёзный, такой сдержанный. А тут... такое. Жуть.

— Разумеется, я всё забрал! — Продолжая мерить шагами кабинет, папа будто бы разговаривал сам с собой. — Всё, подчистую. Копии уничтожил без возможности восстановления. Лёня разозлился. Сначала давил, что в программу вложены огромные деньги. А ещё плюс плата добровольцам, и людям, и оборотням — суммы выходили астрономические. И они, мол, не должны пропасть из-за моего "чистоплюйства", как он сказал. Потом пытался убедить, говорил, что всё окупится сторицей. Мол, в этих разработках заинтересованы многие, и не только в нашей стране. Огромный военный потенциал. Оборотни быстрее, сильнее, выносливее, умение превращаться в зверя повышает выживаемость. И так далее, и тому подобное. Там целый список преимуществ был. И только один недостаток — оборотнями рождаются, а не становятся. Не существует завода по производству, где их штампуют батальонами. А Лёня хотел его устроить. Конвейер по переделке обычных людей в суперсолдат! И плевать на жертвы!

Наконец остановившись, папа сел на диванчик.

— А их становилось всё больше. Да, их семьям платили. Но прогресса не было, мы стояли на месте. Тогда какой смысл продолжать, если результат всё равно не меняется? Но Лёня настаивал, говорил, что результат должен быть. Но его не было. Я ушёл, программу закрыли. Но Лёня не мог остановиться. Преследовал. Снова начал уговаривать, обещал огромные деньги. Даже не миллионы. Миллиарды. И не рублей. Я отказывался. У меня уже были вы с мамой, я не хотел рисковать. Оборвал все связи. Даже с Игорем. Настя поддержала. Жили как обычные люди. А потом начались угрозы. Или я продолжу работать, или на лабораторный стол положат мою жену. И дочь. Тебе тогда всего три годика было...

Я опешила. Но сказать ничего не могла. Просто смотрела на папу широко раскрытыми глазами. Упершись локтями в колени, он запустил пальцы в волосы. Отчаяние.

— Пришлось согласиться. На этот раз всё было не официально, никому ничего не платили. Людей похищали. В первую очередь, тех, кого не будут искать — бездомных. Но материал ужасный — алкогольная интоксикация, букет заболеваний. С таким невозможно работать. Потом...

На мгновение замолкнув, папа закрыл глаза.

— Потом перешли на детей. — Голос сочился болью. — Подростков. Беспризорников, которых тоже не будут искать. Молодой организм, более здоровый, более сильный. Более гибкий — сформировался не до конца, поэтому лучше переносит вмешательство. Тканям проще меняться. Появились результаты. Впервые. Уже не человек, но ещё не оборотень. Что-то среднее. Чудовище Франкенштейна. Живёт на стимуляторах. Разных. "Селена" для полнолуния — он к луне особо чувствителен. "Берсерк", чтобы вызвать полузвериную форму и уничтожить врагов. Вообще всех, кто попадётся под руку. Крайний случай. На обычных оборотней тоже действует, поэтому взят на вооружение военными.

— Это... Джей?.. Олег?.. — вырвалось у меня.

— Да. — Папиного лица я не видела — только пальцы, вцепившиеся в волосы. — После него я сломался. Не мог больше работать. Думал, от меня избавятся. Нет. Не знаю, почему Лёня меня пощадил, почему не выбросил. По старой дружбе, наверно.

Теперь все мысли сосредоточились на одном вопросе. Одним-единственном. Я догадывалась, каким будет ответ — он просто не может быть другим. Я не хотела его знать. Но и промолчать не могла:

— Б-брат Игоря. — Голос дрожал так, что я едва могла говорить. — Т-тоже т-ты?..

Папа вздрогнул, будто от удара. Молчание. Секунда, другая, третья. Ничего.

Это и был ответ.

Я рухнула на папин стул. Мой отец. Михаил Юрьевич Вавилов. Учёный по призванию, от бога. Считающий, что наука должна в первую очередь служить людям. Творил... такое. Калечил. Уродовал. Детей! Это... да это... это... господи... лучше бы я этого не знала! Ничего!

Нет-нет-нет. Стой, не спеши. Вдох-выдох. Во-первых, ты сама надавила, сама требовала правды. Во-вторых, папа делал это вынужденно. Так ведь? Так. Его поставили перед ужаснейшим выбором! Жизнь близких против жизней сотен незнакомцев. Пусть даже детей. А что бы ты сама выбрала, Анечка? Смогла бы потом жить дальше? Или повесилась на собственной косичке? То-то же. Твой отец — не чудовище. Кто угодно, только не он! Его заставили. Он страдает, видишь? Раскаивается. Искренне. Настоящее чудовище здесь — Леонид Одинцов, ясно? Не смей даже думать по-другому!

Послышался сдавленный всхлип.

Подняв голову, я взглянула на папу — сидит в той же позе, закрыв лицо руками. Плечи дрожат.

Папочка!

Вскочив, я тут же села рядом, обняла.

— Не надо. Прошу тебя, пожалуйста...

Он тоже обнял меня, крепко-крепко прижал к себе.

— Родная моя... — Голос дрожал и срывался. — Девочка моя... Прости. Поэтому я и не рассказывал. Прости, прости меня! Я надеялся, что ты никогда не узнаешь. Не испачкаешься. Это ничтожно. Малодушно. Знаю. Но я так хотел, чтобы моя Анечка могла гордиться своим отцом! Чтобы в её глазах я был учёным, а не... не...

— Всё хорошо, — прошептала я, сглатывая слёзы. — Я по-прежнему горжусь. И очень тебя люблю. Ты слишком строг к себе. Ты был вынужден...

— Нет... это не оправдание... Сегодня я снова посмотрел в глаза Олегу. Он знает, кто его создал. — Папа снова вздрогнул. — Ты себе не представляешь...

— Нет, — как можно твёрже оборвала я. — Не надо. Не думай об этом. Ты был вынужден. Если Олег этого не понимает — его проблемы.

— Аня...

— Это правда. Слышишь?

Папа снова замолчал. Мы сидели, обнявшись, я чувствовала, как запах отчаяния медленно слабеет. Но полностью не исчезает. Он как бы затаился до следующего удобного момента. Ну и пусть. Главное, что сейчас всё кончилось.

Через несколько минут папа разомкнул объятия. Отвернувшись, достал из кармана пиджака носовой платок, вытер лицо.

— Ты будешь рассказывать Игорю? — снова взглянув на меня, спросил папа.

Глаза красные, взгляд напряжённый, но голос уже по-обычному ровный и спокойный.

— Да, конечно! — Я не сдержала нервный смешок. — Вот сейчас возьму телефон и всё выложу!

Ни в коем случае! Игорь не должен знать. Девять из десяти — не поймёт. И что тогда будет? Что он сделает? Нет-нет-нет. Эта одна десятая не стоит такого риска. Да и папа вряд ли этого хочет.

— Хорошо. — Он почти улыбнулся, но, вдруг снова помрачнев, положил руки мне на плечи. Сжал. — Тогда никому, слышишь? Никому и ни с кем не говори о том, что я рассказал. Это опасно. Я очень сомневаюсь, что Александру нужно, чтобы о его отце стало известно что-то подобное. Особенно сейчас, когда Игорь развёл такую бурную деятельность.

Я задумалась.

— А он на это и давит, верно? Он пытается сделать так, чтобы все обо всём узнали и ополчились на Одинцова, да?

Папа помрачнел ещё сильнее, голос стал жёстче.

— Игорь хочет ломать, но не желает строить. А это уже чревато хаосом и анархией. Что будет, если ему удастся занять место Александра? У Одинцовых много сторонников — начнётся война. И понимают это все, кроме Игоря. К тому же, он мстит не тому. Виноват не сын, а отец. Но Игорю уже всё равно. Лишь бы Одинцов.

Я кивнула.

Ох, как всё закручено, как сложно! Ради личной мести Игорь готов развязать войну, пожертвовать сотнями жизней... ради чего? Папа жертвовал ради нашей с мамой

безопасности. А Игорь? Ну отомстит он — и? Это исцелит его брата? Что-то я дико сомневаюсь. А если ничего не изменится — какой смысл? Неужели, жажда мести настолько сильна, что Игорь не хочет понимать таких элементарных вещей? А тут ещё и Серёжу похитили — ещё один повод. А уж что случилось с Надеждой Дмитриевной...

Стоп. А вот это уже была инициатива Одинцова. Если верить этому "Джею", конечно. Его послали, чтобы, так сказать, щёлкнуть Игоря по носу, показать, что до него могут добраться в любом месте в любое время. Спровоцировать. Зачем? Чего ради? Или Александру тоже нужна эта война?

Н-да, очередной тупик.

Хотя... Ты ведь знаешь из него выход, Анечка. Хороший такой выход. Просто взять и спросить у Александра. Услышать другую сторону. Правда, муж тебя убьёт за такое. И, кстати, вполне может быть, что правильно сделает — ты же не знаешь, что на уме у Одинцова. Может, ему вообще плевать, что ты его двоюродная сестра, вы общались-то всего несколько раз в жизни. Захватит в плен, как Серёжу, и будет шантажировать Игоря. Угу, а чего ж раньше-то не захватил? Ведь мог бы! Но нет. Всё явно сложнее. Насколько? Почему Александр поступает именно так? Он хочет победить в войне и раздавить Игоря? Или ему просто нужно столкновение, чтобы... что? Кто прав в итоге?

Опять море вопросов! И ни одного ответа. Пока что. Хватит с меня неизвестности. Я хочу понимать, что происходит. А учитывая, что одному из лидеров воюющих сторон я прихожусь женой, а другому двоюродной сестрой, то это уже, считай, семейное дело.

Надеюсь, телефон Александра я не удалила...

Через пару дней Игорь поехал (вернее, полетел — так быстрее) обратно под Сочи, в Лазаревское, в больницу к Надежде Дмитриевне. На этот раз вместе с племянницей. Он звал и меня, но я отказалась — было стойкое ощущение, что я там стану лишней. Расставаться с мужем не хотелось, но он сказал, что это на пару дней. Переживу как-нибудь. Да и Маше будет проще. Меня она по-прежнему старается не замечать, иногда буркнет какую-нибудь банальную колкость. Но я уже не злюсь, даже не обижаюсь. Жалко бедную. Ей уже, вроде, не так плохо, но до сих пор винит себя, страдает. Ходит как в воду опущенная, вялая, бледная. Видно, что все глаза выплакала. Ну как тут помнить прошлые обиды? Нет-нет, пускай они с Игорем едут без меня. Заодно Маша сменит обстановку, может перестанет так убиваться.

К тому же, если я по-прежнему хочу говорить с Одинцовым, лучше, если Игоря в городе не будет...

Ай-яй-яй, Анечка. Что ж ты творишь-то, а? Лезешь не в своё дело, да ещё за спиной у мужа. Обманываешь его. Узнает — прощения не допросишься. А то и вообще подумает, что женился на предательнице. Хочешь этого? Не стыдно тебе? Не хочу. Стыдно. Но как иначе? Закрыть глаза? Просто взять и выкинуть из головы всё то, что произошло в Волконке, Джея? Всё, о чём говорил папа? Наверно, это было бы идеальным вариантом. Но я не могу. Даже если бы захотела. Слишком серьёзно. Слишком важно.

А что ты, собственно, можешь сделать-то? Ну поговоришь с Одинцовым. И что? Думаешь, он вдруг изменит свою позицию и побежит к Игорю с криком: "Мир, дружба, жвачка"? Может, ты и стала женой главного бунтаря, но всю кашу заваривает он. Не ты.

Ой, всё, всё! Хватит! Решила — сделаю. А то потом себе все локти обгрызу, что не воспользовалась такой возможностью.

Прийти из института, собраться с духом. Послать к чёрту все сомнения, забыть о них. Взять телефон, снова набрать номер офиса Одинцова, сказать, что с ним хочет поговорить сестра...

— ...Прошу прощения, — ответил приятный женский голос, — но Александр Леонидович сейчас очень занят. Что ему передать?

— Чтобы перезвонил по этому номеру, как только освободится. Это очень срочно.

Мы мило распрощались, и я начала ждать. Ждать, ждать, ждать. Сначала сидела у себя в комнате, слушала музыку. Потом пошла слоняться по квартире. Зашла в комнату к мужу, со скуки поковырялась в платяном шкафу. Почувствовала отголоски странного запаха — эдакая смесь пива, сигаретного дыма и женского парфюма. Начала копать глубже — далеко, на самом краю, за рубашками, брюками и пиджаками, обнаружила старую, капитально заношенную... косуху. Не сдержала улыбку. Эдакий привет из молодости. Да, пожалуй, в этом весь Игорь.

Вышла на улицу, погуляла. Вернулась. Доделала курсовую. Позвонила Оксане. Поела. Помогла Юле приготовить что-нибудь на завтра. И опять к себе, не выпуская из рук телефон.

Ну когда?! Я же специально уточнила — очень срочно! Неужели, самому Александру не интересно, что мне от него понадобилось? Я бы умерла от любопытства!

Чудо случилось почти в одиннадцать, когда я уже перестала надеяться.

— Добрый вечер, Анна. Прошу прощения за столь поздний звонок, вырваться раньше не

было никакой возможности. Чем обязан?

Приятная вежливость, даже любезность. Интересно, только она, или с насмешкой? После всего того, что было на той вечеринке... ой-ёй-ёй, совсем про него забыла...

— Я хотела извиниться, — вырвалось у меня вместо заготовленного приветствия. — За тот приём. За то, что я тогда делала. Это была не я. Ну, не совсем я. Не полностью. Простите. И ещё я бы хотела встретиться. Ещё раз. Не на приёме, конечно! Всё равно где. Поговорить.

Молчание.

Ну ты и дура, Анечка! Несколько часов продумывать вопросы, своё поведение, тон, манеру речи — и в итоге вывалить всё кучей, на одном дыхании! Что о тебе теперь подумают?!

— О чём? — наконец произнёс Александр всё также вежливо.

Как хорошо, что он не может меня видеть! Стыдно. Очень. Но не бросать же теперь трубку! Соберись!

— О судьбе Сергея Исаева. — Глубоко вдохнув, я заставила себе говорить более ровно, спокойно. — А также о ваших... взаимоотношениях с моим мужем.

Мне показалось, или я слышала тихое хмыканье?

— При всём моём уважении, Анна, — однако вежливый тон остался, разве что чуть похолодел, — я бы хотел оставить наши с господином Белозерским... взаимоотношения между нами двумя. Исключительно. Что же до господина Исаева — его нынешнее состояние требует постоянного ухода. И охраны. Для безопасности как самого Сергея, так и окружающих. Ваш супруг об этом не упомянул?

— Мой супруг полагает, что это похищение, — ответила я, теперь уже полностью копируя тон собеседника. — Александр, вам не кажется, что это не телефонный разговор?

— Мне кажется, — уже чуть резче, — его не стоит продолжать. Нет смысла.

— Почему же? У меня ещё есть вопросы. Много.

— Боюсь, вы задаёте их не тому человеку, Анна. У меня нет для вас ответов.

Теперь хмыкнула я.

— У кого же мне их искать, если не у вас?

— Спросите мужа — уверен, он вам всё разъяснит. А теперь прошу прощения, у меня ещё осталась пара неотложных дел. Доброй ночи.

Отключился.

Вот и поговорили!

Ладно. Хорошо. Прекрасно. Как сказал бы Игорь — не хочешь по-хорошему, будет по-моему.

На следующий день, вместо института, я поехала в офис. С утра, к открытию, чтобы поймать Александра прямо на входе. А то ещё запрётся у себя в кабинете — не выманишь.

Но, как оказалось, Одинцов тоже трудоголик — офис открылся пять минут назад, а он уже был на рабочем месте. И, конечно же, никого не принимал!

Ладно. Хорошо. Прекрасно. Мы не гордые, подождём. Хоть час, хоть два, хоть три. Хоть весь день. Но без ответов я не уйду.

Приёмная большая, в бело-стальных тонах. На мой вкус, хоть и красивая, но слишком холодная, неуютная. Ну и ладно. Главное, что кресла мягкие.

Заняв позицию чётко напротив лифта, я приготовилась к осаде. Через пять минут симпатичная девушка на ресепшене (кажется, Марина, если я правильно запомнила надпись на бейдже), подошла и предложила кофе. Я вежливо отказалась.

— Могу я что-то ещё для вас сделать? — тоже очень вежливо поинтересовалась она.

Чудится, на самом деле за этим кроется, мол, чего тебе ещё тут надо, ненормальная?

— Если вас не затруднит, передайте, пожалуйста, Александру Леонидовичу, что его ждёт сестра.

— Сожалею, но Александр Леонидович не сможет сегодня вас принять. У него...

— Тогда передайте, что я не уйду отсюда пока не встречу с ним.

После этих слов в Марине что-то коротнуло, и улыбка погасла, а я почувствовала запах напряжения и тревоги. Но буквально через пару секунд включился резервный источник, и улыбка снова загорелась.

— Хорошо, я обязательно передам.

С этими словами девушка отошла. Выждав минут пять, как бы невзначай подошла к одному из охранников, что-то сказала. Посмотрев на меня, он куда-то позвонил. Девушка молча ждала, изредка бросая на меня тревожные взгляды. Я её понимала, да и вообще чувствовала себя эдаким маньяком-преследователем. Но уходить не собиралась. Хотя, если охранник всё-таки подойдёт, будет сложнее. Мягко говоря...

Не подошёл. Закончив разговор, что-то сказал девушке. Та, видимо, попыталась спорить, но он покачал головой и отвернулся. Несчастливая Марина осталась ни с чем.

А я ждала. Делая вид, что копаюсь в телефоне, украдкой разглядывала посетителей. Люди, оборотни. Кто-то входил и, показав охране пропуск, шёл дальше, к заветному лифту. Кто-то останавливался около ресепшена, говорил с Мариной. Она улыбалась, и вообще всем своим видом выражала доброжелательность и готовность помочь. Некоторые молодые люди воспринимали это за флирт, пытались отвечать. Девушка продолжала улыбаться, иногда подыгрывала, но я даже со своего места чувствовала запах раздражения.

А я ждала. Час, другой. Марина то и дело на меня косилась, но больше не подходила. Я посидела в трёх креслах, побродила по приёмной. Охранники меня не замечали, но от греха подальше я старалась не особо мельтешить перед ними.

Через три часа осады захотелось есть. Пересилив неловкость, подошла к Марине и с улыбкой, как бы в шутку, сказала, что созрела до кофе. Если её не затруднит, конечно же. Не затруднило. Кофе хороший, со сливками и сахаром. Не слишком-то питательно, но хотя бы желудок согрею.

Ещё два часа. Одинцов так и не появлялся. Зато Марина ко мне привыкла, перестала коситься. Даже ещё раз кофе предложила, даже с шоколадкой. Спасительница! Пожалела сумасшедшую, наверно.

Через час мы уже болтали возле её стойки. Несмотря на "говорильную" работу, Марина всё равно трещала, как пулемёт, всаживая в мой мозг обоймы бесполезной информации. Я слушала, кивала — уж лучше так, чем маяться от безделья! Но лифт всё равно держала в поле зрения.

Вдруг Марина замолчала. Глядя куда-то мне за спину, вытянулась по струнке, изображая самую приветливую улыбку, какую я только видела в её арсенале.

— Доброе утро, Светлана Борисовна! Александр Леонидович вас ждёт.

Я отошла в сторону. "Светлана Борисовна" оказалась высокой темноволосой дамой средних лет. Одета в серый деловой костюм и туфли на высоком каблуке, она идеально гармонировала с приёмной — что по цветам, что по впечатлению. Бр-р.

Но самое странное, женщина казалась мне знакомой.

— Спасибо, Марина, — кивнула она с видом человека, уже давно привыкшего, что

перед ним отчитываются.

Именно человека, да. Не оборотня. Интересно, Александр ведёт себя с подчинёнными также?

— Здравствуйте, Анна, — вдруг произнесла женщина, поворачиваясь ко мне. — Честно признаться, не ожидала увидеть вас здесь. Тоже к Одинцову?

Улыбнулась. Не холодно, не высокомерно, как можно было бы ожидать от такой особы. Приветливо, почти весело, сразу же помолодев лет на пять-семь. На такую улыбку невозможно не ответить.

— Мы знакомы?.. — как можно вежливей ответила я, судорожно перебирая в памяти, где именно мы могли видеться.

— Разве что заочно, — продолжала улыбаться женщина, не замечая мою неловкость. — Немировская Светлана Борисовна. Будем знакомы.

Она протянула мне руку. Красивую, ухоженную, с длинными пальцами и безупречным маникюром. Я пожалала. Сама ладонь тёплая и мягкая, а вот хватка энергичная, цепкая, почти мужская.

— Так что же, вы к Саше?

— Да, — спешно кивнула я. Надо пользоваться возможностью! — Сижу тут с самого открытия, представляете? А ему всё некогда.

Устало вздохнув, напустила расстроенный вид. Покачала головой.

— Ого, ничего себе! — изумилась Светлана. И тут же нахмурилась. — Это не дело. Идёмте, я вас проведу.

В десятку.

— Светлана Борисовна, Александр Леонидович сказал... — попыталась вмешаться Марина.

Но женщина не позволила.

— Всю ответственность беру на себя, — отрезала она, снова превращаясь в хозяйку. — Если будут спрашивать, скажите, что стояли насмерть, но Немировская, как всегда, шла напролом. Пойдёмте, Анна.

Кивнув ошарашенной Марине, я пошла следом за Светланой. Фух! Ну хоть не зря отсидела шесть часов!

Стоя в лифте, я украдкой разглядывала свою спасительницу. Красавицей не назовёшь — черты лица хоть и тонкие, правильные, но слишком резкие. Глаза серые, взгляд стальной. Походка твёрдая, уверенная, спина идеально прямая. Выглядит строго, по-деловому, но элегантно, даже изящно. Дорого.

Всё вместе смотрелось не слишком приветливо — эдакая Леди-Босс, способная растоптать конкурентов, а их сердца нанизать себе на шпильки. Но эффектно.

И всё-таки, почему она мне знакома?

— Светлана Борисовна, позвольте задать один вопрос? — наконец решилась я.

Волчица недовольно заворчала, мол, опять школьницу включила, ещё руку подыми. Но по-другому говорить с такой женщиной я просто не могла.

— Вы уже его задали, — ответила она строго. И сразу же улыбнулась. — Но можете задать ещё.

Я тоже невольно улыбнулась. Поразительный эффект! Будто бы с другим человеком разговариваю!

— Откуда вы меня знаете?

— Это часть моей работы. Знать всё обо всех членах Собрания. И их семьях. С вами Анна, я, так сказать, знакома уже давно, ещё когда ваш отец не превратился в затворника окончательно. Ну а после того, как вы стали женой Игоря Белозерского...

Светлана демонстративно замолчала. Я хмыкнула.

— Да уж, он умеет привлечь внимание...

— Вы очень мягки, Анна. — Усмешка. — Думаю, "эпатировать" — более правильное слово. И в этом вашему супругу просто нет равных.

Я почему-то покраснела. Наверно, за Игоря.

— Вот прям настолько?..

Женщина начала загибать пальцы.

— Дорваться до власти, используя, в общем-то, уже почти отжившую традицию. В жёны взять девушку младше него на двадцать лет. Заставить Собрание признать его своим, несмотря на методы и — только не обижайтесь — не самую породистую родословную. В открытую выражать недовольство Одинцовыми. Не стесняясь, подстрекать всех к войне, откровенно готовиться к ней, вербовать союзников. — Она мрачновато усмехнулась. — Судите сами, Анна.

Мда, вот это списочек. Большую часть я и так знала, конечно. Но всё-таки...

— Кстати, — продолжила Светлана, испытующе глядя на меня, — именно поэтому я и удивилась, увидев вас здесь. Позвольте бестактный вопрос?

Я кивнула.

— Господину Белозерскому известно, где сейчас его жена?

Ой-ёй, Светлана, не давите на больное...

Несколько секунд я лихорадочно соображала, выбирая слова и формулировки.

— У господина Белозерского сейчас и без того дел невпроворот, — наконец выдала я, пожимая плечами. — Не хотелось отвлекать.

Мол, о чём вы вообще? Сущие мелочи. Всё именно так и должно быть, у меня вовсе не подкашиваются колени от одной только мысли о том, что будет, если Игорь узнает.

Светлана понимающе улыбнулась, кивнула. Но говорить ничего не стала.

Двери лифта открылись, мы вышли. Этаж напоминал уменьшенную в размерах приёмную — такой же красивый, прекрасно освещённый, но неуютный. К бело-стальному сочетанию добавился чёрный. Ни дерева, ни зелени.

— Доброе утро, Светлана Борисовна, — кивнула сидящая за столом секретарша — единственное живое существо в этом стерильном царстве. — Александр Леонидович...

— ...сначала встретится с сестрой, — твёрдо оборвала её Леди Босс. — Идите, Анна.

Мне тут же стало неловко.

— Лучше вы. У меня к Александру много вопросов — боюсь, это займёт...

— Ничего страшного, — точно таким же тоном перебила Светлана. — Вы заслужили. К тому же, я никуда не тороплюсь. — Улыбнулась. — А господина Одинцова за такое пренебрежение к сестре стоит немного проучить. Согласны?

Полностью!

— Большое спасибо, — ответила я с чувством. — Не знаю, сколько бы ещё пришлось там сидеть, если бы не вы.

— Пожалуйста, — кивнула Светлана. И снова посмотрела на секретаршу. — Оленька, будьте так любезны, сообщите Александру Леонидовичу...

— Не стоит.

Чёрная дверь кабинета распахнулась, на пороге стоял Одинцов. Всё как в наши предыдущие встречи: бледность, идеально-холодный взгляд, идеально подстриженные светлые волосы, идеально сидящий костюм, идеально-чёрные туфли. Снежный Король.

— Я вас услышал, дамы. — Нахмурился. — Анна, помнится, мы уже разговаривали. Я всё объяснил. Или вы полагаете, за эту ночь что-то изменилось, и у меня появились для вас ответы?

— Я полагаю, — вмешалась Светлана, её голос звучал не менее холодно, — для вас не составит особого труда выслушать Анну. Вместо того чтобы заставлять её полдня сидеть в приёмной.

Посмотрев на женщину, Одинцов... усмехнулся.

— У госпожи Немировской чертовски хорошо получается уговаривать.

— Как всегда, — отозвалась Светлана, возвращая усмешку.

Александр снова посмотрел на меня.

— Что ж, Анна, прошу прощения. Нужно было сразу же вас принять и отказаться продолжать разговор лично, глядя в глаза. Каюсь, виноват.

Пф. Язвите, сколько угодно, Александр Леонидович. Без ответов я с вас не слезу.

— Дабы исправить мою оплошность, позвольте хотя бы пригласить вас на обед. Полагаю, вы уже успели проголодаться?

Гад.

— Да, немного, — мило улыбнулась я под аккомпанемент урчащего живота. — Вы очень любезны.

— Чудно. Госпожа Немировская, мой кабинет в вашем распоряжении.

С этими словами Одинцов пошёл к лифту. Я виновато посмотрела на Светлану — теперь ей придётся ждать ещё дольше. Может, вообще сегодня встретиться не смогут. Но женщина лишь демонстративно закатила глаза и улыбнулась. Кивнула. Фух.

Тоже улыбнувшись, я пошла за Александром.

— Предпочтения, Анна? — уже в лифе поинтересовался он с подчёркнуто холодной любезностью.

— В чём? — не поняла я.

— В еде. Привыкайте, госпожа Белозерская. С вашим новым статусом обедать в забегаловках несолидно.

Аристократ, пф.

Но, к сожалению, здесь он прав.

— Доверюсь вашему вкусу, Александр Леонидович, — ответила я, копируя его тон.

Одинцов лишь кивнул. Теперь мы стояли молча, он смотрел прямо перед собой. Ну вот как можно выглядеть настолько идеально? Аж до неестественности. Та же Светлана, например — тоже деловой человек, тоже следит за собой. Но выглядит аккуратно, ухоженно. Почти безупречно. Почти. Не стерильно. И пахнет любопытно: парфюм с мягкими нотками жасмина и одновременно едва не мужской напор, целеустремлённость, вплоть до жёсткости. А господин Одинцов...

Хм.

Так вот в чём дело! Вот почему Александр кажется стерильным! У него нет запаха. Я только сейчас поняла. Никакого. Ни его эмоций, ни обычного, естественного. Если закрыть глаза — полное ощущение, что я в лифте одна. И это притом, что Александр — оборотень! А точно? Зверья-то тоже будто бы и нет. Или есть? Интересно, какой? Наверно, тоже волк. Если

у Игоря чёрный, то у Одинцова, наверно, белый. Вроде бы, что-то такое угадывается, но очень смутно...

— Чрезвычайно польщён вашим интересом, Анна, — вдруг прозвучал раздражённо-холодный голос. От неожиданности я аж подскочила. — Но давайте не будем устраивать собачью свадьбу. Вы и так замужем.

Браво, господин Одинцов. Аплодирую стоя вашему остроумию. Авторы пособий в духе "Как стать стервой?" рвут на себе блузки, умоляя о мастер-классе.

Выйдя из лифта, мы покинули здание офиса и пошли к парковке. Интересно, на чём ездит такая важная птица? Игорь, вот, предпочитает джип, а Снежный Король? Летучие сани? Ослепительно-белый лимузин? Почти угадала. Правда, машина оказалась чёрной, но тоже немного продолговатой и блестящей. А мерседесовская звёздочка на капоте, если не приглядываться, сойдёт за снежинку.

Я хотела сесть вперёд, но Александр открыл заднюю дверцу. Пропустив меня, сел рядом. Ну да, какая коронованная особа будет утруждать себя сидением за рулём? Для этого есть личный водитель. Интересно, он тоже живёт с Одинцовыми в одной квартире? Представив такую картину, я аж хихикнула. Это как если бы конюха допустили в личные покои императора.

Александр на мой смешок не отреагировал — сел в машину и всё. Даже водителю ничего говорить не стал, тот просто завёл мотор и поехал. А меня будто бы вообще не существует. Нет уж, господин Одинцов.

— Ваш отец хотел устроить конвейер по переделке людей в оборотней. — К чертям намёки и недосказанности. Больше не хочу терять время. — Это правда?

Дёрнув уголком губ (попытка усмешки?), Александр откинулся на обитую кожей спинку.

— Потрясающе. — Он по-прежнему смотрел перед собой. — Любопытно, господин Белозерский знает, с кем и о чём сейчас говорит его драгоценная жена? Быть может, стоит его известить?

Решили меня запугать, Александр Леонидович? Экая прелесть. Но не в этот раз.

Я усмехнулась.

— Хотите, телефон дам? — Фыркнула. — Мой отец действительно участвовал во всём этом? Ему угрожали?

Одинцов сохранял меланхоличную невозмутимость.

— Уже сами эти вопросы, милая Анна, говорят о том, что все ответы вам прекрасно известны. Вы осаждали мой офис, чтобы удостовериться наверняка?

— И это тоже. — Раньше я бы, пожалуй, растеряла всю уверенность. Но сейчас, когда меня поддерживает волчица... — Хочу услышать вашу версию событий. И Джей сто сорок девять, да. Он у вас на фирме цепным псом числится?

Александр покривился, но не ответил. Взгляд прошёлся по крыше салона, по окнам, замер на затылке водителя. Одинцов явно о чём-то думал. О чём? Как же обидно, что у него нет запаха! Вот именно сейчас волчье чутьё ой как пригодилось бы! Ну ничего, и без него справимся. По старинке. Задавая вопросы и слушая ответы. Пока все не получу, с живого не слезу.

— Как поживает Анастасия Павловна? — наконец выдал Александр. — Нам так и не удалось нормально поговорить в тот вечер. Она больше пеклась о господине Исаеве.

Хотите сменить тему, ваше величество? А чёрта с два. Я с Игорем уже натренировалась,

не выйдет.

— Я прекрасно её понимаю. Серёжа до сих пор в клинике? Подскажите адресок, хоть навещу беднягу.

— Хотите принести ему апельсинов?

Ёрничайте сколько угодно, сир. Не поможет.

— А хоть бы. Больничная еда, она такая. Мало ли нужно что-то.

— Намордников там тоже хватает, не переживайте. Вы ради этого сидели в засаде? Не с кем практиковаться в риторике?

Детский сад.

— Александр. — Вспомнив Светлану, я накинула маску Большого Босса. — Все эти ваши вихляния — к чему они? Почему мы не можем поговорить нормально? Открыто? Или что же, вам так нужна война с Игорем? Я могу попытаться с ним поговорить...

— О, вот мы и на месте, — вдруг перебил Одинцов, глядя в окно. Маска тут же треснула, я почувствовала себя полной дурой. — Спасибо, Роман.

Машина остановилась.

— Вас ждать, Александр Леонидович? — вежливо поинтересовался водитель, глядя на его отражение в зеркало заднего вида.

— Да, будь так любезен. Если вдруг позвонит госпожа Немировская — я буду в офисе через час.

— Хорошо, как скажете.

Думаете отделаться от меня за час, господин Одинцов? Даже меньше, ведь ещё дорога обратно. Наивно-с.

Выйдя из машины, я мельком осмотрелась. Невский проспект. Что ж, не удивительно. Где ещё обедать его величеству? Только в каком-нибудь особо крутом и пафосном ресторане в самом крутом и пафосном районе города.

Впрочем, пафос — это ещё мягко сказано. Блестящий паркет, лепнина, картины в вычурных рамах, огромная люстра, резная мебель, вышивка — короче, не ресторан, а прям дворец, что-то похожее я видела на свадьбе. Красиво, но — полное чувство музея. Школьной экскурсии.

Но для Снежного Короля самое то. Здесь его знали в лицо, называли по имени отчеству. Даже один из столиков держали специально для милорда — на втором этаже, возле огромного окна. Наверно, чтобы его величество во время трапезы мог наслаждаться видом своих владений.

— Мясо не рекомендую — повар слишком увлекается специями, — бросил Одинцов, листая меню. — Рыба хороша, но иногда суховата, лучше под вино... Хотя нет, это тоже не ваш вариант.

Для его величества всё было привычно, а вот мы, плебеи, чувствовали себя неловко. Тут, наверно, даже официанты выглядят презентабельнее, чем я в своих джинсах, балетках и простенькой кофте.

— Почему же? Я люблю рыбу. Против вина тоже ничего не имею.

Но не показывать же это, в самом деле. Будем культивировать в себе Светлану Борисовну. И вообще, не удивлюсь, если Александр специально притащил меня именно сюда — чтобы комфортно было только ему, и чтобы я побыстрее отвязалась. Чёрта с два.

Одинцов впервые усмехнулся.

— Увольте, Анна. Сколько вам лет? У меня нет желания потом оправдываться перед

вашими родителями.

И кому ещё нужно упражняться в риторике? Опять детский сад.

Мило улыбнувшись, я отложила меню.

— Тогда снова доверюсь вашему вкусу.

Александр только пожал плечами.

Ладно. Хорошо. Прекрасно. Господин Одинцов хочет играть в короля — пожалуйста.

Мы не гордые, потерпим. Но не отстанем.

Несколько раз я снова пыталась задавать вопросы, но постоянно что-то срывалось. То его величество, видите ли, поглощён выбором блюд и "не надо отвлекать", то официант рядом крутится. Причём, один и тот же — весь такой прилизанный, в белых перчатках, участливый, готовый посоветовать, да и вообще выполнить любой каприз. Аж противно.

Наконец, его величество озвучил все свои пожелания, официант их записал и ушёл. Я было снова открыла рот, чтобы начать спрашивать, но Александр опередил:

— Я говорю, вы слушаете, — сказал он всё с той же небрежной насмешкой. — Не перебивая.

Но теперь Одинцов смотрел прямо на меня, в глаза. Тяжело, напряжённо, буквально впивался, не позволяя отвести взгляд.

— Как я говорил, уже сам факт того, что вы задаёте эти вопросы, подразумевает, что вам всё рассказали. Подозреваю, доктора Вавилова окончательно замучила совесть. Молчите.

Снова подошёл тот официант. Произнеся новую порцию дежурно-лощёных фраз о том, как они все и шеф-повар лично рады видеть "господина Одинцова и его даму", поставил перед нами по тарелке. Александру достались три маленьких рулетика — овощных, судя по запаху, мне — три клубничины в шоколаде.

— Да, всё было именно так, — продолжил Одинцов, когда официант снова ушёл. — Мой отец хотел "устроить конвейер", ваш отец в этом участвовал, и не всегда добровольно. Касательно Джея и всей Сигмы — вы снова правы, это цепные псы. Но меня или мою сестру они будут слушать в последнюю очередь. Молча, Анна.

Опять этот чёртов официант. Теперь предлагает попробовать вино. Александр по-прежнему ведёт себя скучающим королём, но взгляд... Что происходит? Почему так? Неужели...

— Слежка? — спросила я, когда мы снова остались вдвоём. Одинцов медленно опустил голову. Чудовищный контраст между взглядом и выражением лица. — Кто?..

— Не отвлекайтесь. Воевать с господином Белозерским у меня нет ни малейшего желания. Но есть необходимость. Именно поэтому Сергей останется там, где он сейчас. Вы сказали, что можете "поговорить" с мужем — ваше право. Но поверьте мне на слово, он не откажется от мести. Ни за какие блага. И мне это на руку.

Александр глубоко вздохнул. Съев один рулетик, взглядом указал на мою тарелку. Ещё полчаса назад я думала, что съем слона, но теперь еле-еле впихнула в себя одну клубничину.

— Предвидя ваше возмущение — да, я использую. И господина Исаева, и господина Белозерского. Более того, вас тоже, Анна.

А вот это хуже.

— В смысле? Хотите сказать, вы знали...

— Что рано или поздно вы устанете от недомолвок отца? Что пренебрежёте здравым смыслом и словами близких, и явитесь ко мне? Разумеется, наверняка я уверен не был. С тем

же успехом вы могли остаться послушной девочкой, и сейчас сидели бы дома и ждали возвращения супруга. Я допускал и такой сценарий.

Режиссёр чёртов!

— Теперь вы злитесь? — Кажется, на этот раз усмешка настоящая. — Вы хотели ответов — вы их получили. Согласитесь, я был предельно откровенен. Да, я использую и манипулирую. И буду продолжать это делать. Прямота — замечательное качество, но если вы действительно хотите присоединиться к нашей маленькой игре, вам тоже стоит разучить пару финтов.

— Это вам тоже на руку, да? — спросила я, глядя Александру в глаза. Он красноречиво промолчал. — А если я не захочу?

Меланхолично пожал плечами.

— Этот сценарий тоже учтён.

— Мер-рзавец! — вырвалось у нас с волчицей.

— Да, пожалуй, — легко согласился Одинцов с невозмутимым видом. — Не оправдываюсь, не обеляю. Я не рыцарь и даже не джентльмен, мои методы грязны и подлы. Но эффективны.

Несколько секунд я молчала, не глядя на него. А то ещё, чего доброго, наброшусь или зарычу. Нострадамус чёртов! Всё-то он предвидел, всё просчитал! И куда не дёрнись, всё равно будешь марионеткой на ниточке! Кукловод недоделанный!

Ой, да брось, Анечка. Очень даже доделанный. Ишь, как ловко всё провернул. Если не врёт, конечно. Сам же сказал про слезку. Да и взгляд очень красноречивый. Спектакль? Может быть, но...

Н-да, сложно, сложно. И что-то мне подсказывает, что всё это только верхушка айсберга.

— Кто за вами следит? — наконец спросила я, снова поднимая взгляд.

— Прошу.

Опять официант, теперь уже с блюдами. В самый неподходящий момент! Скрестив руки на груди, Александр тут же натянул выражение меланхолической насмешливости.

А что, если... Нет, не может быть. Это бред.

Но всё же.

Поймав его взгляд, я как бы невзначай посмотрела на официанта. Помедлив, Одинцов как бы невзначай наклонил голову. Ого! Так может и водитель? В машине ведь Александр тоже не хотел говорить. И в офисе.

Чёрт возьми, да что там у них происходит?! А Игорь знает?

— Если вам всё это на руку, — медленно проговорила я, когда снова стало относительно безопасно, — то к чему спектакль с отказом? Не хотели говорить по телефону, так назначили бы встречу. В любом месте. Я бы пришла.

Александр фыркнул. Теперь я видела — демонстративно. Или просто его маска уже даёт трещины?

— Давайте рассуждать логически. Если бы вы сказали правду — сами понимаете, муж бы скорее запер вас дома, чем отпустил на такую встречу. Солгали? Даже если бы ваше искусство владеть своим лицом и телом было настолько велико, что господин Белозерский поверил, ему всё равно бы донесли, где и с кем его жена. Да-да, Анна. За вами тоже следят. Уже давно и очень тщательно. — Усмешка. — Впрочем, даже если бы ваша охрана ослепла, я бы нашёл способ сделать так, чтобы Игорь Викторович обо всём узнал.

Я почувствовала, как одновременно холодею и краснею. Скотина какая! Да и муженёк не лучше! Следит! Ну замечательно! Блеск! Если это правда...

...то можно собирать вещи и покупать билеты на самолёт до Канады. А лучше, до Австралии. Хотя, наверно, и там найдёт.

Чёрт, чёрт, чёрт! А я так надеялась, что всё будет по-тихому!

Ладно, ладно. Не паникуй, Анечка. Если потом тебя ждёт эшафот, значит, сейчас надо выжать из Снежного Короля по максимуму. Потому что больше ты из дома не выйдешь.

— Как-то всё очень странно, Александр Леонидович, — наконец проговорила я, глядя Одинцову в глаза. — Сначала вы утверждаете, что в вашем мире нет места прямоте, а потом выкладываете мне всё в лоб. Говорите, что всех используете, но при этом, за вами следят, вам приходится чуть ли не прятаться. Что всё это значит? Вы лжёте? Или опять манипулируете?

Теперь напряжена была и я. Снежный Король молчал. Отведя взгляд, взял вилку и принялся неспешно есть стоявшее перед ним овощное рагу. Вегетарианец, что б его.

— Александр, — не выдержала я. Кажется, голос дрогнул. — Давайте уже начистоту. Что вам от меня нужно? Кто за вами следит?

Одинцов смотрел куда-то вбок. Проследив направление его взгляда, я осторожно повернула голову — снова тот скользкий официант. К нам не подходит, но по-прежнему крутится неподалёку, обслуживая недавно пришедших.

— Боюсь, мне пора, — посмотрев на часы, вдруг сказал Александр. — Дела, дела. Спасибо за кампанию, Анна, было очень приятно.

Скрестив руки на груди, я откинулась на спинку стула. Фыркнула. Очень приятно, угу. Ещё скажите: "Деньги на тумбочке". Простите, купюры слишком крупные, у меня сдачи не будет, одна мелочь.

Разумеется, как только Александр отложил вилку и нож (он не съел даже половину блюда), тут же материализовался официант.

— Я вынужден уйти, — бросил он с королевской небрежностью. — Моя дама голодна, поэтому может заказать ещё что-нибудь. Когда освободится, закажите для неё такси. Куда присылать счёт, вам известно.

Официант даже поклонился.

— Конечно, Александр Леонидович.

Сейчас должно быть "как прикажете". Нет? Жаль. Подошло бы.

— Что до ваших вопросов, Анна, — вдруг произнёс Одинцов, по-прежнему не глядя на меня, — на самом деле, ответы я вам уже дал. Ещё на свадьбе. Хорошего вам дня. И до встречи.

Как же мне надоело! Загадки, недомолвки, сложности — да будь оно трижды проклято! Хочется встать и уйти, забыть всё к чёртовой матери и жить дальше! Что, разве это невозможно? Разве что-то мешает, заставляет копать? Яму. Самой себе. Ну узнала я что-то, про папу, про Игоря — кому-то от этого лучше стало? Угу, как же. Только хуже. Это вообще чудо, что мы с мамой смогли помириться после всего того, что случилось. А почему так вышло? Потому что я что-то *узнала*.

Забыть, просто забыть. Учиться в институте, влюбляться в мужа, налаживать отношения с Машкой. Ну идеально же!

Со злости я ткнула вилкой в тарелку, да так, что та едва не раскололась.

Не могу. Хоть режь. Не могу, и всё тут. Не забыть. Как вообще можно забыть *такое*? И ладно бы всё это случилось лет двести назад на другом конце света с абсолютно незнакомыми людьми — ах если бы! Родной отец, муж, двоюродный брат. Это моя *семья*. И случилось всё сравнительно недавно. И последствия аукаются до сих пор. А если действительно Игорь спровоцирует войну? Что, я буду стоять в стороне? Ни за что. И мама бы не стояла. О, да она бы первой на амбразуру пошла. Ну или постаралась бы вправить мозги мужу, чтобы перестал творить чёрт знает что.

Вот с ней и посоветуюсь. Да, точно. Я же именно от мамы узнала, что Александр мне брат, она вообще к Одинцову лучше относится. Не удивительно, племянник же. И с фотоальбомом тоже она помогла, объяснила. Ой, про ту историю вообще лучше не вспоминать. Как Игорь тогда завёлся из-за этого подарка! А на деле же простой фото...

...альбом.

Подарок.

На свадьбу.

От Александра.

Прямо в руки.

Выскочив из-за стола, я пулей вылетела из ресторана. Не надо мне никаких такси, его ещё ждать придётся. Сама до дома доберусь.

Ох, если это правда, если моя догадка верна... Ай да Одинцов! Красавец! Всё учёл, всё просчитал! До мелочей! Кукловод восьмидесятого уровня!

Хех, чувствую себя гончей, взявшей след, любопытство прямо разрывает. Домой, домой, домой! Сейчас там никого быть не должно, мама с папой на работе. Вот и прекрасно, не надо будет ничего объяснять, никто не помешает.

Зайдя в квартиру, я было ринулась в комнату родителей — но остановилась на пороге. Ха-ха, Анечка. А ты знаешь, где мама хранит альбом? Чёрт, придётся искать. Стыдно-то как! Но по-другому не получится, только если дожидаться прихода мамы. Ну или позвонить. Я достала телефон, но конечно же, по закону подлости, именно сейчас Анастасия Павловна не пожелала брать трубку. Чёрт, чёрт, чёрт! Значит, выбора нет — до прихода мамы ещё часа два-три. Слишком долго.

Пришлось обыскать всё, ибо в самых логичных и ожидаемых местах вроде тумбочки или ящичков стола не было ничего похожего. Перерыв комнату сверху донизу и найдя только наши старые альбомы, я уже начала отчаиваться, но тут волчья интуиция вдруг потянула к шкафу.

Бинго!

На самой верхней полке, там, где раньше была коробка со сложенным свадебным платьем — лежит, родненький.

Достав альбом, я тут же его потрясла, перетряхнула страницы — вдруг что-то выпадет? Ничего. Значит, придётся смотреть все фотографии.

Усевшись прямо на пол, я открыла первую страницу. Мамина сестра. Опять она. И опять. И снова. Пять страниц с исключительно её фотографиями в разных позах и местах. Теперь пошли она и высокий широкоплечий блондин — скорее всего, Леонид Одинцов. Да, точно он. На одной фотографии — вылитый Александр, только чуть покрупнее. Они, они, они. Держатся за руки, целуются. О, а здесь он её на руках держит — совсем как папа маму на фотографии в кабинете.

Господи, ну где же?!

Теперь свадьба. Ой, Игорь! Я тогда, в первый раз и не разглядела толком. Такой молодой! Волосы короче, но улыбка такая же, и взгляд...

Эй-эй, не отвлекаться! Ещё насмотришься на мужа. И наговоришься. Наобъясняешься. Совсем скоро.

Так, а это у нас кто? Девушка. Рядом с Игорем, держит его под руку. Высокая, полноватая, тёмные волосы... хм, хм, хм... черты такие знакомые... где-то я эту барышню видела... где же?... совсем недавно...

Чёрт!

Да это же Светлана! Та самая, Немировская! Леди Босс, только моложе лет на двадцать. И куда менее презентабельная. Так вот, где я её видела!

Вынув фотографию из уголков (от волнения руки дрожат — чуть не порвала!), перевернула. Так-так. Голова Светланы (вернее, то место, где она должна быть на обратной стороне) обведена в идеальный круг. Ручкой. Сверху знак вопроса. Такой аккуратный, прям каллиграфический.

Я не поленилась — снова открыв первую страницу, начала доставать и переворачивать все фотографии подряд. Больше ничего нового, только дата и подпись, кого и где фотографировали. И почерк совсем другой, с острыми углами, буквы сплющены в высоту — на мамин очень похож. Наверняка, подписывала или она, или сестра.

В итоге, я перебрала *весь* альбом, но из находок всего три снимка — на всех есть Светлана, круг и вопросительный знак.

Ну и что вы этим хотели сказать, Александр Леонидович? Вы полагали, что я не знаю, кто здесь изображён? Хотели, чтобы я начала кого-то спрашивать про Светлану? Вас? Вряд ли. Вы же от вопросов бежите, как он чумы. Родителей? Игоря? Кого? Или я вообще думаю не в ту сторону, и вы имели в виду что-то совсем другое?

И опять ни одного ответа...

Ладно. Хорошо. Прекрасно. Дождёмся Анастасию Павловну. Заодно и приберёмся.

Дождались. Рассказали про встречу с Одинцовым, про разговор, про намёки. Мама, конечно, мигом встревожилась, но ругаться не стала. Увидев фотографии, очень удивилась, подтвердила, что обводила не она и не сестра. Насчёт Светланы — объяснила, что Немировские являются дальними родственниками Одинцовых, поэтому их и позвали на свадьбу. Не оборотни, работают, так сказать, в обоих мирах, эдакие посредники. Всё. Больше никакой полезной информации.

Так и подмывало остаться подольше и спросить папу — но я сдержалась. Вот уж кто-

кто, а он за встречу с Одинцовым устроит форменную головомойку. И ничего не расскажет, мол, не лезь не в своё дело.

Значит, придётся спрашивать мужа. Ой-ёй, заранее колени подкашиваются...

Снова отдав маме альбом (снимки с пометками Александра с её разрешения оставила себе), я поехала обратно на Крестовский. На эшафот.

Палач уже был дома. Это я поняла ещё когда шла через двор — увидела знакомую машину. На секунду аж замерла. Что сейчас будет? Что-что — а то ты не знаешь, Анечка? Игорь своими руками сделает себя вдовцом. И будет прав. Какие у тебя оправдания? Давай-давай, не тормози. Любишь кататься, люби и саночки возить. Чем дольше тянешь, тем хуже.

Собравшись, я пошла дальше. Предчувствуя грядущую встречу, волчица тихо скулила, прижав уши. Эх, понимаю!

Зайдя в квартиру, я тут же почувствовала присутствие мужа. Даже не столько запах, сколько именно *ощущение*. Хозяин вернулся, дом снова полон им. Приятное чувство. Вот только бы сердце так не стучало и колени не подкашивались...

Он меня убьёт. Что я скажу? Как?.. Мамочки...

Пока я раздевалась, из гостиной вышла Маша. Выглядит уже повеселее, не такая бледная. Посмотрела на меня, как-то странно усмехнулась. И провела ребром ладони по горлу. Я застыла.

Следом вышел Игорь. Мне хватило одного взгляда ему в лицо — да, Александр прав. Муж всё знает.

Маша ушла к себе. Игорь смотрел. На меня. Пристально. Молча. Я капитулировала сразу же — отвела взгляд. Но всё равно чувствовала, отчётливо, почти осязаемо. Мрачная усталость, злость. Раздражение. Напряжение. И тревога. Она сильнее всего.

Игорь пошёл обратно в гостиную. Я не видела, но почувствовала — надо идти следом. Пошла. В комнате пахло сигаретами. Занавеска отдернута, на подоконнике пепельница с окурками.

Муж сидит на диване. Не поднимая взгляд, я села рядом. Хотелось что-то сказать. Хоть что-нибудь. Просто нарушить эту прокуренную тишину. Но нет. Она сдавила горло, почти осязаемо. Ещё чуть-чуть, и я начну задыхаться в этом молчании...

— Расскажи-ка, пожалуйста, — как удар кнута и одновременно глоток свежего воздуха, — чем ты думала?

Я уже открыла рот, чтобы начать оправдываться, хоть как-то, пусть глупо — но смогла выдать только:

— Прости...

Тревога отступала, её место занимали усиливающиеся злость и раздражение.

— "Прости"? Я что, с маленьким ребёнком разговариваю? "Прости, что ушла без спросу", так что ли?

Где-то в недрах сознание вспыхнула злость, но её тут же похоронили под собой стыд, страх и чувство вины.

— Какого хрена, Аня? — Теперь Игорь смотрел на меня. Я этого не видела. Чувствовала. И его зверя. Он тоже зол. — Зачем ты сунулась к Одинцову? Я что, забыл сказать, что это опасно?

Сам же и говорит как с ребёнком!

Сколько злости... Никогда не чувствовала такого от него. Страшно. Трясёт.

— Он... он мой брат... — выдавила я, по-прежнему глядя в пол.

Игорь аж рыкнул. Волк готовился к прыжку.

— Какой, к чертям, брат? Аня, включи голову. Какой брат, если вы недавно познакомились? Ты раньше даже не знала, что Одинцовы существуют!

Мамочки...

— Но... Александр сказал, что не хочет...

— Да плевать, что он сказал! — Одну руку Игорь положил мне на плечо, другой поднял лицо за подбородок, заставляя посмотреть в пожелтевшие глаза. — Аня, слушай меня внимательно. Заруби себе на носу. Раз и навсегда. Больше повторять не буду. Одинцовы — ублюдки. Вся их семейка. Они играютя другими, как куклами. Думаешь, твоему "братцу" есть дело до родственных уз? Что ты его сестра? Он с родной-то сестрой как со шлюхой. А тебя просто использует. Очень удобно — девочка же ни черта не знает. Проглотит любой бред, любое враньё, только дай.

Я смотрела, не отрываясь. Просто не могла отвести взгляд. Сколько злости! Захлёстывает! И зверь...

Но ведь не может быть всё именно так! Не настолько я идиотка! Не всё же Александр врал! Ну почему, почему Игорь не хочет посмотреть под другим углом!

— Прошу тебя!.. — Я обняла его за шею, коснулась щеки. Голос дрожал, потекли слёзы. — Пойми меня!.. Пожалуйста!.. Ты не видел, как всё было!.. За Александром следили!.. Он не врал!.. Он говорил, что не хочет с тобой воевать, но ему приходится... это выгодно...

— Вот видишь? — Игорь сжал мою руку. — Сама сказала. Цирк. Для наивной девочки, лезущей не в свои дела. За ним следят? Кто? Ты видела? Откуда ты знаешь, что это не кто-то из людей Одинцова? С чего ты решила, что он говорит правду?

Я всхлипнула. Слёзы потекли сильнее, чувства мужа разрывали меня на куски. Всё, что угодно, только не злись... пожалуйста... так тяжело... невыносимо...

Но... но всё-таки...

— Александр... он же... но он же... брат...

Ярость вдруг погасла. Она осталась, но теперь была холодная. Решимость.

— Брат, значит. Брат. Ладно.

Такой взгляд! Страшно!

Я было отшатнулась, но Игорь сам меня отпустил. Поднялся.

— Пошли.

Лучше бы ярость! Нет-нет-нет, только не так! Этот холод — ужас! Не говори так! Не делай!

— К... к-куда?.. — пролепетала я, вжимаясь в диван.

Игорь посмотрел на меня — по гвоздю в глаза забил. Волчица тут же подчинилась, заставив тело человека выполнить приказ.

Вышли обратно в прихожую.

— Одевайся.

— И-игорь...

Снова взгляд. Жёлтые глаза.

— Я сказал, одевайся.

Страшно!

Кое-как оделась. Вернее, меня снова одела волчица. Вышли на улицу Уже стемнело, поздно. Но мы всё равно сели в машину, Игорь завёл мотор. Я хотела спросить, куда мы

едем, но ужас всё ещё стоял поперёк горла, высушивая рот и прилепляя язык к нёбу.

Машин уже было мало, Игорь ехал быстро. Пересекли границу города — вообще погнал под двести. Молчал. Ни слова. И так целый час. Немного придя в себя, я всё-таки рискнула спросить, куда мы едем, но Игорь промолчал. Выражение лица неподвижное. Абсолютно. Мёртвое. Только жёлтые глаза сверкают.

Господи, как же страшно! До одури! И даже не отвлекься ни на что — слишком остро чувствую мужа. Скорей бы уже это кончилось... я больше не могу... его холод, его злость... такая сильная... на меня... это убивает...

Очередной поворот, Игорь сбавил скорость. Несколько минут ехали медленно. Уже темно, ничего не видно. Только лес вокруг. Где мы?

Поворот, поворот, поворот. Вроде, лесная дорога, грунтовая, но такая ровная, ни одной ямы. Спереди свет. Фонарь, шлагбаум, небольшой домик. Наверно, охрана. Остановились, Игорь пошёл внутрь. Буквально через минуту вернулся обратно, шлагбаум поднялся.

Проехав ещё пару минут, мы упёрлись в стену. Бетонную, высотой в несколько метров — настоящая крепость. Заглушив мотор, Игорь приказал выходить, вышел сам, запер машину. От испуга и напряжения я вцепилась в руку мужа. Он на меня даже не посмотрел, но и отталкивать не стал. Пошли.

Новый пункт охраны, уже серьёзней, солидней, с металлическими воротами. Ну точно крепость. Никаким тараном не возьмёшь. И охранники под стать — высоченные здоровенные, с оружием. Все оборотни. Я невольно прижалась к мужу крепче. Но он был спокоен. Подошёл к главному, поздоровался. Тот сразу как-то вытянулся, подобрался. Тоже поздоровался, назвал по имени-отчеству. Видимо, Игоря тут хорошо знают. Но всё равно попросили показать паспорт. Вежливо, но непреклонно. Он показал. Долго изучали, чем-то просветили, проверили. Уточнили, кто я такая. Потом принесли какой-то небольшой приборчик размером с телефон. Игорь приложил большой палец, загорелась крошечная зелёная лампочка. Потом обыскали. Нас обоих. Выходя из дома, я на автомате взяла с собой сумку — потребовали не только открыть, но и выложить все вещи. Игорь вывернул карманы плаща и пиджака, в том числе внутренние.

И только потом нас пропустили за ворота.

— Внести вашу жену в список? — напоследок поинтересовался главный.

— Ни в коем случае, — бросил Игорь походя.

Во мне зашевелилось любопытство. Что же это за место? Но один взгляд на мужа задавил все посторонние мысли, вернув напряжение. Сейчас не до этого.

За воротами снова был лес. Но уже не дикие завалы-буреломы, а что-то покрасивее, ближе к парку. И дорожка быстро нашлась. Широкая, освещённая, выложена брусчаткой. Прямая, как стрела, ведёт к какому-то зданию впереди. Мы шли быстро. Вернее, Игорь шёл, а я почти бежала, под конец пути даже запыхалась. Здание выглядело современно, но не безликой коробкой, нет. Эдакий современных стеклянный дворец. Осмотреться получше Игорь не дал — сразу же пошёл ко входу. А там новый пост охраны — и опять паспорт, отпечатки пальцев, "откройте сумку". На этот раз меня тоже назвали по имени-отчеству, но опять переворошили всё. Н-да, форт Нокс нервно курит в сторонке.

Внутри всё тоже было современно. Но в отличие от того же офиса Одинцова, уютно, минимум пластика, сплошное дерево, даже несколько горшков с цветами. И видеорекамеры. Повсюду.

В холле нас встретил молодой парень, почему-то одетый в белый халат. Бедняга

попытался улыбнуться, но, увидев лицо Игоря, подавился и улыбкой, и приветствием. А тот на него даже внимания не обратил — сразу пошёл дальше, в коридор. Парень бросился следом.

— П-прошу прощения, — он даже начал заикаться от волнения, — н-но Ильи Олеговича с-сегодня н-нет на м-месте... м-мы не з-нали, что в-вы приедете...

— Он мне не нужен, — отрезал Игорь, не сбавляя шаг. — Ты тоже. Свободен.

Парень тут же отстал. Мы прошли по нескольким коридорам, поднялись на второй этаж. Там ещё коридоры, зелень, видеокамеры. И охрана у очередных дверей. Слава богу, на этот раз ограничились паспортом и отпечатками пальцев.

Но теперь Игорь медлил. Охранники пропустила нас к двери, но вместо того, чтобы открыть и войти, муж стоял и смотрел. Молча. С напряжением. Оно вдруг усилилось. Тысячекратно. Затмив всё остальное. Игорь будто бы готовился к драке не на жизнь, а на смерть. Да что, чёрт возьми, происходит?!

Наконец, вздохнул. Толкнув дверь, вошёл.

Просторная комната. Светлая, очень уютная, обставлена по-домашнему. И будто бы знакомая. Покопавшись в памяти, я поняла, почему — так выглядела одна из комнат в доме Белозерских в Волконке. Только там видеокамер не было. И был запах *дома*, а не лаборатории. И... псины?

Возле окна кресло-качалка, в нём сидит мужчина. Среднего возраста, полноватый, с тёмно-русыми волосами. Одет в футболку и спортивные штаны, в руках книга. Читает. Но как только мы вошли, он тут же встал и широко улыбнулся. Я опешила. Такая знакомая улыбка! Точь-в-точь, как у мужа! Похож на него! Только глаза другие. Грустные? Нет, не просто грустные. На тебя будто бы смотрит не человек, а побитая собака.

— Здорова, мелкий, — тоже улыбнулся Игорь.

Но неискренне, одними губами. А внутри напряжение. Боль. Чувство вины. Совсем как в тот раз, когда он рассказывал про брата.

Только сейчас я поняла, кто передо мной. Алексей Белозерский, которого изуродовали лаборатории Одинцова. И мой отец.

Господи, Игорь, зачем ты меня сюда привёз?..

— Давненько тебя не видно, — произнёс Алексей. По-прежнему улыбался, но в голосе звучал мягкий укор. — Где пропадаешь?

Игорь виновато развёл руками, продолжая улыбаться. Искусственно, как запах в этой комнате.

— Сам знаешь, работаю. Вот, женюсь скоро. — Взял меня за руку. — Знакомься, невестушка. Лёха. Мой брат, а заодно мозги. Лёха, это Аня, дочь Насти и Мишки Вавиловых. Помнишь таких?

Эм... *Невеста?* Что?

Алексей смотрел на меня. Долго. Не выдержав, я как бы невзначай потупилась. Типа, смутилась. Невозможно. Взгляд осознанный, разумный, но глаза не человеческие. И осознанность тоже. Как у животного. Собаки.

— Нет, — наконец произнёс Алексей. Нахмурившись, добавил извиняющимся тоном: — Но я вспомню, правда!

— Вспомнишь, куда денешься, — тут же вмешался Игорь. Снаружи улыбка, внутри... ох... — Просто не волнуйся. К свадьбе всё будет.

А внутри без ножа режут. Ему так больно! Но всё равно улыбается. Ради брата, я

чувствую.

Алексей тоже улыбнулся.

— Пригласишь? — спросил он.

Теперь уже робко, заглядывая старшему брату в глаза. Как собака перед прогулкой. "Ну что, хозяин? Мы идём?"

Ужасно. Чудовищно.

Игорь фыркнул.

— Он ещё спрашивает! Разумеется! Куда уж я без тебя.

Обнял брата. Крепко-крепко. А я стояла столбом, не в силах пошевелиться. Как, как такое вообще возможно? Вроде бы человек, разговаривает. Но повадки зверя, даже пахнет псиной!

А Игорь... Боже, зачем он привёз меня сюда? Сам приехал? Ему же так больно, он так винит себя! Это яд, я чувствую, он разъедает изнутри. Почти физически!

— Здорово! — воскликнул Алексей со щенячьим восторгом. Аж глаза загорелись. — Но... слушай, что вам подарить? Ну, на свадьбу? Волк, может, меня уже выпишут, а? Я бы хоть как-то подготовился, снова начал тебе помогать...

Игорь покачал головой.

— Прости, Лёш. Надо долечиться.

— Да брось, Волк. — Схватив за руку, Алексей снова начал заглядывать старшему брату в глаза, переминаясь с ноги на ногу. Кажется, даже поскуливал. — Сколько я тут торчу? Месяц? Хватит уже, налечился! Всё в порядке со мной, правда!

Тот хлопнул его по плечу.

— Лёха. Лёх. — Посмотрел в глаза. — Ты только не волнуйся, лады? Успокойся. Всё будет. Просто попозже. Без тебя не женюсь, обещаю. Мы подождём. Врачи говорят, ещё пару недель, и на выписку.

Алексей откровенно заскулил.

— Надо долечиться, — продолжил Игорь. — Не хочешь ради себя, так ради Машки.

— Машки? Кто это?

— Никто. Не важно, забудь. Как меня зовут?

Несчастный схватился за голову.

— Не помню... Волк, что со мной?

— Тихо, тихо. Вот поэтому и надо лечиться. Потом всё вспомнишь. Обязательно. Только...

— Волк, ты что-то недоговариваешь?

Взгляд заметался.

— Лёх, успокойся, тебе нельзя нервничать...

— Мы же братья! Братья! Скажи! Забери меня отсюда! Почему ты не хочешь?!

Беднягу начинало... клинить. По-другому не скажешь. Его трясло, и без того полужвериный взгляд окончательно терял человечность, превращаясь в собачий. Протяжно заскулив, он вдруг начал лизать Игорю руки. Тот отдёргнулся, будто ошпарившись.

— Я заберу! — почти выкрикнул он. — Обещаю. Клянусь. Тебя вылечат. Ты всё вспомнишь. Снова будем командой. Ты думаешь, я делаю. Как раньше...

Но перед нами уже было животное в человеческом облике. Продолжая скулить, Алексей упал сначала на колени, потом на четвереньки, потом на бок, его начало трясти.

— Волк, Волк, Валк, валф, гав!..

На лице появилась шерсть...

Игорь рванулся к двери.

— Врачей! — заорал он страшным голосом. — Живо!!!

Но они уже были рядом. Несколько человек в белых халатах вбежали в комнату. Четверо помоложе держали Алексея, пятый — постарше, уже седой — пытался что-то ему вколоть. Тот вырывался, слышался то собачий визг, то человеческие крики.

— Брат! Брат! Помоги! Забери!..

— Уходите! — не оборачиваясь, бросил врач со шприцом. — С вами он не успокоится.

Идите!

Но Игорь будто бы не слышал — он смотрел на Алексея. Я чувствовала, внутри всё переворачивалось, он был готов вот-вот сорваться и броситься на помощь, растерзать всех, кто смеет обижать младшего брата.

Я осторожно взяла мужа за руку.

— Идём.

Он не отреагировал. Поднималась лютая злость, начали хрустеть кости. Алексей продолжал визжать и вырываться, врачи никак не могли с ним совладать. Звал брата. Кричал. Умолял.

У меня разрывалось сердце. Всё это просто чудовищно! Невыносимо!

— Игорь, — снова позвала я. Встав перед мужем, осторожно коснулась лица, опустила его вниз, чтобы посмотрел на меня. И сама чуть не вскрикнула. Полностью жёлтые глаза. Абсолютно звериные. Он меня даже не слышит. Катастрофа! Он вот-вот сорвётся!

Нет-нет. Нет. Нет!

Выскочив в коридор, я метнулась к охранникам.

— Надо вывести его! Белозерского! Игоря! Быстро!

Охранники тревожно переглянулись, но всё равно медлили — видать, тут дисциплина просто драконовская, и без приказа ни шагу.

— Я его жена! Иначе он тут всех поубивает!

Снова переглянулись. Наконец один всё же решился — бросившись в комнату, попытался выдернуть Игоря наружу. Но тот вдруг зарычал и сам накинулся на охранника. Увидев это, второй уже не стал медлить. Буквально через минуту подоспело ещё трое. Слава богу, они все были оборотнями, поэтому сумели справиться. Вытолкнув Игоря наружу, скрутили и повалили.

— Эй, "белые"! — крикнул самый первый, уже с разбитым лицом. — Давайте и сюда успокоительное! А то придётся по старинке, башкой об пол!

Услышав такое, волчица зарычала, желая наброситься на проклятого бугая и перегрызть ему глотку. Насилу я её урезонила. Так надо. Или что же, лучше, чтобы Игорь обратился и полилась кровь?

Охране пришлось держать Игоря ещё минут пять. Он уже начинал перекидываться, когда тот самый седой врач наконец подбежал и сделал укол. Буквально через несколько секунд обращение пошло вспять, а ещё через минуту Игорь уже был без сознания.

Колени подкосились, я рухнула на пол. Сердце рвалось из груди, аж до боли, руки тряслись, текли слёзы.

— Ч... ч-что вы ему в-кололи?.. — дрожащим голосом спросила я, едва ворочая языком.

— Транквилизатор, — невозмутимо бросил седой. — Вы родственница?

— Ж-жена... Аня... Анна...

Подойдя ко мне, протянул руку, помог встать на ноги.

— Идти можете?

— Д-да...

— Замечательно. Всё, господа хорошие, — также невозмутимо, даже деловито произнёс он, глядя на охранников. — Возвращайтесь на свои посты. Грушко, Жилин, бегом за носилками. Отнесите Игоря Викторовича ко мне.

— С ним... — начала было я, но врач перебил.

— Всё в порядке, — сказал он, уводя меня. — Переутомился, стресс. Никакой угрозы для жизни.

Я едва переставляла ноги, поэтому мы шли медленно. И долго — идти пришлось через всё здание, в противоположное крыло. В итоге, мы оказались в длинном коридоре со множеством одинаковых дверей по обеим сторонам. Самая первая была приоткрыта, врач подвёл меня ближе.

— Видите?

Это была небольшая уютная комната с большой кроватью — видимо, чья-то спальня. Наверно, самого седого. Игорь лежал на постели, уже раздетый, под одеялом.

— Он...

— ...спит. До завтрашнего утра и пушкой не разбудишь. Думаю, вам тоже стоит отдохнуть.

Я не ответила. Не было сил. После всего пережитого больше всего хотелось тоже потерять сознание. Видимо, врач это понял. Доведя меня до конца коридора, открыл одну из последних дверей. Тоже спальня, причём, точь-в-точь такая же, как первая. Усадив на кровать, седой прощупал мне пульс, недовольно покачал головой. Ушёл, через пять минут вернулся с маленьким чемоданчиком. Померив давление, сделал укол.

— Вы сможете сами раздеться? — Я вяло кивнула, глаза вдруг начали слипаться. — Хорошо. Тогда спокойной ночи.

Опять ушёл, на этот раз закрыв за собой дверь.

Сил хватило только на то, чтобы скинуть балетки. Потом голова стала совсем тяжёлой и перевесила. Уронив её на подушку, я тут же отключилась.

Проснулась когда солнце уже вовсю светило. Глаза открывать не хотелось, я просто лежала, чувствуя, что мне... хорошо. Спокойно. В теле приятная расслабленность, голова ещё тяжеловатая, но пустая. И не хочется ни о чём думать. Да и зачем?

Лучше просто повернуться на другой бок, позволяя себе качаться на мягких волнах блаженства.

Волос коснулась чья-то рука. Я знаю, чья. Муж рядом. Поэтому так спокойно, так хорошо. Я чувствую родной запах, мне хочется завернуться в него, окунуться целиком, с головой.

По-прежнему не открывая глаз, я пододвинулась ближе, подкладывая ладонь мужа себе под щеку. Он улыбнулся. Я этого не видела. Чувствовала.

Так хорошо, так спокойно, уютно, тепло. Вечно бы так.

Но человеческий мозг не способен долго работать в холостую. Мой — уж точно. Одно за другим начали возвращаться воспоминания. Разговор с Одинцовым, фотоальбом, злость Игоря, его брат...

Как будто облили холодной водой.

Открыв глаза, я посмотрела на мужа. Он вроде снова улыбнулся, но, увидев выражение моего лица, нахмурился.

— Как ты?

Я протянула руки, Игорь тут же меня обнял. Хотелось столько всего сказать, но горло сдавили слёзы.

— Прости... — дрожащим голосом выдавила я, всем телом прижимаясь к мужу.

— Всё хорошо. — Коснувшись губами лба, он гладил меня по волосам. — Просто... не делай так больше. Идёт?

Кивнув, я всё-таки подняла взгляд.

— 3-зачем... зачем ты меня сюда привёз?..

Игорь был по-прежнему спокоен, но взгляд неуловимо изменился, став тяжелее и мрачнее. Жёстче.

— Затем, чтобы ты сама увидела. Вот, что бывает, когда доверяешься Одинцовым. Это они с Лёхой сотворили.

Я сглотнула.

— А... а почему я — т-твоя невеста?.. И п-почему нас везде проверяли? Разве не ты — хозяин?..

Он невесело усмехнулся.

— Хозяин. Поэтому я и распорядился — проверять *всех*. По полной. Без исключений. Я не хочу, чтобы с моим братом случилось ещё что-то. А насчёт невесты... — Тяжело вздохнув, он обнял меня крепче. — Лёхе нельзя волноваться. Он как граната без чеки: потревожишь — рванёт. Если бы узнал, что я женился без него...

Покачал головой.

— Маша знает?..

— Что отец здесь? Знает. Несколько раз я её сюда привозил. Навестить. Давно.

Я почти физически почувствовала, как отравленные иглы боли и чувства вины вонзились в душу Игоря ещё глубже.

— И? — спросила я встревожено. — Что-то пошло не так?

— Мягко говоря. — Каждое слово давалось ему с трудом. — Машке тогда двенадцать стукнуло. Сначала всё было неплохо. Даже хорошо. Лёха её узнавал, они долго гуляли, разговаривали. Я грешным делом даже подумал, что это поможет выкарабкаться.

Игорь вдруг замолчал. Я не торопила, готовясь к продолжению как к удару. Неужели, Алексей что-то сделал с родной дочерью?

— А потом у Машки пошли месячные, — наконец продолжил Игорь. — Сама понимаешь, я больше не хотел её везти. Мало ли. Но они оба просили, говорили, что скучают.

Снова замолчал. А у меня внутри всё оборвалось и похолодело.

— Ты... Господи... ты хочешь сказать, что... родной отец... Машу...

— Нет. — Жёстко. — Она ж не одна тут была. Я всегда рядом. Толпы врачей. Охрана. Ничего не было. И Машки здесь тоже больше не было. Да и Лёхе стало хуже после... инцидента. Винил себя жутко, стыдился. Ну и схватил новый приступ. Очень сильный.

Вдруг Игорь обнял меня крепко-крепко, уткнулся лбом в плечо.

— Ань. Очень тебя прошу. — Голос негромкий, уставший. — Не делай глупостей. Не лезь ты к Одинцовым. Сама видишь, ничего хорошего из этого не получается. Я... чёрт подери, я не хочу приезжать сюда ещё и к жене.

Я снова могла только кивнуть — нахлынувшие чувства не давали говорить.

Нет-нет. Никогда. Ни за что в жизни. Я больше не заставлю Игоря испытывать *такое*. Эта боль, чувство вины... такие сильные! А он с ними живёт. И то, что сделали с Алексеем... А в ответе за это мой отец! Это он превратил человека в... в... да, почитай, в животное! Даже не в волка — в собаку! И не просто человека — родного брата Игоря, который для папы тоже был как брат!

Что делать? Ненавидеть собственного отца? Которого я всю жизнь любила и обожала, которым восхищалась? После всего того, что он сделал, пусть даже невольно, после тех страданий и мучений, которые испытали что Алексей, что Игорь, мой муж...

А если это не всё? Если я до сих пор знаю только часть правды? Если вся эта мерзость, этот ужас — вершина айсберга?

Нет!

Хватит! Это чудовищно! Не хочу больше ничего знать! Не могу! Слишком тяжело! Невыносимо!

Пусть Александр играет сколько угодно. Я пас. Интересно, такой "сценарий" он тоже учёл? Впрочем, нет. Не интересно. Больше не буду копать, не стану пытаться что-то узнать, выведать, вмешаться — вот, к чему это приводит. Наверно, я слишком слабая и трусливая, раз не выдерживаю груза правды. Ну и ладно. Пусть. Да, я такая. Зато муж у меня сильный и смелый. Замечательный. Самый лучший. Я буду ему доверять. Он выдержит всё. И сделает, как надо. А все лишние мысли — к чёрту. Избавиться. Посадить на цепь. Под замок. Оно того не стоит.

Когда мы приехали обратно на Крестовский, я порвала фотографии.

Всё будет хорошо.

Это лето стало одним из лучших в моей жизни. Поначалу не думать про Одинцова и всё то, что мне довелось узнать, было трудно, но я целенаправленно ловила себя на вредных мыслях и прогоняла их. Помогло. Без необходимости постоянно бояться, мучительно переживать, думать, беспокоиться, я почувствовала облегчение. Огромное. Как же хорошо, когда можно просто жить и радоваться!

С Машкой мы помирились. Не сразу, конечно — она же вся в дядю, упрямая до чёртиков. И ревнует его дико. В этом-то и корень всех бед — она не хотела делить Игоря ни с кем. А меня считала "недостойной" быть его женой. Почему? Из-за моего зверя, конечно — Маша его не чувствовала. Но однажды, когда Игоря не было дома, я пришла к ней в комнату, и мы... поговорили. По душам. Долго. Местами громко. А кое-где и резко — вплоть до того, что приходилось давать слово волчице. Но я должна была доказать своё превосходство. Ну и донести до Маши, что не собираюсь полностью отнимать у неё обожаемого дядю. Но делиться всё равно придётся. Обеим.

Слава богу, это помогло, и Маша перестала на меня рычать. Не сразу, конечно. Постепенно. Но в итоге, всё наладилось. Я по мере сил помогала ей подготовиться к экзаменам в школе, она не дала мне полностью закопаться в учебники перед сессией, заставляла отдыхать. Девчонка-хаос. Упёртая, язвительная, задиристая, часто спешит с выводами. Эдакий колючий вихрь. Но если копнуть поглубже, узнать поближе, то понимаешь, что под всеми колючками прячется ум, чуткость, чувствительность и даже романтичность. Которой Маша, разумеется, очень стыдится и почти никому не показывает. Эх, прелесть-то какая.

В июле, после окончания моих экзаменов, Игорь сделал чудесную вещь — взял отпуск.

На целый месяц! И предложил куда-нибудь съездить. Патриотка Марья тут же заявила, что "ни в какие Европы и Америки" она не хочет, и что ей вообще больше всего нравилось в Волконке. Но я сразу отказалась — нет уж. После всего того, что там произошло... Наелась спасибо. В конец концов, Чёрное море большое, и, если уж кое-кому неймётся, мест, куда можно поехать — навалом. А если не в Волконку, то мне всё равно куда. Главное, чтобы с мужем.

Маша загорелась идеей "дикого" отдыха. Перевернула весь Интернет, но всё-таки нашла подходящий пляж. Было здорово. Я никогда не жила в палатке, да и на костре не готовила. Зато Игорь — профи. Чего стоили одни запеченные на костре мидии!

А ещё рядом был лес. Настоящий, не парковый, полный запахов и звуков — незнакомых, иногда пугающих, но таких заманчивых, пьянящих! Волчицу тянуло туда. Окунуться в этот мир, узнать его, попробовать. И муж будто бы это почувствовал.

В тот вечер мы легли спать вместе, в одной палатке — всё как всегда. Но посреди ночи я проснулась из-за ощущения, будто на меня кто-то смотрит. Долго, непрерывно. Открыла глаза...

Волк! Здоровенный чёрный волк лежит рядом на месте Игоря! Что?.. Как?..

Я оцепенела, с ужасом глядя на зверя. Тот не шевелился, только иногда махая хвостом. И смотрел на меня. Вроде бы спокойно, но будто бы с лукавством. Знакомо...

Чёрт возьми, ну и дура же ты, Анечка! Не признала собственного мужа!

Я выдохнула.

— Завтра будешь искать у меня седые волосы...

Фыркнув, волк потянулся ко мне, принялся обнюхивать. Решив не упускать такой шанс, я начала гладить. По голове, спине, бокам. Такая шкура! И столько силы под ней. Мышцы. Поддавшись внезапному порыву, я обняла зверя. Нет, всё-таки это не совсем Игорь. Запах другой, более острый, более... осязаемый, что ли. И ощущение другое. Чего-то могучего, даже грозного. Чего-то первобытного. Это привлекает, сильно, манит, заставляет тянуться. Но одновременно и настораживает. Хочется прижать уши.

А, вот в чём дело. Это чувства волчицы.

Обнюхав меня с ног до головы, волк поднялся.

— Не уходи... — вырвалось у меня.

Продолжая лежать, я протянула к нему руки, снова обняла за шею. Но он безжалостно отстранился и вышел из палатки.

Обида. И злость. Почему он ушёл? Я что, не так попросила? И вообще, куда это он собрался?!

Я тоже вышла, намереваясь... да хоть оттаскать мерзавца за хвост! Но волк сидел около палатки. Смерив меня долгим взглядом, отошёл на несколько шагов. Снова посмотрел. Меня осенило. Ты хочешь, чтобы я шла за тобой! Хорошо.

Он повёл к лесу. Когда мы дошли до первых деревьев, волк снова остановился. Подойдя ко мне, вдруг ухватился за край шорт, в которых я спала. И дёрнул вниз!

— Эй, ты что!

Я попыталась оттолкнуть, но он зарычал. Недовольно, предостерегающе. Вздвогнув, я тут же убрала руки.

— Чего ты хочешь?..

Стянув с меня шорты, волк поднял голову — на этот раз его взгляд был требовательным. Господи, он что, хочет... мне нужно...

— Р-раздеться?..

Он лёг на землю, продолжая смотреть. "Я жду, — говорил этот взгляд. — Учись меня понимать"

Поколебавшись, чувствуя, что вся краснею, я сняла футболку, оставшись в одном белье.

— Доволен, извращенец?..

Одобрение. Да, всё правильно. Но не полностью.

Волк продолжал лежать. И смотреть. Требовать. Я покраснела ещё сильнее.

— Ты что, серьёзно?!

Он что, действительно хочет, чтобы я разделась полностью? Зачем?!

Я медлила. Волк зарычал. Он не собирался отвечать на вопросы. Он требовал подчинения. И мы с волчицей не смогли отказать...

Через минуту я стояла полностью голая. Ночью. Считаю, в лесу. Перед волком. Перед мужем. Который продолжал смотреть. Взгляд скользил по телу, касаясь везде, от волос до щиколоток. Как же это смущало! У меня, наверно, покраснела даже шея, даже плечи. Но закрыться не хотелось. Этот взгляд, спокойный, немного давящий, твёрдый... этот взгляд... волновал. Везде. Приятно. Но мучительно. А ещё лес, совсем рядом... как будто зовёт, манит... Хочу туда.

Очарованная, я сделала шаг вперёд, но волк снова зарычал.

Ну что, что ещё тебе нужно? Позволь мне! Почему ты запрещаешь? Зачем вообще привёл меня сюда, если нельзя?!

Взгляд жёлтых глаз стал чуть мягче, каким-то более... обволакивающим. Зовущим. Поднявшись, волк подошёл ближе. Я тут же опустила руку, снова начала его гладить. Так приятно. Такой сильный. Красивый. Мы обе так думаем. Волчица же просто в восторге! Она боится этой мощи, но желает её, жаждет.

Я заглянула в жёлтые глаза. Смотрела, смотрела, смотрела, не отрываясь. Не могла оторваться. Они не просто манили, они затягивали, глубже, глубже. Я начала куда-то падать, растворяться...

...Дождавшись, когда перевоплощение закончится, чёрный волк снова обнюхал свою жену, теперь уже волчицу. Хороша. Молодая, здоровая, не знавшая других волков — только его. Уже не под действием той горькой отравы, радостная, любопытная. Родная. Заглядывает в глаза, просит, косится на лес, переминаясь с лапы на лапу. Не терпит.

Хорошо. Он разрешает. Научит её всему, позволит насладиться волей, забыться, опьянеть. А потом наконец возьмёт то, что причиталось ему с самой свадьбы.

Человеческая девочка была права.

Всё хорошо.

— Хочу юбку, — заявила я, когда мы с мамой зашли в торговый центр.

Та изумлённо вскинула бровь.

— Ты же сама говорила, что недавно покупала.

Усмехнувшись, я пожалала плечами.

— Игорь не умеет аккуратно.

Мама закатила глаза, но тоже усмехнулась.

Уже было начало сентября, поэтому юбку выбирали для института. Вообще, я уже покупала такую — ничего особенного обычный тёмно-серый "карандаш" чуть выше колена. Но позавчера кое-кому слишком не терпелось, да и она ему, видите ли, "сразу не понравилась". Ну и всё, с концами. Сколько раз просила быть аккуратнее! Лишние три секунды всё равно ничего не дадут, а мне зато не придётся опять ходить по магазинам, выбирая замену очередной порванной блузке или той же юбке, из которой выдрали молнию. Но у Игоря на всё один ответ — усмешка и "я свою жену одеваю, я и раздеваю. Как хочу. По дому можешь ходить голой, я не против". Варвар.

Расплатившись, мы вышли на улицу. Солнышко до сих пор греет, но уже не печёт, чистое небо, первые золотые листья на деревьях. Хорошо. И юбка хорошая. Обычный тёмно-серый "карандаш" чуть выше колена, ничего особенного. Интересно, Игорь также отреагирует?..

Немного погуляв, мы с мамой распрощались — сегодня у неё был второй выходной, который, по традиции, посвящался уборке и готовке. Я же снова прошлась по торговому центру — вдруг есть ещё что-нибудь, что Игорю сразу не понравится? А когда вышла...

— Анна Михайловна.

На улице меня ждал мужчина в строгом костюме.

— Кто вы?

Где-то я его видела...

— Господин Одинцов хочет с вами поговорить.

Меня будто стукнули по голове и одновременно облили холодной водой, внутри всё напряглось.

Тогда ясно, где мы могли видеться. Это шофёр Александра. Оглядевшись, я действительно увидела неподалёку знакомый чёрный Мерседес.

— Передайте господину Одинцову, — ответила я с подчёркнутой холодностью, — что у меня больше нет ни малейшего желания говорить с ним. Извините, мне пора.

Прежде, чем он успел возразить, я развернулась и ушла.

Хочет видеть, пф! "Господин Одинцов" может идти куда подальше! Я больше не играю в его игры. Свой гадюшник пускай распутывает сам.

Я стояла у светофора, ждала, когда загорится зелёный. Подъехал чёрный Мерседес, открылось окно со стороны водителя.

— Анна Михайловна...

— Нет, — отрезала я, даже не глядя. — Я не хочу говорить с вами, Александр.

— А если не с ним?

Другой голос. Тоже мужской. Очень, очень знакомый, близкий и родной, который я, увы, не слышала почти год.

Загорелся зелёный, но я застыла на месте, не в силах пошевелиться. Этого не может быть. Не может. Невозможно.

Задняя дверь открылась, из машины вышел парень. Нет, даже молодой мужчина. Тоже в костюме, но более солидном, чем у водителя. Как и Александр, высокий, светловолосый, зеленоглазый, но не такой бледный, плечи пошире.

Господи... это немыслимо...

— Макс?.. — прохрипела я, таращась на него. — Ты... что?.. как?.. Одинцов?..

Он кивнул.

— Это долгая история, Ань. Поехали, я тебе всё расскажу.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net